

2078-8975 (PRINT)
2078-8983 (ONLINE)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Bulletin of Kemerovo State
University

Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo
universiteta

TOM 24 № 5
2022

Вестник Кемеровского государственного университета = The Bulletin of Kemerovo State University

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-67989.
Выдано Роскомнадзором.

Издается с 1999 года. Выходит 6 раз в год.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online).

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; vestnik@kemsu.ru

Подписной индекс в объединенном каталоге
«Пресса России» – 42150.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов
Высшей аттестационной комиссии РФ.

Журнал включен в базы данных: EBSCO, ErichPlus, DOAJ,
Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств
Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала,
проходят двойное слепое рецензирование (Double-blind review).

Статьи распространяются на условиях лицензии
CC BY 4.0 International License.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив
полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания:
<https://vestnik.kemsu.ru>

Founder and publisher: Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "Kemerovo State University".

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo,
Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Certificate of registration: PI no. FS 77-67989. Registered in the Federal
Service for Supervision of Communications, Information Technology
and Mass Communications.

Founded in 1999. Published 6 times a year.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online).

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region
(Kuzbass), Russia, 650000; vestnik@kemsu.ru

Subscription indices: 42150 – in the United catalogue
"The Press of Russia".

The Bulletin is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals
recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian
Federation.

The journal is registered in the following databases: EBSCO,
ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin are those
of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors do not have
to pay any article processing charge or open access publication fee.

The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal,
undergo double-blind peer review.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International
License.

For more information about our publishing politics, instructions for
authors, and archives of full-text issues, please visit our website:
<https://vestnik.kemsu.ru>

16+

Контакты для сотрудничества / Contacts for co-operation:

Серый Андрей Викторович, главный редактор (КемГУ)
Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief
avgrey@yahoo.com

Васютин Сергей Александрович, заместитель главного редактора
по направлению «История» (КемГУ)
Sergey A. Vasyutin, Vice Editor-in-Chief for History
vasutin2012@list.ru

Старикова Людмила Семеновна, ответственный секретарь (КемГУ)
Lyudmila S. Starikova, Executive Secretary
vestnik@kemsu.ru, vestkemsu@gmail.com

Сатучина Татьяна Юрьевна, ответственный редактор по направлению
«Филология» (КемГУ)
Tatiana Yu. Satuchina, Executive Editor for Linguistics and Literary Studies
tatianakuznetsova86@mail.ru

Вестник Кемеровского государственного университета – национальный рецензируемый журнал, публикующий результаты новейших научных исследований в области истории, археологии, психологии, литературоведения и языкознания. Междисциплинарность издания раскрывается в оригинальных и обзорных статьях, рецензиях, посвященных толерантности, идентичности, межкультурной коммуникации в современности и ретроспективе, поликультурному образовательному пространству, истории языка, билингвизму, психолингвистике, национальным, этническим и этнокультурным вопросам (национальной политике, определению себя в рамках нации, национальным языкам). Журнал ориентирован на интегрирование основных тенденций и достижений современных научных исследований, на установление и укрепление научных связей между учеными из разных регионов России и других стран.

Серый Андрей Викторович

главный редактор, д-р психол. наук, проф.,
КемГУ (Кемерово, Россия).
Andrey V. Seryu, Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Psychol.),
Prof., Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia).

Васютин Сергей Александрович

зам. главного редактора, д-р ист. наук, доцент,
КемГУ (Кемерово, Россия).
Sergey A. Vasyutin, Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci.
(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia).

Редакционная коллегия / Editorial board

Аникин Александр Евгеньевич

д-р филол. наук, проф., академик СО РАН,
Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).
Alexander E. Anikin, Dr.Sci.(Philol.), Prof.,
Member of the Russian Academy of Sciences (RAS),
Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS
(Novosibirsk, Russia).

Бобров Владимир Васильевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Vladimir V. Bobrov, Dr.Sci.(Hist.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Жиличева Галина Александровна

д-р филол. наук, НГПУ (Новосибирск, Россия).
Galina A. Zhilicheva, Dr.Sci.(Philol.), Novosibirsk
State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Зиновьев Василий Павлович

д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Vasily P. Zinoviev, Dr.Sci.(Hist.), Prof., Tomsk State
University (Tomsk, Russia).

Кобенко Юрий Викторович

д-р филол. наук, проф., ТПУ (Томск, Россия).
Yuriy V. Kobenko, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk
Polytechnic University (Tomsk, Russia).

Колотов Владимир Николаевич

д-р ист. наук, доцент, СПбГУ (Санкт-Петербург,
Россия).
Vladimir N. Kolotov, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof.,
Saint Petersburg State University (St. Petersburg,
Russia).

Колпинская Екатерина Глебовна

д-р философии, канд. ист. наук, Университет
Эксетера (Экстер, Великобритания).
Ekaterina Kolpinskaya, PhD in Politics,
Cand.Sci.(Hist.), University of Exeter (Exeter, GB).

Кузнецов Илья Владимирович

д-р филол. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск,
Россия).
Ilya V. Kuznetsov, Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof.,
Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk,
Russia).

Лукьянов Олег Валерьевич

д-р психол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Oleg V. Lukyanov, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Tomsk
State University (Tomsk, Russia).

Лушников Галина Игоревна

д-р филол. наук, проф., ГПА (филиал) КФУ
им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).
Galina I. Lushnikova, Dr.Sci.(Philol.), Prof.,
Humanities and Education Science Academy (branch)
of V. I. Vernadsky Crimean Federal University
(Yalta, Russia).

Мельник Наталья Владимировна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Natalia V. Melnik, Dr.Sci.(Philol.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Микляева Анастасия Владимировна

д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия).
Anastasiya V. Miklyeva, Dr.Sci.(Psychol.), Assoc.
Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia
(St. Petersburg, Russia).

Молодин Вячеслав Иванович

д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт
археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск,
Россия).
Vyacheslav I. Molodin, Dr.Sci.(Hist.), Prof.,
Member of the RAS, Institute of Archeology and
Ethnography of the Siberian Branch of the RAS
(Novosibirsk, Russia).

The Bulletin of Kemerovo State University is a Russian peer-reviewed journal that provides the latest research achievements of history, archeology, psychology, literature studies and linguistics. The Bulletin publishes research papers, review articles, and book reviews. As an interdisciplinary periodical, we publish articles that promote tolerance and identity issues. Our authors write about intercultural communication, multicultural education, language history, bilingualism, and psycholinguistics. They develop both national and ethnocultural issues, e.g. national politics, self-identification, national languages, etc. Our mission is to promote the main trends and achievements of contemporary science in order to establish links between Russian and foreign scientific communities.

Налегач Наталья Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Natalya V. Nalegach, Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Boris P. Nevzorov, Dr.Sci.(Ed.), Prof., Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia).

Овчинников Владислав Алексеевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Vladislav A. Ovchinnikov, Dr.Sci.(Hist.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Пелех Юрий Владимирович

Dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша
(Ченстохова, Польша).
Yurii Pelekh, Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University
(Czestochowa, Poland).

Пименова Марина Владимировна

д-р филол. наук, проф., Институт иностранных
языков (Санкт-Петербург, Россия).
Marina V. Pimenova, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Institute
of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia).

Проскурин Сергей Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).
Sergey G. Proskurin, Dr.Sci.(Philol.), Prof.,
Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Резанова Зоя Ивановна

д-р филол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Zoya I. Rezanova, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk State
University (Tomsk, Russia).

Рудакова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент, МГТУ им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия).
Svetlana V. Rudakova, Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof.,
Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia).

Серкин Владимир Павлович

д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики
(Москва, Россия).
Vladimir P. Serkin, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Higher
School of Economics (Moscow, Russia).

Терехов Олег Эдуардович

д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Oleg E. Terekhov, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Тюпа Валерий Игоревич

д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).
Valeriy I. Tyupa, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Russian State
University for the Humanities (Moscow, Russia).

Хахалкина Елена Владимировна

д-р ист. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).
Elena V. Khakhalkina, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof.,
Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Хьюитт Карен

магистр гуманитарных наук, проф., Институт
непрерывного образования Оксфордского
Университета (Оксфорд, Великобритания).
Karen Hewitt, M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof.
of Department for Continuing Education,
University of Oxford (Oxford, GB).

Шунков Александр Викторович

д-р филол. наук, доцент, КГИК (Кемерово, Россия).
Alexander V. Shunkov, Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof.,
Kemerovo State Institute of Culture
(Kemerovo, Russia).

Эрдэнэболд Лхагвасурэн Салжиуд

канд. ист. наук, проф., Монгольский университет
науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).
Lhagvasuren Erdenabold, Ph.D.(Hist.), Prof.,
Mongolian University of Science and Technology
(Ulan Bator, Mongolia).

Юревич Андрей Владиславович

д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт
психологии РАН (Москва, Россия).
Andrey V. Yurevich, Dr.Sci.(Psychol.), Prof.,
Corresponding Member of the RAS, Institute
of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Яницкий Михаил Сергеевич

д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Mikhail S. Yanitskiy, Dr.Sci.(Psychol.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Уважаемые читатели и авторы!

Перед Вами тематический номер (№ 5) журнала «Вестник Кемеровского государственного университета», в котором представлены статьи по проблемам археологии, социальной истории, исторической памяти, а также междисциплинарные работы по анализу нарративных источников.

В разделе **Металл в древних и средневековых культурах Евразии: новые исследования и опыт музейной консервации** в статье А. В. Костюкевич представлены некоторые результаты консервации изделий из железа из фондов Национальной Академии наук Беларуси. Описанный цикл работ (просушка, стабилизация и консервация) позволили работникам хранилища Института истории реставрировать более 200 артефактов эпохи древности и Средневековья, наиболее ценные из которых украсили научно-музейную экспозицию данного учреждения. Ю. И. Михайлов, изучив особенности миниатюрных копий вещей в рамках сейминско-турбинской микротехники, пришел к выводу, что данные вещи были тесно связаны с изготовителем или владельцем, отражали связь вещей и духовной жизни и, в зависимости от простоты или сложности изделия, выступали знаками общественного положения человека. А. С. Савельева, обобщая результаты разных типов спектрального анализа тагарских серповидных орудий, выявила в их составе особый тип – жатвенные ножи, которые происходят из Мариинско-Ачинской лесостепи и имеют специфичный химический состав, отражающий особенности медных руд, добываемых в восточных предгорьях Кузнецкого Алатау.

В разделе **Социальная история и социальная политика XVIII – начала XX в.** Д. С. Бобров, рассмотрев социальный состав, численность и основные направления профессиональной деятельности служилых людей Кузнецкого уезда первой половины XVIII в., пришел к выводам о существенной трансформации профессиональной деятельности указанной группы во второй четверти XVIII в.: эпизодичная в рамках командировок охрана хозяйственных и административных объектов от набегов ойратов сменилась переходом на службу в регулярные подразделения под контроль военно-ведомственных структур с параллельным сокращением численности служилых людей. Интересная реконструкция социального облика провинциального общества Псковщины в 1760-е гг. удалась Е. В. Гончаровой и М. М. Павловой. Завершает раздел статья Е. В. Печервина о том, как в Томской губернии планировались расходы из бюджета на оказание агрономической помощи крестьянству путем создания опытных полей, животноводческих ферм и станций с метеорологическим, селекционным, зоотехническим, молочно-хозяйственным, пчеловодческим и другими отделами, а также планировалось открытие сельскохозяйственного училища и проведение образовательных мероприятий в деревнях и селах.

В третьем разделе **Исторические события и историческая память** рассматриваются три сюжета. В. И. Тетерин на основе архивных документов показал деятельность земельных комитетов Пермской губернии в период утверждения в этом регионе власти А. В. Колчака. В статье А. В. Куренкова показана определенная эволюция взглядов отечественных историков на деятельность революционных комитетов Сибири в период Гражданской войны в постсоветский период по сравнению с оценками советских исследователей. Автор убедительно продемонстрировал, что внимание современных историков сосредотачивается не только на выполнении ревкомов своих задач, но и на кадровом составе, образовании членов ревкомов, их взаимоотношениях с вышестоящими партийными и советскими учреждениями. М. В. Кирчанов рассмотрел разные аспекты политики памяти в Республике Саха (Якутия), проанализировал Государственную программу «Память Якутии» и мероприятия 2022 г., связанные со стимулированием развития и укрепления коллективной памяти на региональном уровне, в частности, направленные на позиционирование в официальном нарративе периода с момента создания Якутии в 1922 г. как крупного национального, духовного и политического события, которое радикально изменило жизнь якутского народа.

В завершающий раздел **Исторический, литературный и семантический анализ текста / термина** включены оригинальные статьи П. Е. Жиличева, А. В. Проскуриной, К. В. Синегубовой и А. А. Терещука. Авторские подходы к критике источников и раскрытию смыслового содержания текстов, несомненно, вызовут интерес у специалистов в этой области знаний. П. Е. Жиличев, используя

ретроспективный и сопоставительный подход, описывает основные характеристики термина *театр абсурда / драма абсурда*. Исследователь обозначает базовые этапы в изучении этого понятия, для каждого из которых характерны актуализация сущности термина, наличие полемического дискурса. А. В. Проскурина рассматривает древнеанглийскую поэму X в., анализируя темы поста в интердисциплинарном аспекте и акцентируя архаические традиции феномена поста. К. В. Синегубова интерпретирует визуальные изображения и образы текста в рамках актуального художественного метода – магического реализма, что помогает прояснить характер создания рисунков героями, осмыслить категории пространства и времени. А. А. Терещук исследует историческую рукопись «Глава из истории Карлоса V» и приходит к выводу о целесообразности исторического изучения и осмысления данного труда, несмотря на субъективность повествования и изложения событий.

Редакционная коллегия «Вестника Кемеровского государственного университета» приглашает специалистов к дискуссии на страницах журнала по вопросам археологии, отечественной и всеобщей истории и актуальным международным проблемам, а также по проблемам современной лингвистики и литературоведения, затрагивающим многообразие актуальных подходов к изучению исследовательского объекта. Выражаем признательность коллегам, откликнувшимся на наше предложение и предоставившим свои статьи! Будем очень рады продолжить сотрудничество в рамках междисциплинарных исторических и филологических номеров журнала!

Васютин Сергей Александрович

д-р исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений КемГУ

ответственный редактор по направлению «История»

журнала «Вестник Кемеровского государственного университета»

Сатучина Татьяна Юрьевна

канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы КемГУ

ответственный редактор по направлению «Филология»

журнала «Вестник Кемеровского государственного университета»

**Металл в древних и средневековых культурах Евразии:
новые исследования и опыт музейной консервации**

Опыт стабилизации и консервации археологических находок из железа
из собрания Института истории НАН Беларуси

Костюкевич А. В. 541

Сейминско-турбинская металлообработка и микротехника:
игра масштабов

Михайлов Ю. И. 549

Об элементном составе металла медно-бронзовых серповидных орудий тагарской
культуры

Савельева А. С. 558

Социальная история и социальная политика XVIII – начала XX в.

Корпус служилых людей Кузнецкого уезда в первой половине XVIII в.: состав,
численность и направления служебной деятельности в зеркале региональных
административных процессов

Бобров Д. С. 567

Социальная структура провинциального общества Псковщины по архивным
материалам 1760-х гг.

Гончарова Е. В., Павлова М. М. 576

Планирование расходов губернского бюджета на оказание агрономической
помощи населению Томской губернии в конце XIX – начале XX в.

Почервин Е. В. 585

Исторические события и историческая память

Политика памяти в Республике Саха (Якутия) в XXI в.

Кирчанов М. В. 593

Революционные комитеты Сибири периода Гражданской войны
в отечественной историографии

Куренков А. В. 602

Восстановление и деятельность земельных комитетов Пермской губернии
в условиях режима А. В. Колчака (ноябрь 1918 – июль 1919 г.)

Тетерин В. И. 617

Исторический, литературный и семантический анализ текста / термина

Драма абсурда: этапы литературоведческого осмысления в отечественной
и зарубежной науке

Жиличев П. Е. 626

О феномене поста в раннехристианской англосаксонской традиции

Проскурина А. В. 635

Иносказательные изображения в романе Мариам Петросян «Дом, в котором...»

Синегубова К. В. 654

Сравнительный анализ двух версий труда барона де лос Вальес
«Глава из истории Карлоса V»

Терещук А. А. 662

Metal in Ancient and Medieval Cultures of Eurasia: Recent Studies and Museum Conservation Practice

Stabilization and Conservation of Iron Objects in the Collections of the Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus

Kostyukevich A. V. 541

Seyma-Turbino Metalworking and Microtechnics: A Game of Scale

Mikhailov Yu. I. 549

Elemental Composition of Tagar Copper-Bronze Sickle-Shaped Tools

Savel'eva A. S. 558

Social History and Social Policy of the XVIII – Early XX Centuries

Military Corps of the Kuznetsk District in the First Half of the XVIII Century: Staff, Manpower, and Occupation in the Context of Regional Administrative Processes

Bobrov D. S. 567

The Social Structure of the Pskov Province in Archival Materials from the 1760s

Goncharova E. V., Pavlova M. M. 576

Provincial Budget and Agronomic Assistance in the Tomsk Province in the Late XIX – Early XX Centuries

Pocherevin E. V. 585

Исторические события и историческая память

Memory Policy in the Republic of Sakha (Yakutia) in the XXI Century

Kirchanov M. V. 593

Revolutionary Committees in Siberia during the Civil War:

National Historiography

Kurenkov A. V. 602

Restoration and Activity of the Land Committees in the Perm Province under the Government of A. V. Kolchak: November 1918 – July 1919

Teterin V. I. 617

Исторический, литературный и семантический анализ текста / термина

Absurdist Drama and Its Academical Reception in Russian and Western Literary Criticism

Zhilichev P. E. 626

Phenomenon of Fasting in the Early Christian Anglo-Saxon Tradition

Proskurina A. V. 635

Allegorical Images in *The Gray House* by Mariam Petrosyan

Sinegubova K. V. 654

Comparative Analysis of Two Versions of *A Chapter from the History of Charles V* by Baron de los Valles

Tereshchuk A. A. 662

оригинальная статья

Опыт стабилизации и консервации археологических находок из железа из собрания Института истории НАН Беларуси

Костюкевич Анастасия Владимировна

Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Республика Беларусь, Минск

kostukevith@yandex.ru

Поступила в редакцию 03.02.2022. Принята после рецензирования 16.05.2022. Принята в печать 30.05.2022.

Аннотация: В фондах Института истории Национальной академии наук Беларуси хранится огромное количество археологических коллекций, собранных как при плановых, так и при спасательных раскопках на территории республики. Хранилища Института пополняются уже почти столетие, и с каждым годом количество предметов растет. Значительную часть этих собраний составляют железные изделия различного назначения. До недавнего времени особенно остро в Институте истории стояла проблема стабилизации, консервации и реставрации этих изделий, что привело к сильным повреждениям и утрате некоторых из них. Поэтому создание в конце 2019 г. экспериментальной лаборатории стабилизации и консервации археологического железа на базе отдела сохранения и использования археологического наследия стало весьма своевременным и необходимым шагом. Основным методом стабилизации археологического железа, применяемым в условиях указанной лаборатории, является обработка изделий в растворе щелочного сульфита при воздействии ультразвука. Данная методика дает возможность существенно замедлить процессы активной коррозии, протекающей в предмете. За последние два года более 200 предметов из железа подверглись полному циклу стабилизации и консервации. На данный момент одна половина этих изделий сохраняется в фондохранилищах Института истории, а вторая выставлена на археологической научно-музейной экспозиции этого же научного учреждения. Таким образом, реставрация металлических изделий сохраняет их для последующего изучения, существенно повышает интерпретируемость изделий, способствует их введению в научный оборот, возвращает предметам экспозиционный вид, что позволяет экспонировать их как на стационарных, так и на выездных выставках, что весьма содействует популяризации белорусской археологической науки. Основной задачей данной статьи является отражение деятельности экспериментальной лаборатории стабилизации и консервации археологических предметов из железа, а целью – привлечение к сотрудничеству российских коллег.

Ключевые слова: археология, стабилизация, консервация, реставрация, железные изделия, экспозиция

Цитирование: Костюкевич А. В. Опыт стабилизации и консервации археологических находок из железа из собрания Института истории НАН Беларуси. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 5. С. 541–548. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-541-548>

full article

Stabilization and Conservation of Iron Objects in the Collections of the Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus

Anastasiya V. Kostyukevich

Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Republic of Belarus, Minsk

kostukevith@yandex.ru

Received 3 Feb 2022. Accepted after peer review 16 May 2022. Accepted for publication 30 May 2022.

Abstract: The Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus possesses a century-old repository of archaeological artefacts obtained during planned and rescue excavations. Iron items are a true gem of this collection. Until recently, stabilization, conservation, and restoration of iron artefacts remained a relevant problem, a lot of items being lost to corrosion. The experimental laboratory for stabilization and conservation of archaeological iron, which appeared in 2019, stabilizes iron artefacts by treating them with thin alkaline sulfite solution under ultrasound. This method is extremely effective against active corrosion. More than 200 iron objects have already undergone a full cycle of conservation. Half of them is deposited in the repositories of the Institute of History, and the other half is exhibited at its archaeological scientific museum. Restoration preserves metal objects for research, increases their interpretability, and introduces them into scientific circulation. Their appearance being restored, iron artefacts can be exhibited both at stationary and traveling exhibitions, thus popularizing the domestic archaeology and encouraging cooperation with Russian historians.

Keywords: archeology, stabilization, conservation, restoration, iron objects, exhibition

Citation: Kostyukevich A. V. Stabilization and Conservation of Iron Objects in the Collections of the Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(5): 541–548. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-541-548>

Введение

Реставрация археологического железа – новое, перспективное и интересное направление в белорусской археологии. В фондах Института истории Национальной академии наук (НАН) Беларуси хранится огромное количество археологических коллекций, собранных как при плановых, так и при спасательных раскопках. Хранилища Института истории пополняются уже почти столетие, и с каждым годом их объем растет. Значительную часть этих собраний составляют железные предметы различного назначения – это и вооружение, и детали костюма с украшениями, и многочисленные предметы бытового назначения. К сожалению, до 2019 г. железные изделия, хранящиеся в запасниках, никак не консервировались (за исключением нескольких самостоятельных попыток сотрудников), что привело к повреждениям и даже утрате ряда археологических памятников.

С конца 2019 г. в отделе сохранения и использования археологического наследия Института истории функционирует экспериментальная лаборатория консервации и стабилизации изделий из железа. С начала 2020 г. по сегодняшний день через нее прошло более 200 предметов, некоторые из которых стали настоящим украшением археологической научной экспозиции при Институте истории, который, хоть и не является музеем в полном значении этого слова, ведет активную экскурсионную, просветительскую и педагогическую деятельность.

Процесс стабилизации и консервации археологического железа трудоемок, кропотлив, требует больших затрат и специального оборудования. Но его не зря называют «вторыми раскопками» – под массивными наростами, деформирующими и делающими неузнаваемым предмет, скрываются удивительные вещи – серебряная инкрустация на шпоре или поясной пряжке, позолота на гарде скифского акинака; а порой из бесформенного комка освобождается тонкая каменная стрела, фрагмент кольчуги, маленький нож или застёжка-фибула.

Необходимы огромное терпение и максимальная сосредоточенность, чтобы под напластованиями выявить и расчистить оригинальную поверхность предмета. Расчистка ведется как вручную, при помощи скальпелей и жестких щетинных кистей, так и при помощи гравера с различными насадками – от стальных круглых щеток до алмазных и твердосплавных боров. Этот процесс не терпит спешки или небрежности – в противном случае предмет может быть утрачен.

В последнее время ведущими реставрационными лабораториями (Государственный Эрмитаж, Казанский (Приволжский) федеральный университет) для стабилизации и консервации металлических изделий применяется

обработка при помощи ультразвука в растворе щелочного сульфита. Использование специальных ультразвуковых ванн помогает сократить процесс стабилизации в растворе сульфита, растягивающийся на месяцы, до одного рабочего дня. После стабилизации предметы многократно промываются в дистиллированной воде под воздействием ультразвука, после чего тщательно просушиваются и тестируются в специальной влажной камере на предмет активной коррозии. В случае положительного результата теста процесс стабилизации, промывок и тестирования повторяется до отрицательного результата.

Далее изделия подвергаются длительной просушке, пропитке специальными растворами – ингибиторами коррозии, а после консервируются при помощи полимеров. Затем, в случае необходимости, проводится восполнение утрат путем моделирования фрагментов предмета из полимерной мастики, окрашенной натуральными пигментами в тон изделия. Последним штрихом является матирование поверхности особой восковой композицией, которая защищает изделие от агрессивных факторов воздействия окружающей среды и выравнивает тон поверхности экспоната.

Все вышеуказанные этапы являются обратимыми. Это нужно для того, чтобы впоследствии, если возникнет необходимость, без особых затруднений провести повторную реставрацию предмета.

Говоря о реставрации археологического железа, необходимо отметить, что значительную опасность для железных изделий представляет кустарная «реставрация» местными «умельцами», не отдающими отчета в выборе материалов, последовательности этапов цикла стабилизации и консервации и методах обработки изделий. Особенно популярный у любителей метод электролиза ни в коем случае не может быть применен к археологическому материалу ввиду его силы воздействия на предмет. Зачастую такие непозволительные эксперименты заканчиваются сильными повреждениями, разрушением, а порой и утратой изделий. Реставрировать экспонаты, подвергшиеся подобной «чистке», весьма затруднительно.

В данной работе хотелось бы показать наиболее интересные экспонаты из собраний Института истории – как старые, так и новые, поступившие на хранение в последние годы. Все эти предметы прошли полный цикл стабилизации и консервации. Некоторые нюансы (к примеру, размер изделий и соответственно иной метод стабилизации, хрупкость и т. п.) будут описаны непосредственно в разделе статьи, посвященном археологическому материалу.

Методика стабилизации и консервации

Все реставрационные работы проводились по методике, подробно описанной С. Г. Буршневой, художником-реставратором высшей категории, ведущим специалистом Государственного Эрмитажа, и ее коллегами [1–4].

Работа велась с партиями изделий, на которые готовилась соответствующая документация: подробное словесное описание каждого предмета; фотофиксация его до мероприятий по стабилизации и консервации, в процессе и после полного цикла реставрации; описание этапов, инструментов, материалов и манипуляций, производимых над изделиями. Со всеми предметами можно ознакомиться в фондах и на археологической научной экспозиции Института истории НАН Беларуси.

Главным бичом археологического железа является активная коррозия [5]. Ей подвержены как предметы, находящиеся в погребенных условиях и только что извлеченные из оных в ходе земляных работ, так и предметы, уже подвергавшиеся циклу реставрационных мероприятий. Такую коррозию в литературе называют рецидивной [3, с. 139].

Предмет можно назвать стабилизированным лишь после того, как из него вымыто максимальное количество хлорид-анионов [3, с. 140]. Для этого проводится цикл мероприятий, основным назначением которых является активное вымывание хлоридов и последующее «запечатывание» пор предмета для предотвращения проявлений рецидивной коррозии.

Стабилизация предметов включала в себя несколько этапов:

1. Первичная очистка – как ручная, при помощи щетинных кистей, скальпелей и этанола, так и механическая, осуществляемая посредством обработки предметов бормашинной со щетками из высокоуглеродистой стали. В случае отслоения минеральных корок, последние укрепляются при помощи специальных профилактических заклеек-бандажей, наносимых при помощи 5 % раствора Паралоида.
2. Обработка в растворе щелочного сульфита ($c(\text{Na}_2\text{SO}_3) = 0,5 \text{ моль/л}$; $c(\text{NaOH}) = 0,5 \text{ моль/л}$) в ультразвуковом поле в течение 45 мин. Воздействие ультразвука усиливает восстановительные свойства щелочного сульфита и способствует процессу дегазации раствора, благодаря чему увеличивается проникающая способность сульфита [6].
3. Промывка изделий (как с использованием щеток в проточной воде, так и в ванне при помощи ультразвука). Всего было проведено 10 циклов по 10 минут.
4. Сушка изделий в сухожаровом шкафу.
5. Тестирование изделий на предмет проявлений активной коррозии во влажной камере в течение 2–3 суток. При проявлении признаков активной коррозии цикл стабилизации и отмывок повторялся.
6. Ингибирование предметов 5 % раствором танина.
7. Консервация 5 % раствором Паралоида Б72.

8. Нанесение восковой композиции с натуральными пигментами для матирования поверхности и при необходимости выравнивания тона изделия. Располировка восковой композиции недопустимо, т. к. оно придает металлическим изделиям неестественный пластилиновый вид.

Для всех экспонатов применялся данный алгоритм мероприятий. Индивидуальные случаи оговорены ниже.

На данный момент предметы в течение двух лет находятся на обновленной экспозиции и в хранилищах Института истории и раз в шесть месяцев подвергаются осмотру. На сегодняшний день признаков активной коррозии не выявлено.

Вещевой материал

Вооружение

• Мечи-акинаки

На территории Беларуси эти предметы очень редки. В официальной литературе известны сведения лишь о двух подобных находках. В 2006 г. на песчаной дюне близ Асаревичей (Брагинский район Гомельской области) были найдены два таких изделия, интерпретированных белорусским исследователем М. И. Лошенковым как кинжал и меч [7, с. 172, рис. 55:4, с. 174, рис. 56]. Оба предмета являются случайными находками и обладают меньшей информативностью, нежели материал, полученный в ходе раскопок, однако заслуживают внимания исследователей и музейных работников. На данный момент реставрационные мероприятия были проведены с одним из предметов (второй, интерпретированный как кинжал, находится в процессе).

Акинак был выкован из единой длинной заготовки, к которой при помощи кузнечной сварки крепилось почковидное перекрестие, отделяющее лезвие от рукояти. Трудно сказать, какой вид имело навершие, можно лишь предположить, что оно имело стандартную антенную форму, характерную для подобного типа изделий. Данный акинак имеет аналогии на Украине (Ораное, Иванковский район Киевской области) [7, с. 175]. Изделие относится ко второму отделу типа скифских и может быть датировано концом VI–V вв. до н. э. [8, с. 53–54, 85].

По сведениям М. И. Лошенкова, длина меча составляла 44 см, однако на реставрацию предмет попал сильно поврежденным, и его размер составлял уже всего 31,8 см. Изделие было частично минерализовано. Клинок и рукоять были покрыты коррозионными язвами, заполненными рыже-бурыми порошкообразными коррозионными образованиями. При первичной очистке изделия выяснилось, что на гарде и навершии сохранились небольшие фрагменты декорирования желтым металлом по типу золочения (рис. 1а).

Ввиду большого размера и несоответствия габаритам оборудования предмет не проходил ультразвуковую обработку и после первичной расчистки три месяца находился в растворе щелочного сульфита в герметично закрытом контейнере при комнатной температуре. Небольшие фрагменты декора были изолированы от воздействия щелочного

сульфита при помощи воска. После промывки дистиллированной водой предмет был просушен и помещен во влажную камеру на двое суток. Тестирование выявило очаги активной коррозии. После акинак вновь был подвергнут обработке щелочным сульфитом в течение месяца с ежедневным подогреванием раствора до 60 °С и последующими интенсивными промывками в воде. Признаков активной коррозии в ходе тестирования выявлено не было. После предмет подвергся ингибированию 5 % спиртовым раствором танина, а после просушки – 5 % раствором Паралоида Б72 на ацетоне и ксилоле. После просушки в суходжаровом шкафу при помощи мастики было выполнено восполнение утрат лезвия и эфеса. По окончании работ и просушки акинак был покрыт восковой композицией (рис. 1b). Изделие многократно экспонировалось на выездных выставках и многочисленных научных мероприятиях, что привело к возникновению двух микроочагов активной коррозии на лезвии и рукояти. На данный момент предмет «пролечен» и находится на экспозиции с обязательным наблюдением раз в месяц.

• Боевые топоры

На данный момент цикл мероприятий по стабилизации и консервации прошли 10 боевых топоров, выявленных в ходе археологических исследований на различных памятниках – как из культурного слоя городов (Полоцк, Минск), так и из погребальных инвентарей (Прилуки Минского района Минской области, Гольшаны Ошмянского района Гродненской области).

В 2019 г. на территории Верхнего замка в Полоцке начались масштабные строительные работы, сопровождаемые спасательными раскопками и археологическим надзором. В ходе работ был выявлен обширный археологический материал X–XIX вв. В данной статье рассмотрена одна из находок – боевой топор, поступивший в Институт истории в начале февраля 2020 г. (рис. 2a). Данное изделие принадлежит к типу IV по А. Н. Кирпичникову и твердо датируется XI–XII вв., что не противоречит контексту самой находки [9, с. 29, рис. 6; 10]. Топоры подобного типа широко распространены по территории всей Древней Руси, выявлены как в культурном слое, так и в курганных

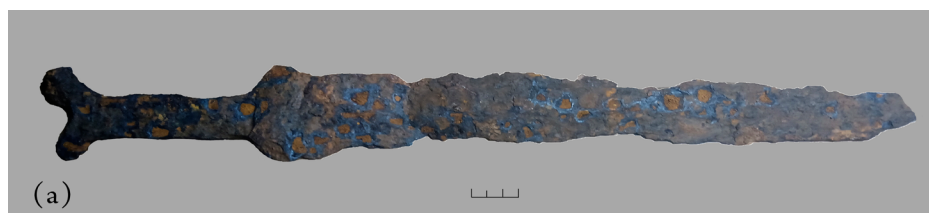

Рис. 1. Скифский акинак. V в. до н. э. Асаревичи, Брагинский район, Гомельская область. Случайная находка. Фото до (a) и после (b) реставрации
Fig. 1. Scythian sword, V century BC (Asarevichy, Bragin district, Gomel region), a random find: before (a) and after (b) restoration

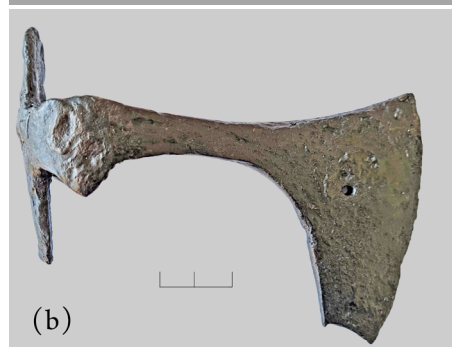

Рис. 2. Боевой топор. XII в. Полоцк. Раскопки И. В. Магалинского, работы П. М. Кенько. Фото до (a) и после (b) реставрации, экспозиционный вид (c)
Fig. 2. Battle ax, XII century AD (Polotsk), excavated by I. V. Magalinsky, restored by P. M. Kenko: before (a) and after (b) restoration, exhibition view (c)

древностях [9, с. 36]. Кроме древнерусской территории подобные изделия выявлены в Волжской Булгарии, Скандинавии, Польше и Прибалтике [9, с. 37].

Указанный предмет долгое время находился в слое с высокой влажностью и содержанием органических соединений, вследствие чего был покрыт толстой коркой вивианита голубоватого цвета мощностью 0,5–0,9 см. Следует отметить, что поверхность изделий, происходящих из «мокрых» раскопов и покрытых вивианитом, обычно хорошо сохраняется. Данный предмет не был тому исключением – на поверхности отсутствовали коррозионные язвы и другие повреждения. Признаки декора на поверхности выявлены не были. Единственным дефектом предмета являлась утрата верхнего упора. Изделие было подвергнуто стандартной процедуре стабилизации и консервации, описанной выше. Чтобы предмет обрел законченный экспозиционный вид, при помощи полимерной мастики, окрашенной натуральными пигментами, был восстановлен верхний упор. Также для топора была выточена рукоять по образцам аналогичных археологических находок (рис. 2b, 2c). На данный момент состояние экспоната хорошее, за два года и несколько десятков выездных выставок предмет не показал ни одного признака активной коррозии.

Снаряжение всадника и верхового коня

• Шпоры

В 2013 г. завершилось строительство второй кольцевой автодороги вокруг Минска (МКАД-2). В ходе охранных работ, которые велись на месте средневековых славянских поселений Бовбли и Василевщина под руководством специалиста из Института истории НАН Беларуси А. В. Войтеховича был выявлен богатый археологический материал XI–XII вв., позволяющий представить общую картину жизни средневекового поселения [11, с. 34].

Особого внимания заслуживает пара шпор, найденная на селище Василевщина (рис. 3a). Согласно А. Н. Кирпичникову, данные шпоры принадлежат общему типу I, шип типа А, петли типа 2 [12, с. 62–64]. Подобные шпоры имеют широкие аналогии в древнерусских городах и датируются XI–XII вв. [12, с. 64; 7, с. 205, рис. 69:1].

Обе шпоры подверглись частичной минерализации и были полностью покрыты потрескавшимися карбонатными корками мощностью 3–4 мм, однако металлическое ядро хорошо определялось магнитом. На дуге одной из шпор был отмечен массивный коррозионный нарост длиной 4 см и толщиной 2 см.

Указанные изделия подверглись первичной расчистке, в ходе которой выяснилось, что обе шпоры имели инкрустацию в виде гвоздиков из светлого сплава. Подобный декор был характерен для восточноевропейских шпор [12, с. 63]. Согласно А. Н. Кирпичникову, данная особенность может указывать на местный характер изготовления изделий. Это предположение может быть подтверждено тем, что на территории Василевщины в эпоху Средневековья существовало свое кузнечное производство

и выплавка железа [11, с. 36]. Вполне вероятно, что данные шпоры являлись продукцией местных мастерских.

Около 70–80 % инкрустации не сохранилось. Для защиты оставшихся элементов декора была применена их изоляция микрокристаллическим воском, после чего предметы подверглись обработке. После указанных выше мероприятий на одной из шпор при помощи серебряной потали была восстановлена инкрустация (рис. 3b).

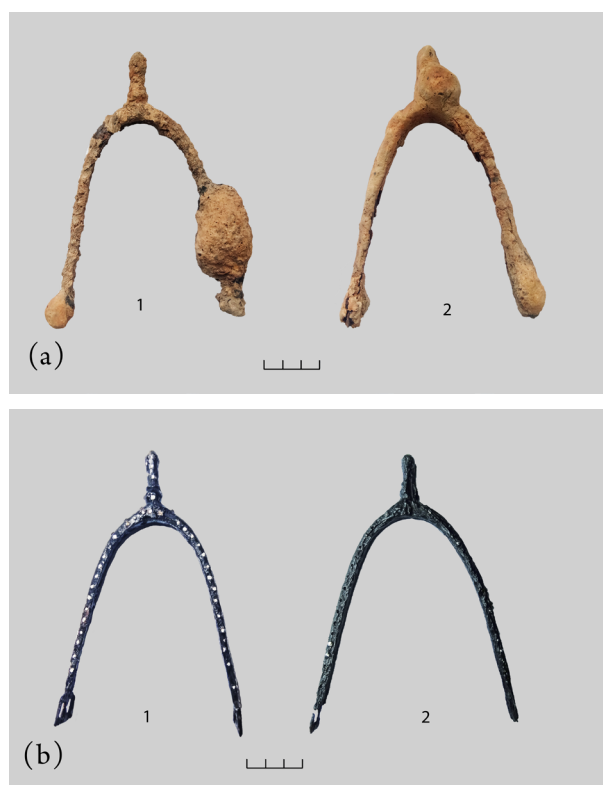

Рис. 3. Шпоры. XII в. Василевщина (Минский район, Минская область). Раскопки А. В. Войтеховича. Фото до (a) и после (b) реставрации
Fig. 3. Spurs, XII century AD (Vasilevshchina, Minsk district, Minsk region), excavated by A. Voitechovitch: before (a) and after (b) restoration

Детали костюма

• Фибулы

Данные универсальные застёжки в большом количестве находят на всех памятниках при всех видах работ. Проиллюстрировать процесс реставрации подобного предмета костюма можно на примере подкововидной фибулы со спиралевидными концами, найденной в ходе охранных работ в культурном слое Новогрудка П. М. Кенько (рис. 4). Предметы такого рода составляют самый большой отдел среди других отделов фибул [13, с. 151]. Данное изделие, учитывая его морфологию (утоначающаяся к концам дуга и укороченная игла), может быть датировано XII–XIII вв. и имеет широкие и многочисленные аналогии на территории Руси и за ее пределами [13, с. 152].

Изделие было выявлено в 2013 г. и более шести лет находилось на хранении у исследователя. За это время предмет подвергся постраскопочной коррозии и был сильно ею поврежден. Изделие представляло собой бесформенный абрис, лишь общими чертами напоминающий застёжку-фибулу (рис. 4а). По завершении полного цикла реставрационных мероприятий изделие обрело законченный экспозиционный вид (рис. 4б). За два года экспонирования признаки активной коррозии выявлены не были.

Предметы бытового назначения

В фондах научной археологической экспозиции данных находок значительно меньше, нежели единиц вооружения или деталей костюма, поэтому уместно указать наиболее выдающиеся из них.

• Писало (стилус)

В 2018 г. в Гродно проводились широкие строительные работы на территории Нового замка. Держателем открытого листа являлся И. В. Спирина, непосредственный археологический надзор на двух траншеях в течение двух недель проводился автором статьи.

Данное писало было выявлено под углом постройки из плинфы на глубине около 2,5 м. Выдвигались предположения, что это остатки культового сооружения,

но на данный момент фрагменты стен законсервированы и засыпаны. Изделие было обнаружено автором публикации при расчистке угла постройки из плинфы, выявленной в диагностическом шурфе (рис. 5а).

Данное изделие принадлежит к типу 3-а по Б. Б. Овчинниковой [14, с. 48–49]. Подобные изделия датируются концом XI – началом XII в. Предмет имеет многочисленные полные аналогии в Киеве [14, с. 49]. Изделие подверглось полному циклу реставрации и на данный момент хранится в Институте истории у держателя листа И. В. Спирина (рис. 5б).

• Серп

Указанный предмет происходит из раскопок курганного могильника в окрестностях Минска, произведенных Г. В. Штыховым в 1970-х гг. Изделие было очень сильно повреждено, смонтировано на картон при помощи клея «Момент», не прошло процедуру стабилизации и консервации, вследствие чего в течение многих лет подвергалось воздействию активной коррозии (рис. 6а).

В ходе реставрационных мероприятий фрагментированный серп был отделен от картонной подложки, очищен от остатков клея, проведен через весь цикл консервации и стабилизации, законсервирован, а впоследствии склеен и покрыт восковой композицией (рис. 6б). Изделие экспонируется в музее Института истории (рис. 6с).

Рис. 4. Фибула. XII в. Новогрудок. Раскопки П. М. Кенько. Фото до (а) и после (б) реставрации
Fig. 4. Brooch, XII century AD (Novogrudok), excavated by P. M. Kenko: before (a) and after (b) restoration

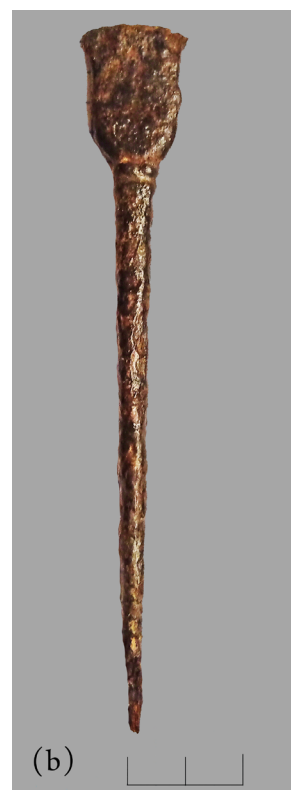

Рис. 5. Стилус. XII–XIII вв. Гродно. Раскопки И. В. Спирина, работы А. В. Костюкевич. Фото до (а) и после (б) реставрации
Fig. 5. Stylus, XII–XIII centuries AD (Grodno), excavated by I. V. Spirin, restored by A. V. Kostsiykevich: before (a) and after (b) restoration

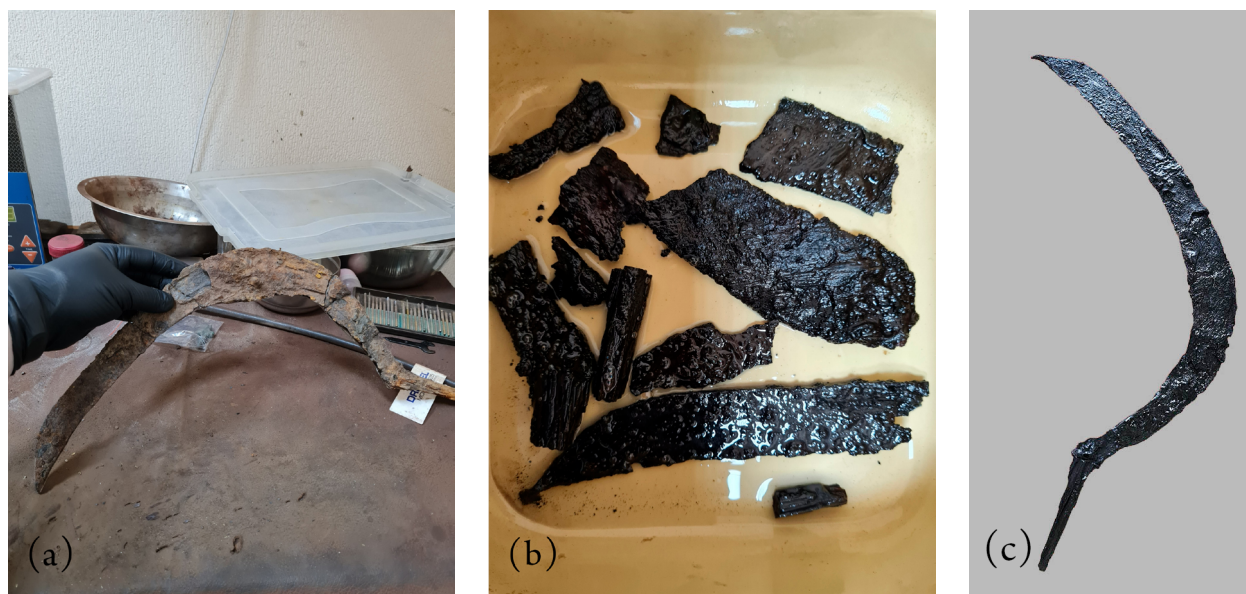

Рис. 6. Серп. XI–XII вв. Раскопки Г. В. Штыхова. Фото до (а), в процессе (б) и после (с) реставрации
Fig. 6. Sickle, XI–XII centuries AD, excavated by G. V. Shtykhov: before (a), during (b), and after restoration

Заклучение

Описанные в статье изделия – единицы из значительного количества предметов, прошедших полный цикл стабилизации и консервации за несколько месяцев в экспериментальной лаборатории стабилизации и консервации археологического железа при отделе сохранения и использования археологического наследия Института истории НАН Беларуси. Всего за время существования лаборатории было отреставрировано более 200 железных изделий – как из фондохранилищ, так и с археологической научной экспозиции Института истории НАН Беларуси. В данном случае обновление и реставрация состава научной экспозиции является важным и ответственным шагом, т. к. она является центром научной и общественной жизни Института истории.

Благодаря активному внедрению реставрационных технологий значительно повышается точность интерпретирования изделий из железа – записанные в отчетах как «предмет железный» после реставрации они становятся тем, чем были несколько столетий назад – фибулой, пряжкой, стрелой, миниатюрным ножом, ключом или замком. Это позволяет совершенно по-новому взглянуть как на производство железных изделий на территории Беларуси, их ассортимент, так и на импорт и торговые связи с иными регионами. Соответственно, увеличивается количество единиц, вводимых в научный оборот, и повышается качество дальнейших исследований.

Очень важен аспект сохранения археологических коллекций для будущих поколений исследователей. Стабилизация и консервация археологического железа успешно справляется с этой задачей – в стабилизированных предметах

максимально возможно замедлены процессы активной коррозии, что позволяет изделиям долгое время храниться в фондах без последствий (при соблюдении должного температурно-влажностного режима) и задействоваться для новых исследований. Здесь также нужно отметить, что все материалы, используемые в процессе реставрации экспонатов, являются обратимыми и в случае необходимости в будущем могут быть удалены с предметов для проведения новых реставрационных мероприятий.

Нельзя оставить без внимания и то, что железные предметы, прошедшие процедуру стабилизации и консервации с последующим восстановлением утраченных элементов, обретают экспозиционный вид. Благодаря этому они могут выставляться как в музеях, так и на выездных выставках. Подобная деятельность способствует популяризации науки и исторической грамотности населения.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Статья подготовлена по материалам доклада на Международной научной конференции «Музей и наука». Кемерово, 11 ноября 2021 г.

Acknowledgment: The article is based on the report presented at the International Scientific Conference Museum and Science, Kemerovo, November 11, 2021.

Литература

1. Буршнева С. Г. Опыт применения профпроклеек при реставрации археологического железа. *VII Грабарёвские чтения: Междунар. науч. конф. (22–24 октября 2008 г.)*. М.: Сканрус, 2010. С. 414–418. [Burshneva S. G. Prophylactic bandages in the restoration of archaeological iron. *VII Grabarev Readings: Proc. Intern. Sci. Conf., 22–24 Oct 2008. Moscow: Skanrus, 2010, 414–418. (In Russ.)*]
2. Буршнева С. Г., Смирнова Н. В. О сохранности археологического железа и дальнейшем развитии метода щелочного сульфита. *Реставрация и исследование памятников культуры Русского Севера: Междунар. науч. конф. (Вологда, 10–12 ноября 2010 г.)*. Вологда: Арника, 2011. С. 220–232. [Burshneva S. G., Smirnova N. V. Preservation of archaeological iron and the further development of the alkaline sulfite method. *Restoration and research of cultural monuments of the Russian North: Intern. Sci. Conf., Vologda, 10–12 Nov 2010. Vologda: Arnika, 2011, 220–232. (In Russ.)*]
3. Буршнева С. Г., Кузнецова О. Б., Смирнова Н. В. Исследование и тестирование метода стабилизации железных археологических предметов с применением ультразвука. *Проблемы реставрации памятников культуры и искусства: III науч.-практ. конф., посв. 15-летию Эрмитажной школы реставрации. (Екатеринбург, 1 января – 31 декабря 2012 г.)*. Екатеринбург: Тезис, 2012. С. 139–146. [Burshneva S. G., Kuznetsova O. B., Smirnova N. V. Research and testing of ultrasound method for stabilizing iron archaeological objects. *Restoration of monuments of culture and art: III Sci.-Prac. Conf., dedicated to the 15th Anniversary of the Hermitage School of Restoration, Ekaterinburg, 1 Jan – 31 Dec 2012. Ekaterinburg: Tezis, 2012, 139–146. (In Russ.)*] EDN: ZXGETR
4. Буршнева С. Г. Реставрация археологических и этнографических предметов из железа. Казань: КФУ, 2019. 88 с. [Burshneva S. G. *Restoration of archaeological and ethnographic iron items*. Kazan: KFU, 2019, 88. (In Russ.)]
5. Буршнева С. Г., Сенаторова О. Ю. Активная коррозия музейных предметов из металла и методы ее диагностирования. *Археология Евразийских степей*. 2021. № 6. С. 242–253. [Burshneva S. G., Senatorova O. Yu. Active corrosion of museum metal objects and its diagnostic. *Arheologiya Evraziiskikh stepei*, 2021, (6): 242–253. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.6.242.253>
6. Буршнева С. Г., Кузнецова О. Б., Смирнова Н. В., Воропай Л. М. Опыт применения ультразвука для стабилизации железных археологических предметов с активной коррозией. *Поволжская Археология*. 2020. № 4. С. 223–235. [Burshneva S. G., Kuznetsova O. B., Smirnova N. V., Voropay L. M. Experience of ultrasonic use to stabilization archaeological iron artifacts with active corrosion. *Povolzhskaya arheologiya*, 2020, (4): 223–235. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24852/pa2020.4.34.223.235>
7. Лошенко М. И. Городища милоградской культуры на территории Беларуси. Мн.: МФЦП, 2011. 408 с. [Loshenkov M. I. *Hill-forts of the Milograd culture in Belarus*. Minsk: MCPF, 2011, 408. (In Russ.)] EDN: QPVTFN
8. Мелюкова А. И. Вооружение скифов. М.: Наука, 1964. 91 с. [Melyukova A. I. *Scythian weaponry*. Moscow: Nauka, 1964, 91. (In Russ.)] EDN: LYCIEP
9. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.-Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1966. 147 с. [Kirpichnikov A. N. *Old Russian weapons: spears, battle axes, maces, and flails of the IX–XIII centuries*. Moscow-Leningrad. Nauka. Leningr. otd-e, 1966, 147. (In Russ.)] EDN: TQFMEX
10. Костюкевич А. В., Магалинский И. В. Опыт стабилизации и консервации боевого топора, найденного при охранных исследованиях Полоцка. *Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў*: зб. арт. V міжнар. навук. канф. (Полацк, 15–16 крас. 2021 г.) Наваполацк: Полац. дзярж. ун-т, 2021. С. 32–34. [Kostyukevich A. V., Magalinski I. V. The experience of stabilization and conservation of a battle axe from saving archeological researches in Polotsk. *Belarusian Calling: experience, methodology, and results of field and interdisciplinary research: Proc. Sci.-Prac. Conf., Polotsk, 15–16 Apr 2021. Polotsk: PSU, 32 – 34. (In Russ.)*] EDN: VHFTYA
11. Лакиза В. Л., Войтехович А. В. Археология на МКАД-2: дорога из прошлого в настоящее. *Наука и инновации*. 2017. № 9. С. 34–38. [Lakiza V. L., Voytehovich A. V. Archeology at the Minsk Ring Road-2: a new road from the past to the future. *The Science and Innovations*, 2017, (9): 34–38. (In Russ.)] EDN: ZULOB
12. Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1973. 140 с. [Kirpichnikov A. N. *Equipment of a Rider and Riding Horse in Russia in the IX–XIII centuries*. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-e, 1973, 140. (In Russ.)] EDN: TQFMFR
13. Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы. *Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.*, под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Сов. Россия, 1967. Вып. 43. С. 149–190. [Malm V. A. Horseshoe-shaped and ring-shaped brooches. *Essays on the history of the Russian village of X–XIII centuries*, ed. Rybakova B. A. Moscow: Sov. Rossiia, 1967, iss. 43, 149–190. (In Russ.)]
14. Овчинникова Б. Б. Писала-стилосы древнего Новгорода X–XV вв. (свод археологического источника). *Проблемы истории России. Вып. 3. Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие*. Екатеринбург: Волот, 2000. С. 45–105. [Ovchinnikova B. B. Styluses of ancient Novgorod in X–XV centuries: archaeological source code. *Problems of the history of Russia. Iss. 3. Novgorod Rus: historical space and cultural heritage*. Ekaterinburg: Volot, 2000, 45–105. (In Russ.)]

оригинальная статья

Сейминско-турбинская металлообработка и микротехника: игра масштабов

Михайлов Юрий Иннокентьевич

Научно-производственное объединение «АрхеоПолис», Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0003-4016-4563>

kerbalyk@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.10.2021. Принята после рецензирования 28.12.2021. Принята в печать 25.04.2022.

Аннотация: Наряду с утилитарными вещами сейминско-турбинские литейщики изготавливали технически совершенные изделия, лишённые прагматических функций. Миниатюрные подобию полноразмерных престижных изделий помещали в погребения и депонировали на территории святилищ. В порядке гипотезы можно допускать, что миниатюрные копии металлических инструментов в коллективах, специализировавшихся на металлообработке, выступали материальными символами групповой идентификации. Петровские и синташтинские миниатюрные копии с учетом аналогичных изделий в сейминско-турбинских комплексах убедительно свидетельствуют об общей потребности в подобных вещах. Вероятно, рядовых участников производственных коллективов сопровождали миниатюрные образцы технологически простых изделий. Полноразмерные престижные вещи и их миниатюрные копии в детских погребениях могли символизировать статус индивидуальный. Миниатюрные художественные отливки наверший на массивных выгнутообушковых ножах своеобразно масштабировали престижное оружие и символически уравнивали его с «орудиями первотворения». Кроме того, фигурки, украшавшие сейминско-турбинское оружие, не просто подчеркивали его внушительные размеры, но и придавали их обладателям соответствующий социальный масштаб. Миниатюрная скульптура, которая украшала лишь некоторые из сейминско-турбинских изделий, была призвана индивидуализировать серийные образцы. Таким образом, микротехника отразила не только новые возможности сейминско-турбинской металлообработки, но и нормативные требования к оформлению престижных изделий. Обновление вещного окружения, обусловленное распространением серийных изделий – «быстрых вещей», вызвало к жизни потребность укрепить связь между человеком и вещью, которая ранее органично существовала в рамках единичного, штучного производства.

Ключевые слова: копия, масштаб, металлообработка, микротехника, миниатюра, модель, сейминско-турбинские изделия

Цитирование: Михайлов Ю. И. Сейминско-турбинская металлообработка и микротехника: игра масштабов. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 5. С. 549–557. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-549-557>

full article

Seyma-Turbino Metalworking and Microtechnics: A Game of Scale

Yuriy I. Mikhailov

Research and Production Association ArcheoPolis, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0003-4016-4563>

kerbalyk@yandex.ru

Received 8 Oct 2021. Accepted after peer review 28 Dec 2021. Accepted for publication 25 Apr 2022.

Abstract: Along with ordinary utilitarian things, Seyma-Turbino casters made technically advanced products devoid of pragmatic functions. Miniature copies of full-size prestigious products were found in graves and shrines. Probably, communities of metalworkers treated these miniature tools as material symbols of their group identification. Numerous finds made in Petrovka, Sintashta, and Seyma-Turbino archeological sites mean that these metal miniatures were in high demand. Low-rank metal workers might have been buried with miniature samples of less technologically advanced tools. Full-size sophisticated tools, as well as their miniature copies in children's graves, could symbolize individual status. Miniature artistic castings that served as pommels on massive curved knives marked the prestigious status of this type of weapon and symbolically equated it with *the Tools of the Creation*. The figurines that adorned the Seyma-Turbino weapon not only emphasized its impressive size, but also gave the owners of these perfect products a higher social status. The miniature sculpture, which adorned only some of the Seyma-Turbino metal products, individualized serial samples. Thus, the microtechnics reflected not only the new

possibilities of Seyma-Turbino metalworking, but also the regulatory requirements for the design of prestigious metal products. The renewal of the material ambience was caused by the spread of serial products, the so-called *quick things*. It reflected the need to strengthen the connection between the owner and the possession, which was inherent to individual single-piece production.

Keywords: copy, scale, metalworking, microtechnics, miniature, model, Seyma-Turbino metal items

Citation: Mikhailov Yu. I. Seyma-Turbino Metalworking and Microtechnics: A Game of Scale. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(5): 549–557. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-549-557>

Введение

Анализ проблематики целесообразно начать с метрических характеристик выгнутообушкового ножа из могильника у д. Ростовка, который всесторонне демонстрирует достижения сейминско-турбинской металлообработки и микро-техники. Размеры изделия: общая длина – 295 мм; длина рукояти без навершия – 95 мм, ширина – 21–33 мм, толщина – 3–16 мм; длина клинка – 172 мм, ширина – 30–40 мм, толщина обушка – 9 мм, толщина лезвия – 3 мм; длина навершия – 57 мм, длина лошадки – 42 мм, высота – 29 мм, высота лыжника – 18 мм [1, с. 121]. К приведенным значениям добавим еще одно: длина изделия без навершия – 267 мм. С учетом этого соотношение длины изделия и максимальной высоты декоративного навершия рукояти можно приблизительно определить как девять к одному. О том, что мастер из Ростовки сознательно использовал систему масштабов, свидетельствуют разновеликие фигурки коня и лыжника. При всей условности художественных размеров они отражают реальную разницу массы тела коня и человека. О заранее продуманном подходе свидетельствуют уже совсем мелкие детали фигурки лыжника: черты лица, лопатки, пальцы правой кисти. В связи с этим приведем мнение специалиста: «Поразительно, но изобразительную детализацию кисти руки лыжника невозможно увидеть без многократного специального увеличения. <...> Поэтому закономерен вопрос о технологических приемах нанесения данных микрогравировок и соответствующих этому увеличительных (?) приспособлениях» [2, с. 66].

Мастер из Ростовки наделил фигурку человека не только анатомическими подробностями, но и уменьшенными копиями его вещного обихода (шапочка, пояс, лыжи, повод коня). В этом творческом подходе можно усматривать прием индивидуализации персонажа. Вместе с тем известно, что когда производство достигает технологического совершенства, оно начинает тянуться к игре. Наряду с утилитарными вещами появляются технически сложные изделия, лишенные прагматических функций. Поэтому закономерно, что мастера из Ростовки вдохновляла игра художественными масштабами в соотношении моделей с реальными размерами прототипов. Данная особенность существенна, поскольку уменьшенные копии вещей сейминско-турбинские мастера воспроизводили не только в фигурных композициях, но и изготавливали отдельно. Миниатюрные подобию полноразмерных престижных изделий помещали в погребения и депонировали на территории святилищ. Этот аспект культурной практики заслуживает специального исследования.

Сейминско-турбинские металлические изделия и их копии в системе конечных типологических разрядов

Бронзовые топоры-кельты являются одной из самых распространенных категорий сопроводительного инвентаря в сейминско-турбинских комплексах. По общему мнению, они могли использоваться и как оружие, и как орудия производства. Эти технологически сложные и металлоемкие изделия широкого спроса представлены по всей территории распространения сейминско-турбинских комплексов. Сложные декоративные композиции на фасках топоров-кельтов восточной зоны дополнительно удостоверяют их престижный характер и культурную значимость. Статусные характеристики данной категории изделий подтверждаются подражаниями, за которыми закрепилось определение *самусьско-кижировский тип*.

Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых достаточно убедительно продемонстрировали параметрические отличия сейминско-турбинских образцов от самусьско-кижировских реплик по сопряженным значениям таких показателей, как общая длина орудия, ширина лезвийной части и по венчику втулки, а также толщина орудия по венчику втулки. Кроме того, они отметили различия фронтальной конструкции исходных типов и подражаний – стремление к прямоугольному абрису у самусьско-кижировских кельтов и трапецевидный абрис у сейминско-турбинских [1, с. 146–148, рис. 74]. Очевидно, что при достаточно близких соотношениях размеров лезвия и втулки – 1,0:0,7–0,85 (сейминско-турбинские) и 1:1 (самусьско-кижировские) – общие размеры определяла прежде всего длина всего орудия. По 32 литейным формам, обнаруженным на пос. Самусь IV на р. Томь, был выделен разряд К–40 с длиной реконструированных орудий в пределах 55–125 мм. Ближе к Уралу, на пос. Пашкин Бор в Тюменской области, неорнаментированные кельты разряда К–38, судя по негативам литейных форм, достигали в длину от 48 до 75 мм. Эти размерные показатели важны в сравнительном аспекте.

Уральский памятник – святилище Шайтанское Озеро II – дал представительную серию металлических изделий, которые морфологически также восходят к сейминско-турбинским прототипам. Среди них выделим три миниатюрных безушковых кельта и модель наконечника копья, длина которого составляет 88 мм [3; 4, с. 253]. В обобщающей работе, посвященной анализу материалов этого памятника, авторы указали сопоставимые с миниатюрными шайтанскими экземплярами (длина – 57–72 мм)

кельты из сейминско-турбинских памятников без указания размерных характеристик и принадлежности к конечным типологическим разрядам [5, с. 58]. Поскольку эти характеристики имеют принципиальное значение для целей предлагаемого исследования, приведем наиболее существенные данные.

Длина одного из миниатюрных кельтов из Шайтанского Озера II (разряд К–14) составляет 67 мм [5, с. 53]. У собственно сейминско-турбинских изделий этого типологического разряда, судя по восьми учтенным экземплярам, она колеблется от 117 до 144 мм (здесь и далее размерные характеристики разрядов даны по работе Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых [1]). Значит, кельт с Шайтанского Озера II по этому показателю существенно уступает даже минимальному значению размерных характеристик своего разряда. Обратим внимание на следующие метрические значения. К разряду К–16 было отнесено шесть сейминско-турбинских изделий, длина которых варьируется в пределах 126–136 мм. В разряд К–18, который определяется как синтез комбинаций разрядов К–14 и К–16, включено двадцать металлических орудий и четыре литейных формы. Длина орудий разряда К–18 варьируется в пределах 91–159 мм. За пределами этих значений оказалось два изделия. Кельт из пункта Цветы Алтая-III (81 мм), отнесенный авторами публикации к этому разряду [6, с. 81–83], и один из кельтов Сопки-2/4Б (70–73 мм), обнаруженный в погребении 282. Существенно, что в этом же погребении находился бронзовый кельт, метрические характеристики которого соответствуют амплитуде основных значений разряда К–18. Его длина – 120 мм [7, с. 273, рис. 425, 426]. Если относить все перечисленные изделия к классическим сейминско-турбинским образцам, то следует допускать, что уже в это время существовала практика изготовления уменьшенных образцов полноразмерных изделий.

По мнению В. И. Молодина, классические бронзы сейминско-турбинского типа в комплексах одиновской культуры демонстрируют наиболее раннее проявление сейминско-турбинского феномена. Начало его формирования с учетом радиоуглеродных дат следует удревнить до середины III тыс. до н. э. [8, с. 316–322]. Приведем краткую характеристику этих изделий. Неорнаментированные безушковые кельты из памятника Преображенка-6 (высота – 70 и 66 мм) более всего напоминают кельты разряда К–4. К этому же разряду отнесен неорнаментированный шестигранный кельт (высота – 64 мм) из погребения № 487 могильника Тартас-1 [8, с. 320]. В общей сводке длина кельтов разряда К–4 колеблется от 85 до 122 мм. Таким образом, кельты из одиновских комплексов имеют сравнительно малые размеры. Наряду с ними, в могильнике Преображенка-6 представлены два бронзовых наконечника. Длина вильчатого наконечника копья, отнесенного к разряду КД–8, составляет 385 мм, и согласно этому показателю он относится к длинным сейминско-турбинским наконечникам (350–431 мм). Напротив, длина второго наконечника

копья, отнесенного к разряду КД–42, составляет всего 120 мм. Длина ростовкинских изделий, по которым был выделен этот разряд, варьируется от 169 до 200 мм.

Чем обусловлена большая амплитуда размерных характеристик изделий могильника Преображенка-6, при отсутствии орудий со средними значениями длины? Теоретически ситуация с ритуальным использованием орудий уменьшенных размеров объясняется практическими соображениями, связанными с дефицитом металла. Подобное объяснение было предложено для характеристики состава изделий могильника Сатыга XVI, среди которых отсутствуют металлоемкие образцы [4, с. 251]. Однако длинный вильчатый наконечник копья из Преображенки-6 (КД–8), напротив, демонстрирует вполне достаточные материальные ресурсы изготовителей. Возможно, эту ситуацию объясняют вильчатые наконечники из Пышминской коллекции. Их размеры варьируются от 40,6 до 10,8 см и, скорее всего, по мнению исследователей, отражают различия в функциональном назначении изделий – наконечники копий и дротики [9, с. 106]. На данный момент пограничные метрические значения этих типов оружия строго не определены.

Согласно существующей классификации, длина коротких вильчатых наконечников копий варьируется в пределах 155–234 мм. Соответственно, кованый наконечник из Коршуново длиной примерно 160 мм был определен как копье [1, с. 64, 65, рис. 24, 2]. Вместе с тем морфологически подобный кованый наконечник из погребального комплекса Халвай 3 длиной 159 мм был квалифицирован как дротик [10, с. 40]. Если предельная длина дротиков может быть условно определена, то их минимальный размерный показатель неясен. Поэтому еще раз отметим, что длина модели наконечника копья из Шайтанского Озера II составляла 88 мм, а втульчатый наконечник стрелы из могильника Ростовка, судя по негативу литейной формы, должен был достигать в длину 87 мм, что достаточно близко к значению длины пышминского дротика. В данной ситуации следует учитывать, что если по своей массе дротики приближались к тяжелым стрелам, то при более низкой начальной скорости они имеют худшую пробивную способность. Для итогового определения пышминского вильчатого наконечника длиной 10,8 см остается свобода выбора: экспериментальный образец дротика или сознательно уменьшенная копия копья. В широкой ретроспективе, если учитывать, например, кованое втульчатое копье из Балановского могильника, длина которого составляет 7,8 см [11, с. 117], появление миниатюрных металлических копий должно относиться к весьма раннему времени.

Привлечение этой территориально отдаленной аналогии вполне правомерно, поскольку миниатюрная глиняная погремушка с глиняными шариками внутри из Балановского могильника имеет точную технологическую и размерную аналогию в материалах кротовского жилища № 9 поселения Венгерovo-2 [11, с. 209; 12, с. 16–19]. Технологическая близость этих керамических изделий вряд ли случайна

и, возможно, демонстрирует существование культурных контактов древнего населения. Уже достаточно давно было изложено мнение, согласно которому распространение погребений литейщиков в фатьяновской, абашевской, полтавкинской и кротовской культурах носит эпохальный характер [13, с. 5]. Позднее к этому списку была добавлена балановская культура [14, с. 6]. Миниатюрное копье органично общекультурной традиции, поскольку в Балановском могильнике были обнаружены миниатюрные глиняные копии боевых каменных топоров. По мнению Д. А. Крайнова, находки игрушечных каменных и глиняных топориков в погребениях мальчиков, особенно на поздних стадиях развития фатьяновской культуры (Волосовско-Даниловский, Балановский, Фатьяновский и Горкинский могильники), свидетельствуют об усилении военных столкновений и подготовке мальчиков к судьбе воина [15, с. 70]. В целом этот археологический контекст, возможно, имеет общее историческое содержание с учетом находок изделий сейминско-турбинского круга с фатьяновской керамикой и других свидетельств контактов сейминско-турбинских группировок с фатьяновско-балановским населением [4, с. 244; 16, с. 96]. Здесь же отметим, что в кротовском жилище № 7 поселения Венгерovo-2 обнаружен обломок формы для отливки кельта сейминско-турбинского типа [17, рис. 1].

Копии вещей в андроновской традиции металлообработки

Практика изготовления уменьшенных копий металлоемких орудий осуществлялась на протяжении всей эпохи бронзы. На территории юга Западной Сибири их изготовление практиковало андроновское население. В могильнике Старый Тартас-4 (Барабинская лесостепь) обнаружено бронзовое миниатюрное изображение вислообушного топора. Длина по лезвию – 4 см, ширина обуха – 1 см [18, с. 60]. Аналогичная по форме и размерам металлическая модель топора была обнаружена в андроновском могильнике Ланин Лог на Среднем Енисее [19, с. 14, рис. 13–63]. Появление миниатюрных копий вещей в погребениях демонстрируют представления об особой связи человека, вещи и ее модели. В традиционной культуре разных народов хорошо известны представления об особой сакральной связи вещи с ее изготовителем или владельцем. О существовании подобных представлений в среде андроновского населения свидетельствует находка полноразмерного проушного топора с гребнем из Здвинского района Новосибирской области. На это изделие нанесено четыре клейма мастера (?) в виде сделанных зубилом насечек [20, рис. 1]. Еще один бронзовый вислообушный топор с гребнем найден у с. Истимис (Кулундинская степь). На лицевой стороне изделия имеются насечки. Возможно, это тамгообразный знак в виде латинской буквы V [21, с. 87, рис. 5]. Не исключено, что прототипами насеченных знаков на бронзовых топорах с гребнем являются насечки на створках литейных форм, которые нанесли для их более точного совмещения перед отливкой.

Например, параллельные, крестообразные и V-образные насечки нанесены на створки глиняных литейных форм из Сайгатино VI, Сатыга XVI и Абрамово-10 [22, рис. 2.6, 4; рис. 4.1.1, 1, 2; рис. 5, 16; 23, рис. 2, 1].

Имела ли эта технологическая разметка какой-либо символический смысл, объективно судить достаточно сложно. Хотя некоторые меты на вислообушных топорах внешне повторяют эту разметку. В связи с этим отметим, что среди топоров с гребнем известны экземпляры с литым орнаментом, в частности с елочным декором на щеках втулки [24, рис. 1]. Особо выделим топор с литым орнаментом в виде шести горизонтальных линий и шестью расположенными в ряд поперечными насечками на валике втулки [25, рис. 1, 5]. Графическое сходство литого орнамента и насеченных знаков не случайно. Тем более что по имеющимся наблюдениям литые и нанесенные зубилом знаки встречаются на ножах, кинжалах, теслах и литейных формах эпохи поздней бронзы [19, с. 15; 26, с. 12; 27, рис. 2, 6].

Независимо от интерпретации этих знаков на андроновских топорах (клеймо мастера или мета владельца) сам факт их намеренного исполнения свидетельствует о стремлении наглядно продемонстрировать тесную связь вещи и человека в изменившихся условиях хозяйственного обихода. Новые темпы обновления вещного окружения, обусловленные распространением серийных изделий – «быстрых вещей», вызвали к жизни потребность укрепить связь между человеком и вещью, которая ранее органично существовала в рамках единичного, штучного производства. Может быть, поэтому мастера стали наносить на стандартные изделия знаки происхождения, а владельцы – индивидуальные метки. Если мы имеем дело с клеймом мастера, это означает, что у вещи появился знак, удостоверяющий ее происхождение, биографию. Если перед нами мета владельца, то серийная вещь индивидуализировалась или получала фамильный статус. Последний был необходим, чтобы снять напряженность оппозиции *свое – чужое* в рамках ритуальной практики, которая возникала в результате насыщения традиционного уклада вещами чужой культуры в условиях развития серийного производства и различных форм обмена. В целом знаки владения или происхождения, как, например, четыре клейма на одном изделии, это уже своего рода провенанс, который потребовался для престижных вещей.

Его возникновение в андроновской традиции, возможно, было ситуативным, но исходные условия (предпосылки) сложились еще в предшествующее время. Литой орнамент сейминско-турбинских топоров-кельтов мог быть наделен семейной или клановой символикой. Но обратим внимание на его дублирование в ковровом узоре самусьско-кижировских кельтов. Последние, уступая в технических характеристиках исходным формам, благодаря декоративному оформлению, включая сюда и ложные рифленые ушки, могли претендовать на культурную подлинность и представительский статус. В связи с этим укажем на формы для отливки топоров-кельтов с рифлеными ложными ушками

и ковровым орнаментом и створку литейной формы втульчатого топора на поселении Самусь IV. Последний морфологически близок к андроновским топорам с гребнем на втулке [1, с. 158, рис. 78, 5, 6, рис. 83].

Наряду с миниатюрными копиями топоров с гребнем, андроновские мастера изготавливали уменьшенные образцы и других типов изделий. В одном из погребальных комплексов у пос. Смолино (Челябинская область) был обнаружен металлический наконечник дротика. Длина наконечника – 60 мм (втулка – 35 мм, перо – 25 мм). Диаметр втулки – 10 мм, ширина пера – 18 мм [28, с. 23]. Для того чтобы составить объективное представление об андроновских миниатюрных копиях, требуется знание амплитуды размерных показателей у стандартных изделий. Тем не менее априори можно полагать, что размеры «рабочих» экземпляров могли существенно варьировать. В одном из погребений могильника Тартас-1 (Барабинская лесостепь) найден бронзовый кинжал срубно-андроновского типа. Его длина – 35,3 см. Авторы публикации находки допускают, что это уже не кинжал, а меч-прообраз коротких мечей акинаков [29, с. 415, рис. 2, 1]. Классическая форма и конструкция свидетельствуют в пользу того, что, скорее всего, этот экземпляр демонстрирует предельную длину кинжалов данного типа. Как правило, умерших снабжали изделиями стандартных размеров или в отдельных случаях их уменьшенными копиями.

О семантике миниатюрных копий эпохи бронзы

Собственно андроновская практика изготовления уменьшенных копий вещей из металла, вероятно, восходит к петровским (раннеандроновским), а через них и к синташтинским традициям металлопроизводства. В южноуральском могильнике Каменный Амбар-5 металлические ножи и тесла отличаются очень малыми размерами [30, с. 174]. Согласно наблюдениям В. С. Бочкарева, в детских синташтинских погребениях появляются миниатюрные тесла [цит. по: 31, с. 90]. К сходным выводам пришел Н. М. Малов, определивший как копии миниатюрные кованые наконечники копий из могильников Бестамак, погребение 110; Жаман – Каргала, курган 1; Новоникольский курган, погребение 4 [32, с. 111, 112]. В центральноказахстанском могильнике Бозенген был найден миниатюрный бронзовый вислообушный топор, который был квалифицирован авторами исследований как представительский [33, с. 57]. У этого изделия насечки в виде круга нанесены с двух сторон в месте перегиба шейки [34, с. 245]. Петровские и синташтинские миниатюрные копии с учетом аналогичных изделий в сейминско-турбинских комплексах убедительно свидетельствуют о некоей общей потребности в подобных вещах. В порядке гипотезы можно допускать, что миниатюрные образцы металлических инструментов в коллективах, специализировавшихся на металлообработке, выступали материальными символами групповой идентификации.

Культурно-психологический аспект сейминско-турбинской микротехники

Особенности бытования сейминско-турбинских скульптурных миниатюр следует рассмотреть отдельно. Фигурки коня и лыжника на ноже из могильника у д. Ростовка, помимо несомненного технического совершенства, свидетельствуют о том, что в отличие от степных традиций, которые могли не прибегать к пластической визуализации (художественной конкретизации) сакральных образов, лесное и лесостепное население предпочитало иметь их предметно-объемные воплощения. Существует мнение, что искусство начинается с познания мира путем моторных и осязательных представлений [35, с. 10]. Поэтому требование сенсорной осязательности почитаемых образов должно восходить к глубоко архаичным традициям. Анатомически достоверные сейминско-турбинские фигурные навершия и окуневские скульптурные миниатюры наглядно свидетельствуют об устойчивости этих предпочтений. Возможно, именно на кромке леса и степи сложились необходимые условия для визуальной (в том числе пластической) персонификации сакральных образов. Индоевропейские и другие неизвестные нам евразийские божества и герои в соответствии с нормативными требованиями местных культов обрели зримые человеческие и животные подобия. Но при этом, судя по всему, они получили также новые содержательные характеристики и вещные атрибуты.

Поэтому сакральные представления в сфере металлургии и металлообработки не следует рассматривать изолированно по отношению к традиционным культам. Эти перспективные отрасли производства прежде всего обслуживали практические потребности и удовлетворяли массовый спрос. Высокая доля евразийских типов технологически простых изделий прямо свидетельствует именно об этом. Не случайно сейминско-турбинские выгнуто-обушковые ножи изготавливались в упрощенных вариантах [36, рис. 49, 2, рис. 54, 2]. Миниатюрная скульптура, которая украшала лишь некоторые из изделий данного типа, была призвана индивидуализировать серийные образцы. Таким образом, микротехника отразила не только новые возможности металлообработки, но и общие нормативные требования к оформлению престижных изделий.

В собственно сейминско-турбинских комплексах образцы скульптурной миниатюры и уменьшенные копии металлических изделий сравнительно немногочисленны, поэтому уменьшенные копии вещей в синташтинских и петровских погребальных комплексах представляют особый интерес. Вероятно, рядовых участников производственных коллективов сопровождали миниатюрные образцы технологически простых изделий, в то время как уменьшенная копия топора с насеченными знаками из могильника Бозенген и более поздние миниатюрные металлические топоры собственно андроновского времени были, несомненно, знаками высокого или особого общественного положения. Причем, судя по находкам

уменьшенных копий в детских могилах, групповой статус мог передаваться по наследству. Подобная ситуация была прослежена по южносибирским материалам женских и детских погребений, содержащих литейные формы. В частности, для позднекротовского населения предполагаются передача профессиональной принадлежности по наследству, включенность в производство всех возрастных и гендерных групп и передача вместе с производственными навыками определенного общественного статуса [37, с. 33]. Вместе с тем миниатюрная модель кованого наконечника копья из могильника Бестамак с девочкой 4–5 лет [38], скорее всего, символизирует статус индивидуальный. Он приобретает особое значение в условиях, когда половозрастное деление общества строго уже не определяло его статусно-ролевую структуру. Это относится и к погребению ребенка 4–5 лет в кургане Халвай 3 с двумя литыми полноразмерными наконечниками копий и массивным вислообушным топором [10]. Под этим углом зрения можно рассматривать и массивный нож из могильника Ростовка, который был обнаружен с костями черепа ребенка 9–10 лет [36, с. 8].

Заключение

Миниатюрная композиция с конем и лыжником из могильника Ростовка украшает изделие предельной величины. В связи с этим обратим внимание на размер бронзового втульчатого навершия в виде протомы коня из прииртышской коллекции – 15,75 см от кончика уха до края втулки [39, р. 69]. Этот метрический показатель соответствует минимальному значению длины коротких втульчатых наконечников копий – 155–234 мм [1, с. 65]. Общая длина навершия по отношению к длине втулки (от устья до начала дугообразной гривы) находится в соотношении 2:1. Это соответствует размерному стандарту сейминско-турбинских вильчатых наконечников копий (соотношение длины пера и длины втулки от устья до основания пера). Таким образом, сейминско-турбинские литейщики, разнообразно экспериментируя с миниатюрными художественными дополнениями полноразмерных изделий, использовали

и другой масштаб художественных образов. В ряду возможных решений творческий подход предполагал равные размеры реального оружия и подобной ему художественной отливки.

Изначально определенное соотношение размеров ростовкинского ножа и его навершия (9:1) позволяет допустить, что в архитектурной композиции данного изделия миниатюрные изображения коня и лыжника – это стаффаж фигурки для масштаба. Вероятно, их размеры подчеркивали не только реальный, но и сакральный масштаб изделия. Сейминско-турбинские бронзовые фигурки лошадей неоднократно сравнивались с изображениями конских голов на массивных каменных жезлах. Эти конно-головые жезлы-песты в системе культа могут символически воплощать «орудия первотворения», и в этом плане с ними соотносимо прииртышское бронзовое навершие. Втулка для древка позволяет сопоставлять его с посохом, который мог выполнять особую роль в сакральных актах мироустройства. В свою очередь, миниатюрные художественные отливки на выгнутообушковых ножах своеобразно масштабировали престижное оружие и символически уравнивали его с «орудиями первотворения». Кроме того, фигурки, украшавшие сейминско-турбинское оружие, не просто подчеркивали его внушительные размеры, но и придавали обладателям этих престижных изделий соответствующий социальный масштаб. Искусная бронзовая миниатюра возвеличивала и мастера – творца, и владельца – героя. Находки крупных и миниатюрных изделий в детских погребениях демонстрируют символическую игру масштабами – культурными смыслами в системе культа.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с. [Chernykh E. N., Kuzminykh S. V. *Ancient metallurgy of Northern Eurasia: the Seyma-Turbino phenomenon*. Moscow: Nauka, 1989, 320. (In Russ.)] EDN: RURWHV
2. Ковтун И. В. Конь и лыжник. Томск: ТГУ, 2012. 128 с. [Kovtun I. V. *Horse and skier*. Tomsk: TSU, 2012, 128. (In Russ.)] EDN: SMCPTD
3. Serikov Y. B., Korochkova O. N., Stefanov V. I., Kuzminykh S. V. Shaitanskoye ozero II: new aspects of the Uralian Bronze Age. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2009, 37(2): 67–78. <https://doi.org/10.1016/j.aeae.2009.08.009>
4. Кузьминых С. В. Сейминско-турбинская проблема: новые материалы. *Краткие сообщения Института археологии*. 2011. № 225. С. 240–260. [Kuzminykh S. V. New data on the problem of the Seima-Turbino unity. *Kratkiye Soobsheniya Instituta Arkheologii*, 2011, (225): 240–260. (In Russ.)] EDN: PUQVIT
5. Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Спиридонов И. А. Святыни первых металлургов Среднего Урала. Екатеринбург: УрФУ, 2020. 214 с. [Korochkova O. N., Stefanov V. I., Spiridonov I. A. *Sacred place of the first metallurgists in the Middle Ural*. Ekaterinburg: UrFU, 2020, 214. (In Russ.)] EDN: QZGOKZ

6. Грушин С. П., Фролов Я. В. Новые находки бронзовых кельтов с Обь-Иртышья. *Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы*, отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: АлтГУ, 2010. С. 81–85. [Grushin S. L., Frolov Ya. V. New finds of bronze Celts from the Ob-Irtysh valley. *Economic and cultural traditions of Altai in the Bronze Age*, ed. Kiryushin K. Y. Barnaul: ASU, 2010, 81–85. (In Russ.)] EDN: UVPFCB
7. Молодин В. И., Гришин А. Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 4. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. 452 с. [Molodin V. I., Grishin A. E. *Sopka-2 site on the Om' River. Vol. 4. Cultural and chronological analysis of the burial complexes of the Krotovo culture*. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2016, 452. (In Russ.)] EDN: YIJWBF
8. Молодин В. И. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновской культуры. *Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии*, отв. ред. В. И. Молодин, М. В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 309–324. [Molodin V. I. Seyma-Turbino bronzes in the closed complexes of Odinov culture in Barabinsk forest-steppe. *Basic issues in archaeology, anthropology and ethnography of Eurasia*, eds. Molodin V. I., Shunkov M. V. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2013, 309–324. (In Russ.)] EDN: PZIUSD
9. Бородавский А. В., Оборин Ю. В. Предметы сейминско-турбинского металлического комплекса с Нижней Пышмы. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2020. Т. 19. № 5. С. 103–118. [Borodovsky A. V., Oborin Yu. V. Items of the Seyma-Turbino metal complex from lower Pyshma River. *Vestnik Novosibirskskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya: Istoriya, Filologiya*, 2020, 19(5): 103–118. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-5-103-118>
10. Шевнина И. В., Логвин А. В. О реконструкции крепления бронзовых и каменных изделий к рукоятям и древкам (по материалам могильника Халвай 3). *Этнические взаимодействия на Южном Урале*, отв. ред. А. Д. Тайров, Н. О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 39–50. [Shevnina I. V., Logvin A. V. Reconstructing the fixation of bronze and stone products to wooden handles and poles: Halvai 3 burial ground. *Ethnic interactions in the Southern Urals*, eds. Tairov A. D., Ivanova N. O. Chelyabinsk: Rifei, 2013, 39–50. (In Russ.)]
11. Бадер О. Н. Балановский могильник: Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М.: АН СССР, 1963. 371 с. [Bader O. N. *Balanovo burial ground: The forest Volga region in the Bronze Age*. Moscow: AS USSR, 1963, 371. (In Russ.)] EDN: WMKHKN
12. Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестеров М. С. Глиняная «погремушка» в виде головы медведя и варианты ее использования носителями кротовской культуры (эпоха бронзы, конец III тыс. до н. э., Барабинская лесостепь). *Вестник Томского государственного университета. История*. 2017. № 49. С. 16–22. [Molodin V. I., Mylnikova L. N., Nesterov M. S. The clay "rattle" in the shape of bear head and the variants of its usage by the population of Krotovo culture (Bronze Age, the end of the 3rd millennium BC, Baraba forest-steppe). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2017, (49): 16–22. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19988613/49/3>
13. Молодин В. И., Пряхин А. Д. Евразийская лесостепь в эпоху средней – поздней бронзы (некоторые проблемы). *Археология восточноевропейской лесостепи*, отв. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ, 1998. Вып. 11. С. 3–7. [Molodin V. I., Pryakhin A. D. Eurasian forest-steppe in the Middle-Late Bronze Age. *Archaeology of the East European forest-steppe*, ed. Pryakhin A. D. Voronezh: VSU, 1998, iss. 11, 3–7. (In Russ.)] EDN: WDVLFH
14. Большов С. В. К вопросу о фатьяновско-балановской культурно-исторической общности. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2010. № 3. С. 3–11. [Bolshov S. V. Fatyano-Balanovo cultural and historical unity. *Izvestiya vysshich uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*, 2010, (3): 3–11. (In Russ.)] EDN: NDCCHR
15. Крайнов Д. А. Фатьяновская культура. *Эпоха бронзы лесостепной полосы СССР*, гл. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. С. 58–75. [Krainov D. A. Fatyano culture. *The Bronze Age in the Soviet forest-steppe*, ed. Rybakov D. A. Moscow: Nauka, 1987, 58–75. (In Russ.)] EDN: SQKQKT
16. Соловьев Б. С. Сейминско-турбинская проблема. *Научный Татарстан*. 2009. № 2. С. 91–102. [Solovyov B. S. The Seyma-Turbino problem. *Nauchnyi Tatarstan*, 2009, (2): 91–102. (In Russ.)] EDN: MVTIJF
17. Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Дураков И. А., Борзык К. А., Селин Д. В., Нестерова М. С., Ковыршина Ю. Н. Проявление сейминско-турбинского феномена на поселении кротовской культуры Венгерovo-2 (Барабинская лесостепь). *Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2015. Т. 21. С. 321–325. [Molodin V. I., Mylnikova L. N., Durakov I. A., Borzykh K. A., Selin D. V., Nesterova M. S., Kovyrshina Yu. N. Demonstration of the Seima-Turbino phenomenon at the Vengerovo 2 settlement of Krotovo culture (Baraba forest-steppe). *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii*, 2015, 21: 321–325. (In Russ.)] EDN: VCOFJN

18. Молодин В. И., Новиков А. В., Жемерикин Р. В. Могилиник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности). *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2002. № 3. С. 48–62. [Molodin V. I., Novikov A. V., Zhemerikin R. V. Old Tartas 4 burial ground: new data on Andronovo historical and cultural community. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2002, (3): 48–62. (In Russ.)] EDN: SINKIR
19. Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: Фан, 1991. 200 с. [Avanesova N. A. *Shepherd tribes of the Bronze Age in the Soviet Asia: metal products*. Tashkent: Fan, 1991, 200. (In Russ.)]
20. Молодин В. И., Шатов А. Г., Софеев О. В. Проушный топор с «гребнем» из Южной Барабы. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 1999. Т. 5. С. 462–466. [Molodin V. I., Shatov A. G., Sofeev O. V. An eye axe with a "crest" from South Baraba. *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii*, 1999, 5: 462–466. (In Russ.)] EDN: TQXDUD
21. Папин Д. В., Федорук А. С., Шамшин А. В. Находки бронзовых предметов с территории Кулундинской степи. *Алтай в системе металлургических провинций бронзового века*, отв. ред. С. П. Грушин. Барнаул: АлтГУ, 2006. С. 83–96. [Papin D. V., Fedoruk A. S., Shamshin A. V. Bronze finds from the Kulunda steppe. *Altai in the system of metallurgical provinces of the Bronze Age*, ed. Grushin S. P. Barnaul: ASU, 2006, 83–96.] EDN: YWVOPB
22. Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Сатыга XVI в системе культур эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири. Беспрозванный Е. М., Дегтярева А. Д., Корочкова О. Н., Кузьминых С. В., Стефанов В. И., Косинская Л. Л. *Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири*. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. С. 60–85. [Korochkova O. N., Stefanov V. I. Satyga XVI in the system of Bronze Age cultures in the Trans-Urals and Western Siberia. Bezprozvanniy E. M., Degtyareva A. D., Korochkova O. N., Kuzminykh S. V., Stefanov V. I., Kosinskaya L. L. *Satyga XVI: Seyma-Turbino burial ground in the taiga zone of Western Siberia*. Ekaterinburg: Uralskii rabochii, 2011, 192. (In Russ.)] EDN: YZVOSD
23. Molodin V. I., Durakov L. N., Mylnikova L. N., Nesterova M. S. The adaptation of the Seyma-Turbino tradition to the Bronze Age cultures in the South of the West Siberian Plain. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2018, 46(3): 49–58. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2018.46.3.003-058>
24. Тишкин А. А., Фролов Я. В. Проушные металлические топоры Обь-Иртышского междуречья: тенденции изменений форм в конце эпохи бронзы и начале раннего железного века. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2016. № 4. С. 124–128. [Tishkin A. A., Frolov Ya. V. Eyed axes of the Ob-Irtysh interfluvium: trends of changing forms of the Late Bronze Age and Early Iron Age. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2016, (4): 124–128. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19988613/42/22>
25. Иванов С. С. Новые находки орнаментированных вислобоушных топоров эпохи бронзы из Кыргызстана. *Теория и практика археологических исследований*. 2014. № 1. С. 91–100. [Ivanov S. S. The new finds of ornamented shaft-hole axes of Bronze Age from Kyrgyzstan. *Teoriya i praktika Arheologicheskikh issledovaniy*, 2014, (1): 91–100. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/tpai\(2014\)1\(9\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2014)1(9).-08)
26. Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М.: Наука, 1966. 152 с. [Kuzmina E. E. *Metal products of the Chalcolithic and Bronze Age in Central Asia*. Moscow: Nauka, 1966, 152. (In Russ.)] EDN: YQMLZL
27. Тишкин А. А., Мерц И. В., Фролов Я. В. Изделие эпохи бронзы из Родинского районного музея (Алтайский край). *Теория и практика археологических исследований*. 2016. № 2. С. 123–136. [Tishkin A. A., Merts I. V., Frolova Y. V. The product of the Bronze Age from the Rodino District Museum (Altai territory). *Teoriya i praktika Arheologicheskikh issledovaniy*, 2016, (2): 123–136. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/tpai\(2016\)2\(14\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2016)2(14).-09)
28. Андроновская культура. Вып. 1. Памятники западных районов, под общ. ред. Б. А. Рыбакова. М.-Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1966. 65 с. [Andronovo culture. Iss. 1. *Monuments of the western regions*, ed. Rybakov B. A. Moscow-Leningrad: Nauka. Leningr. otd-e, 1966, 65. (In Russ.)]
29. Молодин В. И., Парцингер Г., Гришин А. Е., Пиецонка Х., Марченко Ж. В., Новикова О. И., Гаркуша Ю. Н., Мыльникова Л. Н., Рыбина Е. В., Чемякина М. А., Шатов А. Г. Полевые исследования на могильнике Тартас-1 в 2005 году. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2005. Т. 11. № 1. С. 412–418. [Molodin V. I., G. Parzinger G., Grishin A. E., Pietsonka H., Marchenko Zh. V., Novikova O. I., Garkusha Yu. N., Mylnikova L. N., Rybina E. V., Chemyakina M. A., Shatov A. G. Field research at the Tartas burial ground-1 in 2005. *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii*, 2005, 11(1): 412–418. (In Russ.)] EDN: TFUKCX
30. Костюков В. П., Епимахов А. В., Нелин Д. В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье. *Древние индо-иранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.)*, отв. ред. И. Б. Васильев. Самара: СамГПУ, 1995. С. 156–207. [Kostyukov V. P., Epimakhov A. V., Nelin D. V. New site of the Middle Bronze Age in the Southern Trans-Urals. *Ancient Indo-Iranian cultures of the Volga-Urals in the II millennium BC*, ed. Vasiliev I. B. Samara: SamSPU, 1995, 156–207. (In Russ.)] EDN: ULOHON

31. Кузьмина О. В. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры. *Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла. Ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации*. СПб.: Европейский Дом, 2000. С. 65–134. [Kuzmina O. V. Metal objects and some aspects of relative chronology of Abashevo culture. *Ancient societies of the south of Eastern Europe in the Paleometal Age. Early complex societies and issues of cultural transformation*. St. Petersburg: Evropeiskii Dom, 2000, 65–134. (In Russ.)] EDN: TONZCB
32. Малов Н. М. Кованые наконечники копий ранней фаза Волго-Уральского очага культурогенеза и их модели. *Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.): Круглый стол, посв. 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко. Материалы*. (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.) СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 109–113. [Malov N. M. Forged spearheads of the early Volga-Ural and their models. *External and internal relations of steppe (cattle-breeding) cultures of Eastern Europe in the Chalcolithic and Bronze Age (V–II millennium BC)*: Proc. Round table dedicated to the 80th anniversary of S. N. Bratchenko, St. Petersburg, 14–15 Nov 2016. St. Petersburg: IHMC RAS, 2016, 109–113. (In Russ.)] EDN: ZXLPFF
33. Кадиева С. С., Логвин В. Н. Могилиник у поселения Бестамак (предварительное сообщение). *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2009. № 9. С. 32–58. [Kalieva S. S., Logvin V. N. Burial ground near the settlement of Bestamak: a preliminary report. *Vestnik Archeologii, Anthropologii i Etnografii*, 2009, (9): 32–58. (In Russ.)] EDN: JWUAGH
34. Ткачев А. А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. Ч. 1. 289 с. [Tkachev A. A. *Central Kazakhstan in the Bronze Age*. Tyumen: IUT, 2002, pt. 1, 289. (In Russ.)] EDN: QJGIKP
35. Виппер Б. Р. Искусство Древней Греции. М.: Наука, 1972. 370 с. [Vipper B. R. *The art of Ancient Greece*. Moscow: Nauka, 1972, 369. (In Russ.)]
36. Матющенко В. И., Синицина Г. В. Могилиник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 136 с. [Matyushchenko V. I., Sinitsina G. V. *The burial site by the village of Rostovka near Omsk*. Tomsk: TSU, 1988, 136. (In Russ.)] EDN: UKHHBJ
37. Молодин В. И., Дураков И. А. Захоронения с литейными формами на могильнике позднекромовской (черно-озёрской) культуры Тартас-1 (Барабинская лесостепь). *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2018. Т. 46. № 2. С. 25–34. [Molodin V. I., Durakov I. A. Late Krotovo (Cherno-Ozerye) burials with casting molds from Tartas-1, Baraba forest-steppe. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2018, 46(2): 25–34. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2018.46.2.025-034>
38. Шевнина И. В., Ворошилова С. А. Детские погребения эпохи развитой бронзы (по материалам могильника Бестамак). *Этнические взаимодействия на Южном Урале: мат-лы IV регион. (с Междунар. участием) науч.-практ. конф. (Челябинск, 20–23 октября 2009 г.)* Челябинск: Рифей, 2009. С. 59–63. [Shevnina I. V., Voroshilova S. A. Children's burials in the Middle Bronze Age: the Bestamak burial ground. *Ethnic interactions in the Southern Urals: Proc. IV Region. (with Intern. participation) Sci.-Prac. Conf., Chelyabinsk, 20–23 Oct 2009*. Chelyabinsk: Rifei, 2009, 59–63. (In Russ.)]
39. Molodin V. I., Neskrov A. V. Private collection of Seima-Turbino bronzes from the Irtysh: the tragedy of a unique site destroyed by unauthorized excavations. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2010, 38(3): 58–71. <https://doi.org/10.1016/j.aear.2010.10.006>

оригинальная статья

Об элементном составе металла медно-бронзовых серповидных орудий тагарской культуры

Савельева Анна Сергеевна

Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-4804-5932>antverpen@mail.ru

Поступила в редакцию 13.05.2022. Принята после рецензирования 06.07.2022. Принята в печать 08.08.2022.

Аннотация: В статье систематизируются опубликованные и приводятся новые данные об элементном составе металла медно-бронзовых серповидных орудий тагарской археологической культуры. Исследования структуры и состава металла серпов ведутся с 1950-х гг., в том числе методами химического количественного и спектрального количественного анализа. Новые данные приводятся в статье как результат применения рентгенофлуоресцентного, энергодисперсионного и атомно-эмиссионного спектрального анализа. Химические и химико-металлургические особенности сплавов представляются важным дополнением к характеристикам внешнего облика предметного комплекса тагарской культуры. Цель – установить особенности производства медно-бронзовых серповидных орудий тагарской культуры по данным о соотношении химико-металлургических групп сплавов. Задачи: выделение химико-металлургических групп сплавов на медной основе; анализ взаимосвязей рецептур сплавов с морфологическими и метрическими характеристиками орудий; сопоставление рецептур бронз с рисунками на поверхности орудий; установление типов рудных источников меди. Установлено отсутствие взаимосвязей между рецептурами бронз, морфологическими и метрическими показателями. Однако поиски корреляций позволили выявить в анализируемой выборке наличие серповидных орудий двух типов. По измерениям длины основания и высоты лезвия выявлены собственно серпы и жатвенные ножи. Орудия второго типа происходят из Мариинско-Ачинской лесостепи. Анализ набора и соотношений геохимических примесей к меди в повышенных концентрациях указал на применение при производстве тагарских серповидных орудий медных руд, подобных тем, что добывались в Глафиринском и Хараджульско-Бутрахтинском рудниках в восточных предгорьях Кузнецкого Алатау. Бытование серповидных орудий как специализированных атрибутов земледелия не исключает их применения и при заготовке фуража для домашнего скота.

Ключевые слова: тагарская культура, Мариинско-Ачинская лесостепь, Минусинские котловины, земледелие, медно-бронзовые сплавы, элементный состав, серпы

Цитирование: Савельева А. С. Об элементном составе металла медно-бронзовых серповидных орудий тагарской культуры. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 5. С. 558–566. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-558-566>

full article

Elemental Composition of Tagar Copper-Bronze Sickle-Shaped Tools

Anna S. Savel'eva

Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-4804-5932>antverpen@mail.ru

Received 13 May 2022. Accepted after peer review 6 Jul 2022. Accepted for publication 8 Aug 2022.

Abstract: The article features the elemental composition of copper and bronze sickle-shaped tools of the Tagar culture. The structure and composition of metal sickles have been the focus of chemical and spectral quantitative analyses since the 1950s. The paper introduces new data obtained by X-ray fluorescence, energy dispersive, and atomic emission spectral methods. The chemical and chemical-metallurgical features of the alloys add to the external descriptions of the Tagar metal tools. The research objective was to identify the features of Tagar copper-bronze sickles based on the chemical-metallurgical profile of the alloys. The authors also analyzed the effect of the alloy formulations on the morphological and metric characteristics of the tools, compared the bronze formulations with surface patterns, and established the copper ore sources. The study

revealed no relationships between the bronze formulations and the morphological and metric indicators. An attempt to search for correlations showed two types of sickle-shaped tools. By measuring the length of the base and the height of the blade, the authors restored the actual sickles and reaping knives. The second type tools came from the Mariinsk-Achinsk forest-steppe. An analysis of the geochemical impurities in high-concentration copper indicated that the ore used in the Tagar tools was similar to that mined in the Glafrinsk and Kharadzhul-Butrakhty mines in the eastern foothills of the Kuznetsk Alatau. The sickle-shaped tools might also have been used to harvest fodder for livestock.

Keywords: Tagar culture, Mariinsky-Achinsk forest-steppe, Minusinsk basins, agriculture, copper-bronze alloys, elemental composition, sickles

Citation: Savel'eva A. S. Elemental Composition of Tagar Copper-Bronze Sickle-Shaped Tools. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(5): 558–566. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-558-566>

Введение

Медно-бронзовые серповидные орудия представляют одну из интереснейших категорий предметного комплекса тагарской археологической культуры (VIII в. до н. э. – II в. н. э.). Широкое территориальное распространение, функциональное назначение, наличие на поверхности изображений – лишь немногие из широкого круга аспектов, которые привлекают внимание специалистов. Помимо возможностей изучения серпов как косвенного свидетельства хозяйственных операций, данная категория инвентаря может быть интерпретирована как орудие из сплава на медной основе, отражающее определенную стадию медно-бронзового производства [1, с. 40] и обнаруживающее, по материалам скотоводческих культур Восточной Европы, прямую зависимость размеров от близости к месторождениям меди [2, с. 179, 208]. Таким образом, исследования серпов как свидетельств о производственных традициях тагарской культуры представляются актуальными и требуют обобщения имеющихся знаний о металле и введения в научный оборот новых данных, получаемых современными методами элементного анализа.

Некоторые аспекты изучения серповидных орудий тагарской культуры

Большинство тагарских серповидных орудий относится к категории случайных находок или были обнаружены в составе кладов. Одна из первых работ по картографированию мест обнаружения серпов была предпринята В. П. Левашевой [3, рис. 11] (рис. 1, 1).

Ю. С. Гришиным приводятся данные о 239 серпах тагарской культуры [6, с. 123], А. И. Мартыновым проведен анализ их территориального распределения в Минусинских котловинах [7, с. 93; 8, с. 46; 9, с. 118] (рис. 1, 2–5).

Случай обнаружения серпа в погребении зафиксирован в могильнике тагарской культуры Гришкин Лог I С. А. Теплоуховым [10, с. 229; 11, с. 213; 12, с. 103]. Находка описана как «медное серповидное орудие» [13, с. 47]. Серп был найден при скелете женщины в могиле 22 кургана 3 (рис. 1, 6) [4, с. 12, 41, 53, 54, табл. III, табл. 25, 10]. В Музее «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ в составе коллекции находок из курганного могильника Косоголь II (КМАЭЭ 60/1-294 ОФ-ВА 56)

под инвентарным номером 14 хранится предмет с наименованием *нож-серп* (рис. 1, 7). Более точных данных об обстоятельствах его обнаружения нет. В восточно-европейских материалах эта категория инвентаря также редко встречается в могилах [1, с. 91, 115; 14, с. 60].

Одна из первых характеристик тагарских серповидных орудий принадлежит Р. Вирхову. Изображение серпа трактовано им как «очень примитивный серповидный нож» [15, с. 22, 24]. Позже к числу постоянных признаков серпов отнесены уплощенная форма и дугообразный изгиб [16, с. 163]. Прочие признаки изменчивы, благодаря чему эти орудия режущего действия имеют разновидности, например [8, с. 100].

Особым сюжетом являются рисунки на поверхности серпов. Изображения копыта, квадратной скобки, круга, спиралей, фигурки животного, прямоугольников [5, с. 283; 10, с. 258, 259; 11, с. 213; 17, с. 423] рассматриваются как доказательство клеймения изделий мастерами [10, с. 259; 11, с. 213; 18, с. 234] либо связываются с тагарской орнаментикой бронзовых изделий [6, с. 178, 179].

Один из обсуждаемых вопросов касается представлений о серпах как о свидетельствах возделывания зерновых культур [7; 8, с. 100, 102; 11, с. 212; 12, с. 94; 14, с. 60]. По опыту исследований материалов Северной Евразии появление и применение серпов принято связывать с расширением посевных площадей или с высокой урожайностью [19, с. 320; 20, с. 38]. Небольшие размеры серпов, слабый изгиб и неравные углы резания, напротив, трактуются как признак незначительных объемов урожая, неразвитости земледелия [14, с. 65, рис. 16, 5; 21, с. 37]. Известно, однако, что еще до появления способа уборки злаков при помощи серпа бытовали срывание колосьев руками и срезание их неспециализированными орудиями [22, с. 65]. Кроме того, в древности серпы могли использоваться и для срезания травы при заготовке фуража для скота [1, с. 109; 23, с. 57; 24, с. 172]. Учитывая наличие у населения тагарской культуры как земледелия, так и скотоводства [6; 8], представляется, что серпы могли иметь двойное предназначение – для уборки зерновых и для сенокоса (по аналогии с предложенными трактовками восточноевропейских материалов бронзового века [2, с. 208]).

Материалы и методы анализа металла тагарских серповидных орудий

С 1950-х гг. серповидные орудия тагарской культуры выступают предметом исследований структуры и состава металла.

Первый опыт микроструктурного анализа металла тагарского серпа предпринят в Московском институте стали им. И. В. Сталина. Аналитиками Е. В. Панченко и В. С. Ильинским установлена принадлежность образца к числу прокованных изделий [6, с. 142, 204]. Структура металла девяти серпов изучена Д. В. Наумовым. Им доказаны применение разъемных литейных форм; бытование

медленного и быстрого охлаждения отлитого металла, холодной и полугорячей отковки; отливка в вертикально поставленные формы со стороны рукоятки либо в формы, поставленные «на ребро лезвием вниз с заливкой металла через центральную обушную часть» [16, с. 164]. Примеры расположения литников на обушках известны по материалам эпохи бронзы Прикубанья [25; 26, с. 59], а отливки в результате заполнения литейной формы металлом со стороны рукоятки – по восточноевропейским материалам [27, с. 137].

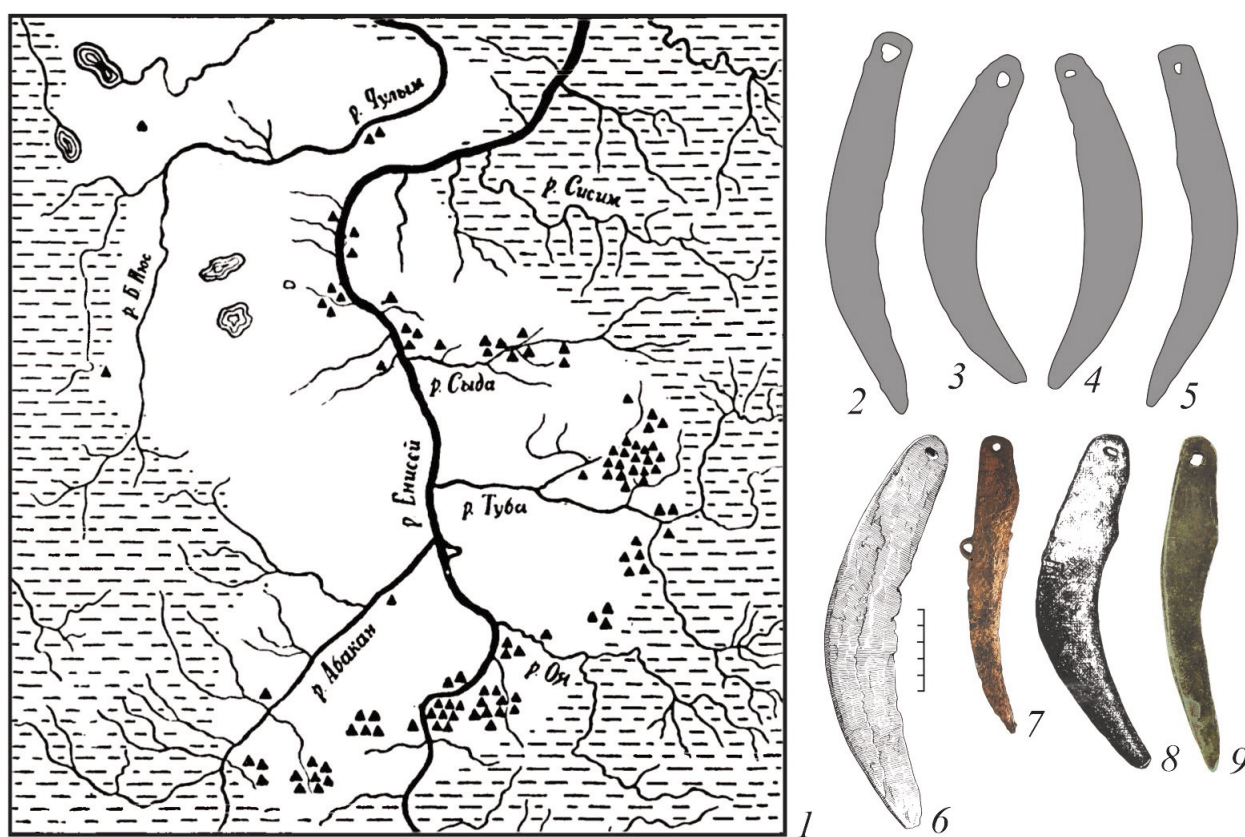

Рис. 1. Серпы тагарской культуры: 1 – пункты обнаружения медно-бронзовых тагарских серпов в бассейне Среднего Енисея, зафиксированные В. П. Левашевой [по: 3, рис. 11]; карта бассейна Среднего Енисея; 2–5 – медно-бронзовые тагарские серпы из фондов Минусинского музея: 2 – № 1689; 3 – № 1690; 4 – № 1692; 5 – № 1693; 2, 3, 5 – Шушенский район Красноярского края; 4 – Аскизский район Республики Хакасия; 6 – из могилы 22 кургана 3 могильника Гришкин Лог I; 7 – из курганного могильника Косоголь II (КМАЭЭ, ОФ ВА 56/14); 8 – с поселения Исток; 9 – из Тисульского района Кемеровской области; 2–5 – по: Научный архив КМАЭЭ, Д. № 178, 178а1; 6 – по [4, табл. 25, 10]; 8 – по [5, рис. 2, 1]; 9 – фото П. В. Германа

Fig. 1. Sickles of the Tagar culture: 1 – points of discovery of copper-bronze Tagar sickles in the basin of the Middle Yenisei, recorded by Levasheva V. P. [after: 3, fig. 11]; 2–5 – copper-bronze Tagar sickles from the Minusinsk Museum: 2 – No. 1689; 3 – No. 1690; 4 – No. 1692; 5 – No. 1693; 2, 3, 5 – Shushenskoye district of the Krasnoyarsk Territory; 4 – Askiz district of the Republic of Khakassia; 6 – from grave 22, mound 3 of the burial ground Grishkin Log I; 7 – from the burial mound Kosogol II (Museum of Archeology, Ethnography, and Ecology of Siberia of the Kemsu, MF SA 56/14); 8 – from Istok settlements; 9 – from the Tisul district of the Kemerovo Region; 2–5 – after: Museum of Archeology, Ethnography, and ecology of Siberia (Kemerovo), case No. 178, 178a; 6 – after [4, tab. 25, 10]; 8 – after [5, fig. 2, 1]; 9 – photo by German P. V.

¹ Научный архив Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ (Научный архив КМАЭЭ). Д. № 178, 178а: Материалы Минусинского музея 1866 г. Инв. № 1–543.

Первый анализ элементного состава металла серпов произведен А. И. Каштановым. Методом количественного химического (мокрого) анализа им изучены три экземпляра из Минусинского округа. В металле орудий выявлены концентрации олова от 1,59 до 2,75 %, свинца – от 0,28 до 0,45 %, железа – от следовых до 0,27 % и никеля – от 0,1 до 0,64 % [28]. И. В. Богдановой-Березовской методом спектрального анализа изучен состав металла 18 серпов и серповидных ножей тагарской культуры, хранящихся в Минусинском музее. По ее заключению, большая часть изготовлена из мышьяковистой бронзы; три изделия отнесены к типу оловянисто-мышьяковистых бронз [29, с. 120]. Я. И. Сунчугашевым и Р. С. Носовой методом спектрального анализа изучен состав металла 13 серпов, найденных на территории правобережья Енисея и хранящихся в Минусинском музее [18, с. 231]. По их заключению, все серпы – медные и происходят из местных металлургических очагов [18, с. 233].

Важно отметить, что металл пяти серпов (№ 1602, 1485, 1650, 1479, 1502) анализировался дважды – И. В. Богдановой-Березовской (1963 г.) и Я. И. Сунчугашевым и Р. С. Носовой (1972 г.). Сравнение полученных результатов показывает разную чувствительность применявшихся в 1960–1970-е гг. методов. Так, для данных И. В. Богдановой-Березовской характерна большая чувствительность к концентрациям олова, железа, сурьмы, висмута и мышьяка. Для данных Я. И. Сунчугашева и Р. С. Носовой – к концентрациям цинка, алюминия и кремния. По заключению И. В. Богдановой-Березовской, орудия № 1479, 1502, 1602 – из бронзы I типа – мышьяковистой; № 1650 – из бронзы Ia типа – мышьяковистой с повышенным содержанием свинца; № 1485 – из бронзы I типа с повышенным содержанием железа [29, с. 120, табл. 4].

По опубликованным в 1950–1970-е гг. данным элементного состава металла серповидных орудий тагарской культуры Минусинских котловин нами произведено выделение химико-металлургических групп сплавов на медной основе (см. столбец *Тип сплава* в табл. 1). Обработка данных включала составление частотных гистограмм для выявления границ искусственного легирования меди оловом, мышьяком и свинцом; составление корреляционных графиков для выявления геохимических примесей к меди мышьяка, свинца, железа и никеля.

Результаты

По материалам, опубликованным А. И. Каштановым, 3 серпа изготовлены из оловянистой бронзы. По материалам, опубликованным Я. И. Сунчугашевым и Р. С. Носовой, 13 серпов – медные. Очевидно, что отсутствие мышьяка в числе химических элементов, выявленных Я. И. Сунчугашевым и Р. С. Носовой, не является характеристикой сплавов, а связано с методическими трудностями процедуры анализа либо с приповерхностным отбором проб [30, с. 213]. В целом отсутствие определений мышьяка делает результаты, полученные исследователями, неполными и затрудняет их историко-металлургическую интерпретацию.

18 серпов, проанализированных И. В. Богдановой-Березовской (табл. 1), отнесены нами к следующим химико-металлургическим группам:

1. «Чистая» медь: серп № 1502.
2. Мышьяковая медь: восемь серпов, в том числе № 1485 – с повышенными концентрациями железа и № 1650 – с повышенными концентрациями свинца.
3. Мышьяковистая бронза: четыре серпа, в том числе № 1474 – с повышенными концентрациями никеля.
4. Свинцовистая бронза: серп № 1621, а также серп № 1470 – с повышенными концентрациями свинца, отнесенный к этой группе условно.
5. Оловянистая бронза: серп № 1504, на основе мышьяковой меди.
6. Мышьяковисто-оловянистая бронза: серп № 1624.
7. Оловянисто-свинцовисто-мышьяковистая бронза: серп № 1648.

Металл шести серпов легирован мышьяком, трех – оловом, металл десяти серпов не содержит лигатур, но в восьми из этих случаев он представляет собой мышьяковую медь. Полученное соотношение рецептур характеризуется низкой долей изделий (17 %), металл которых легирован оловом. С осторожностью можем заключить, что в данной коллекции невысока доля серпов, изготовленных на развитом (саргашенском) этапе тагарской культуры, для металлургических традиций которого характерно легирование меди оловом. Примечателен состав металла серпа № 1474 – мышьяковистая бронза с повышенными концентрациями никеля. Такой тип сплава характерен для раннего (подгорновского) этапа тагарской культуры [31, с. 187; 32, с. 115].

Дополнить приведенные данные о составе металла тагарских серпов можно новыми результатами анализа еще трех экземпляров. Так, находка серпа была сделана при исследовании зольника на поселении Исток в Кузнецкой котловине (северо-восточное Присалаирье) [5, с. 283] (рис. 1, 8). Несмотря на существенное отдаление от ареала распространения памятников тагарской культуры, по заключению В. В. Боброва, серп с поселения Исток «имеет точные аналогии, включая клеймо, в материалах тагарской культуры Среднего Енисея» [5, с. 283; 17, с. 423].

Состав металла орудия ранее был опубликован частично [33, с. 58]. Анализ поверхности серпа проводился дважды. Рентгенофлуоресцентный анализ двух участков изделия выполнен на приборе Альфа-2000 (кафедра археологии, этнографии и музеологии АлтГУ, аналитик – д-р ист. наук, проф. А. А. Тишкин) и показывает содержание олова от 1,21 до 1,47 %; свинца – от 0,67 до 0,75 %; железа – от 0,33 до 2,83 %. Энергодисперсионный анализ выполнен на сканирующем электронном микроскопе JEOL JSM-6390 LA (лаборатория физико-химии углеродных наноструктурированных материалов Кемеровского филиала ИХТТИМ (сегодня – ФИЦ УУХ СО РАН), аналитик – С. Ю. Лырщиков) и показывает содержание металла в качестве примесных к меди компонентов содержит

от 0,37 до 0,48 % олова и 0,28 % свинца. При дальнейших обобщениях нами принимается результат, полученный методом рентгенофлюоресцентного анализа поверхности на участке механической зачистки, согласно которому серп изготовлен из оловянистой бронзы.

Состав пробы металла серпа, найденного в Тисульском районе Кемеровской области (рис. 1, 9), установлен методом атомно-эмиссионного спектрального анализа с индуктивно связанной плазмой в Центре коллективного пользования ФИЦ УХ СО РАН на спектрометре Thermo Scientific iCAP 6500 DUO, аналитик – с. н. с., канд. хим. наук Р. П. Колмыков (табл. 2). Серп отлит из мышьяковой меди – металл содержит 1,11 % мышьяка, т.е. в концентрациях, не позволяющих однозначно отнести этот компонент к легирующим.

Этим же методом проанализирован состав металла упоминавшегося выше орудия из коллекции находок курганного могильника Косоголь II (табл. 2). По наличию олова в концентрациях 4,62 % оно изготовлено из оловянистой бронзы.

Для 12 серповидных орудий тагарской культуры (рис. 2) представляется возможным сопоставить внешний облик (оформление поверхности) и состав металла (типы сплавов). В группе медных серпов – шесть экземпляров. Один – из «чистой» меди (№ 1502) – с рисунками скобки и окружности. № 1470 – из «чистой» меди с повышенными концентрациями свинца, украшен парой скобок. Два серпа из мышьяковой меди – № 1602 и серп из Тисульского района Кемеровской области – со скобкой и без рисунка соответственно. Серп № 1485 – из мышьяковой меди

Табл. 1. Элементный состав металла серпов тагарской культуры (Минусинские котловины) [по: 29]

Tab. 1. Elemental composition of the Tagar sickles (Minusinsk depressions) [after: 29]

Инв. № ММ	Тип сплава	Sn	Pb	As	Sb	Bi	Fe	Zn	Ni	Co
1502	Cu	0,3	0,1	0,3	0,07	0,3	0,01	–	0,02	–
1602	Cu(As)	0,2	0,1	1	0,1	0,1	0,1	0,02	0,07	0,01
1672	Cu(As)	0,05	0,1	1	0,1	0,1	0,2	сл.	0,07	0,01
1477	Cu(As)	0,2	0,1	1	0,1	0,1	сл.	сл.	0,4	сл.
1500	Cu(As)	0,3	0,05	1,5	0,1	0,02	сл.	–	0,02	–
1591	Cu(As)	0,7	0,1	1,5	0,2	0,07	0,01	сл.	0,07	сл.
1485	Cu(As)(Fe)	0,2	0,2	1,5	0,2	0,1–0,7	1	–	0,1	сл.
1650	Cu(As)(Pb)	0,5	1	1	0,1	сл.	0,2	сл.	0,07	сл.
1470	Cu(Pb)	0,05	1	сл.	0,2	0,2	0,07	сл.	сл.	0,01
1628	Cu(As)	сл.	0,2–0,5	1,5–1	0,1	0,2	сл.	сл.	0,1	сл.
1636	Cu+As	0,2	0	2	0,2	0,2	0,1	сл.	0,07	0,04
1627	Cu+As	сл.	0,2–0,5	2	0,2	0,2	0,05	сл.	0,07	сл.
1479	Cu+As	0,5	0,2	2	0,5	0,1–0,2	0,05	сл.	0,1	сл.
1474	Cu+As(Ni)	0,2	0,01	>5	0,7	0,1	0,01	–	>1	0,4
1624	Cu+As+Sn	2	0	5	0,5	0,1	0,3	сл.	0,2	0,04
1621	Cu+Pb	0,05	2	0,01	0,3	0,15	0,07	0,01	сл.	0,01
1504	Cu+Sn(As)	4	0,5	1,5	0,2	0,1	сл.	–	0,1	сл.
1648	Cu+Sn+Pb+As	2	2	2	0,4	0,07	0,4	сл.	0,2	0,4

Прим.: ММ – Минусинский музей; во всех случаях основа – медь; концентрации в %; во всех образцах – следы золота, серебра, кремния, алюминия и магния; сл. – следы.

Табл. 2. Результаты атомно-эмиссионного спектрального анализа с индуктивно связанной плазмой металла серповидных орудий тагарской культуры (Маринско-Ачинская лесостепь)

Tab. 2. Atomic-emission spectral analysis with inductive plasma of the Tagar metal sickles from the Mariinsk-Achinsk forest-steppe

Место находки	Sn	Pb	As	Sb	Bi	Fe	Zn	Ni	Co	Au	Ag
Тисульский район	0,24437	0,0768	1,11	0,0797	0,0472	0,01307	0,00442	0,0722	0,00564	0,00175	0,047
Могильник Косоголь II	4,62	0,0331	0,15	0,0269	0,0075	0,043	0,0022	0,0887	0,0209	0,0055	0,0376

Прим.: основа – медь, концентрации в %.

с повышенными концентрациями железа, украшен скобкой с перемычкой. Серп № 1650 – из мышьяковой меди с повышенными концентрациями свинца, с парой скобок. В целом нет связи геохимических характеристик меди с нанесенными на поверхность серпов рисунками. В группе *мышьяковистой бронзы* – два экземпляра: № 1474 – с повышенными концентрациями никеля, без рисунков; № 1479 – с парой скобок. Из *оловянистой бронзы* – серпы с поселения Исток и из могильника Косоголь II. На поверхности первого – вписанный в скобку прямоугольник. Косогольский экземпляр выделяется округлой петелькой на спинке. Из *мышьяковисто-оловянистой бронзы* – серп № 1624 – с двумя группами из двух и трех вписанных окружностей. Из *оловянисто-свинцовисто-мышьяковистой бронзы* – серп № 1648 – с изображением скобки.

Приведенные наблюдения позволяют заключить, что геохимическая специфика медных руд и особенности легирования меди не связаны с характером рисунков на поверхности. Ранее Я. И. Сунчугашев и Р. С. Носова высказывались о территориальной приуроченности мест обнаружения серпов. В частности, орудия со знаками «ОП», по их мнению, «могли быть произведены в районе бывшего Лугавского медеплавильного завода» [18, с. 233]. Однако, судя по изученным

материалам, мы не можем относить рисунки на поверхности серпов ни к местам добычи руды (поскольку фиксируются разные геохимические характеристики руд), ни к местам производства (поскольку фиксируются разные типы сплавов).

Информативными представляются повышенные концентрации таких геохимических примесей к меди, как свинец, мышьяк, железо и никель. Опираясь на опубликованные данные о некоторых месторождениях меди Минусинских котловин [34, с. 36, 44, 47, 52, 53], можно заключить, что серпы из мышьяковой меди (№ 1650, 1485, 1602 и из Тисульского района Кемеровской области), серп № 1485 с повышенными концентрациями железа и мышьяка могли изготавливаться из руд наподобие тех, что добывались тагарцами на Глафиринском и Хараджульско-Бутрахтинском рудниках. Серпы, в металле которых повышены концентрации свинца, могли изготавливаться из руд подобных глафиринским (№ 1470, 1650). Важно, что оба рудника относятся к числу разрабатывавшихся на всем протяжении тагарской культуры.

Обратимся к вопросу о взаимосвязи особенностей элементного состава и морфологии орудий. В качестве объективно регистрируемых выбраны два параметра – длина основания и высота дуги лезвия [22, с. 70, рис. 42]. В восточно-европейских материалах по этим показателям серпы отграничиваются, например, от жатвенных ножей. Данная методика построена Ю. А. Красновым в результате сравнения «больших серий орудий, известных по археологическим данным, и привлечения сравнительного этнографического материала», и с учетом подхода В. П. Левашевой [22, с. 68]. Для металлических серпов принимаются длина основания не менее 8–10 см и высота дуги лезвия не менее 1/10 длины основания [22, с. 68]. Отметим, что применяемые исследователями критерии развитости данного типа тагарских орудий различны. Так, Ю. С. Гришиным наиболее совершенными названы серпы «с большой протяженностью лезвия и уже сравнительно большим изгибом» [6, с. 123]. Выделение групп орудий по критерию массивности и метрическим показателям тесно связано с их функциями. А. И. Мартыновым серпам как орудиям режущего действия (горбовидно-изогнутые с расширенным посередине лезвием, плавно-изогнутые, с заостренным концом) противопоставляются косари (с более массивным широким и толстым у обуха лезвием) как орудия рубяще-режущего действия (вогнуто-лезвийные, выпуклолезвийные, прямолезвийные) [2, с. 209; 8, с. 46]. По восточноевропейским материалам эпохи бронзы известна такая вариация функционально схожего косарю орудия, как «секач» [2, с. 209]. Так морфометрически выстраивается последовательность типов серповидных орудий – жатвенные ножи, серпы, косари. Жатвенные ножи менее массивны, с длиной основания менее 8–10 см, с меньшей, по сравнению с серпами, дугой резания – менее 1/10 длины основания. По наблюдениям Ю. А. Краснова, жатвенные ножи совершенных форм трудно отличить от ранних типов серпов [22, с. 68], отчего еще более актуально сравнение типов медно-бронзовых сплавов, из которых они изготовлены.

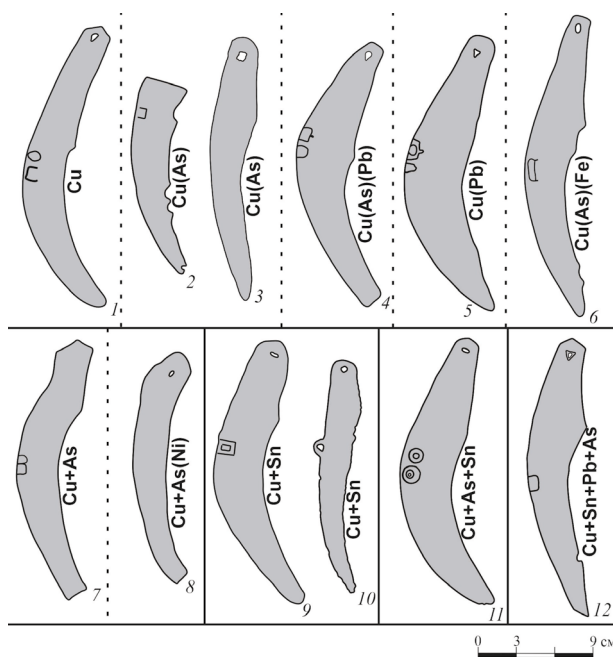

Рис. 2. Распределение некоторых серповидных орудий тагарской культуры по химико-металлургическим группам сплавов на основе меди: 1 – № 1502; 2 – № 1602; 3 – Тисульский район Кемеровской области; 4 – № 1650; 5 – № 1470; 6 – № 1485; 7 – № 1479; 8 – № 1474; 9 – поселение Исток; 10 – могильник Косоголь II; 11 – № 1624; 12 – № 1648; 1, 2, 4, 6, 7 – по [18]; 5, 8, 11, 12 – без масштаба, по [29]
Fig. 2. Tagar sickles by chemical-metallurgical profiles of copper-based alloys: 1 – No. 1502; 2 – No. 1602; 3 – Tisul district of the Kemerovo region; 4 – No. 1650; 5 – No. 1470; 6 – No. 1485; 7 – No. 1479; 8 – No. 1474; 9 – settlement Istok; 10 – Kosogol II burial ground; 11 – No. 1624; 12 – No. 1648; 1, 2, 4, 6, 7 – after [18]; 5, 8, 11, 12 – without scale, after [29]

В результате измерений параметров восьми орудий по методике, предложенной Ю. А. Красновым, установлено: № 1502 (рис. 2, 1) с длиной основания 19,4 см и высотой дуги лезвия 3,3 см; № 1602 (рис. 2, 2) с длиной основания 14,7 см и высотой дуги лезвия 1,7 см; № 1650 (рис. 2, 4) с длиной основания 9,1 см и высотой дуги лезвия 3 см; № 1485 (рис. 2, 6) с длиной основания 12,5 см и высотой дуги лезвия 1,7 см; № 1479 (рис. 2, 7) с длиной основания 16,4 см и высотой дуги лезвия 2,8 см; серп с поселения Исток (рис. 2, 9) с длиной основания 13,6 см и высотой дуги лезвия 1,9 см. Эти орудия из меди, мышьяковой меди, мышьяковистой и оловянистой бронзы, согласно принятому подходу, являются серпами. Орудия из Тисульского района (рис. 2, 3) с длиной основания 11,7 см и высотой дуги лезвия 1,1 см и из могильника Косоголь II (рис. 2, 10) с длиной основания 14,3 см и высотой дуги лезвия 1 см являются жатвенными ножами, изготовлены из мышьяковой меди и из оловянистой бронзы соответственно.

Заключение

Приведенные наблюдения пока охватывают небольшое число экземпляров серповидных орудий, найденных в широких географических пределах от северо-восточного Присалаирья (Кузнецкая котловина) на западе до Минусинских котловин на востоке. Являясь специализированными орудиями земледелия, они могли быть задействованы в процессе заготовки кормов для домашнего скота. Рассмотренные орудия произведены из меди, в том числе мышьяковой, и из сплавов на медной основе – мышьяковистой, оловянистой и многокомпонентной бронзы. При этом выявленные химико-металлургические группы медно-бронзовых сплавов не имеют взаимосвязей ни с морфологией орудий, ни с выполненными на их поверхности рисунками. Предварительно, по особенностям набора элементов, встреченных в составе металла серповидных орудий в повышенных концентрациях, получен вывод об их производстве с применением медных руд наподобие тех, что добывались в течение всего тагарского времени на рудниках Глафиринском и Хараджульско-Бутрахтинском (восточные предгорья Кузнецкого Алатау). По измерениям длины основания и высоты дуги лезвия из числа изученных серповидных орудий выделяются два жатвенных

ножа. Оба предмета происходят из Мариинско-Ачинской лесостепи – найдены в Тисульском районе Кемеровской области и на могильнике Косоголь II (Ужурский район Красноярского края). Дальнейшая работа по изучению элементного состава данной категории орудий требует применения единообразного подхода к классификации, в том числе по строгим метрическим и химико-металлургическим параметрам, и пополнения данных об элементном составе серпов и жатвенных ножей тагарской культуры.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Автор признателен д-ру ист. наук, проф. А. И. Мартынову за разрешение привлечь к исследованию неопубликованные материалы из могильника Косоголь II и главному хранителю, руководителю отдела археологии и этнографии КМАЭЭ А. Ю. Бобровой за всестороннюю помощь в работе с фондами Музея.

Acknowledgment: The author is grateful to Prof. A. I. Martynov, Dr. Sci. (Hist.), for his permission to use some unpublished materials from the Kosogol II burial ground and L. Yu. Bobrova, chief curator head of the department of archeology and ethnography of the Museum of Archaeology, Ethnography, and Ecology of Siberia (KemSU), for her assistance with the Museum's funds.

Финансирование: Работа выполнена в рамках Государственного задания Минобрнауки РФ, проект № 0286-2021-0011 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

Funding: The research was part of State Task from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation "Sociocultural genesis and cross-border interaction of ancient and medieval societies in the contact zones of Western and Central Siberia", No. 0286-2021-0011.

Литература / References

1. Бочкарев В. С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: Инфо Ол, 2010. 231 с. [Bochkaryov V. S. *Cultural genesis and ancient metal production of Eastern Europe*. St. Petersburg: Info Ol, 2010, 231. (In Russ.)] EDN: SWSUAB
2. Бочкарев В. С. К вопросу об использовании металлических серпов и серповидных орудий в степных (скотоводческих) культурах эпохи поздней бронзы Восточной Европы. *Российский археологический ежегодник*. 2012. № 2. С. 194–214. [Bochkaryov V. S. Metal sickles and sickle-shaped tools in the steppe (pastoral) cultures of the Late Bronze Age of Eastern Europe. *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik*, 2012, (2): 194–214. (In Russ.)] EDN: XYAFCP
3. Левашева В. П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск: Краснояргиз, 1939. 68 с. [Levasheva V. P. *The past of the southern part of the Krasnoyarsk Territory*. Krasnoyarsk: Krasnoiargiz, 1939, 68. (In Russ.)]
4. Максименков Г. А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб.: Петерб. Востоковедение, 2003. 192 с. [Maksimenkov G. A. *The early history of the Tagar culture*. St. Petersburg: Peterb. Vostokovedenie, 2003, 192. (In Russ.)]

5. Бобров В. В. Погребения скифского времени Кузнецкой котловины в аспекте культурно-исторических процессов. *Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии*, отв. ред. В. И. Молодин, М. В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 275–286. [Bobrov V. V. Burials of the Scythian time of the Kuznetsk basin in the aspect of cultural and historical processes. *Basic issues in archaeology, anthropology and ethnography of Eurasia*, eds. Molodin V. I., Shunkov M. V. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2013, 275–286. (In Russ.)]
6. Гришин Ю. С. Производство в тагарскую эпоху. *Материалы и исследования по археологии СССР*. 1960. № 90. С. 116–206. [Grishin Yu. S. Production in the Tagar Era. *Materials and studies on the archaeology of USSR*, 1960, (90): 116–206. (In Russ.)]
7. Мартынов А. И. О технологии применения бронзовых серпов. *Известия лаборатории археологических исследований*, ред. А. И. Мартынов. Кемерово, 1970. Вып. 2. С. 93–98. [Martynov A. I. About the technology of using bronze sickles. *News of the archaeological research laboratory*, ed. Martynov A. I. Kemerovo, 1970, iss. 2, 93–98. (In Russ.)] EDN: ZHBUJF
8. Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1979. 208 с. [Martynov A. I. *Forest-steppe Tagar culture*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-e, 1979, 208. (In Russ.)] EDN: REJYEL
9. Абсаямов М. Б. Мифы Древней Сибири. Красноярск: Красноярский ГАУ, 2004. 304 с. [Absalyamov M. B. *Myths of Ancient Siberia*. Krasnoyarsk: KrasSAU, 2004, 304. (In Russ.)] EDN: QOVPIPI
10. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. 2-е изд. М.: АН СССР, 1951. 644 с. [Kiselyov S. V. *Ancient history of Southern Siberia*, 2nd ed. Moscow: AS USSR, 1951, 644. (In Russ.)] EDN: SIIIEX
11. Членова Н. Л. Тагарская культура. *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время*, отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 206–224. [Chlenova N. L. Tagar culture. *Steppe zone of the Asian part of the USSR in Scythian-Sarmatian time*, ed. Moshkova M. G. Moscow: Nauka, 1992, 206–224. (In Russ.)] EDN: WANDSD
12. Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 179 с. [Vadeckaya E. B. *Archaeological sites in the steppes of the Middle Yenisei*. Leningrad: Nauka, 1986, 179. (In Russ.)] EDN: RWXFON
13. Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (В кратком изложении). *Материалы по этнографии*. Л.: ГРМ, 1929. Т. IV. Вып. II. С. 41–57. [Teploukhov S. A. The experience of the classification of ancient metal cultures of the Minusinsk region (In summary). *Materials on the ethnography*. Leningrad: GRM, 1929, vol. IV, iss. II, 41–57. (In Russ.)]
14. Левашева В. П. Сельское хозяйство. *Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.*, ред. Б. А. Рыбаков. М.: Госкультпросветиздат, 1956. Вып. 32. С. 19–105. [Levasheva V. P. Agriculture. *Essays on the history of the Russian village of the X–XIII centuries*, ed. Rybakov B. A. Moscow: Goskultprosvetizdat, 1956, iss. 32, 19–105. (In Russ.)]
15. Борисенко А. Ю. Рудольф Вирхов о сибирских бронзах. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2010. Т. 9. № 7. С. 22–26. [Borisenko A. Yu. Rudolf Virchow about Siberian bronze. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya: Istoriya, Filologiya*, 2010, 9(7): 22–26. (In Russ.)] EDN: NBODML
16. Наумов Д. В. Производство и обработка древних медных и бронзовых изделий Минусинской котловины. *Новые методы в археологических исследованиях*, отв. ред. С. И. Руденко. М.-Л.: АН СССР, 1963. С. 159–190. [Naumov D. V. Production and processing of ancient copper and bronze items from the Minusinsk Basin. *New methods in archaeological research*, ed. Rudenko S. I. Moscow-Leningrad: AS USSR, 1963, 159–190. (In Russ.)]
17. Бобров В. В. Аварийное исследование памятника Исток. *Археологические открытия*. 2007. Т. 2005. С. 422–424. [Bobrov V. V. Emergency investigation of the Istok monument. *Arkheologicheskie otkrytiia*, 2007, 2005: 422–424. (In Russ.)]
18. Сунчугашев Я. И., Носова Р. С. О химическом составе древних медных серпов и слитков из Хакасско-Минусинской котловины. *Ученые записки ХакНИИЯЛИ*. 1972. Вып. XVII. № 4. С. 231–234. [Sunchugashev Ia. I., Nosova R. S. The chemical composition of ancient copper sickles and ingots from the Khakass-Minusinsk basin. *Uchenye zapiski KhakNIYaLI*, 1972, XVII(4): 231–234. (In Russ.)]
19. Конецкий В. Я., Самойлов К. Г. К проблеме возникновения пашенного земледелия в лесной зоне Восточной Европы в I тыс. н. э. *Археологические вести*. 2000. № 7. С. 320–328. [Konetsky V. Ya., Samoilov K. G. On the origin of the tilling agriculture in the forest zone of Eastern Europe in the 1st millennium A.D. *Arkheologicheskie vesti*, 2000, (7): 320–328. (In Russ.)] EDN: TKIDEF
20. Сарапулов А. Н. О времени появления пашенного земледелия в Пермском Предуралье. *Вестник Пермского научного центра УрО РАН*. 2016. № 3. С. 37–41. [Sarapulov A. N. About the time of appearance of plough farming in the Perm Cis-Urals. *Perm Federal Research Center Journal*, 2016, (3): 37–41. (In Russ.)] EDN: XHOMCV
21. Вязов Л. А. Земледелие племен именьковской культуры. *Вестник Самарского государственного университета*, 2008. № 5-1. С. 32–42. [Vyazov L. A. Agriculture of Imenkov culture tribes. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, (5-1): 32–42. (In Russ.)] EDN: OOLKMX
22. Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы (II тысячелетие до н. э. – первая половина I тысячелетия н. э.). М.: Наука, 1971. 168 с. [Krasnov Yu. A. *Early agriculture and animal husbandry in the forest zone of Eastern Europe (II millennium BC – first half of the I millennium AD)*. Moscow: Nauka, 1971, 168. (In Russ.)] EDN: YMUGZR

23. Разуваев Ю. Д., Горбаненко С. А. К характеристике земледельческого хозяйства населения городецкой культуры бассейна Дона и Цны. *Российская археология*. 2015. № 3. С. 55–66. [Razuvaev Yu. D., Gorbanenko S. A. On the characteristics of farming among the population of the Gorodetsaya culture in the basins of the rivers Don and Tsna. *Rossiiskaja Arheologija*, 2015, (3): 55–66. (In Russ.)] EDN: UJHZSP
24. Бороффка Н., Манту-Лазарович К.-М. Зимовка степных скотоводов и два уральских бронзовых серпа из Пойенешть (Румыния). *Российский археологический ежегодник*. 2012. № 2. С. 172–193. [Boroffka N., Mantu-Lazarovich K.-M. Wintering of steppe cattle-breeders and two Ural bronze sickles from Poienesti (Romania). *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik*, 2012, (2): 172–193. (In Russ.)]
25. Наумов Д. В., Миняев С. С. Химический состав металлических предметов Самарского клада. *Краткие сообщения Института археологии*. 1972. № 132. С. 89–91. [Naumov D. V., Minyaev S. S. Chemical composition of metal objects of the Samara treasure. *Kratkiye Soobshcheniya Instituta Arkheologii*, 1972, (132): 89–91. (In Russ.)]
26. Мокрушин В. П., Нарожный Е. И. Клад бронзовых серпов из Кабардино-Балкарии. *Связи и взаимоотношения культур бронзового века Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы: тезисы докладов круглого стола*. (Москва, 3–5 декабря 2018 г.) М.: ИА РАН, 2018. С. 58–59. [Mokrushin V. P., Narozhnyi E. I. Hoard of bronze sickles from Kabardino-Balkaria. *Connections and relationships of cultures of the Bronze Age of the Circumpontian region: new data and materials: round table reports*, Moscow, 3–5 Dec 2018. Moscow: IA RAS, 2018, 58–59. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-261-2.58-59>
27. Алаева И. П., Медведева П. С., Рассомахин М. А., Анкушев М. Н. Литейная форма для отливки серпов-косарей финала бронзового века (из коллекции музея Ильменского государственного заповедника). *Геоархеология и археологическая минералогия*. 2017. Т. 4. С. 135–139. [Alaeva I. P., Medvedeva P. S., Rassomahin M. A., Ankushev M. N. Casting mold for casting sickles-mowers of the final Bronze Age: from the collection of the Museum of the Ilmen State Reserve. *Geoarkheologiya i arkheologicheskaya mineralogiya*, 2017, 4: 135–139. (In Russ.)] EDN: ZFHWKZ
28. Каштанов Л. И. Химический состав древних цветных сплавов на территории СССР. *Труды Моск. инженерно-экономического ин-та им. С. Орджоникидзе*. 1951. Вып. 1. С. 101–135. [Kashtanov L. I. The chemical composition of ancient non-ferrous alloys on the territory of the USSR. *Trudy Mosk. inzhenerno-ekonomicheskogo in-ta im. S. Ordzhonikidze*, 1951, (1): 101–135. (In Russ.)]
29. Богданова-Березовская И. В. Химический состав металлических предметов из Минусинской котловины. *Новые методы в археологических исследованиях*, отв. ред. С. И. Руденко. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 115–159. [Bogdanova-Berezovskaya I. V. Chemical composition of metal objects from the Minusinsk Basin. *New methods in archaeological research*, ed. Rudenko S. I. Moscow-Leningrad: AS USSR, 1963, 115–159. (In Russ.)]
30. Лобода А. Ю., Терещенко Е. Ю., Антипенко А. В., Ретивов В. М., Пресняков М. Ю., Колобылина Н. Н., Кондратьев О. А., Шишлина Н. И., Яцишина Е. Б., Кашкаров П. К. Методы определения элементного состава металла археологических объектов при коррозионных наслоениях и в ограниченных условиях пробоотбора материала. *Поволжская Археология*. 2018. № 4. С. 203–221. [Loboda A. Yu., Tereschenko E. Yu., Antipenko A. V., Retivov V. M., Presnyakov M. Yu., Kolobylyna N. N., Kondrat'ev O. A., Shishlina N. I., Yacishina E. B., Kashkarov P. K. Local and integral techniques in metal compositional analysis of archaeological objects with surface corrosion layers and small sample quantities. *Povolzhskaya Arkheologiya*, 2018, (4): 203–221. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24852/2018.4.26.203.221>
31. Хаврин С. В. Тагарские бронзы. *Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура*. СПб., 2000. С. 183–194. [Khavrin S. V. Tagar bronzes. *Worldview. Archeology. Ritual. Culture*. St. Petersburg, 2000, 183–194. (In Russ.)]
32. Хаврин С. В. Тагарские бронзы Ширинского района Хакасии. А. В.: *Сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова*, науч. ред. С. В. Хаврин. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 115–123. [Khavrin S. V. The Tagar bronzes of the Shirinsky district of the Republic of Khakassia. A. V. *Collection of scientific papers in honor of the 60th anniversary of A. V. Vinogradov*, eds. Khavrin S. V. St. Petersburg: Kult-Inform-Press, 2007, 115–123. (In Russ.)] EDN: QPGJIF
33. Савельева А. С. Металл поселения Исток в Кузнецкой котловине: результаты рентгенофлуоресцентного анализа. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2010. Т. 9. № 5. С. 56–63. [Savel'eva A. S. The results of XRay fluorescence studies of metal from Istok settlement in Kuznetsk hollow. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya: Istoriya, Filologiya*, 2010, 9(5): 56–63. (In Russ.)] EDN: LNRCSM
34. Сунчугашев Я. И. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М.: Наука, 1975. 174 с. [Sunchugashev Ya. I. *Most ancient mines and the sites of early metallurgy in the Khakass-Minusinsk depression*. Moscow: Nauka, 1975, 174. (In Russ.)] EDN: PMTGQC

оригинальная статья

Корпус служилых людей Кузнецкого уезда в первой половине XVIII в.: состав, численность и направления служебной деятельности в зеркале региональных административных процессов

Бобров Денис Сергеевич

Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул

orcid.org/0000-0001-6786-1321

bds-eureka@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.01.2022. Принята после рецензирования 12.04.2022. Принята в печать 25.04.2022.

Аннотация: Цель статьи – анализ состава, динамики численности, направлений профессиональной деятельности и подведомственности служилой корпорации Кузнецкого уезда в переломный для нее период – первую половину XVIII в., когда углубление освоенческого процесса в южные приграничные районы Западной Сибири вызвало в регионе ощутимые административные трансформации. Даны замечания о характере источниковой базы исследования – делопроизводственных материалов и учетной документации из фондов Российского государственного архива древних актов. Освещена структура служебной деятельности иррегулярных военных, затрагиваются практики ординарных командировок в приграничные районы для береговой службы и экстраординарных – для строительства новых укреплений. Показано, что кузнецкая служилая корпорация пыталась различными путями уменьшить возлагавшуюся на нее административную нагрузку. На основе приведенных количественных сведений обоснован тезис о постепенном сокращении штатного расписания и фактической численности служилого корпуса уезда под влиянием изменения военно-политической обстановки и пертурбаций в системе управления. Резюмируется, что к середине 1740-х гг. местные гражданские власти в значительной степени утратили фактический контроль над служилыми людьми, который перешел в руки военно-ведомственных структур.

Ключевые слова: служилая корпорация, иррегулярные войска, годовальщики, воеводы, гарнизоны, Новоучрежденный драгунский полк, Западная Сибирь, Кузнецкий уезд

Цитирование: Бобров Д. С. Корпус служилых людей Кузнецкого уезда в первой половине XVIII в.: состав, численность и направления служебной деятельности в зеркале региональных административных процессов. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 5. С. 567–575. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-567-575>

full article

Military Corps of the Kuznetsk District in the First Half of the XVIII Century: Staff, Manpower, and Occupation in the Context of Regional Administrative Processes

Denis S. Bobrov

Altai State University, Russia, Barnaul

orcid.org/0000-0001-6786-1321

bds-eureka@yandex.ru

Received 31 Jan 2022. Accepted after peer review 12 Apr 2022. Accepted for publication 25 Apr 2022.

Abstract: The article features the staff, manpower, occupation, and subordination issues in the military corps of the Kuznetsk district in the first half of the XVIII century. The frontier exploration into the southern border regions of Western Siberia caused administrative transformations in the region. The research relied on management and accounting documentation from the Russian State Archive of Ancient Acts. The author reviewed the structure of the service activities of the irregular military corps, which included both ordinary assignments to the border area for riverside patrol and extraordinary assignments for the construction of new fortifications. The Kuznetsk authorities did their best to reduce the administrative burden. The archival documents prove that the actual number of the military people in the district reduced as a result of the changes in the military, political, and management situation. By the mid 1740s, the local civil authorities had completely lost administrative control over the military staff, which passed into the hands of military departmental structures.

Keywords: service class people, irregular troops, one-year service soldiers, governor of province, garrisons, newly formed dragoon regiment, Western Siberia, Kuznetsk district

Citation: Bobrov D. S. Military Corps of the Kuznetsk District in the First Half of the XVIII Century: Staff, Manpower, and Occupation in the Context of Regional Administrative Processes. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(5): 567–575. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-567-575>

Введение

Формирование служилого мира Сибири вызывает устойчивый интерес не одного поколения историков. В большинстве административных частей региона этот процесс практически полностью завершился в XVII в. Первая половина XVIII в. стала во многом поворотным временем для служилых людей Притомья и Верхнего Приобья, один из завершающих этапов эволюции их корпорации протекал на фоне интенсивных социальных и управленческих преобразований. С одной стороны, на протяжении этого периода Кузнецк перехватил у соседнего Томска стратегическую инициативу в освоении порубежных областей Западной Сибири и особенно предгорий Алтая, большая часть этих территорий вошла в состав Кузнецкого уезда. На это накладывался ощутимый и устойчивый приток русского населения в Иртышско-Енисейское междуречье, зафиксированный первыми ревизиями. С другой – резкое насыщение приграничных районов регулярными войсками, начавшееся во второй половине 1730-х гг., и последовавшие за этим административные пертурбации на региональном и местном уровнях способствовали кардинальным трансформациям служилой корпорации, ее размытию. В этом свете представляется, что различные проявления динамики корпуса служилых людей Кузнецкого уезда на протяжении первой половины XVIII в. изучены специалистами не в полной мере.

На фоне хрестоматийных исследований Н. И. Никитина [1] и Г. А. Леонтьевой [2] по истории служилого мира Сибири, стремящихся охватить широкий круг вопросов формирования соответствующей категории населения, ее государственного обеспечения и занятий, современная историография все больше внимания обращает на специфику складывания, динамику численности и состав гарнизонов уездных центров региона в XVII – первой трети XVIII в. [3–6]. Отдельные работы представляют собой попытку установления ключевых тенденций и принципов участия служилых людей в осуществлении власти на местном уровне [7]. Внушительной научной и эвристической значимостью обладает библиографический словарь служилых людей Сибири конца XVI – начала XVIII в., составленный коллективом новосибирских историков на основе архивов Д. Я. Резуна [8].

Определенные стороны истории корпуса служилых людей Кузнецкого уезда рассмотрены в многочисленных публикациях сибиреведов. В частности, Ю. С. Булыгиным [9], А. П. Уманским [10], А. Ю. Огурцовым [11; 12], С. Ю. Исуповым [13; 14], И. П. Каменецким [15], В. Б. Бородаевым

и А. В. Контевым [16] и др. раскрыта роль кузнецких и томских служилых людей в сооружении и охране русских военно-оборонительных укреплений в верховьях Оби и Иртыша в первой половине XVIII в. В более ранних наших работах освещены отдельные аспекты участия служилого корпуса Кузнецкого уезда в административной коммуникации и взаимодействии гражданских властей с частновладельческими горнозаводскими и военно-ведомственными структурами на юге Западной Сибири [17; 18]. А. А. Чурсина охарактеризовала место в аграрном и торгово-промышленном освоении Томско-Кузнецкого хозяйственного района служилого элемента и влияние на социальное состояние его потомков региональных тенденций экономического развития [19; 20]. Социально-политический статус городских казаков в регионе показан в исследованиях по истории казачества [21; 22].

Цель данной статьи – анализ состава, динамики численности, профессиональной деятельности и подведомственности служилых людей Кузнецкого уезда в контексте административных процессов на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. Источниковый корпус исследования базируется на материалах ф. 517 (Кузнецкая воеводская канцелярия) Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и отдельных опубликованных сведениях, приведенных в описании Кузнецкого уезда И. Шишковым (по анкетам В. Н. Татищева) [23, с. 148–208]. В подавляющей своей массе привлеченные документы представляют собой делопроизводственные материалы (указы воевод, доношения и т. д.) и учетную документацию (рапорты, ведомости численности иррегулярного войска).

При реконструкции заявленных аспектов истории корпуса кузнецких служилых людей следует учитывать ряд важных обстоятельств состояния и характера источниковой базы.

1. Доступные в РГАДА массивы документов кузнецкой администрации выгодно отличаются от фондов Томской уездной канцелярии или Енисейской провинциальной, где дела, связанные с первой половиной столетия, являются единичными.

2. В начале 1730-х гг. в Кузнецке, как и в некоторых других районах Сибири, законодательно посредством губернаторских и воеводских указов утвердилась практика регулярного составления ведомостей количественного состояния служилого корпуса (в рамках политики составления «генеральных» табелей на региональном уровне)¹. Периодичность

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 517. Оп. 1. Д. 52. Л. 6.

составления таких учетных документов выдерживалась далеко не всегда, имели место многочисленные задержки и срывы, ощутимая часть источников не сохранилась. Косвенно информация о численном составе иррегулярного войска отложилась в воеводских указах, распорядительной и инструктивной документации, где некоторые сведения из ведомостей и рапортов дублируются полностью или частично. Значимостью обладают даже черновые варианты соответствующих материалов, поскольку отсутствие очевидных исправлений в тексте указывает на определенную достоверность количественных показателей, не подвергавшихся коррективам.

3. Следует иметь в виду характер учетных документов, административный статус составлявших их лиц. Войсковые ведомости, составленные офицерами регулярных подразделений, зачастую содержат неполную или даже противоречивую информацию о состоянии иррегулярных частей (например, военными командирами в большинстве случаев не учитывались служилые татары в составе корпуса, что приводило к расхождению с количественными сведениями воеводской канцелярии). Наконец, на юге Западной Сибири в первой половине – середине XVIII в. в условиях дефицита воинских отрядов региональные и местные власти привлекали в иррегулярные подразделения на экстраординарной основе «выписных» (казаков): беломестных казаков, отставных солдат и др. Такие практики не всегда находили отражение в источниках.

Состав служилой корпорации, регулярные и экстраординарные службы

Социальный состав кузнецкого служилого корпуса первой половины XVIII в. был типичен для сибирских уездов: наряду с дворянами и детьми боярскими в него входили конные и пешие казаки, служилые татары (аналогичные социальные категории составляли костяк служилых корпораций в Тарском, Иркутском и др. уездах [2, с. 49–59; 3, с. 74, 79]).

Дворяне обладали особым статусом и играли важную роль в корпусе, им назначались наиболее значимые службы и поручения. Так, дворянин Андрей Муратов являлся одним из первых приказчиков Бикатунской крепости, командовал ее гарнизоном во время ойратского похода 1710 г., приведшего к уничтожению укрепления [16, с. 97–99]. Спустя почти десятилетие дворянин Иван Максюков руководил строительством Белоярского острога и после завершения работ передал контроль над округой приказчику – дворянину Степану Серебренникову [16, с. 218–221]. Петр Алексеевич Мельников несколько раз исполнял обязанности кузнецкого воеводы в ходе транзита власти глав уезда, в 1733–1734 гг. осуществил экспедиции в предгорья Алтая с целью установления наиболее оптимального варианта государственной границы [24], через несколько лет

на месте курировал приписку крестьян из округ Малышевой слободы и Белоярского острога к колыванским заводам, в середине 1740-х гг. пребывал в статусе казачьего головы².

Должность казачьего головы уезда в некоторых документах упоминается как «городничий»³. К его компетенции относилась организация снабжения порохом и артиллерийскими снарядами острогов и крепостей уезда, составление табелей и ведомостей состояния контингента служилых людей. Воеводы также стремились переложить на этих лиц ремонт укреплений⁴, определение персоналий для верстания в службу на освободившиеся места. Казачьему голове направлялись копии большинства указов. Интересно, как сама кузнецкая канцелярия представляла разграничение полномочий этого института с юрисдикцией главы уезда. При ответе на анкеты В. Н. Татищева значилось, что «дворяне и дети боярские под ведением воеводской канцелярии», казачий же голова «определяется ис туточных дворян» и «над конными и пешими казаками имеет власть собственную в командировании», а со общения других советов не имеет», со слов местных чиновников он обладал правом суда над казаками, мог направлять команды для расследования преступлений в казачьей среде [23, с. 175]. Однако ключевая административная «воля» в организации кузнецкого служилого корпуса принадлежала воеводам: именно они санкционировали ту или иную службу, определяли численность команды для ее исполнения, кроме того, в руках главы уезда сосредотачивался суд над всеми без исключения категориями служилых людей.

Региональные и уездные власти стремились свести к минимуму верстание в службу представителей тягловых сословий (что, однако, получалось не всегда), замещая освободившиеся штатные позиции выходцами из казачьей среды. Это приводило к появлению в кузнецкой служилой корпорации династий, среди которых самыми известными для первой половины XVIII в. являются Буткеевы, Максюковы, Мельниковы, Рыхлевские и др. Несмотря на наличие между ними определенной конкуренции, открытые конфликты носили единичный характер [11, с. 9–10].

Особую категорию в структуре служилого корпуса составляли беломестные казаки, которые были выведены за штат. В Кузнецком уезде районами их постоянного проживания являлись административные округа Белоярского, Бердского и Мунгатского острогов. Эти беломестцы могли отбывать как рядовые, так и экстраординарные службы, в случае полного освобождения от которых такие казаки подлежали подушному сбору. Например, в 1717 г. кузнецкий воевода Борис Акимович Синявин приказал направить бердских беломестных казаков «на Кривошеков завод» (район строительства Белоярского острога) для разведки [16, с. 216]. Сами беломестцы стремились снизить уровень налоговой

² РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 122. Л. 6; РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 206. Л. 2–2 об.

³ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 86. Л. 1, 7, 9.

⁴ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 51. Л. 11; РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 206. Л. 2–2 об.

и административной нагрузки на них, что вызывало откровенное недовольство местных крестьян⁵. К середине XVIII в. численность беломестных казаков в составе иррегулярных частей существенно возросла: в рапорте Ивана Борисова 1745 г. отмечалось наличие среди служилых команд Кузнецкого уезда 250 «выписных из крестьян казаков», 50 из которых дислоцировались в Кузнецке, еще столько же – в Бийске, по 40 человек было расквартировано в Белоярском и Бердском острогах, Малышевой слободе, 30 были направлены в Верх-Иртышские крепости⁶.

В структуре профессиональной деятельности кузнецких служилых людей наибольший удельный вес принадлежал ординарным (регулярным) и экстраординарным командировкам.

В рамках сложившихся в конце 1720-х гг. практик большинство командированных стабильно приходилось на две округи. Для охраны строившегося Колывано-Воскресенского завода из Кузнецкого уезда изначально снаряжалось 20–30 казаков (в исключительных случаях – 60), однако по установленному сибирским вице-губернатором И. В. Болтиным в 1730 г. штатному расписанию численный состав таких отрядов вырос более чем в два раза: на регулярной основе кузнецкие воеводы стали направлять на медеплавильное предприятие по 60 служилых, в случае необходимости – еще 40, т.е. фактически посылалось до 100 человек⁷ [17, с. 24–25]. В зависимости от занятости на предприятиях А. Н. Демидова и ряда других факторов в район Бийской крепости в статусе годовальщиков переводилось от 35–40 до 100 и более человек.

Экстраординарные командировки были связаны в первую очередь с возведением военно-оборонительных укреплений. Так, на сооружение первого Бикатунского острога было мобилизовано не менее 300 человек [9, с. 15]. Следует учитывать, что служилый элемент составлял пусть и весомую, но все же часть таких отрядов. Например, по данным В. Б. Бородаева и А. В. Контева, в распоряжении возглавлявшего команду строителей Белоярского острога Ивана Максюкова оказалось «150 служилых людей "ис Кузнецка", 10 абинских татар», т.е. в общей сложности 160 служилых людей, которые дополнялись «подгородними» выездными белыми телеутами, беломестными казаками и оброчными людьми из Бердского и Мунгатского острогов [16, с. 219].

Важным показателем завершения оформления целостности служилого корпуса региона выступают коллективные челобитные. С одной стороны, они являются довольно большой редкостью для архивов Кузнецкого уезда первой половины XVIII в., что обуславливается не только спецификой отложения материалов, но и снижением роли таких

документов при решении вопросов организации и распределения войск в управленческом процессе и дискурсе начала столетия [25, с. 20–21]. С другой – в этот период практика подачи коллективных челобитных еще не превратилась в очевидный рудимент административной коммуникации, они остаются ценным источником по истории взаимоотношений региональных и местных властей со служилым миром Сибири в раннеимперский период.

Такие «прошения» в среде локальной служилой корпорации в основном были связаны с организацией команд на береговую службу и подавались одним или двумя выборными челобитчиками от лица той или иной группы. В частности, в ноябре 1730 г. 18 служилых людей уезда подписались под коллективным обращением с просьбой пересмотреть установленный порядок организации охраны Колывано-Воскресенских заводов, по которому вся тяжесть и ответственность за безопасность предприятий ложилась на плечи исключительно кузнецкого служилого корпуса (в предыдущие несколько лет «нагрузка» распределялась примерно поровну между Кузнецким и Томским уездами) [17, с. 24–25]: «бутто мы, раби Ваша (подданные Ея Императорского Величества – прим. автора) ни на каких постах не стоим». Челобитчики пытались реставрировать существовавший ранее порядок и / или сократить период нахождения иррегулярных подразделений в окрестностях производств до 3–4 месяцев⁸. Другая коллективная челобитная была составлена спустя почти два года, в сентябре 1732 г., но также напрямую была связана с охраной объектов Колывано-Воскресенского ведомства. Пятидесятник Яков Серебренников жаловался временно замещавшему должность воеводы П. А. Мельникову на то, что срок назначенной службы (полгода) истек, а сменной команды не направлялось: «ныне желаем мы, ... чтобы нас с Колывани сменил, и о том все покорно просим, дабы повелено было в Кузнецкой канцелярии ... к нам служилых людей отправить на стоику»⁹.

Служилые люди Кузнецка пытались снизить возложенную на них нагрузку по охране периферийных районов уезда не только с помощью челобитных. Имели место и факты открытого саботажа служебной деятельности. В 1730 г. Федор Крячиков доносил воеводе, что приказчик Бийской крепости Степан Везигин отпустил 23 командированных в округу на службу «са всятку в дома свои»¹⁰. Подобные явления были характерны и для служилых корпораций соседних уездов, например, находившиеся в Таре и окрестностях иррегулярные военные могли на некоторое время самовольно оставлять назначенные им службы, нанимали вместо себя посторонних, представителей тягловых сословий [3, с. 77].

⁵ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 122. Л. 5–5 об.

⁶ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 293. Л. 27.

⁷ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 51. Л. 11 об.–12 об.; РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 52. Л. 5–5 об.

⁸ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 26. Л. 33–34.

⁹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 39. Л. 22.

¹⁰ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 19. Л. 51.

Численность кузнецкого служилого корпуса и вопросы его подведомственности

Численность кузнецких служилых людей на протяжении первой половины XVIII в. не оставалась стабильной и ощутимо уступала показателям соседних административных единиц. А. Ю. Огурцов отмечает, что своего максимума количественный состав корпуса достиг в 1724 г. – 576 человек [11, с. 7]. К 1729–1730 гг. на службе в уезде состояло 530 людей «старых служб»¹¹, что было относительно сопоставимо только с Нерчинским уездом (в 1725 г. – 551 служилый элемент). Для сравнения: в Тарском уезде в этот же период времени штат составлял 705 служилых [3, с. 79], в Иркутском – 901 [2, с. 54], а в Томском к концу первой трети столетия – 900 человек¹². Количественные параметры корпуса следует анализировать в контексте распределения служб: 30 служилых людей обеспечивали доставку казенных денег и соли из Тобольска, еще 15 занимались сбором ясака в соответствующих волостях, на «заставах» находилось 20 человек. Наибольший удельный вес в составе кузнецкой служилой корпорации занимали командированные в округи Бийской крепости и колыванских заводов. Остальные, т. е. примерно половина от общего состава, со слов самих людей «старых служб», дислоцировались в уездном центре и исполняли полицейскую и военную функции, обязанности таможенных и соляных голов и т. д.¹³ В данном случае важно учитывать, что в первой половине XVIII в. тенденция активного участия служилых людей в функционировании местных органов и учреждений была характерна для всей Сибири [7, с. 32]. Остается добавить, что примерно в это же время гарнизон одного Иркутского острога насчитывал 450 человек [2, с. 54].

С начала 1730-х гг. начинает все более выпукло проявляться курс на сокращение численности служилой корпорации Кузнецка. Среди многих других причин, это связано в том числе и со стремлением губернского центра сосредоточить у себя контроль за верстанием в службу и отставками некоторых категорий иррегулярного войска на территории Тобольской и Енисейской провинций [7, с. 30]. В 1733–1734 гг. штатным расписанием предусматривалось наличие в Кузнецком уезде 500 служилых людей, 328 (65,6 %) из которых были командированы на окраины для несения различных служб (в первую очередь береговой), в том числе 78 отправлены с различными целями за пределы административной единицы (в губернский центр, иные крупные города, например Тару), 172 (34,4 %)

находились в Кузнецке, из них 80 на постоянной основе были задействованы в караулах или замещали должности низшего административного ранга и самоуправления¹⁴. Таким образом, на фоне нестабильной военно-политической обстановки и сохранявшейся угрозы нападения ойратов численность гарнизона уездного центра за несколько лет сократилась более чем на четверть, только 92 служилых человека (18,4 %) могли быть оперативно задействованы местными властями для решения той или иной управленческой задачи.

Обозначившийся дефицит людских ресурсов для организации охраны сибирских границ к середине 1730-х гг. стал настолько очевидным, что подтолкнул центральные власти к созданию Новоучрежденного драгунского полка и Тобольского пехотного батальона [27, с. 98–108]. Избранный политический курс предполагал интеграцию значительной части служилых людей как в эти, так и иные воинские соединения. В 1738 г. в округу Бийской крепости было переведено первое регулярное подразделение – возглавляемая поручиком Петром Фадеевым рота драгун, а также 50 кузнецких служилых людей во главе с пятидесятником Тимофеем Бессоновым [12, с. 46–47; 14, с. 60–61; 27, с. 109]. Спустя несколько месяцев в этот же район были переброшены основные силы под командованием майора Якова де Граве. Из рапортов командиров частей видно, что в составе драгун значились, например, Иван Жеребцов и Дмитрий Вагин – лица, еще за несколько лет до этого входившие в состав служилого корпуса (так, И. Жеребцов упоминался в качестве подьячего Малышевой слободы и «копейста» в документах 1733 и 1734 г. соответственно)¹⁵. Кроме того, П. Фадеев доносил: «да при... команде имеюцца служилые: пятидесятник один, служилых дватцать четыре, итого дватцать пять человек, ... в том числе... пешие три человека, а всего во оной крепости (Бийской – прим. автора) при команде шесдесят семь человек»¹⁶.

Региональные административные процессы оказали прямое влияние на численность кузнецкого служилого корпуса. Если к 1735 г. произошло незначительное повышение количества состоявших на службе в уезде до 530, что равнялось всего лишь 6 % от общего состава русской служилой корпорации Сибири (8532 человека) [26, с. 23, 25], то уже через несколько лет, в конце 1730-х гг., наблюдалось кратковременное, но ощутимое сокращение уездного служилого корпуса. По штатам 1737 г. предусматривалось наличие в Кузнецке и окрестностях 5 дворян, 25 детей боярских, 219 конных казаков и 146 пеших, т. е. в общей сложности 395 русских

¹¹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 26. Л. 33 об.

¹² Данные приводятся по оценке самих кузнецких служилых людей. См.: РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 26. Л. 33 об. По сведениям А. С. Зуева, к 1735 г. томский служилый корпус насчитывал 600 человек [26, с. 25].

¹³ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 26. Л. 33–33 об.

¹⁴ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 51. Л. 11 об.–12 об.

¹⁵ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 43. Л. 15–17; РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 49. Л. 5.

¹⁶ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 91. Л. 13.

служилых людей [26, с. 25]. Текущее расписание оставалось актуальным вплоть до конца десятилетия, в 1739 г. в уезде предполагалось размещение 415 иррегулярных военных (с учетом 20 служилых татар)¹⁷. Сама воеводская канцелярия при ответе на анкеты В. Н. Татищева заявляла о нахождении на службе в начале 1740-х гг. 4 дворян, 23 детей боярских, 230 конных казаков, 142 пеших и 20 служилых татар, т. е. в общей сложности 419 человек [23, с. 173]. В своей совокупности эти данные заставляют критично относиться к высказанным А. Ю. Огурцовым предположениям о сокращении численности «кузнецких казаков» в 1736–1738 гг. почти вдвое (в реальности – лишь около 22 %), а также о сохранении паритета «между конницей и пехотой на протяжении долгих лет в Кузнецке» [11, с. 5–7]. Следует констатировать, что во второй четверти XVIII в. наблюдалось постепенное, но очевидное увеличение доли конных военных в структуре корпорации. Дальнейший постепенный пересмотр штатной численности казачьих команд Сибири в целом и Кузнецкого уезда в частности продолжился в середине XVIII в. [26, с. 24].

Фактическое распределение корпуса иррегулярных военных по службам позволяют установить черновые варианты доношений Кузнецкой воеводской канцелярии генерал-майору Христиану Христиановичу Киндерману конца 1745 – начала 1746 г.: «При городе, и в острогах и слободах у разных дел, и на станциях, и у отпусков и подрядов, и у покупки провианта, и за збором в расные места ясака, и посланных в Тобольск, бывших у приходов и расходов за счетными выписками и за денежною казною, и в разных местах на заставах» дворянина – 3, детей боярских – 19¹⁸, конных казаков – 103, чуть меньше пеших, кроме того, 53 конных и 43 пеших казака дислоцировались в Колывано-Воскресенских заводах (в том числе один барабанщик)¹⁹.

К середине 1740-х гг. все более очевидным образом начинает проявляться стремление воевод сохранить за собой контроль над служилыми людьми, препятствовать его передаче военно-ведомственным властям. Главы уезда настаивали на нехватке служилого элемента для выполнения регулярных работ (транспортировка провианта в укрепления Верхнего Приобья и Прииртышья, заготовка леса для строительства зданий) даже в самом Кузнецке: «и тако оных казаков за лишком никаго не имеетца, того ради за недовольствием наличных служилых не токмо достойный карау[л] при городе кем содержать, но и на работы к рагаткам и надолбам и протчим некова»²⁰. Следует, однако, учитывать, что реальная социально-административная картина была не такой мрачной: в уезде к 1745 г. числи-

лось 410 иррегулярных военных, т. е. 98,8 % от штатного расписания 1737 г., до полного укомплектования не доставало по одному дворянину, сыну боярскому, конному и пешему казаку, служилому татарину²¹.

В этом свете любопытно посмотреть, какая доля от общего количества служилого корпуса к 1745–1746 гг. была фактически не доступна воеводам для организации регулярных и экстраординарных служб. К числу таких, безусловно, стоит отнести 99 казаков, находившихся в пределах бывших заводов А. Н. Демидова (96 занимались непосредственно охраной производств, и еще трое контролировали таможенные сборы и расход соли). Дело в том, что после резкого обострения ситуации в междуречье Чарыша и Алея, вызванного джунгарским набегом на Чагырский рудник 1744 г., командир «кузнецких» рот Новоучрежденного полка на постоянной основе был переведен в окрестности колыванских предприятий, сосредоточив у себя реальный административный контроль в том числе над иррегулярными соединениями, привлеченными к охране производств [18, с. 12–13].

Итак, около 24 %, т. е. примерно четверть, корпуса кузнецких служилых людей перешли под фактическое управление военно-ведомственных властей. Помимо обязательных командировок в окрестности колыванских заводов, трое иррегулярных военных находились под арестом (один – в Тобольске и двое – в Кузнецке), восемь были больны. Таким образом, в середине 1740-х гг. воеводы не могли распределять на службы в пределах уезда в общей сложности 26,8 % от числившихся и 26,5 % от штатного расписания, т. е. более четверти номинально подконтрольных им служилых людей, данная часть корпуса была фактически «выключена» из решения оперативных административных задач. Это обстоятельство является важным проявлением усиления позиций военных структур в управленческом многоугольнике *гражданские – ведомственные власти* на юге Западной Сибири в XVIII в., которое пока в недостаточной степени раскрыто специалистами.

Сложившуюся ситуацию воеводская канцелярия пыталась разрешить несколькими способами. Сначала она стремилась вернуть под свой фактический контроль хотя бы половину из 96 казаков, дислоцировавшихся в окрестностях колыванских предприятий и находившихся в распоряжении военных властей. В качестве аргумента назывался высокий уровень безопасности горнорудного производства, которое охранялось регулярными частями и «еицкими» казаками. Но, видимо, осознав отсутствие реальных перспектив этой идеи, глава кузнецкой администрации

¹⁷ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 302. Л. 24 об.

¹⁸ Еще по одному дворянину и сыну боярскому значились умершими.

¹⁹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 302. Л. 24 об.

²⁰ Там же. Л. 25.

²¹ Там же. Л. 26–27 об. По другим данным, приведенным в рапорте И. Борисова, общее число иррегулярных военных в Кузнецком уезде составило 395 человек, однако в данном случае, по всей видимости, не были учтены служилые татары. См.: РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 293. Л. 27.

Яков Мирович в середине 1746 г. вынашивал планы обращения к Х. Х. Киндерману с просьбой разрешить задействовать в ремонтных работах дислоцировавшихся в уездном центре драгун и солдат, что означало бы установление (а фактически реставрацию) воеводской властью частичного контроля над регулярными военными²².

В свою очередь командиры регулярных соединений периодически требовали от кузнецких воевод переброски в приграничные районы дополнительных команд служилых людей. Например, в 1747 г. Я. Павлуцкий понуждал главу уезда отрядить на формируемую Колывано-Кузнецкую оборонительную линию дополнительно более 100 служилых, «собрав ис ненужных, отправить, дабы тамошняя пограничная волость... безлюдна не была». При этом, по данным самого полковника, к сентябрю 1747 г. количество как регулярных, так и иррегулярных военных, дислоцировавшихся непосредственно в самом Кузнецке, составило 34 (по расписанию – 47)²³. Даже если допустить, что все учтенные в данном случае – иррегулярный контингент, за год численность таких войск, размещавшихся в самом уездном центре, уменьшилась более чем в два раза (в 1746 г. было 75).

Изменения в дислокации и административном подчинении служилого корпуса Кузнецкого уезда во второй половине 1740-х гг. были вызваны прежде всего становлением оборонительных линий в междуречье Оби и Иртыша, а также связанным с ним форсированным насыщением этих районов регулярными воинскими соединениями. К концу 1747 г. переход кузнецких служилых людей под юрисдикцию военных властей почти полностью завершился. Павлуцкий в промемории в воеводскую канцелярию был довольно категоричен на это счет: «по укасом Ея Императорского Величества из Сибирской губернской канцелярии состоящие по здешню Иртышской, так же Кузнецкой и Колыванской линиям военные регулярные и нерегулярные, команды крепости, фарпосты и станцы поручены все в ведение мое, а по силе тех неоднократных его превосходительства ордеров... регулярных драгунских пехотных команд и *нерегулярных городовых, и выписных казаков* (курсив наш – прим. автора) без определения от Его Превосходительства (генерал-майора Х. Х. Киндермана – прим. автора) и без ведома моего в отлучки, и в командирования, а особливо нерегулярные, и в отпуски Кузнецкая воеводская канцелярия не командировала»²⁴. После этого уездные власти сохранили минимальные полномочия в сфере комплектования иррегулярного войска и распределения его

на посты. С начала 1740-х гг. право верстания к службе осталось у сибирских воевод только в отношении пеших казаков (и солдат регулярных подразделений) [7, с. 30–31]. В Кузнецком уезде к этому добавлялся контроль за перемещениями «выписных» казаков из Белоярского острога, Малышевой слободы и других округ в узловых центрах дислокации регулярных команд²⁵.

Заключение

Служилая корпорация Кузнецкого уезда на протяжении первой половины XVIII в. пережила кардинальные трансформации. В структуре направлений профессиональной деятельности наибольший удельный вес сохранился за регулярными командировками в приграничный район для береговой службы (охраны административных и промышленных объектов от набегов ойратов) и экстраординарными – для строительства новых укреплений. Служилый мир пытался различными путями уменьшить возлагавшуюся на него должностную нагрузку. На протяжении второй четверти столетия наблюдалась устойчивая тенденция сокращения штатного расписания и фактической численности иррегулярного контингента уезда (наиболее высокие темпы наблюдались в конце 1730-х гг.), причем как командированного на окраины, так и дислоцировавшегося в самом Кузнецке. К середине 1740-х гг. в результате масштабных изменений в административной системе региона ведущей тенденцией в эволюции кузнецкого служилого корпуса стала его двухсторонняя интеграция в регулярные воинские институты: она проявлялась как в переходе иррегулярного элемента на службу в регулярные подразделения, так и в почти полном сосредоточении фактического контроля над оставшимися служилыми людьми в руках военно-ведомственных структур.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Работа поддержана средствами программы развития Алтайского государственного университета «Приоритет-2030».

Funding: The work was supported by the Priority-2030 program for the development of the Altai State University.

²² РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 302. Л. 28–28 об.

²³ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 309. Л. 5.

²⁴ Там же. Л. 8–8 об.

²⁵ Там же. Л. 11.

Литература / References

1. Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск: Наука, 1988. 254 с. [Nikitin N. I. *Service class people in Western Siberia of the XVII century*. Novosibirsk: Nauka, 1988, 254. (In Russ.)] EDN: ROJLVR
2. Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М.: МПГУ, 2012. 320 с. [Leont'eva G. A. *Service class people of Eastern Siberia in the second half of the XVII and the first quarter of the XVIII centuries (based on documents issued in Irkutsk and Nerchinsk provinces)*. Moscow: MPSU, 2012, 320. (In Russ.)] EDN: QPWERP
3. Пузанов В. Д. Тарский уезд и его служилые люди в первой трети XVIII в. *Вестник Нижневартовского государственного университета*. 2019. № 3. С. 72–81. [Puzanov V. D. Tarsky district and his employees in the first third of the XVIII century. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 2019, (3): 72–81. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36906/2311-4444/19-3/10>
4. Пузанов В. Д. Служилые люди Тобольска на «береговой службе» Сибири. *Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2015. № 5. С. 37–40. [Puzanov V. D. Military people from Tobolsk on service in Siberia. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2015, (5): 37–40. (In Russ.)] EDN: WEZOKT
5. Багрин Е. А. Гарнизон Иркутска в конце XVII в.: к вопросу об увеличении штата служилых людей. *Известия лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 2. С. 94–111. [Bagrin E. A. Irkutsk garrison at the end of XVII century: the issue of increasing of warriors' staff. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*, 2021, 17(2): 94–111. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-2-94-111>
6. Солодкин Я. Г. Служилые люди Берёзова в конце XVI – первой трети XVII века: источники формирования и состав гарнизона. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки*. 2017. Т. 8. № 4. С. 9–16. [Solodkin Ya. G. Service class people of Berezhov at the end of XVI and the first third of the XVII century: sources of formation and structure of the garrison. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2017, 8(4): 9–16. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18721/JHSS.8401>
7. Ананьев Д. А. Служилые люди в системе местного управления Сибири (первая половина XVIII в.). *Гуманитарные проблемы военного дела*. 2018. № 4. С. 29–33. [Ananyev D. A. Service class people in the system of local government of Siberia (first half of XVIII century). *Gumanitarnye problemy voennogo dela*, 2018, (4): 29–33. (In Russ.)] EDN: ESXHQB
8. *Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII в.*, отв. ред. И. П. Каменецкий. М.-СПб.: Нестор-История, 2020. 992 с. [Service class people of Siberia in the late XVI and the early XVIII centuries, ed. Kamenetskiy I. P. Moscow-St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2020, 992. (In Russ.)] EDN: ZKMUQX
9. Булыгин Ю. С. Выход русских к реке Бии и основание Бикатунской крепости. *Города Алтая (эпоха феодализма и капитализма)*, отв. ред. В. А. Скубневский. Барнаул: АГУ, 1986. С. 3–24. [Bulygin Yu. S. The Russians' exit to the river Biya and foundation of the Bikatun Fortress. *Cities of Altai (the era of feudalism and capitalism)*, ed. Skubnevskiy V. A. Barnaul: ASU, 1986, 3–24. (In Russ.)]
10. Уманский А. П. Кузнецк и Алтайские остроги. *Кузнецкая старина*. 1999. Вып. 3. С. 3–17. [Umanskiy A. P. Kuznetsk and Altai fortifications. *Kuznetskaia starina*, 1999, (3): 3–17. (In Russ.)] EDN: ZGDGVD
11. Огурцов А. Ю. Кузнецкий гарнизон. *Кузнецкая крепость*. 2004. № 1. С. 4–11. [Ogurtsov A. Yu. The Kuznetsk garrison. *Kuznetskaya krepost*, 2004, (1): 4–11. (In Russ.)]
12. Огурцов А. Ю. На Кузнецкой линии. *Кузнецкая старина*. 2007. Вып. 9. С. 40–67. [Ogurtsov A. Yu. On the Kuznetsk line. *Kuznetskaia starina*, 2007, (9): 40–67. (In Russ.)]
13. Исупов С. Ю. Бийск: острог, крепость, город. Бийск: БГПИ, 1999. 151 с. [Isupov S. Yu. *Biysk: stockaded town, fortress, and town*. Biysk: BSPI, 1999, 151. (In Russ.)]
14. Исупов С. Ю. Крепость Бийская – есть главная... Барнаул: Азбука, 2009. 302 с. [Isupov S. Yu. *The Fortress of Biysk is the most important one...* Barnaul: Azbuka, 2009, 302. (In Russ.)]
15. Каменецкий И. П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII в.: (опыт жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири). Омск: Омский институт РГТЭУ, 2005. 338 с. [Kamenetskiy I. P. *Russian population of the Kuznetsk province in the XVII and the early XVIII centuries: (Life experience in the conditions of the frontier of Southern Siberia)*. Omsk: Omsk institut RSTEU, 2005, 338. (In Russ.)] EDN: QPDKYV
16. Бородаев В. Б., Контев А. В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720-х гг. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 415 с. [Borodaev V. B., Kontev A. V. *The formation of Russian state border in Irtysh-Yenisei interfluvium in 1620–1720*. Barnaul: AltSPU, 2015, 415. (In Russ.)] EDN: UITKTK

17. Бобров Д. С. Колыванские заводы в политике кузнецких воевод во второй четверти XVIII в. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2017. № 4. С. 23–29. [Bobrov D. S. The Kolyvan factories in the policy of the Kuznetsk voivodes in the second quarter of the XVIII century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (4): 23–29. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-4-23-29>
18. Бобров Д. С. Взаимоотношения гражданских и ведомственных военных властей в Кузнецком уезде в начальный период административных преобразований середины XVIII в. *Гуманитарные науки в Сибири*. 2019. Т. 26. № 4. С. 9–15. [Bobrov D. S. Relationship between civil and departmental military authorities in Kuznetsk Uyezd at the early stage of administrative transformations in the mid XVIII century. *Humanitarian sciences in Siberia*, 2019, 26(4): 9–15. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15372/HSS20190402>
19. Чурсина А. А. Изменение сословного статуса служилых людей Западной Сибири и их потомков в процессе хозяйственной деятельности (на материалах Томского и Кузнецкого уездов): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2012. 253 с. [Chursina A. A. *Changing the estate status of service people in Western Siberia and their descendants in the process of economic activity: materials of the Tomsk and Kuznetsk districts*. Cand. Hist. Sci. Diss. Tomsk, 2012, 253. (In Russ.)] EDN: QFYBHB
20. Чурсина А. А. Участие служилых людей Западной Сибири в торговле и промыслах (по материалам таможенных книг Томска и Кузнецка XVII в.). *Вестник Томского государственного университета*. 2005. № 288. С. 113–117. [Chursina A. A. The role of the service men of Western Siberia in the development of trade (by the materials of the customs books of the XVII century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2005, (288): 113–117. (In Russ.)] EDN: KGBIMH
21. Ивонин А. Р. Городовое казачество Западной Сибири в XVIII – первой четверти XIX в. Барнаул: АлтГУ, 1996. 227 с. [Ivonin A. R. *Urban Cossacks of Western Siberia in the XVIII – first quarter XIX century*. Barnaul: ASU, 1996, 227. (In Russ.)] EDN: MJSNOT
22. Ивонин А. Р., Колупаев Д. В. Казаки на Алтае в XVIII–XIX столетиях: исторические очерки. Барнаул: АГИК, 2003. 155 с. [Ivonin A. R., Kolupaev D. V. *Cossacks in the Altai in the XVIII–XIX centuries: historical essays*. Barnaul: ASIC, 2003, 155. (In Russ.)] EDN: QOSVUF
23. *Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730–1740-х гг. (по анкетам В. Н. Татищева)*, ред. В. Б. Бородаев, А. В. Контев. СПб.: Европейский дом, 2010. 260 с. [Historical and geographical descriptions of Top Ob and Irtysh Valleys in 1730s–1740s (based on V. N. Tatishchev's questionnaires), eds. Borodaev V. B., Kontev A. V. St. Petersburg: Evropeiskii dom, 2010, 260. (In Russ.)] EDN: XYCUUF
24. Бобров Д. С. Экспедиции П. А. Мельникова в предгорья Алтая 1733–1734 гг. в контексте формирования российской государственной границы в Верхнем Обь-Иртыше. *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: мат.-лы Всерос. молодеж. науч. школы-конф. (Новосибирск, 25–27 августа 2016 г.)* Новосибирск: Апелсин, 2016. С. 20–27. [Bobrov D. S. P. A. Melnikov's expeditions in the Altai foothills in 1733–1734 in the context of the formation of the Russian state border in the Upper Ob-Irtysh. *Actual problems of historical research: the view of young scientists*: Proc. All-Russian youth Sci. School-Conf., Novosibirsk, 25–27 Aug 2016. Novosibirsk: Apelsin, 2016, 20–27. (In Russ.)] EDN: WZHJVF
25. Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск: Автор, 1996. 223 с. [Akishin M. O. *Police state and Siberian society. The era of Peter the Great*. Novosibirsk: Avtor, 1996, 223. (In Russ.)]
26. Зуев А. С. Штатная реформа сибирского казачества 1737 года. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2007. Т. 6. № 1. С. 22–27. [Zuev A. S. Regular reform of the Siberian Cossacks in 1737. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya: Istoriya, Filologiya*, 2007, 6(1): 22–27. (In Russ.)] EDN: NYHZQF
27. Дмитриев А. В. Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796): особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 528 с. [Dmitriev A. V. *Russian regular army in Siberia (1725–1796): special aspects of military service in the eastern outskirts of Russian Empire in the XVIII century*. Moscow-St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017, 528. (In Russ.)]

оригинальная статья

Социальная структура провинциального общества Псковщины по архивным материалам 1760-х гг.

Гончарова Екатерина Викторовна
Псковский государственный университет, Россия, Псков
<https://orcid.org/0000-0001-7089-9187>
diva1986@yandex.ru

Павлова Мария Михайловна
Псковский государственный университет, Россия, Псков
<https://orcid.org/0000-0002-1072-1819>

Поступила в редакцию 10.05.2022. Принята после рецензирования 02.08.2022. Принята в печать 08.08.2022.

Аннотация: Социальный облик провинциального общества Псковщины 1760-х гг. позволяют охарактеризовать сведения из источников, относящихся к двум самым густонаселенным уездам региона: Псковскому и Великолукскому. Дополняют картину данные по Гдовскому уезду. Материалы церковного учета (исповедные росписи и метрические книги), отложившиеся за этот период в Государственном архиве Псковской области, имеют обширные источниковые возможности для проработки демографических вопросов при описании социальной структуры провинциального общества дореволюционной России. Учет населения посредством ревизских описаний как в первоисточнике, так и в качестве итоговых результатов в работах предшествующих авторов, позволяет описать процессы, которые происходили в провинциальном социуме Псковщины. Массив опубликованных и неопубликованных источников, часть которых вводится в научный оборот впервые, позволяет установить число жителей региона с распределением по гендерному, сословному и религиозному признакам. Результаты показали, что этнический состав населения Псковщины в основной части был представлен русскими. Преобладающим сословием было крестьянство. Самая высокая доля крестьян наблюдалась в г. Великие Луки. Особенность социальной структуры г. Великие Луки и г. Псков – большое число крестьян, проживавших в городе, что в целом было нехарактерно для провинциального общества 1760-х гг. Сделан вывод, что в 1760-е гг. на территории Псковского края наблюдается тенденция к увеличению численности и удельного веса податного населения.

Ключевые слова: сословия, дворянство, духовенство, купечество, мещанство, крестьянство, Псковский край

Цитирование: Гончарова Е. В., Павлова М. М. Социальная структура провинциального общества Псковщины по архивным материалам 1760-х гг. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 5. С. 576–584. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-576-584>

full article

The Social Structure of the Pskov Province in Archival Materials from the 1760s

Ekaterina V. Goncharova
Pskov State University, Pskov, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7089-9187>
diva1986@yandex.ru

Maria M. Pavlova
Pskov State University, Pskov, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1072-1819>

Received 10 May 2022. Accepted after peer review 2 Aug 2022. Accepted for publication 8 Aug 2022.

Abstract: The present research featured the social structure of the Pskov Province in the 1760s. The cities of Pskov and Velikiye Luki were the two most densely populated areas in the region, but this study also covered the less populated Gdov urban area. The author relied on church records, e.g. confession lists and metric books, from the State Archive of the Pskov Province. The research also included original and scientifically processed audit descriptions. They proved to be a novel and extensive source of data that made it possible to describe the demographic and social structure of pre-revolutionary provincial Russia. The analysis revealed the quantitative, gender, income, and religious characteristics of the local population in the 1780s. The population of the Pskov Province was mainly represented by Russians peasants, especially in the area of Velikiye Luki. Velikiye Luki and Pskov had an exceptionally large number of peasant city-dwellers, which was untypical for the provincial society of that time. In general, the 1760s saw a considerable growth of taxable population in the Pskov Province.

Keywords: estates, nobility, clergy, merchants, philistinism, peasantry, Pskov region

Citation: Goncharova E. V., Pavlova M. M. The Social Structure of the Pskov Province in Archival Materials from the 1760s. *Vestnik Kemarovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(5): 576–584. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-576-584>

Введение

Социальный облик провинциального общества Псковщины 1760-х гг. характеризуют процессы, которые нашли отражение в документах церковного учета. Комплексно картину в регионе дополняют данные ревизских описаний, сведения авторов предшествующего периода, документы административного характера, в которых упоминаются статистические сведения о населении региона. Цель – изучить социальную структуру провинциального общества Псковщины по материалам архивных источников 1760-х гг. Задачи: определить историографическую повестку вопроса; выявить источники по теме; изучить данные источников; охарактеризовать социальную структуру провинциального общества Псковщины 1760-х гг.

К теме изучения семейной организации и родственных связей, а также источников по данной проблематике на современном этапе развития исторической науки обращается много исследователей провинциального общества. Т. А. Першина и С. В. Першин представили сравнительный анализ родственного состава мордовской, русской и татарской семьи-домохозяйства в первой половине XIX в. [1]. Д. В. Стрекалов и Н. В. Стрекалова определили типологию провинциальной городской семьи [2], выделив проблемы соотношения численности и удельного веса мужчин и женщин глав больших и малых семей в конце XVIII – первой половине XIX в. на материалах Тамбова [3]. Они же обращались к теме рождаемости [4], а в статьях О. М. Зайцевой и Н. В. Стрекаловой выделены семьи высших слоев [5] и представлен социальный портрет женщин купеческого сословия г. Тамбов в конце XIX – начале XX в. [6]. Е. А. Мякишева описала особенности социально-демографических показателей и профессионального состава Тамбовской, Воронежской и Рязанской губерний в середине XIX в. [7].

Т. В. Бессонова изучила структурно-типологические характеристики русской мещанской семьи Казани середины XIX в. накануне Великих реформ [8]. А. Н. Евдокимова охарактеризовала исповедные ведомости как исторический источник о социальном составе прихожан чувашских приходов Казанской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. [9]. В. Ю. Кириченко определил отражение динамики социального статуса купечества в исповедных росписях Коломны XVIII в. [10]. А. В. Первушкин описал особенности брачно-семейных отношений в городах Российской империи (на примере Пензенской губернии) во второй половине XIX – начале XX в. [11].

К сословной структуре населения Псковской губернии во второй половине XIX в. обращалась Н. М. Медведева [12], она же описала социальный портрет мещанского сословия уездного города Острова в пореформенный период [13]. А. Н. Макеенко представила состав прихожан церквей г. Псков XVIII – первой половины XIX в. [14]. А. Б. Постников проанализировал переписные книги и ревизские сказки [15], исповедные росписи как источники по истории духовенства XVIII в. [16]. Б. А. Постникову принадлежит

исследование состава посадского населения г. Псков в эпоху Петровских преобразований [17], а А. Б. Постникову – анализ историографии этого вопроса [18]. С. А. Свиридова и Н. Ф. Левин опубликовали обзор фондов Государственного архива Псковской области, содержащих метрические книги, исповедные росписи и клировые ведомости [19].

Несмотря на внимание исследователей к отдельным вопросам состава населения Псковского края и анализу источников по этой теме, социальная структура региона XVIII в. в целом и 1760-х гг. в частности остается недостаточно изученной, в то время как материалы церковного учета (исповедные росписи и метрические книги), отложившиеся в Государственном архиве Псковской области, а также опубликованные материалы имеют обширные источниковые возможности для проработки целого комплекса задач по решению демографических вопросов при описании социальной структуры провинциального общества дореволюционной России.

Мобильность административно-территориального устройства рассматриваемой территории в исследуемый период характеризовалась изменением статуса отдельных структурных единиц и их принадлежности относительно регионального центра. Так, с 1727 г. в состав Псковской провинции входили Гдовский, Изборский, Заволоцкий, Опочецкий, Островский, Псковский и Пусторжевский уезды. В 1772 г. была образована Псковская губерния, в 1777 г. – Псковское наместничество, в которое входили 10 уездов: Великолукский, Гдовский, Лужский, Опочецкий, Островский, Псковский, Порховский, Пусторжевский (Новоржевский), Торопецкий и Холмский. В 1781 г. Гдовский и Лужский уезды были переданы в Санкт-Петербургскую губернию, в результате чего в составе Псковской губернии осталось 8 уездов. В 1797 г. в губернии было уже 6 уездов: Великолукский, Опочецкий, Островский, Порховский, Псковский и Торопецкий [20, с. 8–10]. Территориальные рамки исследования охватывают границы Псковского наместничества в составе 10 уездов. Отдельно и более подробно социальный срез представлен для Псковского и Великолукского уездов, которые были самыми густонаселенными в изучаемый период.

Методы и методология. Исследование структуры провинциального общества Псковского края строится на основе системного подхода, базирующегося на принципе диалектической взаимосвязи части и целого, а также частей в целом, для анализа объектов как динамичных, эволюционных систем. При изучении церковных приходов использовались элементы структурно-функционального анализа. В основе работы лежит принцип историзма, что определило изучение явлений в конкретно-исторических условиях. При оценке сведений источников применялись методы демографии. Статистические подсчеты дополнялись содержательным анализом ситуации с применением историко-сравнительного и историко-типологического методов.

Результаты

Введение учета населения посредством ревизских описаний оставило значительный массив источников, которые позволяют дополнить и верифицировать сведения церковной документации [21]. Привлечение данных ревизий, как в первоисточнике, так и в качестве итоговых результатов в исследованиях предшествующих авторов, позволяет описать процессы, которые происходили в провинциальном социуме Псковщины [22]. Согласно данным государственной статистики, в период 1720–1860 гг. в России было проведено 10 переписей (ревизий). Численность мужского населения Псковской губернии в границах начала XIX в. составляла по III ревизии (1761–1767 гг.) 246,9 тыс. человек¹. Данные ревизий были значимым источником учета населения уже в дореволюционный период при описании территорий Российской империи [23].

Как отмечает В. С. Дементьев, в 1760-е гг. Псковский регион характеризовался как сугубо аграрный. Наиболее населенными уездами были Псковский, Пусторжевский и Великолукский, а высокий прирост населения отмечался практически во всех уездах, что объясняется наличием довольно значительных массивов удобной для земледелия земли [24]. При этом в социальной структуре наблюдается увеличение числа купеческих и посадских душ, а в некоторых районах Псковщины оно фиксируется там, где до этого ранее не определялось. Например, в 1760-е гг. появилось посадское население в Гдове².

Что касается представителей привилегированного сословия региона, то для территории будущей Псковской губернии в 1756 г. И. И. Василев насчитывает 874 помещика [25]. По сведениям Н. А. Рубинштейна, на 1777 г. в Псковской провинции было 1249 помещиков [26, с. 14].

Этнический состав населения Псковщины в основной части был представлен русскими. Незначительное число составляли латыши (на момент III ревизии 1762 г. их доля составила 0,06 %, на момент V ревизии – 0,07 %). Они проживали в смежных с Лифляндией Печорском и Псковском уездах. Эстонцы проживали в Псковском уезде (около 3,5 %) и Опочецком (0,5 %) [27].

В Псковский регион активно переселялись эстонцы и латыши, что отразилось на динамике населения в северных уездах Псковщины. Островский и Опочецкий уезды находились на пути передвижения старообрядцев в Латгалию и более южные территории, часть из них осела в данных уездах. Из-за того, что Островский и Опочецкий уезды

до 1772 г. находились на приграничье с Речью Посполитой, через эти территории шло активное передвижение населения за рубеж, связанное с усилением закрепощенности крестьян, рекрутскими наборами и другими факторами [24].

По данным Д. Н. Лазарева, в Псковском наместничестве в последней четверти XVIII в. проживал 191 иноверец: 139 мужчин (72,8 %) и 52 женщины (27,2 %). Лютеране распределялись так: г. Псков – 135 человек (70,7 %), Псковский уезд – 12 (0,1 %); Островский уезд – 5 (0,02 %); г. Торопец – 7 (0,03 %), Торопецкий уезд – 7 (0,03 %); г. Порхов – 1 (0,01 %), Порховский уезд – 14 (0,07 %); Новоржевский уезд – 4 (0,02 %); Печерский уезд – 3 (0,01 %); Великолукский уезд – 3 (0,01 %) [28, с. 1–2].

Численность населения г. Великие Луки и Великолукского уезда

По материалам церковного учета была установлена численность населения и ее динамика в г. Великие Луки в 1760-е гг. На основе данных о населении 9 приходов на 1762 г. удалось установить, что прихожан мужского пола было 3949 человек, а женского – 4224³. По данным росписей в 1764 г.⁴ население города увеличилось на 160 мужчин (всего 4109) и 1 женщину (всего 4245). Такой численный скачок мужского населения можно объяснить прибытием рекрутов на временный постой в Великие Луки. Рекруты были расквартированы по домам прихожан. В 1765 г. наблюдается спад населения: число мужчин уменьшилось на 309 человек (всего 3800 человек), женщин – на 342 (3903 человека)⁵. Численность населения начинает расти в 1767 и 1768 г.⁶

В табл. 1⁷ представлены обобщенные данные по г. Великие Луки. В среднем доля женского населения по данным за 5 лет составляет 51 %, мужского – 49 %. Самый большой процент женского населения зафиксирован в 1762 г. При этом статистика показывает почти равное количество женского и мужского населения в г. Великие Луки. С 1762 по 1764 г. наблюдается увеличение численности населения на 181 человека (160 мужчин, 21 женщина). Отмечается явное снижение численности населения в 1765 г. на 651 человека (309 мужчин, 342 женщины). Самый высокий показатель численности был зафиксирован в исповедных росписях 1767 г. Он составил 8632 человек обоего пола. В этот год отмечается увеличение количества мужчин по сравнению с 1765 г. на 432 человек. Такой рост можно объяснить появлением военных в г. Великие Луки. Рядовой состав был приписан

¹ История переписей населения на Псковской земле. URL: <http://www.gosstat.pskov.ru/vpn2010/DocLib5/История%20переписей%20населения%20на%20Псковской%20земле.htm> (дата обращения: 08.05.2022).

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 2709. 1719–1767 гг. Л. 1–151.

³ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1425. 1762 г.

⁴ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1426. 1764 г.

⁵ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1427. 1765 г.

⁶ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1429. 1768 г.

⁷ Сост. по: ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1425; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1426; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1427; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1428; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1429.

к 2 дворам мещан и двору унтер-офицера. Ко двору Степана Петрова было приписано 29 солдат на проживание⁸. В состав двора Кирилла Логинова были включены 7 рядовых⁹, а во двор унтер-офицера Ивана Серёгина вписаны 12 солдат. Причем священник в тексте исповедной росписи делает пометки о профессиональной деятельности каждого солдата. Все солдаты являлись пушкарями¹⁰.

В конце дела с исповедными росписями г. Великие Луки за 1763 г. была вложена Ведомость священнослужителей¹¹, которая содержит информацию обо всех священниках, дьяконах, пономарях, что вели службу в приходах. В г. Великие Луки в 1763 г. было 13 священников на 9 церквей. Следует отметить, что в церквях часто служило сразу 2–3 священника. Также в ведомости зафиксированы 5 пономарей, 6 дьяконов и 1 дьячок.

В табл. 2¹² представлена общая численность населения Великолуцкого уезда в 1760-е гг. На основании привлеченных материалов 43 приходов из 49 существовавших на территории Псковщины в 1760-е гг. удалось установить, что самый высокий показатель численности населения зафиксирован в 1766 г. – 45245 человек. Рост населения в период 1762–1766 гг. составил 1462 человека: мужчин стало больше на 2201, женщин – меньше на 739. В 1768 г. отмечается снижение численности населения по сравнению с 1766 г. на 897 человек: мужское население уменьшилось на 945 человек, а женское увеличилось на 48 человек.

В 1762 г. число жителей Великолуцкого уезда вместе с городским населением составляло 51956 человек. Полноту учета населения в исповедных росписях Великолуцкого уезда можно уточнить по данным III ревизии, которые представлены В. М. Кабузаном и составляют 63907 душ [27]. Расхождение в данных на 11951 человека можно объяснить отсутствием в исповедных росписях сведений о старообрядцах, которые проживали на территории Псковщины.

Численность населения г. Псков и Псковского уезда

Исследование материалов церковного учета (исповедных росписей) г. Псков в 1760-е гг. позволяет представить численный состав населения. В табл. 3¹³ представлены данные по 16 приходам. Самый высокий показатель численности населения приходится на 1768 г. – 7658 человек, причем доля женского населения составила на 920 человек больше, чем мужского. Самый низкий показатель зафиксирован в 1761 г. – 5839 человек.

Табл. 1. Численность населения г. Великие Луки, 1760-е гг.

Tab. 1. The population of the city of Velikiye Luki, 1760s

Год	Пол	Количество	%	Всего
1762	мужской	3949	48,3	8173
	женский	4224	51,7	
1764	мужской	4109	49,2	8354
	женский	4245	50,8	
1765	мужской	3800	49,3	7703
	женский	3903	50,7	
1767	мужской	4232	49,0	8632
	женский	4400	51,0	
1768	мужской	4282	50,7	8446
	женский	4164	49,3	

Табл. 2. Численность населения Великолуцкого уезда, 1760-е гг.

Tab. 2. The population of Velikiye Luki area, 1760s

Год	Пол	Количество	%	Всего
1762	мужской	18090	41,3	43783
	женский	25693	58,7	
1763	мужской	20167	46,1	43736
	женский	23569	53,9	
1766	мужской	20291	44,8	45245
	женский	24954	55,2	
1768	мужской	19346	43,6	44348
	женский	25002	56,4	

Средний процент женского населения по г. Псков за этот период составил 56 %, мужского – 42 %. Сравнение соотношения женского и мужского населения г. Великие Луки и г. Псков свидетельствует о том, что женское население г. Псков превышало женское население г. Великие Луки на 5 %, и, наоборот, мужское население Великих Лук больше псковского на 7 %.

Полноту учета населения г. Псков в исповедных росписях можно уточнить по данным III ревизии. В Ведомости о числе душ по городам 1762–1767 гг. учитывается 540 посадских душ, проживающих в г. Псков¹⁴. Исповедные росписи за 1763 г. учитывают среди посадских людей 460 мужчин, за 1765 г. – 540.

⁸ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1429. Л. 27. 1768 г.

⁹ Там же. Л. 45.

¹⁰ Там же. Л. 38.

¹¹ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1447. Л. 170. 1763 г.

¹² Составлена по: ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1446; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1447; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1451; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1453.

¹³ Составлена по: ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3510; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3513; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3514; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3517; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3518; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3522; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3523; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3524.

¹⁴ Российская национальная библиотека. Эрмитажное собрание. Д. 242. Л. 26–29.

Таким образом, данные ревизии практически не отличаются от данных церковной документации. Расхождение в данных ревизии с данными за 1763 г. можно объяснить отсутствием некоторых росписей церквей, в приходах которых проживали посадские люди.

При анализе первичных документов церковного учета Псковского уезда удалось проанализировать сведения о численности населения. При этом следует отметить, что демографическую ситуацию этого района достаточно сложно рассмотреть по причине плохой сохранности документов. Многие исповедные росписи сохранились не полностью или вообще отсутствуют.

В результате исследования удалось привлечь материалы 18 погостов за 1763 и 1765 г. (табл. 4¹⁵), которые позволяют установить снижение численности населения на 1202 человека. Особенно значительным оно было среди мужской части населения – 1045 человек, число женщин уменьшилось на 157 человек. Следует отметить, что подобная тенденция наблюдалась и в Великолукском уезде.

Табл. 3. Численность населения г. Псков, 1760-е гг.

Tab. 3. The population of Pskov, 1760s

Год	Пол	Количество	%	Всего
1761	мужской	2589	44,3	5839
	женский	3250	55,7	
1763	мужской	2999	44,0	6822
	женский	3823	56,0	
1765	мужской	3458	44,6	7747
	женский	4289	55,4	
1767	мужской	3365	45,1	7465
	женский	4100	54,9	
1768	мужской	3369	44,0	7658
	женский	4289	56,0	

Табл. 4. Численность населения 18 приходов Псковского уезда, 1760-е гг.

Tab. 4. The population of 18 parishes of Pskov area, 1760s

Год	Пол	Количество	%	Всего
1763	мужской	19569	47,2	41456
	женский	21887	52,8	
1765	мужской	18524	46,0	40254
	женский	21730	54,0	

Сословный состав населения городов Псков и Великие Луки, Великолукского и Псковского уездов

Данные анализа исповедных росписей показывают, что в 1760-е гг. в городах Псков и Великие Луки преобладающим сословием является крестьянство (поселяне и дворовые) (табл. 5¹⁶). Самая высокая доля крестьян наблюдается в г. Великие Луки. Особенностью социальной структуры обоих городов является большое число крестьян, проживающих в городе, что в целом было нехарактерно для провинциального общества исследуемого периода. Юридический переход крестьян в городское сословие был сопряжен со значительными трудностями. В частности, необходимо было иметь высокий материальный доход, что не позволяло большинству крестьянского населения претендовать на статус городского жителя. Поиск источников дохода приводил к тому, что крестьяне, осевшие в городе, нелегально занимались торговлей, что вызывало недовольство со стороны купечества. Этот факт подтверждается наказами жителей г. Псков в Уложенную комиссию, в которых купцы жаловались на крестьян по поводу того, что они «производят всякие ремёсла... яко настоящие купцы, но в службах купечеству никакого вспоможения и купеческих платежей не чинят»¹⁷.

Следующим по численности сословием городов Псков и Великие Луки было посадское население. Многие священники выделяют из посадского населения мещан и вносят их в отдельную сословную категорию. Средний процент по двум городам составил 14,5 %. Наибольшее число посадских людей зафиксировано в исповедных росписях г. Псков – 16 %. На духовное сословие приходится 2,5 %, на мещанское – 3,5 %, разночинцев было 1,5 % и приказное сословие составляло около 2 %.

Табл. 5. Сословный состав населения городов Псков и Великие Луки, 1760-е гг., %

Tab. 5. Social structure of the cities of Pskov and Velikiye Luki, 1760s, %

Сословия	Псков	Великие Луки
Духовные	2	2
Военные (воюющие)	15	13
Приказные	2	1
Посадские	18	17
Разночинцы	2	2
Поселяне	58	55
Дворовые	3	15

¹⁵ Составлена по: ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3513; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3514; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3517; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3518.

¹⁶ Составлена по: ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1425; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1426; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1427; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1428; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3510; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3513; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3514; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3517; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3518; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3522; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3523; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3524.

¹⁷ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб.: Тип. А. Траншея. 1900. Т. 107. С. 374.

Большая часть населения Великолукского и Псковского уездов в 1760-е гг. была представлена крестьянством (поселянами и дворовыми) (табл. 6)¹⁸. Средний процент поселян и дворовых по Псковскому краю в 1760-е гг. составил 71 %. Очень незначительна доля посадских людей, разночинцев и мещан в приходских документах.

Табл. 6. Сословный состав населения Великолукского и Псковского уездов, 1760-е гг., %

Tab. 6. Social structure of Velikiye Luki and Pskov areas, 1760s, %

Сословия	Псковский уезд	Великолукский уезд
Духовные	3	2
Военные (воюющие)	5	4
Приказные	2	1
Посадские	1	1
Разночинцы	2	4
Мещане	1	3
Поселяне	56	61
Дворовые	30	24

Следует учитывать, что на протяжении XVIII в. сословная терминология источников меняется, и после секуляризации церковных земель появляется категория экономических крестьян. Однако в привлеченных источниках церковного учета по Псковскому и Великолукскому уездам за 1760-е гг. экономические крестьяне как отдельная сословная группа отмечены только в нескольких росписях: в частности, в церковной документации Великолукского уезда: в Преображенской церкви погоста Влицы¹⁹ и в росписи Архангельской церкви погоста Дуняни²⁰ за 1763 г.; в исповедной росписи Спасской церкви села Бететино²¹, где священник Игнатий Валин упоминает 15 «церковный крестьян». В некоторых росписях Пскова и Псковского уезда использованы формулировки, определяющие эту же сословную категорию «ведомства коллегии экономии бывой архиерейского дома бобыль»²², «экономического правления такой-то церкви бобыль»²³. Однако эти формулировки применяются не ко всем крестьянам и бобылям, упомянутым в соответствующих росписях. Во многих документах по-прежнему указывается принадлежность крестьян к церквям и монастырям.

Это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, на протяжении всего XVIII в. происходит реформирование церковной системы, вследствие чего не все священники были достаточно осведомлены о принятых изменениях и о том, к какой категории следует относить бывших монастырских и церковных крестьян. Такая же ситуация наблюдается и с другими социальными категориями. Священники не всегда точно и верно распределяют прихожан по сословным группам как внутри самого текста, так и в сводной таблице. Во-вторых, не всех крестьян к данному периоду (1760-е гг.) успели передать в ведение коллегии экономии.

Численность населения и сословный состав Гдовского уезда

Исследование исповедных росписей Гдовского уезда за 1760-е гг. не дало возможности для установления полной численности населения, т.к. сохранились не все церковные документы за этот период. Нами изучено 50 исповедных росписей Гдовского уезда и 11 – г. Гдов. Анализ привлеченных данных позволил сформулировать выводы о численном, социальном и гендерном составе населения на примере отдельных приходов. Изучение приходской документации Гдовского уезда показало, что в 1762 г.²⁴ по 10 исповедным росписям численность населения составила 7485 человек: 4134 женщины, 3351 мужчина. Процентное соотношение мужчин и женщин не отличается от гендерной ситуации Псковского и Великолукского уездов. Анализ социальной структуры Гдовского уезда по этим 10 приходам показал, что большую часть населения составляет крестьянство (поселяне и дворовые) – 7364 человека. В приходских документах есть сведения о военных (20 человек) и духовных (100 человек). Особенностью социальной структуры населения Гдовского уезда является наличие в приходах солдатских вдов – 12 человек. Священники церквей Гдовского уезда часто помещают дворян в сводных таблицах в категорию военных. Так, священник Игнатий Миронов церкви Воскресенья Христова²⁵ вписывает 2 помещиков в категорию военных без указания для них социального статуса. Принадлежность их к дворянскому сословию можно проследить только по тексту самой исповедной росписи.

Многие священники выписывают в отдельную сословную группу ямщиков, хотя они входят в категорию разночинцев. Так, в сводной таблице текста источника (исповедной росписи церкви Пятницкой, что на посаде) священник

¹⁸ Составлена по: ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1448; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1450; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3513; ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3517.

¹⁹ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1447. Л. 45. 1763 г.

²⁰ Там же. Л. 263.

²¹ Там же. Л. 689.

²² ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3518. Л. 112 об.–112а. 1765 г.

²³ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3517. Л. 35. 1765 г.

²⁴ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1861. 1762 г.

²⁵ Там же. Л. 123.

учитывает 99 ямщиков, хотя текст документа не содержит никакой информации об этой социальной группе. Эти 99 человек включены в группу разночинцев²⁶. Как и в других уездах, многие гдовские священники вносят дворян в категорию разночинцев или военных. Выделить дворян из текста исповедных росписей можно по следующим признакам: 1) их называют помещиками; 2) они владели дворовыми. Однако с последним признаком возникают некоторые сложности: в росписях упоминаются дворовые люди мелких чиновников (канцеляристов) и посадских людей. Например, в тексте исповедной росписи Афанасьевской церкви²⁷ за 1766 г. во владении купца Ивана Романова учтено 4 дворовых. В этой же росписи отмечено, что статский секретарь Семён Панин владеет 2 дворовыми²⁸. Священник Савва Григорьев Пятницкой церкви по ошибке указывает во владении у мещанина Антона Васильева 12 дворовых²⁹.

Заключение

Исследование опубликованных и неопубликованных источников административного и церковного учета, включающих в себя материалы ревизских описаний, исповедных росписей и метрических книг, данные статистики из отчетов местных властей дореволюционной эпохи, позволяет охарактеризовать социальную структуру провинциального общества Псковского края в исследуемый период и дать подробное описание процессов, которые происходили на местах с включением конкретных примеров для отдельных социальных структур, будь то представители целого сословия или конкретная общественная группа.

В 1760-е гг. на территории Псковского края наблюдается тенденция к увеличению численности и удельного веса податного населения. Результаты анализа источников показали, что этнический состав населения Псковщины в основной части был представлен русскими. Преобладающим

сословием было крестьянство. Самая высокая доля крестьян наблюдалась в г. Великие Луки. Особенность социальной структуры г. Великие Луки и г. Псков – большое число крестьян, проживавших в городе, что в целом было нехарактерно для провинциального общества исследуемого периода.

В рамках представленных данных становится видна социальная картина двух самых густонаселенных уездов региона – Псковского и Великолуцкого, чья статистика отражает процессы в первую очередь экономического характера, происходившие в государстве. В то же время социальная структура населения региона отражает и местную специфику, в частности географическое положение рассматриваемой территории, что отражается на этническом и религиозном составе населения.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Е. В. Гончарова – анализ публикации по теме исследования, обобщение результатов анализа источников и предшествующих изысканий по теме, подготовка текста публикации. М. М. Павлова – анализ опубликованных и неопубликованных источников, сбор сведений, отложившихся в Государственном архиве Псковской области.

Contribution: E. V. Goncharova performed the review, summarized the results, did the preliminary research on the topic, and drafted the publication. M. M. Pavlova worked with archival documents in the State Archives of the Pskov Region.

Литература / References

1. Першина Т. А., Першин С. В. Родственный состав мордовской, русской и татарской семьи-домохозяйства в первой половине XIX в.: сравнительный анализ. *Финно-угорский мир*. 2022. Т. 14. № 1. С. 78–86. [Perschina T. A., Pershin S. V. The relative composition of the Mordovian, Russian and Tatar family-households in the first half of the XIX century: a comparative analysis. *Finno-Ugric World*, 2022, 14(1): 78–86. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15507/2076-2577.014.2022.01.78-86>
2. Стрекалов Д. В., Стрекалова Н. В. Структура и типология провинциальной городской семьи в конце XVIII – первой половине XIX века (на материалах Тамбова). *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2018. Т. 23. № 172. С. 119–130. [Strekalov D. V., Strekalova N. V. Structure and typology of a provincial urban family at the end of the XVIII – the first half of the XIX century (on materials of Tambov). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2018, 23(172): 119–130. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2018-23-172-119-130>
3. Стрекалов Д. В., Стрекалова Н. В. Главы семей Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX века: социально-демографический аспект. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. Т. 22. № 6. С. 160–171. [Strekalov D. V., Strekalova N. V. The heads of Tambov families at the end of the XVIII – in the first half

²⁶ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1851. Л. 12. 1766 г.

²⁷ Там же. Л. 5.

²⁸ Там же. Л. 6.

²⁹ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1852. Л. 45. 1767 г.

- of the XIX century: social and demographic aspect. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2017, 22(6): 160–171. (In Russ.)] [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-6\(170\)-160-171](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-160-171)
4. Стрекалов Д. В., Стрекалова Н. В. К проблеме рождаемости в провинциальном российском городе в конце XVIII – первой половине XIX века (на материалах Тамбова). *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2019. Т. 24. № 178. С. 128–139. [Strekalov D. V., Strekalova N. V. A birth rate problem in a provincial Russian city in the late XVIII – early XIX century (basing on the materials of Tambov). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2019, 24(178): 128–139. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-178-128-139>
 5. Зайцева О. М., Стрекалова Н. В. Семьи высших слоев г. Тамбова в конце XIX – начале XX века: социально-демографический аспект. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2019. Т. 24. № 179. С. 173–185. [Zaytseva O. M., Strekalova N. V. Tambov upper-class families in the late XIX – early XX centuries: social and demographic aspect. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2019, 24(179): 173–185. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-179-173-185>
 6. Зайцева О. М., Стрекалова Н. В. Женщина купеческого сословия г. Тамбова в конце XIX – начале XX века: штрихи к социальному портрету. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2018. Т. 23. № 171. С. 145–155. [Zaytseva O. M., Strekalova N. V. The woman of merchant class of Tambov at the end of XIX – the beginning of the XX century: marks to a social portrait. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2018, 23(171): 145–155. (In Russ.)] [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2018-23-1\(171\)-145-155](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2018-23-1(171)-145-155)
 7. Мякишева Е. А. Особенности социально-демографических показателей и профессионального состава Тамбовской, Воронежской и Рязанской губерний в середине XIX века. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2018. Т. 23. № 171. С. 124–135. [Myakishcheva E. A. Peculiarities of social-demographic indices and professional composition of Tambov, Voronezh and Ryazan provinces in the middle of XIX century. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2018, 23, (171): 124–135. (In Russ.)] [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2018-23-1\(171\)-124-135](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2018-23-1(171)-124-135)
 8. Бессонова Т. В. Структурно-типологическая характеристика русской мещанской семьи Казани середины XIX в. *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2018. Т. 8. № 6. С. 703–712. [Bessonova T. V. Structural and typological characteristics of the Russian petty-bourgeois family of Kazan in the middle of the XIX century. *Issues of National and Federative Relations*, 2018, 8(6): 703–712. (In Russ.)] EDN: VPUCWE
 9. Евдокимова А. Н. Исповедные ведомости как исторический источник о социальном составе прихожан чувашских приходов Казанской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века. *Вестник Чувашского университета*. 2019. № 2. С. 35–44. [Evdokimova A. N. Confessional statements as a historical source of church members' social structure in Chuvash parishes of Kazan governorate at the end of the XVIII – first half of the XIX centuries. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2019, (2): 35–44. (In Russ.)] EDN: MTWGLL
 10. Кириченко В. Ю. Отражение динамики социального статуса купечества в исповедных росписях Коломны XVIII века. *Манускрипт*. 2021. Т. 14. № 7. С. 1305–1314. [Kirichenko V. Yu. Reflection of the merchants' social status dynamics in confessional registers of Kolomna in the XVIII century. *Manuscript*, 2021, 14(7): 1305–1314. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/mns210259>
 11. Первушкин А. В. Особенности брачно-семейных отношений в городах Российской империи (на примере Пензенской губернии) во второй половине XIX – начале XX века. *Наука. Общество. Государство*. 2018. Т. 6. № 3. С. 5–10. [Pervushkin A. V. Features of marriage and family relations in the cities of the Russian Empire (for example, Penza province) during the second half of XIX – early XX century. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, 2018, 6(3): 5–10. (In Russ.)] EDN: VLQBYQ
 12. Медведева Н. М. Сословная структура населения городов Псковской губернии во второй половине XIX в. *Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал*. 2006. № 25. С. 162–170. [Medvedeva N. M. The estate structure of the population of the cities of Pskov province in the second half of the XIX century. *Pskov. Nauchno-prakticheskii, istoriko-kraevedcheskii zhurnal*, 2006, (25): 162–170. (In Russ.)] EDN: NURKXV
 13. Медведева Н. М. Социальный портрет мещанского сословия уездного города Острова в пореформенный период. *Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал*. 2007. № 26. С. 116–120. [Medvedeva N. M. Social portrait of the petty-bourgeois class of the district city of Ostrov in the postreform period. *Pskov. Nauchno-prakticheskii, istoriko-kraevedcheskii zhurnal*, 2007, (26): 116–120. (In Russ.)] EDN: NUDXVJ
 14. Макеенко Л. Н. Состав прихожан церквей г. Пскова XVIII – 1-й пол. XIX в. *Земля Псковская, древняя и современная: мат-лы науч.-практ. конф., посв. 50-летию Древлехранилища музея и 120-летию со дня рождения А. А. Пурышева*. (24–25 ноября 2008 г.) Псков, 2009. С. 95–107. [Makeenko L. N. Pskov parishioners in XVIII – early XIX century. *The land of Pskov, ancient and modern: Proc. Sci.-Prac. Conf., dedicated to the 50th anniversary of the Museum's Ancient Repository and the 120th anniversary of A. A. Puryshchev*, 24–25 Nov 2008. Pskov, 2009, 95–107. (In Russ.)]

15. Постников А. Б. Переписные книги и ревизские сказки как источники по истории Псковской церкви и духовенства последней трети XVII – первой половины XVIII в. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2015. № 2. С. 93–115. [Postnikov A. B. Census books and inspection accounts as sources on history of the Pskov Church and clergy of the last third of the XVII – the first half of the XVIII. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2015, (2): 93–115. (In Russ.)] EDN: TYFYMF
16. Постников А. Б. Исповедные росписи как источник по истории псковской Церкви и духовенства в 1727–1762 гг. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви*. 2016. № 6. С. 21–44. [Postnikov A. B. Confessional records as a source of the history of the Pskov Church and clergy of the 1727–1762. *Vestnik Pravoslavnogo SviatoTikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Serii II: Istorii. Istorii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 2016, (6): 21–44 (In Russ.)] <https://doi.org/10.15382/sturII201673.21-44>
17. Постников Б. А. Посадские люди Пскова в конце XVII в. и в эпоху Петровских преобразований. *Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал*. 2021. № 55. С. 75–112. [Postnikov A. B. The settled people of Pskov in the late XVII century in the era of Peter the Great. *Pskov. Nauchno-prakticheskii, istoriko-kraevedcheskii zhurnal*, 2021, (55): 75–112. (In Russ.)] EDN: VOCBTJ
18. Постников А. Б. Посадские люди Пскова в историографии. *Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал*. 2021. № 54. С. 20–46. [Postnikov A. B. The settled people of Pskov in historiography. *Pskov. Nauchno-prakticheskii, istoriko-kraevedcheskii zhurnal*, 2021, (54): 20–46. (In Russ.)] EDN: OHQCEV
19. Свиридова С. Л., Левин Н. Ф. Обзор фондов ГАПО, содержащих метрические книги, исповедные росписи и клировые ведомости (с приложением их списков по Порховскому уезду). *Материалы восьмых Псковских архивных чтений*. (Псков, 20–21 ноября 2013 г.) Псков: ГАПО, 2014. С. 35–39. [Sviridova S. L., Levin N. F. Review of metric books, confession lists, and clerical sheets in Pskov and Porkhov District. *Materials of the 8th Pskov archival readings*, Pskov, 20–21 Nov 2013. Pskov: State archive of the Pskov region, 2014, 35–39. (In Russ.)]
20. Административно-территориальное деление Псковской области (1917–1988 гг.), сост. Т. Е. Герасименко и др. Л.: Лениздат, 1988. Кн. 1. 411 с. [Administrative-territorial division of the Pskov region (1917–1988), comp. Gerasimenok T. E. et al. Leningrad: Lenizdat, 1988, book 1, 411. (In Russ.)]
21. Миронов Б. Н. Исповедные ведомости – источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII – первой половины XIX в. *Вспомогательные исторические дисциплины*. 1989. Т. 20. С. 102–106. [Mironov B. N. Confessional statements – a source of the number and social structure of the orthodox population of Russia XVIII – the first half of the XIX century. *Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny*, 1989, 20: 102–106. (In Russ.)] EDN: WBTSCR
22. Гончарова Е. В. Движение зависимого населения Псковского уезда в первой половине XVIII в. *Археология и история Пскова и Псковской земли*. 2017. № 32. С. 101–104. [Goncharova E. V. The Pskov district dependent population rotation in the first half of the XVIII century. *Archaeology and History of Pskov and Pskov Land*, 2017, (32): 101–104. (In Russ.)] EDN: YUOPNG
23. Павлова М. М. Численный и социальный состав Псковского края в первой половине XVIII в. по данным фискально-административного учёта. *Молодой ученый*. 2015. № 16. С. 363–367. [Pavlova M. M. Numerical and social composition of the Pskov region in the first half of the XVIII century according to fiscal and administrative accounting. *Molodoi uchenyi*, 2015, (16): 363–367. (In Russ.)] EDN: UJLOKZ
24. Дементьев В. С. Динамика численности и этнического состава населения Псковской губернии и соседних территорий в XVIII – первой половине XIX вв. *Псковский регионологический журнал*. 2017. № 3. С. 138–157. [Dementiev V. S. Dynamics of population and the ethnic composition of Pskov region and adjoined territories in the XVIII – first half of the XIX centuries. *Pskov Journal of Regional Studies*, 2017, (3): 138–157. (In Russ.)] EDN: ZMQTGB
25. Василев И. И. Сведения о числе ревизских душ Псковской губернии, числящимися за разными сословиями и учреждениями по переписи 1756 г. *Сборник трудов Псковского археологического общества за 1896 г.* Псков: Тип. губ. правл., 1897. С. 18–23. [Vasilev I. I. Information on the number of taxed souls of the Pskov Province, listed for different estates and institutions according to the census of 1756. *Proceedings of the Pskov Archaeological Society for 1896*. Pskov: Printing house of the provincial government, 1897, 18–23. (In Russ.)]
26. Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: (Историко-экономический очерк). М.: Госполитиздат, 1957. 495 с. [Rubinstein N. L. *Agriculture of Russia in the second half of the XVIII century: a historical and economic essay*. Moscow: Gospolitizdat, 1957, 495. (In Russ.)]
27. Кабузан В. М. Народы России в XVIII в.: Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990. 256 с. [Kabuzan V. M. *Peoples of Russia in the XVIII century: population and ethnic composition*. Moscow: Nauka, 1990, 256. (In Russ.)]
28. Лазарев Д. Н. Псковское наместничество / по материалам архива Псковского Губернатора собрал Д. Лазарев. Псков: Тип. губ. правл., 1887. 38 с. [Lazarev D. N. *Pskov vicerealty: Pskov Governor's archive collected by D. Lazarev*. Pskov: Printing house of the provincial government, 1887, 38. (In Russ.)]

оригинальная статья

Планирование расходов губернского бюджета на оказание агрономической помощи населению Томской губернии в конце XIX – начале XX в.

Почеревин Евгений Владимирович

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В. М. Шукшина, Россия, Бийск

<https://orcid.org/0000-0003-0837-216X>

pev2@mail.ru

Поступила в редакцию 07.03.2022. Принята после рецензирования 05.05.2022. Принята в печать 30.05.2022.

Аннотация: Представлена история планирования, обсуждения и утверждения центральными ведомствами местного бюджета Томской губернии в начале XX в. На основе изучения документов, связанных с составлением и принятием трехлетних земских смет, сделан вывод о высокой степени заинтересованности в аграрных преобразованиях со стороны как населения, так и со стороны губернских административных органов. Из ассигнований, получивших одобрение и реализованных на практике, следует отметить выделение средств на транспортные расходы инструкторов и мастеров молочного дела, содержание опытных полей и ферм. В то же время проекты бюджетов, составленные губернским управлением, сталкивались со значительными ограничениями со стороны центральных ведомств. Это было вызвано отсутствием законодательных оснований для проведения задуманных мероприятий по улучшению сельского хозяйства. При составлении проекта сметы на 1915–1917 гг. томский губернский агроном выдвинул широкомасштабный проект развития сельского хозяйства, который включал в себя создание опытной станции с несколькими отделами. Предложения обсуждались на заседаниях уездных распорядительных комитетов и получили неоднозначную оценку. Если Бийский комитет выразил поддержку по многим пунктам плана, то Змеиногорский высказался в резко критическом ключе. И в том, и в другом случае решения комитетов содержали собственные предложения. Несмотря на значительную подготовительную работу, окончательный вариант губернской сметы был сокращен представителями центральных ведомств на 53 %. **Ключевые слова:** Томская губерния, губернский бюджет, агрономическая помощь, сельское хозяйство, уездный распорядительный комитет

Цитирование: Почеревин Е. В. Планирование расходов губернского бюджета на оказание агрономической помощи населению Томской губернии в конце XIX – начале XX в. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 5. С. 585–592. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-585-592>

full article

Provincial Budget and Agronomic Assistance in the Tomsk Province in the Late XIX – Early XX Centuries

Evgeny V. Pocherevin

Shukshin Altai State University of Humanities and Pedagogy, Russia, Biysk

pev2@mail.ru

Received 7 Mar 2022. Accepted after peer review 5 May 2022. Accepted for publication 30 May 2022.

Abstract: The article presents the history of planning, discussion, and approval of the Tomsk provincial budgets by the central departments in the early XX century. The analysis included documents on preparation and adoption of three-year estimates and revealed a high degree of interest in agrarian transformations, both on the part of the local population and the provincial administration. The appropriations approved and implemented in practice included the allocation of funds for dairy experts and experimental farms. However, the budgets drafted by the provincial administration faced significant restrictions from the central departments as a result of the poor legislative grounds. While planning the draft budget for 1915–1917, the Tomsk provincial agronomist put forward a large-scale project for agricultural development, which included a big experimental station. The proposals were discussed by the local committees and received a mixed assessment, e.g., the Biysk committee supported the plan, but the Zmeinogorsk committee was very skeptical about it. Despite the considerable preparatory work, the central department reduced the final version of the provincial budget by 53%.

Keywords: Tomsk province; provincial budget; agronomic assistance; agriculture; county administrative committee

Citation: Pocherevin E. V. Provincial Budget and Agronomic Assistance in the Tomsk Province in the Late XIX – Early XX Centuries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(5): 585–592. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-585-592>

Введение

В конце XIX – начале XX в. под агрономической помощью населению подразумевалось распространение сельскохозяйственных знаний, снабжение крестьян машинами и технологиями, проведение экспериментально-опытных мероприятий. Главным актором здесь выступало министерство земледелия и государственных имуществ (позднее Главное управление земледелия и государственных имуществ, далее – ГУЗиЗ). Также в данной сфере была заметна деятельность кооперативных организаций и сельскохозяйственных обществ. Всё это позволяло поставить сельскохозяйственное производство на научную основу и сделать крестьянский труд более продуктивным.

В европейских губерниях России в роли организатора и координатора этой деятельности выступали земские учреждения [1–4]. В Сибири эту роль пытались играть губернские управления, внося в проекты земских бюджетов расходы на агрономические мероприятия. Следует отметить, что термин *земский* здесь использован ввиду его широкого обыденного употребления в рассматриваемый период. Несмотря на то, что в Сибири не было введено земское самоуправление, термин часто встречается в документах, соответствуя категории *местный*. В силу установленных правил, губернские бюджетные проекты рассматривались особым совещанием при Департаменте окладных сборов министерства финансов (далее – Совещание). После этого обсуждались Государственным советом (позже еще и Государственной думой) и утверждались императором. Как правило, инициатива организации сельскохозяйственной помощи населению за счет средств губернских земских сборов исходила от правительственного агронома, назначенного в губернию / область для развития сельскохозяйственной деятельности местного населения.

Правительственная агрономическая работа достаточно хорошо исследована. Так, общий очерк ее работы в Сибири дан Н. А. Давыденко [5], основные тренды развития выявлены В. М. Рынковым [6]. Обзор сибирского сельскохозяйственного просвещения сделан в статьях Е. П. Ермачковой [7; 8]. Анализ развития системы опытных полей в Сибири проведен И. В. Транквилицкой [9], О. А. Милищенко [10; 11] и И. Н. Круч [11]. Роль кооперации в развитии сельскохозяйственного производства показана Е. М. Чедуровой [12; 13] и С. А. Пахомчиком [14]. Работа переселенческих складов сельскохозяйственной техники изучена в трудах В. И. Пронина [15],

Р. О. Грачева [16; 17] и И. В. Баскаковой [18]. Значительный вклад в исследование агрономических структур Западной Сибири внес Д. В. Кузнецов [19–25]. Сибирским особенностям организации агрономического обслуживания посвящена статья В. А. Ильиных [26].

Участие управленческих органов Томской губернии в оказании агрономической помощи населению не подвергалось изучению. Цель данной статьи – рассмотреть планы и предложения, выдвигавшиеся Томской губернской администрацией, проследить процессы их обсуждения на низовом уровне и утверждение центральными ведомствами. Одной из задач исследования является выявление механизма финансирования губернской администрацией агрономических мероприятий. Кроме того, представляется плодотворным сравнение точек зрения на сферы приложения сельскохозяйственной помощи столичных министерств, губернского агронома и представителей населения в лице уездных распорядительных комитетов.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1897 г., когда впервые в бюджетный проект Томской губернии были внесены расходы на оказание агрономической помощи населению, по 1917 г., когда в силу исторических причин трансформировались механизмы и принципы составления подобных финансовых документов. Основным источником для данной работы являются документы делопроизводства, связанные с разработкой и утверждением трехлетних губернских бюджетов (смет). Для исследования были привлечены неопубликованные документы из государственных архивов Томской, Кемеровской областей и Алтайского края. Кроме того, из хранилищ архива в г. Тобольск были извлечены материалы, касающиеся Томской губернии. В основном использовались проекты земских смет на трехлетние периоды, журналы их рассмотрения и утверждения центральными, губернскими и уездными инстанциями. Из опубликованных источников следует указать на «Свод предположений местного начальства и заключения Совещания представителей подлежащих ведомств по проекту сметы земских повинностей по Томской губернии на 1915–1917 гг.», содержащий данные о губернском проекте бюджета и решении представителей центральных ведомств о его судьбе¹.

Изучая процессы взаимодействия властных структур различного уровня и представителей населения, разные точки зрения на финансирование аграрных мероприятий,

¹ Свод предположений местного начальства и заключения Совещания представителей подлежащих ведомств по проекту сметы земских повинностей по Томской губернии на 1915–1917 гг. Пг., 1915. 73 с.

статья дает возможность извлечь определенный исторический опыт. Выявленная разница во взглядах позволяет не только констатировать отсутствие однозначных подходов к решению аграрных проблем в изучаемый период, но и спроецировать ситуацию на сегодняшний день. При подготовке исследования автор опирался на принципы научной объективности и историзма, использовал описательный, сравнительно-исторический, системный методы исследования.

Расходы губернского бюджета в 1897–1914 гг. на агрономическую помощь населению

Впервые затраты губернского бюджета на поддержание сельского хозяйства в регионе были включены в земскую смету на 1897–1899 гг. Это был расход на ремонт и содержание конюшен Томского отделения ведомства Государственного коннозаводства. По мнению администрации, это учреждение должно было принести пользу губернии, послужив базой для «улучшения породы рабочих лошадей»². Однако предложение не было утверждено министром финансов, несмотря на то что министр внутренних дел согласился с предложением губернатора. В то же время министерством в смету были внесены к условному отпуску ежегодные расходы на содержание Александринской сельскохозяйственной фермы близ г. Каинск (1200 руб.) и низшей сельскохозяйственной школы с фермой недалеко от г. Томск (8090 руб.). Ассигнования, выделяемые губернской администрацией, получили одобрение министра и Государственного совета³. В 1900–1905 гг. губернские расходы на агрономические мероприятия выделялись в прежних объемах.

В проекте сметы на 1906–1908 гг. впервые испрашивался кредит в размере 6100 руб. в год на покрытие дорожных издержек 7 инструкторов и 14 мастеров молочного хозяйства, на наем помещения для молочных лабораторий в городах Змеиногорск, Барнаул и Каинск. Расходы производились согласно предложению Департамента земледелия от 1903 г. об улучшении маслоделия⁴. Здесь прослеживается государственная политика, направленная на развитие в Сибири этой отрасли. Местное начальство, со своей стороны, признало целесообразным внести в смету расходы на повышение эффективности полеводства и пчеловодства, устройство курсов и выставок рогатого скота, выделить средства на служебные разъезды губернскому агроному и инструкторам сельского хозяйства. Всего эта статья затрат составляла 5700 руб. в год⁵. Собрание исключило расходы на создание лабораторий, поскольку процесс функционирования этих заведений и порядок управления

ими не был определен томской администрацией. Средства на служебные разъезды губернского агронома предоставлялись из государственной казны, поэтому из обсуждаемой сметы данный расход также был исключен. Расходы на аграрные мероприятия в 1906–1908 гг. были урезаны на 1800 руб. (с 23690 до 21890 руб.) в год⁶.

В дальнейшем затраты планомерно повышались, составляя 23090 руб. в год в 1909–1911 гг. и 48890 руб. в год в 1912–1914 гг. Указать сферы приложения выделяемых губернным бюджетом финансов не представляется возможным ввиду отсутствия источников.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. наблюдалось постепенное включение в земский бюджет расходов на агрономические мероприятия. Инициатива этого исходила как от губернской администрации, так и от центральных ведомств. Специальное Собрание контролировало адекватность этих расходов.

Проект сметы на 1915–1917 гг.

На период 1915–1917 гг. несмотря на Первую мировую войну, в губернии были разработаны грандиозные планы по финансированию развития сельского хозяйства региона. Проект сметы по оказанию агрономической помощи населению был составлен при участии губернского агронома С. И. Иванова в 1913 г. и представлял не только свод предложений, но и развернутый отчет о состоянии сельского хозяйства в губернии. Чиновником было отмечено, что, несмотря на бурный рост сельскохозяйственного производства, практически во всех его отраслях наблюдался кризис или намечался упадок. Для предотвращения этого губернский агроном предлагал ряд мер. Раздел *Непосредственная помощь населению* включал в себя организацию показательного травосеяния, демонстрацию сельскохозяйственных машин, распространение сортовых семян, что требовало ассигнования 15000 руб. на трехлетие. В сфере животноводства предлагалось устроить случайные пункты, показательные скотные дворы, племенные заводы, затрачивая на это около 12000 руб. Пчеловодство предполагало улучшать путем устройства показательных пасек и распространения пчеловодческого инвентаря, предполагаемые затраты составляли 3000 руб. Кроме того, виделось необходимым дальнейшее расширение программы курсов по сельскому хозяйству (6000 руб.), устройство выставок животноводства (3000 руб.) и даже создание губернского сельскохозяйственного музея (2000 руб.). Планировалось приглашение помощника губернского агронома (с жалованием 3000 руб. в год). Намечалось проведение сельскохозяйственных съездов с участием представителей кооперативных

² Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. 152. Оп. 52. Д. 2. Л. 345.

³ Там же. Л. 284 об., 375 об.

⁴ ГАТ. Ф. 152. Оп. 40. Д. 224. Л. 290.

⁵ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 23. Д. 43. Л. 39, 39 об.

⁶ ГАТ. Ф. 152. Оп. 40. Д. 224. Л. 206 об.

учреждений, а также последующая публикация и распространение итогов их работы (9000 руб.)⁷. Всего по данному разделу предлагалось включить в земский бюджет расходы на общую сумму 59000 руб. на трехлетие.

Существенное значение агроном С. И. Иванов придавал развитию сельскохозяйственного образования. Чтобы повысить его уровень, было запланировано открытие Павловского сельскохозяйственного училища, на что требовалось израсходовать 86000 руб. за три года. В с. Павловское Барнаульского уезда на средства 32 сельских обществ уже было построено каменное здание. На первоначальное оборудование предполагалось привлекать деньги, выделяемые государством. Планировалось установление 20 стипендий для учащихся по 200 руб. в год каждая. К тому же агрономом было запланировано устройство учебно-показательной пасеки на средства Департамента земледелия. Ее содержание должно было обеспечиваться из земского бюджета и составляло, по расчетам чиновника, 4300 руб. в год.

Еще один раздел сметы предполагал организацию опытных учреждений в Томской губернии. Губернский агроном называл эти меры «делом первейшей важности», без которого невозможно развитие сельского хозяйства. Им была обоснована потребность в испытательных станциях для проверки удобрений и сельскохозяйственных орудий, выработки приемов борьбы с засухой и кобылкой. Планировалось создать 12 опытных полей и ферм, в дополнение к трем существовавшим. Идеи агронома не ограничивались только этим, предполагалось создание в г. Барнаул опытной станции, которая должна была проводить научную обработку результатов, полученных на опытных полях и фермах. Станция должна была состоять из 10 секций, включая метеорологический, почвенный, селекционный, зоотехнический, молочно-хозяйственный, машиноиспытательный, пчеловодческий, энтомологический отделы. На устройство и содержание всей опытной сети требовалось 369630 руб., причем в дополнение к этому Департамент земледелия должен был внести 516000 руб. по программе софинансирования.

Придавая особое значение развитию сельскохозяйственной науки, государство предоставляло субсидии местным учреждениям, проявляющим инициативу в создании опытного дела. Все расходы по агрономической помощи населению выражались в сумме 578530 руб. на трехлетие⁸. Из вышеизложенного видно, что планировалось проведение ряда мероприятий, охватывающих все сферы сельского хозяйства. Для воплощения плана требовалось использование различных организационных форм работы и значительные финансовые затраты.

Обсуждение проекта сметы в Бийском уезде

Проект сметы был разослан для обсуждения в уезды Томской губернии. Сохранились документы, отражающие процесс и итоги рассмотрения этого проекта в двух уездах. На заседании Бийского уездного распорядительного комитета в феврале-марте 1914 г. специально созданная комиссия констатировала рост заинтересованности крестьян в получении агрономической помощи. В связи с этим предлагалось осуществить ряд мер⁹. Так, рекомендовалось ввести дополнительную штатную единицу уездного инструктора полеводства, увеличить с одного до пяти количество техников, специализирующихся на этой отрасли сельского хозяйства. Комиссия сочла необходимым увеличить расходы на нужды полеводства с 15000 до 45000 руб. за трехлетие. В сфере животноводства также планировалось увеличение инструкторского персонала.

Запланированные сметой расходы (9000 руб.) на проведение курсов по сельскохозяйственной тематике и устройство выставок животноводства комиссия сочла вполне достаточными. Нашли поддержку предложения губернского агронома об устройстве губернского музея сельского хозяйства (2000 руб.), о проведении губернских сельскохозяйственных съездов и агрономических совещаний (9000 руб.). Было высказано пожелание о проведении уездных сельскохозяйственных съездов¹⁰.

Распорядительный комитет поддержал мнение губернского агронома о необходимости открытия в с. Павловское губернского сельскохозяйственного училища, поскольку инструкторы-специалисты готовились в европейской части России и в условиях Сибири их опыт не всегда оказывался актуальным. По поводу учебно-показательной пасеки распорядительный комитет высказал мнение о ее открытии близ г. Бийск, т.к. половина всех ульев губернии была расположена в Бийском уезде. Благодаря такому местоположению, пасека могла бы обслуживать нужды Барнаульского, Змеиногорского и Кузнецкого уездов¹¹.

Значительного внимания заслужил вопрос об опытных полях. Комитет предложил открыть часть опытных полей в Бийском уезде, поскольку он предоставлял наибольшее разнообразие по климатическим и ландшафтным условиям. Распорядительный комитет пришел к выводу, что одного запланированного поля в с. Алтайское недостаточно для Бийского уезда, требовались такие же участки в степной и черневой зонах. Опытные животноводческие фермы, по мнению членов комитета, были необходимы в с. Онгудай, которое являлось центром инородческого животноводства и в с. Старая Барда – центре молочного скотоводства в уезде.

⁷ Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. 35. Оп. 1. Д. 71. Л. 47 об.

⁸ Там же. Л. 47, 45, 46.

⁹ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 65. Оп. 1. Д. 244. Л. 55–57.

¹⁰ Там же. Л. 55–57. Л. 56 об., 57.

¹¹ Там же. Л. 58 об.

Комитет постановил подать ходатайство о выделении 50 стипендий только для Бийского уезда в Павловском училище, а не 20 на всю губернию, как было запланировано сметой. Распорядительный комитет выступал за включение в земскую смету расходов на выплату пособий учителям, которые пожелают устроить на пришкольных участках небольшие сельскохозяйственные станции. Предполагалось, что под руководством инструкторов они смогут организовать образцовые хозяйства для демонстрации крестьянам передовых агрономических приемов¹². В заключение работы комитет выразил пожелание о скорейшем строительстве железной дороги в Монголию и организации Северного морского пути в Западную Европу и Англию для сбыта товарного хлеба¹³.

Таким образом, Бийский распорядительный комитет одобрял предложения губернского агронома по большинству пунктов. Более того, по ряду показателей были высказаны пожелания об увеличении ассигнований или расширении мер, предлагаемых губернским чиновником. Следует отметить стремление привлечь в уезд земские средства для развития консультационной и опытно-экспериментальной инфраструктур. Пожелания, высказанные участниками комитета, поднимались до геополитического уровня экономического планирования.

Обсуждение проекта сметы в Змеиногорском уезде

На заседании Змеиногорского распорядительного комитета 1–6 марта 1914 г. также рассматривался проект земской сметы. Каждая отрасль местного хозяйства, в том числе и вопросы агрономической помощи населению, обсуждалась особой группой членов комитета. Учитывались мнения, высказанные участковыми комиссиями, которые были организованы тремя крестьянскими начальниками уезда¹⁴.

Распорядительный комитет внес значительные изменения в составленный губернским агрономом проект. На улучшение полеводства путем приобретения и распространения среди населения семян улучшенных сортов хлеба и трав вместо запланированных 15000 руб. предлагалось выделить 25000 руб. на трехлетие. Другие расходы по данной статье – демонстрация сельскохозяйственных машин и орудий, устройство зерноочистительных пунктов, показательных зерносушилок, по мнению комитета, могли быть «отнесены на счет Департамента Земледелия». Для улучшения племенного стада в уезде, поднятия продуктивности «измельчавшего местного скота» комитет

посчитал наиболее целесообразным выделить не 12000, а 30000 руб., при обязательном устройстве в трех населенных пунктах уезда случайных пунктов. Мнение об этом было высказано в протоколе одного из участковых совещаний.

В целом соглашаясь с тезисом о полезности проведения курсов и чтений по сельскому хозяйству, комитет тем не менее предлагал не производить ассигнований на данный предмет, «не находя в нем неотложной необходимости». Идея устройства животноводческих выставок не нашла поддержки у членов комитета, поскольку «до улучшения существующих пород скота, выставки не имели бы надлежащего значения»¹⁵. Кроме того, было признано ненужным устройство музея сельского хозяйства. Созыв сельскохозяйственных съездов и агрономических совещаний также было предложено не финансировать. Констатировалось, что в прошлом подобные мероприятия устраивались за счет Департамента земледелия. Распорядительный комитет посчитал, что при участии в работе съездов представителей кооперативных учреждений расходы на их проведение должны падать на кооперативы. Соответственно, не допускалась и печать материалов этих собраний за счет земских средств¹⁶. Комитет высказался за исключение из сметы ассигнований на поддержку сельскохозяйственных обществ, полагая, что данный расход (41000 руб.) не может быть отнесен на общегубернский счет, поскольку общества «обслуживают ограниченный круг заинтересованных лиц, являясь как бы частными, просветительными и кооперативными организациями»¹⁷.

Распорядительный комитет отметил падение «пчеловодного промысла» в уезде ввиду его нерационального ведения. Было предложено кроме расходов, запланированных сметой (в сумме 3000 руб.), отпускать дополнительно 5000 руб. на организацию показательных пасек в с. Зырянское и в районе с. Змеиногорское. Выделение ассигнований на приглашение губернских агрономических кадров распорядительный комитет считал малопродуктивным. Однако было выражено пожелание об увеличении штата инструкторов и специалистов за счет Департамента земледелия. Идя навстречу крестьянским нуждам, распорядительный комитет предложил внести в смету расходы на борьбу с полевыми вредителями (суслики, саранча) «хотя бы в размере 15000 руб.»¹⁸.

На содержание Павловского сельскохозяйственного училища было решено ассигновать только 66000 руб. на трехлетие. Предложенное губернской сметой учреждение Барнаульской опытной сельскохозяйственной станции было отвергнуто по причине недостатка эмпирического

¹² Там же. Л. 59.

¹³ Там же. Л. 69.

¹⁴ Там же. Л. 77 об.

¹⁵ Там же. Л. 79.

¹⁶ Там же. Л. 79 об.

¹⁷ Там же. Л. 80.

¹⁸ Там же. Л. 79 об.

материала для функционирования указанной организации. По мнению членов комитета, незначительное количество опытных полей и ферм в Томской губернии не позволит ей работать с достаточной эффективностью. Расходы на устройство и содержание опытных полей и ферм в сумме 192000 руб. предлагалось утвердить без изменений. При этом комитет выразил желание заложить в Змеиногорском уезде три опытных поля¹⁹.

Змеиногорский распорядительный комитет выказал радикальное несогласие со многими пунктами сметы, предложенными губернским агрономом. Видна заинтересованность в ассигновании средств на развитие животноводства, а не полеводства. Уездные интересы были направлены на помощь пчеловодству и борьбе с вредителями сельскохозяйственных культур. Отчетливо прослеживалась тенденция к перекладыванию основного бремени расходов на Департамент земледелия.

Заключение

В окончательном варианте проект земской сметы показывал расходы на агрономические мероприятия в сумме 227406 руб. в год, почти на 18 % больше, чем предлагалось планом губернского агронома²⁰. Совещание сократило часть предполагаемых расходов. Вознаграждение заведующих курсами для мастеров маслоделия и учебно-показательными пасаками было отнесено на счет государства. Жалование персоналу постоянного энтомологического отряда и помощнику губернского агронома тоже было решено выплачивать из средств Департамента земледелия, как и организацию губернских сельскохозяйственных съездов. Кредит, выделяемый на помощь сельскохозяйственным обществам, встретил полную поддержку со стороны представителя Главного управления земледелия и государственных имуществ. Указанные общества, по словам чиновника, приносили «громадную пользу... местному населению в деле оказания агрономической помощи». В то же время идея открытия Павловского училища и Барнаульской опытной станции не нашла одобрения у членов Совещания. По заявлению представителя Главного управления земледелия и государственных имуществ, его ведомство не планировало этого в ближайшее трехлетие. Совещание одобрило устройство только двух опытных полей, вместо планируемых шести. В итоге бюджетная статья на агрономическую помощь была уменьшена до 107518 руб. в год, сокращение составило 53 %²¹.

Следует отметить, что расходы на аграрные мероприятия не были обременительны для губернского бюджета,

составляя незначительную его часть. Даже предполагаемые расходы в рамках грандиозной программы губернского агронома на 1915–1917 гг. составляли 5,2 % от общей земской сметы²². Кроме того, Совещание, проводя экспертизу бюджетных проектов, следило за посильностью их для населения, исключая особо обременительные статьи.

Таким образом, рассмотрев процесс финансирования аграрной помощи из средств томского губернского бюджета в конце XIX – начале XX в. можно сделать ряд выводов. Объемы ассигнований постоянно увеличивались, начиная с трехлетия 1906–1908 г. Среди сфер приложения денежных средств можно выделить содержание опытных полей и ферм, организацию сельскохозяйственных курсов для населения, финансирование служебных разъездов специалистов.

Окончание рассматриваемого периода ознаменовалось глобальными проектами агрономических преобразований, которые не нашли воплощения. Предложения томского губернского агронома обсуждались на уровне уездов, причем были привлечены представители от крестьянства. В Бийском и Змеиногорском уездах совершенно по-разному отнеслись к инициативам губернского начальства, что говорит о проявлении на местах действительной заинтересованности в агрономических преобразованиях. Роль Совещания представителей центральных ведомств выражалась в проведении экспертизы сметных проектов, представляемых губернской администрацией. В основном этот форум проводил сокращение бюджетных расходов, мотивируя это тем, что предлагаемые меры либо не были проработаны должным образом, либо требовали предварительного законодательного утверждения.

В начале XX в. в Томской губернии не удавалось воплотить в жизнь многие идеи по развитию сельского хозяйства. Причиной этого являлось отсутствие у губернской администрации свободы в принятии финансовых решений, зависимость от воли центральных ведомств. Однако крестьянство, как и администрация разного уровня, проявляли к этому живой интерес, что видно из материалов обсуждения сметных назначений в рамках уездных распорядительных комитетов.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

¹⁹ Там же. Л. 80.

²⁰ Свод предположений ... С. 52–57.

²¹ Там же. С. 52.

²² Там же. С. 1, 52.

Литература / References

1. Книга М. Д. Земская агрономия: замысел и реализация. *Вестник Воронежского государственного аграрного университета*. 2013. № 3. С. 293–297. [Kniga M. D. Zemstvo agronomy: concept and implementation. *Vestnik of Voronezh State Agrarian University*, 2013, (3): 293–297. (In Russ.)] EDN: RRYQVJ
2. Кобзева Т. А. Земский опыт распространения аграрных знаний среди крестьян среднего Поволжья в начале XX в. (по материалам Симбирской губернии). *Власть*. 2013. № 8. С. 134–137. [Kobzeva T. A. Provincial experience of spreading agrarian knowledge among the peasants of the Middle Volga region in the early XX century: based on the materials of the Simbirsk province. *Vlast*, 2013, (8): 134–137. (In Russ.)] EDN: QZORCP
3. Першина Ю. В. Роль специальных учебных заведений и ферм в повышении культуры земледелия в Вятской губернии в начале XX в. *Концепт*. 2017. № 3. С. 40–49. [Pershina Yu. V. The role of special educational institutions and farms in improving the culture of agriculture in the Vyatka province at the beginning of the XX century. *Koncept*, 2017, (3): 40–49. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24422/MCITO.2017.3.5636>
4. Соловьев А. А., Иванов А. А., Еремеев Р. В. Агрономическая служба в Марийском крае в конце XIX – начале XX веков: становление и развитие. *Вестник Академии наук Республики Башкортостан*. 2019. № 1. С. 27–36. [Solovyev A. A., Ivanov A. A., Ereemeev R. V. Agronomic service in the Mari Region in the late XIX – early XX centuries: its formation and development. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan*, 2019, (1): 27–36. (In Russ.)] EDN: ZEJQVB
5. Давыденко Н. А. Агрономическая служба в Сибири в конце XIX – начале XX в. *Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX – XX в.)*, отв. ред. В. А. Зверев. Новосибирск: СО РАН, 1997. С. 28–40. [Davydenko N. A. Agronomic service in Siberia in the late XIX – early XX century. *Cultural, academic, and spiritual potential of Siberia in mid XIX – XX century: collection of scientific papers*, ed. Zverev V. A. Novosibirsk: SB RAS, 1997, 28–40. (In Russ.)]
6. Рынков В. М. Правительственная агрономия в Сибири (1892–1917 гг.): достижения и просчеты. *Гуманитарные науки в Сибири*. 2019. Т. 26. № 1. С. 5–10. [Rynkov V. M. Governmental agronomy in Siberia (1892–1917): achievements and failures. *Humanitarian sciences in Siberia*, 2019, 26(1): 5–10. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15372/HSS20190101>
7. Ермачкова Е. П. Распространение сельскохозяйственных знаний среди крестьян Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. *Первые исторические чтения Томского государственного педагогического университета: мат.-лы Междун. конф. (Томск, 16–17 ноября 2004 г.)*. Томск: ТГПУ, 2005. С. 108–114. [Ermachkova E. P. The spread of agricultural knowledge among the peasants of Western Siberia at the turn of the XIX–XX centuries. *The first historical readings of the Tomsk State Pedagogical University: Proc. Intern. Conf., Tomsk, 16–17 Nov 2004*. Tomsk: TSPU, 2005, 108–114. (In Russ.)]
8. Ермачкова Е. П. Особенности организации аграрного просвещения крестьян Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2014. № 9. С. 56–60. [Ermachkova E. P. Features of the organization of agrarian education of peasants of Western Siberia at the turn of the XIX–XX centuries. *Aktualnye problemy humanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2014, (9): 56–60. (In Russ.)] EDN: STYJWH
9. Транквилицкая И. В. Состояние агрономической помощи в Томской губернии в начале XX в. *Сибирь в истории России: (к 100-летию Зинаиды Георгиевны Карпенко)*: мат.-лы регион. науч. конф. (Кемерово, 29 сентября 2006 г.) Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. С. 177–181. [Trankvilitskaya I. V. The state of agronomic assistance in Tomsk province in the early XX century. *Siberia in the history of Russia: 100th anniversary of Z. G. Karpenko*: Proc. Region Sci. Conf., Kemerovo, 29 Sep 2006. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2006, 177–181. (In Russ.)]
10. Милищенко О. А. Комплекс опытных казенных научных учреждений и участков на юге Тюкалинского уезда Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в. по материалам ведомственных сборников. *Вестник Омского ГАУ*. 2009. № 2. С. 93–98. [Milishchenko O. A. Complex of experimental state-owned scientific institutions and sites in the south of Tyukalinsky district of Tobolsk province in the late XIX – early XX century, based on the materials of departmental collections. *Vestnik of Omsk SAU*, 2009, (2): 93–98. (In Russ.)]
11. Круч И. Н., Милищенко О. А. Вячеслав Павлович Балиев и становление опытной и образовательной базы Омского опытного поля, Омского среднего сельскохозяйственного училища и Сибирского сельскохозяйственного института (1910–1923 гг.). *Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ*. 2017. № 4. [Kruch I. N., Milishchenko O. A. Vyacheslav Pavlovich Baliev and the formation of the experimental and educational base of Omsk experimental field, Omsk Agricultural Vocational School and Siberian Agricultural Institute (1910–1923). *Elektronnyy nauchno-metodicheskij zhurnal Omskogo GAU*, 2017, (4). (In Russ.)] URL: <https://e-journal.omgau.ru/images/issues/2017/4/00472.pdf> (accessed 6 Mar 2022). EDN: YLBKDG
12. Чедурова Е. М. Роль кооперации в деле снабжения крестьянского хозяйства техникой в конце XIX – начале XX в. *Известия АлтГУ*. 2009. № 4-3. С. 245–249. [Chedurova E. M. The role of cooperation in supplying peasantry with techniques in the end of XIX – the beginning of XX centuries. *Izvestiya of Altai State University*, 2009, (4-3): 245–249. (In Russ.)] EDN: MVGNPR

13. Чедурова Е. М. Развитие агрономической службы в Сибири в XIX – начале XX в. *Известия АлтГУ*. 2009. № 4-2. С. 249–253. [Chedurova E. M. The development of agricultural service in Siberia in the XIX – the beginning of XX centuries. *Izvestiya of Altai State University*, 2009, (4-2): 249–253. (In Russ.)] EDN: JWYQPA
14. Пахомчик С. А. Крестьянская кооперация Западной Сибири в конце XIX – начале XX столетия. Роль губернских агрономов в ее развитии. *Мир Евразии*. 2015. № 4. С. 56–61. [Pakhomchik S. A. Peasant cooperation in Western Siberia in the late XIX – early XX century. The role of the provincial agronomists in its development. *Mir Evrazii*, 2015, (4): 56–61. (In Russ.)] EDN: VFMPOR
15. Пронин В. И. Земледельческие орудия и сельскохозяйственные машины в Сибири второй половины XIX – начала XX вв. *Из истории крестьянства Сибири*, отв. ред. Л. И. Боженко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 80–98. [Pronin V. I. Agricultural implements and agricultural machines in Siberia of the second half of the XIX – early XX centuries. *From the history of the peasantry of Siberia*, ed. Bozhenko L. I. Tomsk: TSU, 1978, 80–98. (In Russ.)] EDN: XTSATR
16. Грачев Р. О. История создания и деятельность сельскохозяйственных складов Переселенческого управления в Сибири (конец XIX – начало XX вв.). *Омский научный вестник*. 2008. № 3(67). С. 14–18. [Grachev R. O. History of creation and activity of agricultural warehouses of Resettlement management in Siberia in the late XIX – early XX centuries. *Omsk Scientific Bulletin*, 2008, (3(67)): 14–18. (In Russ.)]
17. Грачев Р. О. Развитие сети и финансирование сельскохозяйственных складов Переселенческого управления в Сибири в XIX – начале XX вв. *Омский научный вестник*. 2008. № 4(69). С. 18–22. [Grachev R. O. Development of the network and financing of agricultural warehouses of resettlement management in Siberia in the XIX – early XX centuries. *Omsk Scientific Bulletin*, 2008, (4(69)): 18–22. (In Russ.)]
18. Баскакова И. В. Организация и деятельность сельскохозяйственных складов на юге Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. *Исторический вестник*, отв. ред. Т. С. Пустогачева, Т. В. Анкудинова. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2007. Вып. 1. С. 8–13. [Baskakova I. V. Organization and activity of agricultural warehouses in the south of Western Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries. *Historical messenger*, eds. Pustogacheva T. S., Ankudinova T. V. Gorno-Altaysk: GASU, 2007, iss. 1, 8–13. (In Russ.)]
19. Кузнецов Д. В. Создание единой агрономической службы в Западной Сибири и основные направления ее деятельности (1910–1914 гг.). *Вестник Омского ГАУ*. 2002. № 2. С. 38–42. [Kuznetsov D. V. The creation of a unified agronomic service in Western Siberia and the main directions of its activities (1910–1914). *Vestnik of Omsk SAU*, 2002, (2): 38–42. (In Russ.)]
20. Кузнецов Д. В. Некоторые аспекты деятельности главной конторы сельскохозяйственных складов Переселенческого управления в Западной Сибири (1900–1915 гг.). *Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития*: сб. тр. конф. (Омск, 21–25 апреля 2010 г.) Омск: Омскбланкиздат, 2010. Ч. 1. С. 178–185. [Kuznetsov D. V. Activities of the main office of agricultural warehouses of the Resettlement Administration in Western Siberia (1900–1915). *Siberian village: history, current state, prospects of development*: Proc. Conf., Omsk, 21–25 Apr 2010. Omsk: Omskblankizdat, 2010, pt. 1, 178–185. (In Russ.)] EDN: UAQHXX
21. Кузнецов Д. В. Создание объединенной агрономической службы в Западной Сибири в начале XX в. *Вестник Омского университета*. 2014. № 1. С. 60–65. [Kuznetsov D. V. The establishment of unified agronomical service in Western Siberia at the beginning of the XX century. *Herald of Omsk University*, 2014, (1): 60–65. (In Russ.)] EDN: SATZWZ
22. Кузнецов Д. В. Организация первых выставок животноводства в Западной Сибири в начале XX в. *Вестник Омского ГАУ*. 2016. № 2. С. 254–260. [Kuznetsov D. V. Organization of the first exhibitions of livestock in Western Siberia in the early XX century. *Vestnik of Omsk SAU*, 2016, (2): 254–260. (In Russ.)] EDN: WJTFBD
23. Кузнецов Д. В. Из истории создания и деятельности Омского отдела Московского общества сельского хозяйства. *Вестник Омского ГАУ*. 2016. № 3. С. 255–261. [Kuznetsov D. V. From the history of creation and the activities Omsk Department of Moscow Agricultural Society. *Vestnik of Omsk SAU*, 2016, (3): 255–261. (In Russ.)] EDN: WLSMYR
24. Кузнецов Д. В. Из истории создания и деятельности первой западносибирской опытно-селекционной станции. *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2020. Т. 10. № 3. С. 487–497. [Kuznetsov D. V. From the history of creation and activity of the first West Siberian experimental breeding station. *Issues of National and Federative Relations*, 2020, 10(3): 487–497. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35775/PSI.2020.60.3.002>
25. Кузнецов Д. В. Учреждение сельскохозяйственных складов в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. *Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ*. 2021. № 4. [Kuznetsov D. V. Establishment of agricultural warehouses in Western Siberia in the late XIX – early XX centuries. *Elektronnyy nauchno-metodicheskij zhurnal Omskogo GAU*, 2021, (4). (In Russ.)] URL: <https://e-journal.omgau.ru/images/issues/2021/4/00963.pdf> (accessed 6 Mar 2022). EDN: FYCWAH
26. Ильиных В. А. Организация агрономического обслуживания в Сибири в 1920-е гг.: дискурс и выбор. *Крестьяноведение*. 2019. Т. 4. № 2. С. 83–107. [Ilyinykh V. A. Organization of the agronomic service in Siberia in the 1920s: discourse and choice. *Russian Peasant Studies*, 2019, 4(2): 83–107. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2019-4-2-83-107>

оригинальная статья

Политика памяти в Республике Саха (Якутия) в XXI в.

Кирчанов Максим Валерьевич

Воронежский государственный университет, Россия, Воронеж

<https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

maksymkirchanoff@gmail.com

Поступила в редакцию 21.04.2022. Принята после рецензирования 20.05.2022. Принята в печать 30.05.2022.

Аннотация: Предпринят анализ роли исторической политики в развитии национальной памяти и идентичности в Республике Саха (Якутия). Методологически статья основана на принципах, предложенных в рамках мемориального поворота и анализа политики памяти, принадлежащих к парадигме интеллектуальной истории и истории идей. Новизна исследования состоит в анализе общих и уникальных особенностей и направлений исторической политики как политики памяти в Якутии. Предполагается, что изучение неевропейских культур памяти в современной историографии представлено в меньшей степени в сравнении с историей мемориальных культур в Европе и Америке. Проанализированы государственные стратегии актуализации исторической памяти, участие современных общественных акторов, представленных СМИ, в развитии коллективной памяти и представлений о прошлом, роль государственных мероприятий, например столетия Республики Саха в современной мемориальной политике. Показан вклад исторической политики в развитие национальной идентичности через призму функционирования культуры памяти и мемориального канона. Результаты исследования позволяют предположить, что основным актором исторической политики и форматором мемориальной культуры являются элиты, которые легитимируют свой статус при помощи различных инструментов памяти, включая дискурсивно-нарративные практики и формы ее визуализации.

Ключевые слова: историческая память, идентичность, Республика Саха (Якутия), политика памяти, мемориальный канон

Цитирование: Кирчанов М. В. Политика памяти в Республике Саха (Якутия) в XXI в. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 5. С. 593–601. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-593-601>

full article

Memory Policy in the Republic of Sakha (Yakutia) in the XXI Century

Maksim V. Kirchanov

Voronezh State University, Russia, Voronezh

<https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

maksymkirchanoff@gmail.com

Received 21 Apr 2022. Accepted after peer review 20 May 2022. Accepted for publication 30 May 2022.

Abstract: This article features the contemporary politics of memory in the Republic of Sakha (Yakutia), as well as the role of historical politics in the development of national memory and identity. Methodologically, the research relied on the principles of the memorial turn and memory policy within the paradigm of intellectual history and the history of ideas. The novelty of the study lies in the analysis of common and unique features of historical politics as a politics of memory in Yakutia because non-European cultures still remain underrepresented in historiography. The author also analyzed the role of state strategies and media actors in the development of collective historical memory, as well as the role of state events in the local memorial policy, e.g., the 100th anniversary of the Republic of Sakha. The author believes that historical politics contributes to the development of national identity via the culture of memory and the memorial canon. The results of the study suggest that elites became the main actor of historical policy because they shape the local memorial culture in an attempt to legitimize their own status with the help of various memory tools, including narrative practices and their visualization.

Keywords: historical memory, identity, Republic of Sakha (Yakutia), politics of memory, memorial canon

Citation: Kirchanov M. V. Memory Policy in the Republic of Sakha (Yakutia) in the XXI Century. *Vestnik Kemarovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(5): 593–601. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-593-601>

Введение

Историческая политика в первые десятилетия XXI в. вошла в число инструментов, которые регулярно используются политическими элитами как для легитимации собственного пребывания у власти, так и для контроля над прошлым, ставшим важным символическим мобилизационным ресурсом в современной политике. Историческая политика или политика памяти в ее современных классических формах возникла в Европе. Особенности и формы политики памяти в европейских государствах разнообразны. Политике памяти в ее современных формах, представленных идеологически мотивированными манипуляциями, предшествовало франко-германское примирение. Первыми, кто начал регулярно и на институционализированном уровне использовать коллективную память в политических целях, стали элиты Польши, Словакии и Чехии, где прошлое не только стало инструментом идеологической борьбы, но и было поставлено на службу актуальным, по мнению элит конца 1990-х – начала 2000-х гг., задачам декоммунизации. Постепенно, на протяжении первых двух десятилетий XXI в. политика памяти перестала быть только восточно-европейским явлением, а к символическим ресурсам прошлого для политической легитимации и мобилизации стали обращаться элиты и в других государствах, среди которых оказалась и Россия.

Историография. Актуальная международная историография памяти характеризуется рядом особенностей. Во-первых, анализ исторической памяти в теоретической перспективе пребывает среди приоритетных направлений современных мемориальных штудий. Во-вторых, редукционистское восприятие проблем памяти, сокращенных до национальных версий исторической политики, преобладает в значительной части исследований по вопросам памяти. В-третьих, склонность к редукции в восприятии памяти ведет к тому, что немаловажным в современной историографии является стремление «привязать» изучение исторической политики к анализу более конкретных явлений, например, национализма, истории идей или интеллектуальных сообществ. В-четвертых, если большинство исследований памяти ограничено изучением отдельных национальных версий исторической политики, то в такой историографической ситуации актуализируется географическая неравномерность тематики исследований [1]. Если формы и стратегии политики памяти в Европе и Америке изучаются относительно активно и регулярно, то мемориальные проблемы неевропейских обществ и региональные версии исторической политики в России изучены в меньшей степени [2].

В отечественной историографии значительное внимание уделяется как общим проблемам коллективной памяти [3], так и национальным формам исторической политики [4]. При этом для российской научной литературы, посвященной данной проблематике, присуща замкнутость

на российском опыте политики памяти на национальном государственном уровне [5] или на актуальных вопросах манипуляций с прошлым в зарубежных странах [6]. В этом контексте в научной литературе, посвященной политике памяти, существуют значительные диспропорции. Если общие проблемы функционирования коллективных памяти и национальные версии исторической политики изучаются активно, то в отношении региональных проявлений «проработки прошлого» в национальных республиках России [7] существует дефицит исследований [8], что придает дополнительную важность изучению данной проблематики, актуализируя новизну представленной работы.

Цель и задачи. Республика Саха (Якутия) не является исключением из логики применения исторической политики, которая в РФ складывалась на протяжении 2000–2010-х гг. Поэтому в центре авторского внимания в представленной статье – проблемы политики памяти в современной Якутии. Цель статьи – анализ исторической политики как политики памяти в современной Якутии. Задачи: 1) изучение государственных форм политики памяти в контекстах государственных программ, 2) анализ форм исторической политики и ее роли в функционировании мемориального канона, 3) выявление особенностей и перспектив исторической политики в современной Республике Саха.

Хронологические рамки статьи ограничены началом XXI в., территориальные – Республикой Саха (Якутия). Источниковая база представлена публикациями и материалами средств массовой информации как основных участников политики памяти.

Методология. Представленная статья в методологическом плане опирается на достижения современной междисциплинарной историографии, полученные в рамках мемориального поворота, который привел к новой расстановке исследовательских акцентов с изучения нарративных и дискурсивных форм националистического политического воображения в направлении актуализации ресурсов памяти различных сообществ в конструировании идентичностей, основанных не только на приверженности к тем или иным идеологическим ценностям, но и на различных мемориальных практиках и стратегиях политических культур [9]. В результате внедрения достижений мемориального поворота в современные гуманитарные исследования сложился ряд направлений изучения памяти, включая не только изучение механизмов функционирования мемориальных культур и канонов, но и анализ различных национальных и региональных версий проведения исторической политики, что предусматривает рассмотрение коммеморативных практик, особенностей ревизии, конструкции и деконструкции нарративов, составляющих основы той или иной коллективной памяти [10].

Государственная программа «Память Якутии» как форма исторической политики

Первая компания по проработке исторической памяти в Якутии имела место в 2002–2006 гг., когда Министерство культуры Республики Саха инициировало программу «Память Якутии», в реализации которой принимали участие Национальная библиотека Республики Саха (Якутия), Национальный архив Республики Саха (Якутия), Якутский государственный музей истории и культуры народов Севера им. Е. Ярославского и Государственное национальное хранилище кинодокументов о Республике Саха.

В первой половине 2000-х гг. проекты памяти ставили частично академические и прикладные задачи, связанные как с сохранением исторического и культурного наследия республики, так и систематизацией памятников на территории региона. При этом формальный состав участников [11] памяти отличался гетерогенным характером, что проявлялось в наличии как государственных [12], так и академических участников [13]. Если первые представляли политически и идеологически мотивированные версии применения прошлого [14], то вторые – его относительно «чистые» академические версии [15]. Подобная ситуация не была исключительно якутской, имея место практически во всех обществах [16], которые только делали первые шаги в выработке собственных версий исторической политики [17].

Поэтому сохранение памяти интерпретировалось в политической системе координат, а необходимость такой политики связывалась с достижением «государственного суверенитета Республики Саха (Якутия)», где с особой остротой проявляется стремление к историческому и культурному самосознанию народов, ее населяющих. Эта социальная потребность может быть в значительной степени удовлетворена за счет расширения информации об уникальных памятниках истории и культуры Якутии, а также доступа к ним»¹. Доминирование именно такого дискурса в легитимации государственных интервенций в сферу прошлого актуализировало одновременно государственно направляемый характер подобной исторической политики, недостаточное понимание того, что историю можно использовать как ресурс политической легитимации и мобилизации, а также стремление имитировать академический дискурс.

В рамках подобной версии исторической политики ее основные усилия были сосредоточены на актуализации в коллективной памяти книжного наследия Якутии,

что предусматривало применение визуальных подходов к проработке прошлого. В рамках последнего направления были оцифрованы некоторые фото- и кинодокументы, которые актуализировали различные формы исторического и политического опыта Якутии в XX в. Волна проработки прошлого в 2002–2006 гг. не решала задачи, которые ставились перед участниками исторической политики, т. к. среди ее целей было заявлено «сохранение документального наследия Якутии для настоящих и будущих поколений как части всемирного культурного наследия»², что в большей степени соотносилось с академической историографией, а не политически и идеологически мотивированными интервенциями элит в прошлое с целью сформировать определенные версии прошлого.

Первые попытки управляемого использования исторической памяти не отличались особой оригинальностью и фактически выполняли общие функции манипуляций фактами прошлого в политических целях, будучи направлены на формирование «некого усредненного образа объекта памяти, являющегося результатом консенсуса» между потребителями такой версии исторической памяти, принимая во внимание их «различный уровень знаний и характер представлений о прошлом» [18, с. 47].

Первые подходы к применению исторической политики носили некий общий, усредненный и преимущественно культурный характер³, т. к. политические проблемы якутской памяти как национальной развивались в условиях доминирования государство-центричной версии исторического воображения, что привело к постепенной миграции национальной памяти в сферу культуры. Обращение элит к прошлому было неизбежно, т. к. рефлексии о нем были фактически направлены на «поиск объединяющих мифов, особенно после того, как ожидания на будущее не оправдались»⁴ [19]. Поэтому в первой половине 2000-х гг. попытки государственно направляемых интервенций в сферу памяти актуализировали преимущественно потенциал этничности и традиционной культуры⁵, что воспринималось элитами относительно нейтрально, т. к. в то время историческая политика в других регионах затрагивала преимущественно политические неудобные аспекты коллективной памяти.

Миграция ранней исторической политики в сферу культурной истории не исключала актуализации политического измерения памяти, что, например, проявилось в попытках большей визуализации истории якутского национального движения. В исторической политике были актуализированы моменты, связанные с предисторией якутской книги⁶,

¹ Республиканская целевая программа «Память Якутии». 2002–2006 гг. URL: <https://xn--80aqagjqxibi2g5ac.xn--p1ai/programme.aspx> (дата обращения: 20.04.2022).

² Там же.

³ Голоса века. URL: <http://www.sakhamemory.ru/browseCategories.aspx?CategoryID=7> (дата обращения: 20.04.2022).

⁴ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

⁵ Якутский фольклор. URL: <http://www.sakhamemory.ru/browseCategories.aspx?CategoryID=7> (дата обращения: 20.04.2022).

⁶ Предпосылки возникновения якутской книги. URL: <http://www.sakhamemory.ru/browseCategories.aspx?CategoryID=5> (дата обращения: 20.04.2022).

ее ранними особенностями⁷, репертуаром⁸ и тематикой⁹. Ранние попытки инструментализации исторической памяти в Якутии соотносились с общегосударственными тенденциями политики памяти, что, например, проявилось в визуализации в коллективной памяти якутов нарративного наследия, связанного с Великой Отечественной войной¹⁰. Другая цель проекта, «обеспечение свободного доступа к документальному наследию Якутии»¹¹, вообще противоречит центральным принципам исторической политики, т. к. в ее рамках государство стремится придать монополярный статус определенным интерпретациям истории, маргинализируя другие, ограничивая доступ к архивам.

Первые попытки политического вмешательства в сферу памяти в 2002–2006 гг. основывались на уже архаичном для того времени методологическом инструментарии. Поэтому акторы исторической политики первой половины 2000-х гг. предпочитали оперировать понятиями *документ, памятник истории и культуры, книжный памятник*, которые спустя несколько лет будут заменены содержательно иными категориями, локализованными в дискурсивно-нарративных и визуальных практиках. Несмотря на такой архаичный характер ранних версий исторической политики памяти в Якутии, участники, вовлеченные в ее реализацию, с одной стороны, указывали на важность актуализации визуального измерения в коллективной памяти. С другой – в 2002–2006 гг. был использован и потенциал устной истории для функционирования национальной исторической памяти, т. к. в рамках реализации Программы были предприняты усилия, направленные на систематизацию и популяризацию наследия якутской нации в рамках изучения записей музыкальных произведений и выступлений лидеров республики 1920–1930-х гг.¹²

Таким образом, первая волна исторической политики в Республике Саха имела место в 2002–2006 гг., когда участники политики памяти были вовлечены в поиск оптимальной модели для актуализации коллективной памяти якутов в контекстах как государственной, так и этнической истории региона. На данном этапе политика памяти только делала свои первые шаги, ее основным участником было государство, а набор методов отличался переходным

характером, т. к. использовались директивные модели управления памяти в рамках реализации государственной программы, что предусматривало ограниченные возможности для ее визуализации. Программа «Память Якутии» актуализировала ситуативный характер исторической политики, показав зависимость «проработки прошлого» от внешней политической конъюнктуры, заинтересованности властей от актуализации тех или иных сюжетов. Тем не менее эта первая попытка государственно инициированной интервенции в прошлое актуализировала его роль в процессах консолидации общества и легитимации элит, что позднее будет в исторической политике использоваться более последовательно и активно.

Юбилейные мероприятия как форма политики памяти

2022 г. в современной истории Республики Саха (Якутия) может стать очень важным в контексте развития политики памяти, т. к. Республика отмечает столетие образования. Юбилейные мероприятия, как правило, играют важную роль в развитии мнемонического пространства общества [20], стимулируя государство продвигать консолидированные версии коллективной исторической памяти [21] и усиливать мемориальный канон [22] как основу политической идентичности [23]. К 2022 г. в рамках якутской исторической памяти сложился мемориальный канон, в состав которого в одинаковой степени оказались интегрированы национальные нарративы и определенные элементы советской культуры памяти, основанной на позитивной идеализации революционного движения¹³. В этой ситуации в мемориальный канон оказались интегрированы и герои революции¹⁴, и попытки монументализации памяти о них, которые имели место в советский период¹⁵.

Если на нарративно-дискурсивном уровне мемориальный канон содержал образы, унаследованные от советской исторической памяти, то ее монументальные отражения к 2022 г. в Якутии сохранились не в полном объеме, т. к. часть памятников была утрачена¹⁶. В других тюркских регионах, которые отмечали аналогичные юбилеи в 2019 и 2020 г., государственные органы оказались активными участниками

⁷ Книгоиздание в Якутске (1861–1916 гг.). URL: <http://www.sakhamemory.ru/browseCategories.aspx?CategoryID=5> (дата обращения: 20.04.2022).

⁸ Репертуар якутской книги. URL: <http://www.sakhamemory.ru/browseCategories.aspx?CategoryID=5> (дата обращения: 20.04.2022).

⁹ Якутские буквари. URL: <http://www.sakhamemory.ru/browseCategories.aspx?CategoryID=5> (дата обращения: 20.04.2022).

¹⁰ Письма фронтовиков якутян. URL: <http://www.sakhamemory.ru/ShowArticle75.aspx?ArticleID=78> (дата обращения: 20.04.2022).

¹¹ Республиканская целевая программа «Память Якутии». 2002–2006 гг. ...

¹² Книжные памятники Якутии. URL: <http://www.sakhamemory.ru/browseCategories.aspx?CategoryID=5> (дата обращения: 20.04.2022).

¹³ Дьяконов А., Дьяконов А. «К 100-летию Республики. Становление Якутской АССР. Забытые имена». Утверждение власти Советов и гражданская война в Якутии. *Якутия.инфо*. 27.12.2018. URL: <https://yakutia.info/article/186794> (дата обращения: 20.04.2022).

¹⁴ Дьяконов А. Подвиг Харачааса – первого орденоносца Якутии. *Якутия.инфо*. 11.01.2019. URL: <https://yakutia.info/article/186811> (дата обращения: 20.04.2022).

¹⁵ Дьяконов А. Самый спорный эпизод в истории гражданской войны в Якутии – Никольский бой. *Якутия.инфо*. 16.01.2019. URL: <https://yakutia.info/article/186907> (дата обращения: 20.04.2022).

¹⁶ Дьяконов А., Дьяконов А. Забытый мемориал: О состоянии мемориального комплекса «Сасыл-Сысыы». *Якутия.инфо*. 18.01.2019. URL: <https://yakutia.info/article/186932> (дата обращения: 20.04.2022).

исторической политики, что фактически стимулировало развитие и укрепление коллективной памяти на региональном уровне. На уровне официального нарратива столетие позиционируется как «крупное национальное, духовное и политическое событие»¹⁷, которое «радикально изменило жизнь якутского народа»¹⁸, что и определяет основные направления и особенности государственного участия в развитии исторической памяти на региональном уровне. Именно поэтому для политических элит характерно преимущественно инструменталистское понимание памяти как «формирования идентичности посредством примеров из прошлого» [24, с. 9].

Подобно другим тюркским республикам столетие Якутской АССР политическими элитами позиционировалось в иллюстративно-цитатном контексте как возможность актуализации своей лояльности центру, что привело к реализации мероприятий преимущественно социальной и экономической направленности¹⁹.

Вероятно, прав немецкий историк мемориальной культуры Я. Ассманн, полагающий, что «политическая память распространяется сверху вниз и зависит от характера политической организации общества» [25, с. 10]. Именно поэтому инициативы актуализации и ревитализации исторической памяти, которые элиты могут смешивать с политической, практически всегда становятся частью государственной политики формирования мемориального канона. В этом контексте политика памяти актуализирует свою роль антипода академической историографии.

Российский историк К. А. Пахалюк полагает, что «научное представление об истории принадлежит прежде всего определенным профессионалам, которые выработали правила формирования этого исторического знания... Научное историческое знание есть всегда производное от определенных научных институций. И существовать за их пределами оно не может» [26, с. 24]. Поэтому в современном обществе история как форма знания подвержена не только зависимости от политических элит, но и ассимиляции ими, интеграции в арсенал тех методов, при помощи которых формируется идентичность, редуцируемая до лояльности. С началом 2022 г. в Республике Саха (Якутия) была инициирована компания, связанная с запуском в республике «года исторической памяти»²⁰. Память была признана инструментом политики, что актуализировало противоречия между исторической наукой и ее политическим применением.

Подобные формы исторической политики в Республике Саха (Якутия) актуализирует измерение истории, которое российский исследователь А. Олейников определяет как презентизм. По его мнению, историческая политика активно использует ресурсы презентизма, который «для профессиональных историков чаще всего означает аномалию в обращении с прошлым, которая характеризуется двумя тесно переплетенными чертами: чрезвычайной зависимостью историка от настоящего... и утратой способности видеть в прошлом "другой мир" или "чужую страну"... ряд современных мыслителей воспринимают эту ситуацию как благоприятную для возвращения истории того практического измерения, которого она лишилась, когда превратилась в строгую научную дисциплину» [27]. Обращение элит к истории как инструменту политики, редукции исторического знания до исторической политики фактически означает отказ от научности в пользу решения прикладных задач.

Юбилейные даты в истории государства содействуют в свою очередь еще большей актуализации этой функции. Поэтому в мероприятия по столетию Республики оказались вовлечены и якутские СМИ, некоторые из которых запустили конкурсы фотографий старинных вещей, что актуализировало материальные формы коллективной памяти, содействуя большей визуализации идентичности. Одной из таких акций стал конкурс «Үйэлээх мал» («Өбүгэм ситимэ, Старинные вещи – неразрывная нить предков»), организованный газетой «Саха сирэ». Генеральный директор «Сахамедиа» В. Колесов в связи с проведением конкурса указывал на актуальность сохранения исторического наследия, т. к. «если мы будем помнить нашу историю, беречь старинные вещи наших предков, знать, как они жили в том или ином историческом периоде – будем помнить наши корни и развивать эти ценности дальше»²¹, что свидетельствовало о попытках умеренной этнизации исторической политики.

Подобные стратегии исторической памяти соотносятся с современным презентизмом, в мире которого, по мнению А. Олейникова, «профессиональный историк чувствует себя крайне неудобно. Прошлое уходит из-под его контроля, переходя в обладание к тем, кто распоряжается памятью, ... к сообществам, практикующим коммеморации, или власти, ... становящейся обязательную трактовку событий. Правда, историку могут предлагать роль эксперта» [28], что актуализирует второстепенные и подчиненные роли академического сообщества в механизме

¹⁷ О 100-летию образования Якутской АССР. URL: <https://yakutskcity.ru/project/100-letie-obrazovaniya-yaassr/> (дата обращения: 20.04.2022).

¹⁸ Семенова Г. Хангалас улуһун културата 90 сылыгар анаммыт дьаһаллар бытылааһар [90 сылыгаров и великанов сияют]. ЯСИА. 28.02.2022. URL: <https://sakha.ysia.ru/ha-alas-uluu-un-kultuurata-90-sylygar-anammyt-da-allar-yytyllallar/> (дата обращения: 20.04.2022).

¹⁹ Васильева М. Саха АССР 100 сылыгар сүүс социальнай суолталаах эбийиэк тутулар [100 работников Саха АССР будут опрошены по социальным вопросам]. ЯСИА. 23.03.2022. URL: <https://sakha.ysia.ru/saha-assr-100-sylygar-s-sotsialnaj-suoltalaah-ebijiek-tutullar/> (дата обращения: 20.04.2022).

²⁰ В Хангаласском улусе Якутии дан старт Году исторической памяти. ЯСИА. 18.02.2022. URL: <https://ysia.ru/v-hangalasskom-uluse-yakutii-dan-start-godu-istoricheskoi-pamyati/> (дата обращения: 20.04.2022).

²¹ Потоцкая Е. Старинные вещи – неразрывная нить предков. Газета «Саха сирэ» подвела итоги конкурса фотографий и видеоматериалов. ЯСИА. 18.04.2022. URL: <https://ysia.ru/starinnye-veshhi-nerazryvnaya-nit-predkov/> (дата обращения: 20.04.2022).

политики памяти, которая использует историю, но не самих историков. Президент Американской Исторической Ассоциации Линн Хант еще в 2002 г. констатировала растущие тенденции политизации, которые «угрожают историкам лишением их роли историков» [29], т.к. инициатива формирования памяти окончательно перейдет к элитам. Поэтому значение историков в исторической политике ограничивается символической легитимацией формируемых, как правило, без их непосредственного участия мемориальных культур.

В русле этнизации памяти была выдержана общая направленность выставки «Биир күн, биир сыл, биир үйэ» (Один день, один год, один век), организованной в Якутском государственном объединенном музее истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского²². В Центре музыки и фольклора народов Саха (Якутия) в марте 2022 г. была организована выставка, посвященная 90-летию со дня рождения О. П. Ивановой-Сидоркевич, внесшей значительный вклад в изучение и сохранение якутской этнической музыкальной культуры²³. Эти мемориальные мероприятия в рамках политики памяти в Республике Саха фактически содействовали тому, что «коллективная память помещалась в пространство смутных воспоминаний, личных свидетельств, устной истории, традиции, мифа, стиля, языка, искусства, народной культуры и выстроенного нами мира» [30, с. 27], т.е. ассимилировалась современными элитами, интегрируясь ими в механизмы как собственной легитимации, так и политической мобилизации традиционно «молчаливого» большинства общества.

Этнизации исторической памяти содействуют и фольклорные мероприятия, т.к. народные традиции воспринимаются как важный компонент «возрождения, популяризации и увековечения памяти»²⁴. Умеренные попытки этнизации политики памяти в рамках столетия Республики предпринимали и якутские СМИ, подчеркивая, что «в этом году исполняется 100 лет со дня, когда наши предшественники установили, что якутский народ должен быть самодостаточным ... помня о значении языка для народа, они оставили в памяти якутский фольклор, чтобы в будущем не потерять родной язык, не ослабить его ... якуты стали народом, сохранившим это важное наследие ... мы не должны его терять»²⁵. В этом контексте заметно

стремление усилить этническую компоненту в коллективной памяти, апеллируя одновременно и к историческому опыту, и к культурному наследию. Подобные тенденции в функционировании современного мемориального канона стали возможны в силу доминирования государственной и социально-экономической методологии в исторической науке в Якутии, что превращает активистов политики памяти в основных агентов этнизации прошлого.

В рамках столетия Республики были актуализированы и травматические моменты коллективной исторической памяти, связанные с принудительными переселениями якутского населения. Например, 18 апреля 2022 г. была открыта памятная стела, посвященная чурапчинскому переселению²⁶. А. М. Хазанов полагает, что «коллективная память никогда не бывает спонтанной. Поэтому важно – каким образом она конструируется. Еще более важно, в какой мере она является самокритичной» [31, с. 30]. В условиях современной России основным конструктором памяти стали политические элиты, что минимизирует уровень самокритики, хотя последняя остается характерной для интеллектуальных сообществ, которые переоценивают травматические моменты истории быстрее, чем элиты. Ошибочность действий властей, связанных с чурапчинским переселением в 1942 г. якутов из колхозов «Куйбышев», «Кыһыл сизмэ» (Красное семя), «Кыһыл үүнүү» (Красный урожай), «Кыым» (Искра), признали только в 1991 г., но на протяжении более чем 30 лет эти травматические моменты коллективной памяти не были монументализированы. По мере смертей участников этого переселения, живых носителей травматической памяти по определению, возникала угроза эрозии этого пласта в национальной идентичности, его социальной и культурной амнезии. Актуализация подобных образов в коллективной памяти универсальна, т.к., по мнению Дж. Гроссмана, «и "история", и "память" более комфортно взаимодействуют с жертвами, чем с преступниками. Легко идентифицировать жертв, сочувствовать и осуждать их виктимизацию» [32], что предпринимается и в современной якутской политике памяти, формирующей мемориальный канон, в одинаковой степени основанный как на глорификации республики в целом, так и на актуализации жертвенности участников истории в частности.

²² Саха АССР 100 сыла: Дьокуускайга Аллараа Халыма историятыгар анаммыт быыстапка саҕаланна [Саха АССР 100 лет: Аллара Халима История Джокуускай сохранена]. ЯСИА. 18.04.2022. URL: <https://sakha.ysia.ru/saha-ssr-100-syla-dokuuskajga-allaraa-halyma-istoriyatygar-anammyt-byystapka-sa-alanna/> (дата обращения: 20.04.2022).

²³ Ольга Сидоркевич «Ырым миэнэ – сырдык ырам» быыстапкаа ыныраллар [Ольга Сидоркевич участвует в композиции «Моя песня – песня сокровенная»]. ЯСИА. 04.03.2022. URL: <https://sakha.ysia.ru/olga-sidorkevich-uram-miene-syrdyk-uram-byystapka-a-y-urallar/> (дата обращения: 20.04.2022).

²⁴ Мария-Мааа Григорьева «Ийэ кутум – иэйэр кутум» бастакы компакт-диискэтин сүрэхтээтэ [Мария-Мааа Григорьева выпускает первый диск «Ие кутум – иеэр кутум»]. ЯСИА. 01.04.2022. URL: <https://sakha.ysia.ru/mariya-maaja-grigoreva-ije-kutum-iejer-kutum-bastaky-kompakt-diisketin-s-rehteete/> (дата обращения: 20.04.2022).

²⁵ Жирков А. Төрөөбүт тылбытын ыччаппытыгар чөл тириэрдии – билинни дьон соруга [Пустыня пустыни науки – это вопрос знания]. ЯСИА. 14.02.2022. URL: <https://sakha.ysia.ru/aleksandr-zhirkov-t-r-b-t-tylbyty-ychchappytygar-ch-l-tirierdii-bili-i-don-soruga/> (дата обращения: 20.04.2022).

²⁶ В Якутии открыли стелу в память об участниках чурапчинского переселения. ЯСИА. 18.04.2022. URL: <https://ysia.ru/v-yakutii-otkryli-stelu-v-pamyat-ob-uchastnikah-churapchinskogo-pereseleniya/> (дата обращения: 20.04.2022).

Основные особенности исторической политики в современной Якутии

Анализируя особенности исторической политики в Якутии, мы можем выделить ее основные характеристики.

Во-первых, важнейшее место в официальной версии мемориального канона, формируемого в результате сознательно проводимой исторической политики, занимает концепт государственности. Актуализация именно государственных нарративов в рамках политики памяти подчеркивает значение современных элит, которые склонны актуализировать преемственность и континуитет со своими историческими предшественниками, что призвано содействовать легитимации современного якутского государственного проекта.

Во-вторых, системной особенностью политики памяти стало превращение государства не только в основного заказчика мемориального канона, но форматора всей исторической политики на региональном уровне в целом. Государство как инициатор создания мемориального канона и культуры памяти определяет границы интерпретаций и ревизии прошлого, ограничивая дискуссии по нежелательным проблемам, которые гипотетически могут привести к противоречиям между республиканским и общероссийским дискурсом исторической памяти.

В-третьих, классической формой мемориальных практик в Республике Саха начала 2020-х гг. стали юбилейные мероприятия, связанные со столетием Республики, которые актуализировали как сервилистские функции исторического воображения, так и склонность элит использовать историю для консолидации и укрепления коллективной памяти, а также для легитимации собственной власти.

В-четвертых, политика памяти в современной Якутии актуализирует гетерогенность мемориальной культуры. Наряду с этническим и национальным, она актуализирует и некоторые элементы предшествующей советской исторической памяти. Поэтому мемориальный канон включает национальное, связанное с развитием якутской государственности как современного проекта; этническое, проявляющееся в использовании традиционной культуры как формы актуализации исторической памяти; советское, что неизбежно, т.к. республика в Якутии, ставшая топомосом национального опыта, возникла в результате национальной политики, проводимой в СССР.

В-пятых, политика памяти актуализирует как общие, так и уникальные особенности в сравнении с историческими политиками в других странах. С одной стороны, государство стало основным форматором и заказчиком мемориального канона, используя финансовые инструменты и ограничение доступа к архивам, что содействует редукции исторической памяти и появлению тем, воспринимаемых в качестве нежелательных, если не для академических исследований, то для их социальной визуализации и обсуждения в обществе. С другой – политика памяти

гетерогенна, что связано с особенностями российского федерализма и наличием национальных республик в составе Федерации. Историческая политика в современной России в значительной степени регионализована, что позволяет не только политическому классу в целом, но и региональным элитам в частности использовать прошлое в качестве политического ресурса.

Заключение

Политика памяти в современной Якутии развивается крайне динамично. В регионе сложились свои политические элиты, заинтересованные в гарантировании собственной легитимности, что предусматривает использование символического ресурса исторической памяти, который обладает в одинаковой степени значительным консолидационным и мобилизационным потенциалом. В 2022 г. власти региона начали масштабную программу мероприятий, связанных со столетием современной якутской государственности. Реализация этой программы приведет не только к укреплению региональных элит, но и будет содействовать усилению этнической идентичности, пространством функционирования которой является мемориальный канон. Столетие Республики Саха (Якутия) в 2022 г., вероятно, будет содействовать укреплению и консолидации этого канона, который актуализирует преимущественно официальные формы и измерения памяти.

Современная политика памяти, проводимая в Республике Саха (Якутия), представляет собой элемент функционирования регионального общества, формируя уникальный мемориальный канон, интегрированный в механизм легитимации политических элит. Динамичное развитие мемориальной культуры в Якутии указывает на необходимость дальнейшего изучения исторической политики в ней, а также на перспективность ее сравнительного анализа в контекстах зарубежного опыта функционирования пространств памяти современных обществ.

Таким образом, историческая политика с современной Республике Саха (Якутия) относится к числу динамично развивающихся проектов. 2022 год озаглавлен серией мероприятий, связанных со столетием Республики. Современные политические элиты и интеллектуалы активно вовлечены в различные практики «проработки прошлого», что оказывает влияние на функционирование коллективной памяти и мемориального канона. Политика памяти в Якутии представляет собой активно реализуемый проект. Основные векторы и траектории проведения мемориальной политики продолжают оставаться неопределенными, что не исключает появления новых форм манипуляций прошлым в политических и идеологических целях. Поэтому историческая политика на региональном уровне нуждается в дальнейшем изучении, основанном на принципах междисциплинарности, что позволит актуализировать достижения как исторической науки, так и смежных дисциплин.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Sodaro A. *Exhibiting atrocity: memorial museums and the politics of past violence*. New Brunswick: Rutgers University Press, 2018, 226.
2. Cohen A. J. *War Monuments, Public Patriotism, and Bereavement in Russia, 1905–2015*. Lanham, Maryland: Lexington Books, 2020, 271.
3. Камынин В. Д., Лазарева Е. В. «Историческая политика» на Урале в 1930-е гг.: современный взгляд. *История и современное мировоззрение*. 2019. № 2. С. 90–97. [Kamynin V. D., Lazareva E. V. "Historical politics" in the Urals in the 1930s: modern view. *History and Modern Perspectives*, 2019, (2): 90–97. (In Russ.)] EDN: KZSDQO
4. Фролова И. В., Уразова А. И. Политика памяти и историческая наука: научные итоги года, посвященного столетию Республики Башкортостан. *Новейшая история России*. 2020. Т. 10. № 4. С. 1019–1031. [Frolova I. V., Urazova A. I. Memory policy and historical science: scientific results of the year dedicated to the centenary of the Republic of Bashkortostan. *Modern History of Russia*, 2020, 10(4): 1019–1031. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.413>
5. Лескинен М. В. Историческая политика и национальная мифология: «постправда» и наука на государственной службе. *Новое прошлое*. 2021. № 2. С. 66–82. [Leskinen M. V. Politics of history and national mythology: "post-truth" and science at the "sovereign service". *The New Past*, 2021, (2): 66–82. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2021-2-66-82>
6. Голотина А. И. Молодежь и историческая политика в Германии (на примере юбилеев Освободительной войны 1813–1815 гг.). *Вопросы всеобщей истории*. 2020. № 23. С. 320–326. [Golotina A. I. Youth and historical politics in Germany (on the example of anniversaries of the War of Liberation 1813–1815). *Voprosy vseobshchei istorii*, 2020, (23): 320–326. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/vvi20-01-27>
7. Воронова О. Е. Историческая политика Российской Федерации. *Вопросы истории*. 2021. № 11-3. С. 282–287. [Voronova O. E. Historical policy of the Russian Federation. *Voprosy Istorii*, 2021, (11-3): 282–287. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202111Statyi84>
8. Кирчанов М. В. Историческая политика в национальных республиках Кавказа: коммеморативные практики как избранные традиции. *Кавказология*. 2020. № 1. С. 219–236. [Kirchanov M. V. Historical politics in the national republics of the Caucasus: commemorative practices as invented traditions. *Caucasology*, 2020, (1): 219–236. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-1-219-236>
9. Barash J. A. *Collective memory and the historical past*. Chicago: University of Chicago Press, 2020, 280.
10. Denton K. A. *The landscape of historical memory: the politics of museums and memorial culture in post-martial law Taiwan*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2021, 284.
11. *Nobilities in Europe in the twentieth century: reconversion strategies, memory culture, and elite formation*, eds. Bijleveld N., Dronkers J., Kuiper Y. Leuven: Peeters, 2015, 365.
12. Berg N. *The Holocaust and the West German historians: historical interpretation and autobiographical memory*. Madison: University of Wisconsin Press, 2015, 348.
13. Stackelberg R. *Memory and history: recollections of a historian of Nazism, 1967–1982*. NY: Universe, 2011, 184.
14. Dombay A. H. *The false cause: fraud, fabrication, and white supremacy in Confederate memory*. Charlottesville: University of Virginia Press, 2020, 297.
15. Rieff D. *In praise of forgetting: historical memory and its ironies*. Yale: Yale University Press, 2017, 160.
16. Hyde L. *A primer for forgetting: getting past the past*. L.-NY: Farrar, Straus and Giroux, 2019, 384.
17. Falck S. *Remembering Dixie: the battle to control historical memory in Natchez, Mississippi, 1865–1941*. Jackson: University Press of Mississippi, 2019, 374.
18. Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Средневековые герои и события отечественной истории в сетевых ресурсах. *Историческая экспертиза*. 2018. № 1. С. 41–58. [Rostovtsev E. A., Sosnitsky D. A. Medieval heroes and events of national history in network resources. *Istoricheskaya ekspertiza*, 2018, (1): 41–58. (In Russ.)] EDN: YVOGDZ
19. Koposov N. "The armored train of memory": the politics of history in Post-Soviet Russia. *Perspectives on History*, 1 Jan 2011. URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/january-2011/the-armored-train-of-memory-the-politics-of-history-in-post-soviet-russia> (accessed 20 Apr 2022).
20. Meaghan E. *The centennial cure: commemoration, identity, and cultural capital in Nova Scotia during Canada's 1967 centennial celebrations*. Toronto: University of Toronto Press, 2017, 296.
21. Gillis J. R. *Commemorations: the politics of national identity*. Princeton: Princeton University Press, 1996, 304.

22. Spillman L. P. *Nation and commemoration: creating national identities in the United States and Australia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997, 266.
23. *Cultures of memory in the nineteenth century: consuming commemoration*, eds. Grenier K. H., Mushal A. R. L.-NY: Macmillan, 2020, 407.
24. Эрлих С. Е. Три нарратива коллективной памяти: волшебная сказка, героический миф, миф самопожертвования. *Историческая экспертиза*. 2017. № 2. С. 9–16. [Ehrlich S. E. Three narratives of the collective memory: fairy tale, heroic myth, self-sacrifice myth. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2017, (2): 9–16. (In Russ.)] EDN: ZBKEEP
25. Ассманн Я. Глобализация, универсализм и эрозия культурной памяти. *Историческая экспертиза*. 2018. № 1. С. 9–27. [Assmann J. Globalization, universalism and the erosion of cultural memory. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2018, (1): 9–27. (In Russ.)] EDN: VSWFJE
26. Пахалюк К. А. Глобальная культура памяти: истоки и перспективы. *Историческая экспертиза*. 2017. № 2. С. 17–25. [Pakhalyuk K. A. The global culture of memory: the origins and prospects. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2017, (2): 17–25. (In Russ.)] EDN: ZBKEEZ
27. Олейников А. Современная историчность и политика времени. *Либеральная миссия*. 26.04.2021. [Oleynikov A. Modern historicity and the politics of time. *Liberal mission*, 26 Apr 2021. (In Russ.)] URL: <https://liberal.ru/authors-projects/sovremennaya-istorichnost-i-politika-vremeni> (accessed 20 Apr 2022).
28. Олейников А. Другой презентизм. *Либеральная миссия*. 02.07.2021. [Oleynikov A. A different kind of presentism. *Liberal mission*, 2 Jul 2021. (In Russ.)] URL: <https://liberal.ru/sovremennaya-istorichnost-i-politika-vremeni/drugoj-prezentizm> (accessed 20 Apr 2022).
29. Hunt L. Against presentism. *Perspectives on History*, 1 May 2002. URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/may-2002/against-presentism> (accessed 20 Apr 2022).
30. Олик Д. К. Коллективная память: две культуры. *Историческая экспертиза*. 2018. № 4. С. 22–49. [Olick J. K. Collective memory: the two cultures. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2018, (4): 22–49. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2018-4-22-49>
31. Хазанов А. М. О ком скорбеть и кого забыть? (Ре)конструкция коллективной памяти в современной России. *Историческая экспертиза*. 2017. № 1. С. 30–66. [Khazanov A. M. Whom to mourn and whom to forget? The (re)construction of collective memory in contemporary Russia. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2017, (1): 30–66. (In Russ.)] EDN: VXKLBP
32. Grossman J. Tragedy, memory, history. *Perspectives on History*, 1 Oct 2012. URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/october-2012/tragedy-memory-history> (accessed 20 Apr 2022).

оригинальная статья

Революционные комитеты Сибири периода Гражданской войны в отечественной историографии

Куренков Артем Валериевич

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Россия, Томск

<https://orcid.org/0000-0002-0287-6562>

art_1987@inbox.ru

Поступила в редакцию 20.02.2022. Принята после рецензирования 19.05.2022. Принята в печать 30.05.2022.

Аннотация: Проанализированы взгляды отечественных исследователей на проблему организации и функционирования революционных комитетов Сибири в годы Гражданской войны. Показан вклад советских историков в изучение причин, условий, порядка образования и статуса ревкомов, структуры, форм, методов и основных направлений их деятельности, социального и партийного состава, механизма взаимоотношений ревкомов с органами Коммунистической партии, передачи ревкомами власти советам и исполкомам. Утверждается, что однозначная положительная оценка революционных комитетов со стороны советских ученых, их убежденность в том, что ревкомы являлись органами диктатуры пролетариата, призванными вести непреклонную борьбу с классовыми врагами и защищать завоевания Октября 1917 г., были обусловлены жесткими идеологическими установками, господствовавшими в советский период. Крушение коммунистической идеологии, сопровождавшееся освобождением отечественного исторического знания от всеобъемлющего контроля со стороны партийно-государственных органов, позволило историкам расширить спектр используемых методологических подходов и принципов и по-новому взглянуть на создание и деятельность сибирских ревкомов. В рамках постсоветского этапа изучения ревкомовской проблематики исследователи смогли уточнить мотивы образования ревкомов на территории Сибирского края, определить их место и роль в системе большевистской власти, выявить особенности взаимоотношений ревкомов с вышестоящими партийными и советскими структурами, раскрыть уровень образования и квалификации руководителей и сотрудников ревкомов. Сделан вывод, что тема сибирских ревкомов достаточно проработана в отечественной исторической науке. Тем не менее дальнейший научный поиск представляется необходимым. К числу его направлений отнесены исследование вопросов, связанных с кадровым обеспечением чрезвычайных органов власти, детальное изучение механизма взаимодействия ревкомов и органов РКП(б), доскональный анализ деятельности революционных комитетов, позволяющий определить влияние ревкомов на политическое, социально-экономическое и культурное развитие Сибири.

Ключевые слова: революционный комитет, Сибирь, Гражданская война, органы власти, большевики, советское строительство, историография

Цитирование: Куренков А. В. Революционные комитеты Сибири периода Гражданской войны в отечественной историографии. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 5. С. 602–616. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-602-616>

full article

Revolutionary Committees in Siberia during the Civil War: National Historiography

Artem V. Kurenkov

Tomsk State University of Control Systems and Radio-Electronics, Russia, Tomsk

<https://orcid.org/0000-0002-0287-6562>

art_1987@inbox.ru

Received 20 Feb 2022. Accepted after peer review 19 May 2022. Accepted for publication 30 May 2022.

Abstract: This article reviews domestic approaches to the issue of the revolutionary committees in Siberia during the Civil War, e.g., their genesis, development, status, structure, forms, methods, activities, social and party composition, interaction with each other and the Russian Communist Party, the transfer of power to the Soviets and Executive Committee, etc. Soviet historians were unanimous in their positive assessment of the revolutionary committees as the organs of proletariat dictatorship that waged a relentless struggle against class enemies and defended the revolutionary progress. However, this approach resulted

from the rigid ideological guidelines of the Soviet period. The collapse of the communist ideology liberated the domestic historical science from the comprehensive control of the Party and state organs. Post-Soviet historians expanded the range of methodological approaches and principles, which allowed them to take a new perspective of the Siberian revolutionary committees. They were able to clarify the motives behind the revolutionary committees, determine their place in the system of Bolshevik power, identify their relationship with higher Party and Soviet structures, reveal the level of education and qualifications of their leaders and members, etc. The topic of the Siberian revolutionary committees has received enough scientific attention. However, some gaps still remain, e.g., staff structure, the exact mechanism of their interaction with the Party, their influence on the political, social, economic, and cultural development of Siberia, etc.

Keywords: revolutionary committee, Siberia, Civil War, organs of power, Bolsheviks, Soviet construction, historiography

Citation: Kurenkov A. V. Revolutionary Committees in Siberia during the Civil War: National Historiography. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(5): 602–616. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-602-616>

Введение

В годы Гражданской войны в условиях напряженной военно-политической, социальной и экономической обстановки, обуславливавшей необходимость максимальной концентрации всех сил и средств для достижения победы, большевиками практиковалось создание чрезвычайных органов государственной власти – революционных комитетов. Будучи временными властными структурами, ревкомы охватили практически всю территорию страны. Обширный Сибирский край являлся ареной ожесточенных боевых действий в период гражданского противоборства. Не будет преувеличением сказать, что на территории Сибири организация чрезвычайного управления в форме ревкомов получила свое наиболее яркое воплощение. Ревкомы создавались повсеместно и действовали на всех уровнях властной вертикали: общесибирском, губернском, уездном, волостном и сельском. Образованные на основе строгой централизации и наделенные самыми широкими полномочиями ревкомы были призваны обеспечить необходимые условия для передачи власти конституционным органам – советам и исполкомам.

Проблема возникновения и функционирования ревкомов в силу ее общественно-политической значимости, разумеется, не могла не стать объектом внимания со стороны профессиональных историков. Анализ научных работ, посвященных ревкомам периода Гражданской войны, предпринимался в советское время Р. Т. Шамсутдиновым [1], Н. Ф. Бугаев [2; 3], В. П. Петровым и В. Н. Сергеевым [4]. Осмысление опыта изучения ревкомов, создававшихся в годы гражданского противоборства непосредственно на территории Сибири, осуществлялось в советский период В. И. Шишкиным [5]. Однако специального исследования посвященных ревкомам Сибири научных трудов не только советского, но и современного (постсоветского) этапа пока не проводилось.

Цель – определить степень изученности революционных комитетов Сибири периода Гражданской войны в отечественной исторической науке и на этой основе обозначить перспективы и возможные направления дальнейших научных изысканий по проблеме сибирских революционных органов власти. Задачи: 1) выявить вклад советских

историков в изучение причин, условий и порядка образования революционных комитетов, их статуса, структуры, форм, методов и основных направлений деятельности, социального и партийного состава, механизма взаимоотношений революционных комитетов с органами Коммунистической партии, передачи ревкомом власти советам и исполкомам; 2) раскрыть взгляды современных исследователей на проблему создания революционных комитетов, их кадровый состав, характер деятельности, место и роль революционных комитетов в системе большевистской власти.

Исследование опирается на принципы объективности и историзма. Использовались сравнительно-исторический, хронологический и системный методы научного познания. В качестве источников были привлечены опубликованные документы, а также материалы периодической печати, содержащие сведения о создании либо упразднении, правовом статусе и кадрах ревкомов различного уровня.

Проблема сибирских ревкомов в советской историографии

Первые шаги по изучению ревкомов Сибири были сделаны в 1920-е гг. руководящими советскими работниками края. В их публикациях, размещенных на страницах сибирских газет и журналов, отражены различные аспекты советского строительства после изгнания с сибирской земли белогвардейских войск. Так, в статье И. Н. Смирнова [6], являвшегося первым председателем Сибирского революционного комитета, содержатся сведения о времени образования, первоначальном составе высшего чрезвычайного органа власти Сибири. Одной из главных задач Сибревкома автор называет организацию советской власти в освобождаемых от колачковцев губерниях. Однако отсутствие в регионе достаточного количества подготовленных кадров создавало, как отмечает И. Н. Смирнов, значительные трудности на пути восстановления советского аппарата. Весьма ценной является содержащаяся в его работе информация об организации ревкомов в сельской местности. Она позволяет составить первое представление о роли красноармейских частей в создании революционных органов власти в крестьянской среде.

Другой ответственный работник Сибири, член Сибревкома В. М. Косарев сосредоточил свои усилия на выяснении причин образования ревкомов. Невозможность проведения выборов в советы сразу после изгнания колчаковских войск он объяснил всеобщей хозяйственной разрухой, царившей в тот период на территории края. Кроме того, В. М. Косарев обратил внимание на такой фактор, как значительное количество бывших колчаковских служащих, враждебно настроенных по отношению к советской власти и стремившихся помешать нормальной работе советских учреждений [7].

Попытку осмыслить условия, в которых осуществлялось советское строительство в Сибири после освобождения ее территории от белогвардейцев, предпринял А. В. Перимов [8], занимавший в свое время пост руководителя отдела управления Сибревкома. К числу факторов, оказывавших негативное влияние на процесс восстановления и функционирования советских властных органов в Сибири, А. В. Перимов отнес слабость промышленного пролетариата, огромные сибирские расстояния, значительную массу инородческого населения, не владеющего русским языком и не имеющего в своей среде, по словам автора, «достаточного количества сознательных революционеров» [8, с. 27]. Особо А. В. Перимов остановился на вопросе, связанном с политическими настроениями сибирского крестьянства. Солидный вес сибирского кулачества вкупе с колебаниями середняков рассматривается им в качестве одного из наиболее важных факторов, затруднявших советское строительство в регионе. Затронул автор и проблему острой нехватки подготовленных советских работников. Это обстоятельство обуславливало «ненадежный», по выражению А. В. Перимова, состав советских учреждений Сибири.

Главной особенностью первых работ, содержащих сведения о сибирских ревкомах, являлось то, что написаны они были непосредственными участниками советского строительства в Сибири, имевшими опыт практической деятельности в революционных органах власти. Вместе с тем данным публикациям присущ ряд недостатков: фрагментарность, некоторая упрощенность суждений, отсутствие критического взгляда на проблему чрезвычайного управления. При подготовке своих работ авторы использовали весьма скудную источниковую базу. Это, по справедливому утверждению В. И. Шишкина, не создавало предпосылок для сколько-нибудь серьезных выводов и обобщений по теме чрезвычайных органов власти Сибири [5, с. 59].

После значительного перерыва в изучении сибирских ревкомов вновь информация о них появляется на страницах исторических работ в начале 1950-х гг. В это время были подготовлены исследования, посвященные истории губернских центров Сибири (Омск, Томск). Несмотря на то что авторами затрагиваются вопросы, связанные с деятельностью органов власти и управления в крупных сибирских городах, проблема революционных комитетов

должного освещения не получила. Исследователи ограничились указанием на факт создания ревкомов и круг их основных задач, оставив вне поля зрения вопросы кадрового состава, правового положения, форм и методов деятельности комитетов [9, с. 9, 28, 32, 50–51, 53, 55; 10, с. 200, 204, 211, 219, 222; 11, с. 190, 192, 195].

Заметные изменения в изучении ревкомов Сибири стали происходить во второй половине 1950-х гг. Они характеризовались стремлением историков более основательно подойти к анализу чрезвычайных органов власти, создававшихся и действовавших на территории Сибирского края. Одним из первых исследователей, предпринявших попытку подобного рода, стала В. М. Лойко. В ее работах на материалах Западной Сибири показан процесс восстановления социально-экономической, политической и культурной жизни региона после освобождения его территории от колчаковцев. Отдельно остановилась В. М. Лойко на проблеме воссоздания советского аппарата власти. В частности, рассмотрен вопрос об образовании Сибирского революционного комитета, раскрыты его структура, функции, объем полномочий, обращено внимание на контролирующую по отношению к Сибревкому роль партийной организации края. Вместе с тем автор не приводит данные о персональном составе Сибревкома, сообщая лишь о количестве человек, входивших в его президиум. Довольно бегло изучена проблема образования губернских и уездных ревкомов. Крайне мало информации содержится в ее трудах о ревкомах волостного и сельского уровней. В качестве недостатка следует, по нашему мнению, отметить также и то, что рассмотрение вопросов, связанных с восстановлением советских властных структур на территории Западной Сибири, В. М. Лойко попыталась совместить с попутным освещением их деятельности, при том что анализ мероприятий, проводившихся советскими и партийными органами после разгрома белогвардейцев, выделен автором в самостоятельную главу как диссертации, так и монографии [12; 13].

К исследованию советского строительства на востоке Сибири в 1919–1921 гг. обратился В. Т. Агалаков [14; 15]. Ему удалось, на наш взгляд, довольно полно представить процесс организации советской власти в восточных районах Сибири в ходе ликвидации там колчаковского режима. Несомненно ценными являются приведенные автором сведения об упразднении большевиками колчаковских учреждений, о сохранении тех белогвардейских структур, которые могли быть использованы при восстановлении советского аппарата власти. Весьма обстоятельным стоит признать изучение В. Т. Агалаковым хода образования ревкомов на территории восточносибирских губерний. Причем значительную долю внимания исследователь уделил проблеме создания революционных комитетов в сельской местности, отметив, что данный процесс в силу ряда факторов протекал гораздо более трудно, нежели формирование ревкомов губернского звена.

Не оставил в стороне В. Т. Агалаков и характеристику структуры ревкомов, методов и форм их работы. В то же самое время автор не дает однозначного ответа на вопрос о том, к какому типу революционных комитетов относились чрезвычайные властные органы Восточной Сибири. 24 октября 1919 г. ВЦИК и Совет рабочей и крестьянской обороны приняли Положение, которое устанавливало типы революционных комитетов (ревкомы местностей, освобожденных от неприятеля, прифронтовой полосы и тыла), закрепляло порядок их образования и деятельности¹. В. Т. Агалаков, комментируя данный документ применительно к сибирским условиям, отмечает, что в Сибири «ревкомы часто рождались вне организационных рамок, созданных положением» [15, с. 83]. Тем не менее характер военно-политической обстановки в восточной части Сибири в период организации ревкомов убедительно свидетельствует, на наш взгляд, о том, что там создавались чрезвычайные органы именно первого типа. Это были революционные комитеты местностей, освобожденных от неприятеля.

Проблема восстановления советской власти в одном из районов Западной Сибири – Алтайской губернии – стала объектом внимания И. И. Крамаренко [16–19]. Основной акцент в его исследованиях сделан на выявлении роли партийной организации Алтая в создании революционных комитетов, а также руководстве их деятельностью. Решая эту задачу, И. И. Крамаренко показывает участие Алтайского губернского бюро РКП(б) в образовании сети ревкомов, изучает партийное руководство ревкомами в ходе осуществления ими ключевых мероприятий социально-экономического характера, раскрывает формы контроля за деятельностью ревкомов со стороны партийных инстанций. Однако, несмотря на всю значимость заявленной темы, анализ партийного управления чрезвычайными органами власти, предпринятый И. И. Крамаренко, грешит, на наш взгляд, односторонностью. Сообщая об успехах, достигнутых губпарторганизацией Алтая в деле советского строительства и организации функционирования советских властных структур, автор фактически обходит стороной недостатки и упущения, возникавшие в работе органов Коммунистической партии на территории Алтайской губернии.

Кроме того, как уже отмечали в свое время В. Т. Медведев и В. И. Шишкин, И. И. Крамаренко весьма упрощенно представил порядок образования ревкомов на Алтае и в целом в Сибири. По его мнению, он сводился к назначению Сибревкомом губернских ревкомов, а последние в свою очередь назначали уездные и волостные ревкомы. Однако процесс создания революционных комитетов в Сибири протекал гораздо более сложно и отнюдь не замыкался на схеме,

нарисованной И. И. Крамаренко. Дело в том, что в значительном количестве случаев уездные центры освобождались от колчаковских войск раньше губернских. Как следствие, образование уездных ревкомов предшествовало созданию революционных комитетов губернского уровня.

Определенную неточность И. И. Крамаренко допускает, когда пишет о возобновлении работы конституционных органов власти на Алтае и апеллирует в этой связи к Постановлению Совета рабочей и крестьянской обороны от 2 января 1920 г. по вопросу об упразднении ревкомов² [17, с. 122]. Действительно, в Постановлении содержалось требование о прекращении деятельности губернских и уездных революционных комитетов. Однако оно распространялось главным образом на ревкомы центральных регионов страны, где ко времени принятия указанного документа произошло существенное изменение военно-политической обстановки и появились условия для передачи власти советам и исполкомам [20, с. 138]. В Сибири на тот момент ситуация была иной. На ее просторах продолжалась упорная борьба с белогвардейцами. Поэтому ревкомы там не только не упразднялись, но и создавались в районах, освобожденных от неприятеля.

Значительный вклад в изучение ревкомов Западной Сибири внес В. Т. Медведев. Его перу принадлежит ряд работ, в которых комплексно рассмотрена проблема создания и деятельности революционных комитетов на территории обширного региона [21–25]. В отличие от своих предшественников В. Т. Медведев гораздо больше внимания уделил выяснению причин, вызвавших к жизни революционные органы, справедливо отметив, что «созданием революционных комитетов достигалась максимальная централизация государственной власти» [22, с. 81]. Исследуя процесс образования ревкомов на территории западно-сибирского региона, автор верно, на наш взгляд, проводит различие между военно-революционными комитетами, создававшимися в 1917 г. в различных районах страны, и ревкомами периода Гражданской войны, считая недопустимым их отождествление. Достаточно убедительной представляется аргументация автора в вопросе о том, к какому типу революционных комитетов относились ревкомы Западной Сибири. У В. Т. Медведева нет сомнений в том, что это были ревкомы освобожденных от врага местностей. Довольно подробно В. Т. Медведев показывает складывание структуры революционных комитетов, начиная с уровня Сибревкома и заканчивая волостными ревкомами. Стоит обратить внимание и на такой важный аспект исследования темы, как взаимоотношение революционных комитетов с партийными организациями, получивший в трудах В. Т. Медведева вполне достойное освещение.

¹ Положение ВЦИК и Совета Обороны о революционных комитетах от 24 октября 1919 г. *Декреты Советской власти*, ред. кол. С. Н. Валк, И. В. Загоскина, Ю. И. Кораблев, Г. Д. Обичкин, Н. И. Павленко, П. А. Родионов, А. А. Соловьев. М.: Политиздат, 1973. Т. VI. С. 224–228.

² Постановление Совета Обороны об упразднении губернских и уездных революционных комитетов и о снятии военного положения в губерниях, находившихся под угрозой прорыва кавалерийских частей Деникина от 2 января 1920 г. *Декреты Советской власти* ... М.: Политиздат, 1975. Т. VII. С. 72–73.

Утверждение о том, что вопросы, связанные с советской работой, постоянно находились в центре внимания партийных органов, автор подкрепляет конкретными примерами. Это в целом позволяет сформировать правильное представление о роли партийных инстанций в повседневной работе чрезвычайных органов власти.

Заслугой В. Т. Медведева является попытка проанализировать сложный комплекс вопросов, связанных с кадровым обеспечением революционных комитетов. Автор рассуждает в верном ключе, когда пишет, что «вопрос об укомплектовании ревкомов и их отделов кадрами был самым неотложным и вместе с тем самым большим вопросом в деятельности партийных и советских органов Западной Сибири» [21, с. 147]. Не ограничиваясь констатацией недостаточного количества подготовленных работников, В. Т. Медведев раскрывает пути решения кадровой проблемы со стороны как высшего партийного и советского руководства Сибири, так и местных руководителей, уделяя значительное внимание при этом деятельности партийно-советских школ, созданных в губерниях и уездах. Однако вопрос о социальном и партийном составе ревкомов Западной Сибири не получил в работах В. Т. Медведева должного рассмотрения. Довольно смелое, на наш взгляд, утверждение о том, что «все уездные и губернские ревкомы были коммунистическими по своему составу» [22, с. 94], требует доказательств, которые автором не приводятся. В. Т. Медведев допускает ошибку, называя первым руководителем Томского губернского революционного комитета М. И. Сумецкого [21, с. 108]. В действительности М. И. Сумецкий возглавил Томский ревком лишь 21 января 1920 г., после того как он был преобразован в орган власти уездного масштаба³. Первым же председателем революционного комитета являлся В. Г. Шумкин⁴.

В 1960-е гг. определенный прогресс был достигнут в изучении главного звена всей системы ревкомов Сибири – Сибирского революционного комитета. Благодаря усилиям В. Е. Чаплика [26; 27] и Р. С. Штейнман [28; 29], работы которых непосредственно посвящены Сибревкому, произошло некоторое расширение представлений о мотивах создания, устройстве и правовом положении высшего чрезвычайного органа власти Сибири. Так, В. Е. Чаплик последовательно и подробно проанализировал причины, приведшие к образованию Сибревкома. Кроме того, он выявил факторы, обусловившие длительное существование этого органа. Примечательно, что в качестве одного из них исследователь указал проводившуюся большевиками реорганизацию административно-территориального деления страны. Возложение на Сибревком ответственности за данный процесс в масштабах Сибири привело, по мнению В. Е. Чаплика, к сохранению Сибревкома вплоть до конца 1925 г. [27, с. 60].

Схожую позицию относительно причин создания Сибирского ревкома занимает Р. С. Штейнман. Она обращает внимание на большое количество «контрреволюционных элементов», оставшихся в Сибири после разгрома А. В. Колчака, на немногочисленный рабочий класс и зажиточность сибирского крестьянства, на специфическое географическое положение Сибири, а именно огромную по размерам территорию, малую плотность населения, слабо развитую сеть коммуникаций. Показывая правовую природу Сибревкома, Р. С. Штейнман верно формулирует основные отличия ревкомов от советов как органов власти, закрепленных в конституционном порядке. В то же самое время исследователь считает недопустимым противопоставление ревкомов советам, поскольку ревкомы, хотя и были чрезвычайными властными структурами, но все же применяли, как утверждает Р. С. Штейнман, в своей повседневной работе нормы советской Конституции и других советских законов, осуществляли, как и советы, законодательную и исполнительную деятельность [28, с. 84]. Р. С. Штейнман попыталась в динамике изучить структуру Сибревкома, проследить изменение его функций. Это дало возможность автору прийти к выводу о постепенном расширении компетенции Сибирского революционного комитета, обусловленном социально-экономической и политической обстановкой в Сибири.

Вместе с тем Р. С. Штейнман допускает опрометчивое утверждение о том, что в начале 1920 г. в стране были упразднены все ревкомы губернского уровня [28, с. 86]. В действительности в указанное время, и это убедительно доказано учеными, не происходило ликвидации абсолютно всех губернских ревкомов. Определенная часть из них продолжала действовать еще в течение довольно продолжительного времени.

Проблема сибирских ревкомов получила отражение на страницах капитального труда по истории Сибири, подготовленного коллективом историков во второй половине 1960-х гг. [30, с. 152–153]. Необходимость в чрезвычайных органах власти авторы объясняют наличием на территории Сибири после разгрома Колчака значительного числа антисоветски настроенных элементов, представлявших немалую угрозу для большевиков. В этой связи в крае была образована целая система ревкомов от сельских и волостных до Сибирского революционного комитета. Исследователи отмечают характерные для данных органов централизм, назначенство, строгую революционную дисциплину. В то же время, как указывают авторы, практиковалось выдвижение ревкомов местными большевистскими организациями, а также собраниями трудящихся. С точки зрения состава ревкомы были, по мнению ученых, органами рабочих и трудящихся крестьян. Они «всемерно способствовали укреплению военно-политического союза

³ Приказ Сибревкома о назначении Томского уревкома от 21 января 1920 г. *Сибирский коммунист*. 22.01.1920. № 14. С. 1.

⁴ Приказ № 1 о начале работы Томского губернского революционного комитета от 26 декабря 1919 г. *Знамя революции*. 28.12.1919. № 8. С. 1.

этих классов» [30, с. 153]. Затронули авторы и вопрос о переходе от ревкомов к конституционным властным структурам, указав последовательность и особенности выборов в советы и исполнительные комитеты.

Таким образом, к началу 1970-х гг. историками была проделана значительная работа по изучению организации и деятельности революционных органов власти Сибири. Ее особенностью являлось то, что свои усилия авторы концентрировали на рассмотрении различных звеньев ревкомовской системы преимущественно в пределах отдельных сибирских регионов. Актуальной становилась задача комплексного исследования чрезвычайных властных структур в масштабе всего Сибирского края. Она была успешно решена В. И. Шишкиным, открывшим новую страницу в изучении советского строительства в Сибири в годы Гражданской войны. В. И. Шишкин по сравнению с предшественниками привлек к исследованию темы гораздо более широкий круг источников, среди которых важное место отводится архивным документам, извлеченным из фондов центральных и сибирских архивов. Это позволило автору глубже взглянуть как на проблему создания ревкомов, так и на вопросы их непосредственной деятельности [31–40].

Прежде всего, В. И. Шишкин намного полнее изучил факторы, обусловившие образование Сибирского революционного комитета. Он обратил внимание на то, что создание Сибревкома диктовалось не только местными, сибирскими обстоятельствами, но и причинами общероссийского характера. Подчеркивая значимость последних, автор относит к ним необходимость мобилизации людских и материальных ресурсов Сибири для оказания помощи Центральной России.

Убедительными представляются аргументы В. И. Шишкина в вопросе о причинах сохранения и последовательного укрепления позиций Сибревкома. Исследователь указывает на возрастание роли Сибири в жизни всей Советской республики. Это выражалось в увеличении возлагавшихся на обширный край общегосударственных заданий, справиться с которыми, по мнению В. И. Шишкина, советы самостоятельно не имели возможности [33, с. 91]. В. И. Шишкиным обстоятельно изучен правовой статус Сибревкома, прослежена эволюция его компетенции и структуры, приведены довольно подробные сведения о его персональном составе. Логично показана автором разнонаправленная деятельность Сибревкома, причем значительное внимание В. И. Шишкин уделил решению высшим чрезвычайным органом власти Сибири продовольственного вопроса, находившегося под пристальным вниманием со стороны центрального советского и партийного руководства.

Всесторонним следует признать проведенный В. И. Шишкиным анализ процесса создания местных органов власти – губернских, уездных, волостных и сельских ревкомов. Автор совершенно справедливо акцентирует внимание на том,

что образование местных ревкомов не происходило одинаково. Способ их создания зависел от того, как и при каких обстоятельствах осуществлялось изгнание белогвардейцев с той или иной территории. По заслуживающим доверия подсчетам В. И. Шишкина, только один из шести губернских и чуть более половины уездных ревкомов Сибири были назначены вышестоящими органами власти. Остальные же ревкомы губернского и уездного уровней были образованы либо местными подпольными комитетами большевистской партии, либо съездами партизанских и крестьянских депутатов, которые состоялись на освобожденной от колчаковцев территории до прихода регулярных красноармейских частей [37, с. 47]. Еще в меньшей степени, по утверждению исследователя, принцип назначения использовался при создании волостных и сельских революционных комитетов. Что касается вопроса о кадрах, то благодаря глубокому анализу источников В. И. Шишкин смог выяснить социальную и партийную принадлежность председателей и членов ревкомов, сделать правильный вывод о постепенном увеличении количества коммунистов в чрезвычайных органах власти, прежде всего губернского и уездного масштаба.

На богатом фактическом материале В. И. Шишкин раскрывает работу местных ревкомов. Он дифференцированно подходит к анализу ее основных направлений с учетом места того или иного ревкома в управленческой иерархии. Подобный подход автор применяет и при рассмотрении форм и методов работы ревкомов. Оправданным является вывод В. И. Шишкина о том, что для ревкомов было характерно сочетание методов: наряду с традиционными, предполагавшими убеждение, использовались меры принудительного характера. Последние, как утверждает автор, активно применялись «по отношению к представителям свергнутых эксплуататорских классов» [39, с. 198]. В целом В. И. Шишкину, по нашему мнению, удалось представить работу ревкомов как многогранную, многоаспектную деятельность, отразить не только сильные ее стороны, но и выявить возникавшие затруднения.

Должное внимание В. И. Шишкин уделил и такому важному аспекту изучения темы, как переход в Сибири от ревкомов к конституционным органам власти – советам. В частности, достаточно подробно автором рассмотрена подготовка к избирательной кампании, выявлены ее особенности, заключавшиеся в отстранении от выборов более широкого круга лиц, нежели это было предусмотрено Конституцией РСФСР 1918 г. Рельефно В. И. Шишкиным показан сам процесс избрания советов и исполкомов различного уровня. Им охарактеризованы выборы в городские и сельские советы, прослежен созыв волостных, уездных и губернских съездов Советов с избранием на них соответствующих исполнительных комитетов. Безусловно ценными являются приведенные исследователем данные о социальном и партийном составе властных структур, образованных на конституционной основе.

Знаковым в истории изучения революционных органов власти стал период с конца 1970-х по 1990 г. В это время вышли фундаментальные работы Н. Ф. Бугая, в которых проблема ревкомов впервые была поставлена и исследована в масштабе всей страны [41–44]. Н. Ф. Бугай, на наш взгляд, удачно использовал опыт, накопленный предшественниками по изучению советского аппарата власти в годы Гражданской войны. Он дал возможность автору цельно представить процесс организации и разнонаправленную деятельность чрезвычайных властных органов в Советской республике. Этому способствовал также тщательный анализ Н. Ф. Бугаем большого количества как архивных, так и опубликованных источников. На страницах своих трудов Н. Ф. Бугай привел конкретные обстоятельства возникновения ревкомов в различных регионах страны, уделив при этом должное внимание чрезвычайным органам власти Сибири. Автор довольно убедительно продемонстрировал ведущую роль военного фактора в создании революционных комитетов, показал характер их деятельности, выражавшийся в активном применении военных методов решения задач. Тем не менее Н. Ф. Бугай считает ревкомы органами, во многом идентичными советам, поскольку они имели единое руководство в лице Коммунистической партии, в их работе принимали участие представители рабочего класса и беднейшего крестьянства, ревкомы низового уровня формировались в ряде случаев путем организации и проведения выборов. Главным же признаком, объединявшим ревкомы и советы, являлось направление усилий на защиту завоеваний Октябрьской революции [41, с. 20–21].

Довольно ярко в трудах Н. Ф. Бугая отражена руководящая роль партийных структур в образовании и укреплении ревкомов. Заслуживают внимания приведенные автором сведения о мероприятиях, проводившихся партийными органами по укомплектованию ревкомов коммунистическими кадрами, по повышению удельного веса рабочих и крестьян в составе чрезвычайных органов власти. Можно сказать, что политику партии по отношению к ревкомам Н. Ф. Бугай оценивает весьма высоко. Она, как следует из рассуждений автора, полностью соответствовала задачам управления страной в непростых условиях военного времени.

Обстоятельное рассмотрение в работах Н. Ф. Бугая получили и различные направления деятельности ревкомов. Автором широко изучены мероприятия ревкомов по ликвидации очагов антибольшевистских выступлений, налаживанию выпуска промышленной продукции, восстановлению транспорта. На должном уровне им раскрыто осуществление ревкомами аграрной политики советской власти. Им выявлена роль ревкомов в решении продовольственного вопроса. Не оставил без внимания Н. Ф. Бугай

и мероприятия ревкомов в социально-культурной сфере, показав шаги чрезвычайных органов власти по повышению уровня грамотности населения, развитию здравоохранения, улучшению материального положения трудящихся. Вместе с тем исследователь, по нашему мнению, преувеличивает позитивные возможности ревкомов в решении вопросов социально-экономического характера, представляет текущую работу чрезвычайных органов власти в виде сплошной полосы одних лишь побед, крайне слабо, а то и вовсе не показывая слабые места и недостатки в функционировании системы революционных комитетов. Кроме того, он ошибочно полагает, что деятельность Томского губернского ревкома началась 24 ноября 1919 г. [44, с. 59]. В это время Томск еще находился под властью белогвардейцев, советская власть в городе была восстановлена только 18 декабря 1919 г.⁵ А спустя восемь дней, 26 декабря 1919 г., начал свою работу Томский губернский революционный комитет⁶.

Подводя итоги изучения сибирских ревкомов в советский период, можно констатировать значительные успехи, достигнутые историками в исследовании вопросов организации и функционирования чрезвычайных органов власти. Так, достаточно полно были выявлены причины, условия и порядок образования революционных комитетов, показана их структура, раскрыты формы, методы и основные направления их деятельности, установлен их социальный и партийный состав, изучен механизм взаимоотношений ревкомов с органами Коммунистической партии, прослежен процесс передачи ревкомами власти советам и исполкомам. Однако жесткие идеологические установки, господствовавшие в советское время, не могли не сказаться на понимании исследователями места и роли ревкомов в политической жизни страны в военное время. Советские историки однозначно положительно оценивали создание революционных комитетов, не сомневались в том, что это были органы диктатуры пролетариата, призванные осуществлять непреклонную борьбу с классовыми врагами и защищать завоевания Октября 1917 г. В своих трудах авторы старались не упоминать о неконституционном статусе ревкомов, а если и писали о нем, то считали данное обстоятельство абсолютно оправданным в складывавшейся военно-политической и социально-экономической ситуации.

Перестроечный процесс, развернувшийся в Советском государстве во второй половине 1980-х гг., привел к освобождению отечественного исторического знания от всеобъемлющего контроля со стороны партийно-государственных органов, дал толчок к открытию для исследователей многих архивных фондов, содержащих большой массив документов по истории большевистских органов власти и управления. Ломка идеологических стереотипов, ранее ограничивавших исследовательскую мысль, позволила иным образом

⁵ Оперативная сводка Томского военно-революционного штаба о мероприятиях по восстановлению Советской власти в г. Томске от 18 декабря 1919 г. *Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917–1919 гг.)*: сб. док. мат-лов, гл. ред. В. С. Флеров. Томск, 1957. С. 500–501.

⁶ Приказ № 1 о начале работы Томского губернского революционного комитета от 26 декабря 1919 г... С. 1.

взглянуть на проблему образования и деятельности революционных комитетов, подойти к определению их места в политической системе страны. С 1991 г. в изучении ревкомов начался новый этап, отличительной особенностью которого стало расширение спектра используемых методологических подходов и принципов.

Проблема сибирских ревкомов в современной отечественной историографии

Одними из первых работ, вышедших на постсоветском пространстве и посвященных сибирским ревкомам, стали труды А. Г. Грязнухина [45; 46]. Исследуя организацию и характер деятельности ревкомов Енисейской и Иркутской губерний, автор приходит к выводу, что в работе данных органов хоть и наблюдались некоторые проявления демократизма, однако они подавлялись чрезвычайно-командным стилем руководства, который составлял основу функционирования ревкомов как органов власти. По мнению А. Г. Грязнухина, революционные комитеты стали теми органами, которые во многом заложили фундамент административно-командной системы управления, способствовали применению чрезвычайной управленческой практики в мирное время. Не случайно после передачи ревкомами власти советам в деятельности последних сохранился, по меткому выражению автора, «дух чрезвычайщины» [46, с. 26]. Любопытными являются сообщаемые автором сведения о весьма низком образовательном уровне руководителей и членов ревкомов, приводившем к межведомственным трениям, сбоям в выполнении распоряжений вышестоящих инстанций. Профессиональная некомпетентность, как утверждает исследователь, оказывала серьезное влияние на процесс бюрократизации управленческого аппарата.

Изучение ревкомовской проблематики в масштабах отдельных административно-территориальных единиц Сибири было продолжено на примере других сибирских губерний. Так, А. В. Куренковым в кандидатской диссертации и научных статьях исследованы становление и функционирование чрезвычайных органов власти в Томской губернии [47–49]. При опоре на достаточно широкую источниковую базу автору удалось выяснить причины, не позволившие большевикам сразу после изгнания белогвардейцев приступить к созданию конституционных властных структур на томской земле. Раскрывая процесс формирования аппарата губернского революционного комитета, автор привел примеры использования томскими коммунистами бывших колчаковских учреждений, показал решение вопроса о привлечении на советскую службу «буржуазных специалистов». В целом изучению кадрового обеспечения губревкома исследователь уделил достаточно много внимания. А. В. Куренков привел сведения не только о руководящей верхушке чрезвычайного властного органа губернии, но также и о руководителях

и сотрудниках конкретных отделов. Проанализировав механизм деятельности губернского революционного комитета, А. В. Куренков установил отсутствие должной урегулированности во взаимоотношениях революционного органа губернии с вышестоящими структурами, в первую очередь отраслевыми отделами Сибревкома. Это порождало различного рода коллизии и негативно сказывалось на качестве выполнения ревкомом своих функций. Другим отрицательным фактором являлось регулярное привлечение сотрудников комитета к сверхурочным работам, которые влекли за собой трудовые перегрузки и заметное падение производительности труда [47, с. 61–63].

Наряду с изучением губернского ревкома автор последовательно рассмотрел нижестоящие звенья системы ревкомов на томской земле, а именно революционные комитеты уездного, волостного и сельского уровней, выяснив порядок и особенности их образования, кадровый состав, партийную принадлежность руководителей и членов. Важной составляющей исследования А. В. Куренкова стало выявление роли органов Коммунистической партии в деятельности революционных комитетов. Как было установлено автором, с момента возникновения и вплоть до ликвидации ревкомы действовали под бдительным контролем партийного аппарата. Во многом это достигалось благодаря вхождению ответственных партийных работников в состав ревкомов и проведению заседаний совместно с партийными органами, где сформулированные ревкомами решения получали оценку со стороны партийного руководства [47, с. 137–138; 48, с. 63].

Изучению ревкомов на территории Томской и Омской губерний посвящены публикации В. Г. Кокоулина [50–52]. Автор задался целью выявить закономерности в организации чрезвычайных органов власти, раскрыть их устройство, кадровый состав, охарактеризовать основные направления деятельности ревкомов. Однако довольно обширный фактический материал, имевшийся в распоряжении исследователя, не получил, по нашему мнению, упорядоченного осмысления. Рассматривая процесс создания ревкомов, В. Г. Кокоулин пытается одновременно освещать проводившиеся ими мероприятия, причем без их четкого разделения по видовому признаку. Это препятствует формированию ясного представления о той объемной работе, которая выполнялась чрезвычайными властными органами на освобожденных от врага территориях. Более того, автор осуществляет изложение путем обильного цитирования источников без должного их анализа и интерпретации. Некоторые цитаты, приводимые В. Г. Кокоулиным, по своему размеру составляют практически целые абзацы [51, с. 94; 52, с. 81].

Допустил В. Г. Кокоулин и ряд ошибок фактического характера. В частности, нельзя признать правильным его утверждение, что «с первых дней нового, 1920, года Новониколаевск был объявлен центром Томской губернии» [51, с. 93]. В действительности статус губернского центра по постановлению Сибревкома был присвоен

Новониколаевску еще 23 декабря 1919 г.⁷ Неверным является приведенный исследователем первоначальный руководящий состав Омского ревкома, образованного 13 ноября 1919 г. Как утверждает В. Г. Кокоулин, председателем ревкома стал Е. В. Полюдов, заместителем – В. В. Аристов, членом – И. Д. Апасов [52, с. 79]. Однако, как было достоверно установлено В. И. Шишкиным, Омский ревком после его создания возглавил политработник 5-й армии В. П. Файдыш, его заместителем стал сотрудник Сибревкома Е. В. Полюдов, членом – политработник 27-й дивизии А. Г. Лисин [39, с. 112]. В том составе, о котором сообщает В. Г. Кокоулин, революционный комитет начал работать с 24 ноября, после того как по решению Сибревкома был преобразован из городского в губернский⁸.

В постсоветский период в целом сохранился интерес исследователей к истории Сибирского революционного комитета. Различные аспекты создания и деятельности высшего чрезвычайного органа власти Сибири проанализированы в научных публикациях В. И. Шишкина, А. И. Бакшеева, Д. В. Воронина.

В. И. Шишкин [53–55] активно развивает сформулированную им в предыдущих работах мысль относительно причин образования и особенностей работы Сибревкома. Он убежден в том, что создание данного органа обуславливалось не столько потребностями обширного региона, сколько необходимостью решения проблем общероссийского масштаба. С этой точки зрения Сибревком выступал, по мнению исследователя, надежным механизмом для последовательного осуществления политики Москвы, которая в целом ряде случаев противоречила интересам региона.

Именно возможность без каких-либо серьезных затруднений получать нужные центру ресурсы стала, как полагает В. И. Шишкин, ключевым фактором столь длительного существования Сибревкома. Что касается статуса последнего, то у В. И. Шишкина не возникает сомнений в неконституционности этого органа. Автор прямо заявляет, что возникновение Сибревкома «находилось в противоречии с основным законом РСФСР и ни в малейшей степени не было связано с волеизъявлением населения Сибири» [53, с. 55].

Совершенно справедливо В. И. Шишкин обращает внимание на деятельность органов Коммунистической партии в регионе и их определяющую роль по отношению к ревкомам, в первую очередь Сибирского бюро ЦК, являвшегося для Сибревкома контролирующей инстанцией. По мнению исследователя, существование Сиббюро ЦК являлось своеобразной «гарантией» выполнения возложенных на Сибревком задач в полном объеме и в отведенный для этого срок [54, с. 24; 55, с. 89–90].

На общероссийский характер проблем, решаемых Сибревкомом, указывает и А. И. Бакшеев [56; 57]. Предпринятый им анализ социально-экономической деятельности высшего властного органа Сибири позволил показать солидные мобилизационные возможности Сибревкома, которые во многом, как верно замечает автор, были обеспечены использованием принудительных мер [57, с. 215]. Положительная оценка А. И. Бакшеевым результатов работы Сибревкома базируется на приведенных исследователем широких статистических данных.

Д. В. Воронин, рассуждая о создании Сибревкома, так же как и В. И. Шишкин, заявляет о противоречии советской Конституции, в которой отсутствовала норма о данном институте власти. Вместе с тем, не будучи скованным конституционными рамками, Сибревком, по утверждению Д. В. Воронина, сосредоточил в своих руках большие административно-хозяйственные полномочия, давшие ему возможность эффективно руководить социально-экономическим развитием региона. Деятельность Сибревкома, как считает исследователь, во многом заложила предпосылки для осуществления в Сибири в последующий период глубоких административных, экономических и культурных преобразований [58; 59].

К публикациям, в которых рассматриваются отдельные стороны ревкомовской проблематики, следует отнести статьи Е. В. Суверова и Е. Н. Шурановой. Если Е. В. Суверов [60] первостепенное внимание уделил анализу правового обеспечения сибирских ревкомов, то Е. Н. Шуранова [61] сосредоточилась на изучении основных задач, вставших перед чрезвычайными органами власти низового уровня. Довольно ярко ей показана работа уездных и волостных ревкомов по решению самого широкого круга проблем как административно-политического, так и социально-экономического и культурного характера. Представляется корректным вывод автора о том, что необходимость оперативного решения многочисленных вопросов в условиях дефицита подготовленных кадров, невысокого уровня культуры населения и общей хозяйственной разрухи порождала у низовых советских работников хроническое состояние стресса. Это, как отмечает исследователь, обуславливало стремление к административному нажиму и угрозам применения сурового наказания [61, с. 70].

В то же время отдельные утверждения Е. Н. Шурановой следует признать ошибочными. В их числе тезис, согласно которому революционные комитеты после определенного периода своей деятельности преобразовывались в исполкомы, и только после этого проводились выборы в советы [61, с. 63]. Как установлено учеными, заключи-

⁷ Административно-территориальное деление Сибири (август 1920 г. – июль 1930 г.), Западной Сибири (июль 1930 г. – сентябрь 1937 г.), Новосибирской области (с сентября 1937 г.): справочник, ред. А. Н. Козинова. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1966. С. 164.

⁸ Постановление Сибревкома о назначении Омского губревкома от 24 ноября 1919 г. *Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925: сб. док. и мат-лов*, сост. А. Н. Блохина, Н. Д. Вертоградская, Н. Н. Дворядкина, Н. А. Дедюшина, В. Я. Кузьминчук, Е. И. Петрова, Е. Я. Рыжик. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1959. С. 31.

тельным этапом деятельности ревкомов являлась как раз организация выборов в органы власти, закрепленные в конституционном порядке. Решению этой задачи ревкомы придавали особое значение, поскольку от того, насколько крепкими окажутся сформированные путем выборов советы, зависела устойчивость большевистского режима в Сибири. После избрания конституционных органов власти ревкомы как чрезвычайные властные структуры прекращали свое существование. Не можем мы согласиться и с утверждением Е. Н. Шурановой об отсутствии принципиальных различий в содержании, характере и стиле деятельности ревкомов и исполкомов [61, с. 63]. Ставя фактически знак равенства между ревкомом и исполкомом, исследователь упускает из виду наличие у революционных комитетов солидного арсенала принудительных, военно-боевых методов, которые активно использовались ими в ходе осуществления различных мероприятий. Значительный мобилизационный потенциал, присущий ревкомам, позволял в кратчайшие сроки организовать выполнение возложенных на них чрезвычайных заданий.

Общее представление о революционных органах власти Сибири периода Гражданской войны позволяют получить специальные статьи, опубликованные в современной сибирской исторической энциклопедии [62; 63]. В них приводится информация о неконституционном статусе ревкомов, указываются обстоятельства, обусловившие широкомасштабное создание ревкомов на территории края. Главным из них признается существование в Сибири наиболее мощного очага антибольшевистского сопротивления, заставлявшего иметь немногочисленные по составу и оперативные по характеру деятельности властные органы. Обращается внимание на то, что ревкомы областного, губернского и уездного звеньев состояли в основном из членов Коммунистической партии и сочувствующих ей, из участников борьбы за власть советов 1917–1918 гг., подпольщиков и партизан. Это в целом позволяло обеспечить выполнение поставленных перед ревкомом задач, среди которых первоочередными являлись оказание помощи Красной армии в завершении разгрома колчаковщины, организация советского аппарата управления, восстановление разрушенного войной хозяйства, ликвидация тифозной эпидемии, заготовка продовольствия для регионов Центральной России, борьба с антибольшевистским повстанческо-партизанским движением. Освещается также переход от ревкомов к советам, в частности, приводятся сведения о проведении в различных губерниях съездов советов и избрании на них соответствующих исполнительных комитетов.

В последнее время в изучении проблемы сибирских ревкомов наметился подход, в рамках которого создание данных органов власти объясняется не только и даже не столько конкретными обстоятельствами Гражданской войны, сколько менталитетом и политической культурой большевиков. Этим факторам уделяется существенное внимание как сыгравшим немаловажную роль в возникновении и укреплении большевистских чрезвычайных властных

структур. Как утверждает С. В. Макаручук, в поведении большевиков в период Гражданской войны преобладающими являлись экстремальные формы политического действия, которые были неотъемлемой частью их политической культуры, имевшей в своей основе радикальные устремления. Конфронтационность, нежелание идти на компромисс с другими политическими силами, осуществление актов политической мести при отсутствии толерантности сочетались, по мнению исследователя, с непоколебимой уверенностью в правоте своих действий и принципов [64, с. 113]. Образование ревкомов, исходя из логики С. В. Макаручука, вполне соответствовало политическим установкам большевиков, стремившихся к построению «тоталитарной однопартийной политической системы на освобожденных восточных территориях России» [64, с. 116]. В схожем направлении рассуждает и В. И. Шишкин. Он, на наш взгляд, совершенно верно акцентирует внимание на том, что верхнему эшелону большевистской элиты не была свойственна ориентация на нормы права, призванные регулировать функционирование политических институтов и их взаимодействие. Гораздо большее значение имели глубоко укоренившиеся в большевистской среде партийные порядки и традиции. Они серьезным образом влияли на конструирование большевистского властного механизма, неотъемлемым элементом которого были неконституционные недемократические органы – ревкомы [55, с. 94].

Таким образом, вышедшие в постсоветское время научные публикации, безусловно, способствовали углублению созданного в предшествующий период представления о сибирских революционных органах власти. В частности, исследователи смогли уточнить обстоятельства и мотивы создания ревкомов на территории края, выяснить их место и роль в системе большевистской власти, установить особенности взаимоотношений революционных комитетов с вышестоящими советскими и партийными структурами. Больше внимания историки стали уделять анализу персонального состава ревкомов, выявлению уровня образования и квалификации их руководителей и сотрудников.

Заключение

Применительно к общим итогам изучения сибирских ревкомов следует констатировать достаточную степень проработанности данной проблематики в отечественной исторической науке. Усилиями советских исследователей была создана обстоятельная картина образования и функционирования революционных комитетов на территории Сибири, в научный оборот введен солидный массив источников, отражающих особенности большевистского управления в крае в годы Гражданской войны. Однако идеологические ограничения, имевшие место в советский период, обусловили исключительно положительную оценку ревкомов учеными, считавшими их органами диктатуры пролетариата для борьбы с классовыми врагами. Освобождение исторического мышления от партийно-государственного

диктата, привлечение новых методологических подходов и принципов позволили историкам переосмыслить многие вопросы, касающиеся создания и организации работы революционных комитетов, выяснить положение ревкомов в системе большевистской власти, установить образовательный и квалификационный уровень ревкомовских работников. Представляется, что дальнейший научный поиск по теме сибирских ревкомов следует вести в направлении исследования вопросов, связанных с кадровым обеспечением чрезвычайных органов власти. Кроме того, необходимо более детально изучить механизм взаимодействия ревкомов и органов РКП(б), причем как на общесибирском

уровне, так и в масштабах отдельных губерний. Требуется доскональный анализ деятельности революционных комитетов, который позволит определить влияние ревкомов на дальнейшее политическое, социально-экономическое и культурное развитие Сибири.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Шамсутдинов Р. Т. Советская историография о ревкомах в национальных республиках. *Актуальные проблемы истории национально-государственного строительства в СССР*, отв. ред. М. П. Ким. Душанбе: Дониш, 1970. С. 166–179. [Shamsutdinov R. T. Soviet historiography and the revolutionary committees in national republics. *Relevant Issues of the history of national-state construction in the USSR*, ed. Kim M. P. Dushanbe: Donish, 1970, 166–179. (In Russ.)]
2. Бугай Н. Ф. Проблема революционных комитетов периода гражданской войны в советской историографии. *Вопросы истории*. 1973. № 2. С. 138–145. [Bugay N. F. Revolutionary committees of the Civil War in Soviet historiography. *Voprosy Istorii*, 1973, (2): 138–145. (In Russ.)]
3. Бугай Н. Ф. Органы защиты завоеваний Октября: проблемы изучения. М.: Мысль, 1982. 176 с. [Bugay N. F. *Organs for the protection of achievements of October: problems of study*. Moscow: Mysl, 1982, 176. (In Russ.)]
4. Петров В. П., Сергеев В. Н. Ревкомы периода гражданской войны в советской исторической литературе (1918–1975 гг.). *Вопросы историографии культуры и общественных движений*, отв. ред. В. Г. Мирзоев. Ростов н/Д: Рост. н/Д ГПИ, 1979. С. 73–85. [Petrov V. P., Sergeev V. N. Revolutionary committees of the period of the Civil War in Soviet historical literature (1918–1975). *Issues of the historiography of culture and social movements*, ed. Mirzoev V. G. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don SPI, 1979, 73–85. (In Russ.)]
5. Шишкин В. И. Советская историография революционных комитетов Сибири периода гражданской войны. *Вопросы историографии социалистического и коммунистического строительства в Сибири*, отв. ред. Б. М. Шерешевский. Новосибирск: НГУ, 1977. С. 55–93. [Shishkin V. I. Soviet historiography of the revolutionary committees of Siberia during the Civil War. *Issues of the historiography of socialist and communist construction in Siberia*, ed. Shereshevskii B. M. Novosibirsk: NSU, 1977, 55–93. (In Russ.)] EDN: VASYWO
6. Смирнов И. Н. Как восстанавливалась советская власть в Сибири после ликвидации колчаковщины. *Советская Сибирь*. 03.12.1925. № 277. С. 3. [Smirnov I. N. How Soviet power was restored in Siberia after the liquidation of Kolchak. *Sovetskaia Sibir*, 3 Dec 1925, (277): 3. (In Russ.)]
7. Косарев В. М. Путь к Советам. Три года борьбы за диктатуру пролетариата (1917–1920). Омск: Сиб. гос. изд-во, 1920. С. 91–93. [Kosarev V. M. *The path to the Soviets. Three years of struggle for the dictatorship of the proletariat (1917–1920)*. Omsk: Sib. gos. izd-vo, 1920, 91–93. (In Russ.)]
8. Перимов А. В. Советская власть в Сибири. *Жизнь Красной Сибири*. 05.12.1920. № 1. С. 27–29. [Perimov A. V. Soviet power in Siberia. *Zhizn' Krasnoi Sibiri*, 5 Oct 1920, (1): 27–29. (In Russ.)]
9. Шуркин П. А., Юрасова М. К. Из истории советского Омска (ноябрь 1919 – 1920 гг.). Омск: Омское обл. гос. изд-во, 1951. 166 с. [Shurkin P. A., Yurasova M. K. *From the history of Soviet Omsk (November 1919 – 1920)*. Omsk: Omskoe obl. gos. izd-vo, 1951, 166. (In Russ.)]
10. Юрасова М. К. Очерки истории Омска. Омск: Обл. кн. изд-во, 1954. 303 с. [Yurasova M. K. *Essays on the history of Omsk*. Omsk: Obl. kn. izd-vo, 1954, 303. (In Russ.)]
11. *Очерки истории города Томска (1604–1954)*, отв. ред. С. И. Мурашов. Томск, 1954. 324 с. [Essays on the history of the city of Tomsk (1604–1954), ed. Murashov S. I. Tomsk, 1954, 324. (In Russ.)]
12. Лойко В. М. Большевики Западной Сибири в борьбе за ликвидацию последствий колчаковщины: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1956. 289 с. [Loiko V. M. *The Bolsheviks of Western Siberia in the struggle to eliminate the consequences of Kolchak*. Cand. Hist. Sci. Diss. Tomsk, 1956, 289. (In Russ.)]
13. Лойко В. М. После разгрома Колчака (конец 1919–1920 гг.). Новосибирск: Кн. изд-во, 1958. 96 с. [Loiko V. M. *After the defeat of Kolchak (late 1919–1920)*. Novosibirsk: Kn. izd-vo, 1958, 96. (In Russ.)]

14. Агалаков В. Т. Из истории строительства Советской власти в Восточной Сибири 1919–1921 гг. Иркутск: Кн. изд-во, 1958. 183 с. [Agalakov V. T. *From the history of the construction of Soviet power in Eastern Siberia 1919–1921*. Irkutsk: Kn. izd-vo, 1958, 183. (In Russ.)]
15. Агалаков В. Т. Организация ревкомов в Восточной Сибири в 1920 году. *Труды Иркутского государственного университета имени А. А. Жданова*. 1958. Т. XXI. С. 82–111. [Agalakov V. T. Organization of revolutionary committees in Eastern Siberia in 1920. *Trudy Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. A. Zhdanova*, 1958, XXI: 82–111. (In Russ.)]
16. Крамаренко И. И. Восстановление советских и партийных органов. *Борьба за власть Советов на Алтае (исторический очерк)*, ред. Т. А. Кулаков. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1957. С. 348–388. [Kramarenko I. I. Restoration of Soviet and party organs. *The struggle for power of the Soviets in Altai (historical essay)*, ed. Kulakov T. A. Barnaul: Alt. kn. izd-vo, 1957, 348–388. (In Russ.)]
17. Крамаренко И. И. Ревкомы и их роль в восстановлении Советской власти на Алтае. *Алтай*. 1959. № 13. С. 113–122. [Kramarenko I. I. Revolutionary committees and their role in the restoration of Soviet power in Altai. *Altai*, 1959, (13): 113–122. (In Russ.)]
18. Крамаренко И. И. Деятельность партийной организации Алтая по созданию и руководству ревкомками. *Доклады и сообщения научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока*, отв. ред. И. М. Разгон. Томск: Том. ун-т, 1960. С. 194–197. [Kramarenko I. I. Activities of the party organization of Altai on the formation and management of revolutionary committees. *Reports and messages of the Scientific Conference on the history of Siberia and the Far East*, ed. Razgon I. M. Tomsk: TSU, 1960, 194–197. (In Russ.)]
19. Крамаренко И. И. Деятельность партийной организации Алтая по созданию революционных комитетов и руководству ими (ноябрь 1919–1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1961. 19 с. [Kramarenko I. I. *Activities of the party organization of Altai on the formation of revolutionary committees and their leadership (November 1919–1920)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1961, 19. (In Russ.)]
20. Литвинова Г. И. Революционные комитеты в годы гражданской войны. М.: Юрид. лит-ра, 1974. 151 с. [Litvinova G. I. *Revolutionary committees during the Civil War*. Moscow: Iurid. lit-ra, 1974, 151. (In Russ.)]
21. Медведев В. Т. Создание и деятельность революционных комитетов Западной Сибири (ноябрь 1919–1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1964. 342 с. [Medvedev V. T. *Formation and activities of the revolutionary committees of Western Siberia (November 1919–1920)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Tomsk, 1964, 342. (In Russ.)]
22. Медведев В. Т. Создание ревкомов в Западной Сибири (ноябрь 1919 – апрель 1920). *Вопросы истории Сибири*, ред. А. П. Бородавкин. Томск: Том. ун-т, 1964. Вып. 1. С. 80–94. [Medvedev V. T. Formation of revolutionary committees in Western Siberia (November 1919 – April 1920). *Issues of Siberia history*, ed. Borodavkin A. P. Tomsk: TSU, 1964, iss. 1, 80–94. (In Russ.)] EDN: UCNQHM
23. Медведев В. Т. Роль политотделов частей Красной Армии в создании ревкомов в Западной Сибири в 1919–1920 гг. *Вопросы истории Сибири*, ред. А. И. Боженко, А. П. Бородавкин. Томск: Том. ун-т, 1965. Вып. 2. С. 154–164. [Medvedev V. T. The role of the political departments of the Red Army units in the formation of revolutionary committees in Western Siberia in 1919–1920. *Issues of Siberia history*, eds. Bozhenko L. I., Borodavkin A. P. Tomsk: TSU, 1965, iss. 2, 154–164. (In Russ.)] EDN: ZBYIKT
24. Медведев В. Т. О некоторых вопросах создания ревкомов в Западной Сибири в 1919–1920 гг. *Вопросы истории Сибири*, ред. И. М. Разгон, А. И. Боженко. Томск: Том. ун-т, 1972. Вып. 6. С. 66–71. [Medvedev V. T. Formation revolutionary committees in Western Siberia in 1919–1920. *Issues of Siberia history*, eds. Razgon I. M., Bozhenko L. I. Tomsk: TSU, 1972, iss. 6, 66–71. (In Russ.)] EDN: XGVZLD
25. Медведев В. Т. Деятельность ревкомов Западной Сибири по ликвидации последствий колчаковщины (ноябрь 1919–1920 гг.). *Вопросы истории Сибири*, ред. И. М. Разгон, А. И. Боженко. Томск: Том. ун-т, 1972. Вып. 7. С. 66–80. [Medvedev V. T. Activities of the revolutionary committees of Western Siberia to eliminate the consequences of Kolchak (November 1919–1920). *Issues of Siberia history*, eds. Razgon I. M., Bozhenko L. I. Tomsk: TSU, 1972, iss. 7, 66–80. (In Russ.)]
26. Чаплик В. Е. Сибревком – орган диктатуры пролетариата. *Деятельность Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома в 1919–1925 гг.*, гл. ред. Г. Д. Залесский. Новосибирск, 1960. Т. XXXIV. Кн. 1. С. 3–43. [Chaplik V. E. Sibrevkom as the organ of proletariat dictatorship. *Activities of the Siberian Bureau of the Central Committee of the RCP(b) and Sibrevkom in 1919–1925*, ed. Zaleskii G. D. Novosibirsk, 1960, vol. XXXIV, book 1, 3–43. (In Russ.)]
27. Чаплик В. Е. Сибирский революционный комитет. *Доклады и сообщения научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока*, отв. ред. И. М. Разгон. Томск: Том. ун-т, 1960. С. 57–60. [Chaplik V. E. Siberian Revolutionary Committee. *Reports and messages of the Scientific Conference on the history of Siberia and the Far East*, ed. Razgon I. M. Tomsk: TSU, 1960, 57–60. (In Russ.)]

28. Штейнман Р. С. Правовое положение и структура Сибирского революционного комитета (Сибревкома). *Материалы научной конференции правоведов*, ред. М. К. Воробьев, Л. Б. Гальперин, Я. М. Козицин. Новосибирск: Советская Сибирь, 1969. С. 83–90. [Shteinman R. S. Legal status and structure of the Siberian Revolutionary Committee (Sibrevkom). *Proceedings of the Scientific Conference of Lawyers*, eds. Vorobiov M. K., Galperin L. B., Kozitsin Ia. M. Novosibirsk: Sovetskaia Sibir, 1969, 83–90. (In Russ.)]
29. Штейнман Р. С. Сибревком и местные органы власти Сибири. *Вопросы правопедения: мат-лы юбилейной науч. конф. Новосиб. фак-та Свердл. юрид. ин-та по итогам науч.-исслед. работы*, ред. М. К. Воробьев и др. Новосибирск: Советская Сибирь, 1970. Вып. 5. С. 56–67. [Shteinman R. S. Sibrevkom and local organs of power of Siberia. *Issues of jurisprudence: Proc. of the Anniversary Sci. Conf. of Novosibirsk Department of Sverdlovsk Law Institute*, eds. Vorobiov M. K. et al. Novosibirsk: Sovetskaia Sibir, 1970, iss. 5, 56–67. (In Russ.)]
30. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 4. Сибирь в период строительства социализма, отв. ред. И. М. Разгон. Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1968. 502 с. [History of Siberia from ancient times to the present day. Vol. 4. *Siberia during the construction of socialism*, ed. Razgon I. M. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-e, 1968, 502. (In Russ.)]
31. Шишкин В. И. Переход от революционных комитетов к Советам в Сибири (март 1920 – январь 1921 г.). *Бахрушинские чтения*, отв. ред. Н. Я. Гущин. Новосибирск, 1971. Вып. 1. Проблемы истории советской Сибири. С. 9–18. [Shishkin V. I. Transition from revolutionary committees to Soviets in Siberia (March 1920 – January 1921). *Bakhrushin Readings*, ed. Gushchin N. Ya. Novosibirsk, 1971, iss. 1. Issues of the history of Soviet Siberia, 9–18. (In Russ.)]
32. Шишкин В. И. Из истории Сибирского революционного комитета (август 1919 – октябрь 1920 г.). *Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР*, под ред. И. М. Разгона, В. С. Флерова, Л. И. Боженко. Томск: Том. ун-т, 1972. Вып. 3. С. 253–254. [Shishkin V. I. History of the Siberian Revolutionary Committee (August 1919 – October 1920). *Proceedings of the Scientific Conference, dedicated to the 50th anniversary of the formation of the USSR*, eds. Razgon I. M., Flerov V. S., Bozhenko L. I. Tomsk: TSU, 1972, iss. 3, 253–254. (In Russ.)]
33. Шишкин В. И. Сибирский революционный комитет (август 1919 – март 1921 г.). *Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук*. 1973. № 3. С. 85–91. [Shishkin V. I. Siberian Revolutionary Committee (August 1919 – March 1921). *Izvestiia Sibirskogo otdeleniia Akademii nauk SSSR. Serii obshchestvennykh nauk*, 1973, (3): 85–91. (In Russ.)] EDN: XEPWPP
34. Шишкин В. И. Советское государственное строительство в Сибири в августе 1919 – марте 1921 гг. (период революционных комитетов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1974. 28 с. [Shishkin V. I. *Soviet state construction in Siberia in August 1919 – March 1921 (period of revolutionary committees)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 1974, 28. (In Russ.)] EDN: TKQZKJ
35. Шишкин В. И. Деятельность сельских и волостных революционных комитетов Сибири (конец 1919 – начало 1920 гг.). *Общественно-политическая жизнь советской сибирской деревни: мат-лы конф.* Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1974. С. 28–38. [Shishkin V. I. Activities of the rural and volost revolutionary committees of Siberia (late 1919 – beginning of 1920). *Socio-political life of the Soviet Siberian village: Proc. Conf.* Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-e, 1974, 28–38. (In Russ.)] EDN: YAPSTB
36. Шишкин В. И. Правовое положение, компетенция и структура Сибирского революционного комитета (август 1919 – октябрь 1920 г.). *Некоторые вопросы истории древней и современной Сибири*, отв. ред. А. П. Деревянко. Новосибирск, 1976. С. 80–97. [Shishkin V. I. Legal status, competence, and structure of the Siberian Revolutionary Committee (August 1919 – October 1920). *Some issues of the history of ancient and modern Siberia*, ed. Derevyanko A. P. Novosibirsk, 1976, 80–97. (In Russ.)] EDN: TMJKSB
37. Шишкин В. И. Некоторые вопросы истории ревкомов Сибири периода гражданской войны. *Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук*. 1977. № 11-3. С. 46–53. [Shishkin V. I. Some questions of the history of the revolutionary committees of Siberia during the Civil War. *Izvestiia Sibirskogo otdeleniia Akademii nauk SSSR. Serii obshchestvennykh nauk*, 1977, (11-3): 46–53. (In Russ.)] EDN: XDIXVL
38. Шишкин В. И. Образование губернских и уездных революционных комитетов в Сибири (конец 1919–1920 г.). *Исторические аспекты экономического, культурного и социального развития Сибири*, ред. Ф. А. Лукинский. Новосибирск, 1978. Ч. 1. С. 65–92. [Shishkin V. I. Formation of provincial and county revolutionary committees in Siberia (late 1919–1920). *Historical aspects of the economic, cultural and social development of Siberia*, ed. Lukinskii F. A. Novosibirsk, 1978, pt. 1, 65–92. (In Russ.)] EDN: VBBZXA
39. Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири в годы гражданской войны (август 1919 – март 1921 г.). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1978. 333 с. [Shishkin V. I. *Revolutionary committees in Siberia during the Civil War (August, 1919 – March, 1921)*. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-e, 1978, 333. (In Russ.)] EDN: TGHTDZ

40. Шишкин В. И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1985. 319 с. [Shishkin V. I. *Building of socialist in the Siberian village (November, 1919 – March, 1921)*. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-e, 1985, 319. (In Russ.)] EDN: TGHSLX
41. Бугай Н. Ф. Революционные комитеты – чрезвычайные органы Советской власти (1918–1921 гг.). *Исторические записки*, гл. ред. А. М. Самсонов. М.: Наука, 1978. Т. 102. С. 7–58. [Bugay N. F. *Revolutionary committees as extraordinary organs of Soviet power (1918–1921)*. *Historical Notes*, ed. Samsonov A. M. Moscow: Nauka, 1978, vol. 102, 7–58. (In Russ.)]
42. Бугай Н. Ф. Ревкомы. М.: Политиздат, 1981. 175 с. [Bugay N. F. *Revolutionary committees*. Moscow: Politizdat, 1981, 175. (In Russ.)]
43. Бугай Н. Ф. Революционные комитеты – чрезвычайные органы Советской власти (1918–1921 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1985. 48 с. [Bugay N. F. *Revolutionary committees as extraordinary organs of Soviet power (1918–1921)*. Dr. Hist. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1985, 48. (In Russ.)]
44. Бугай Н. Ф. Чрезвычайные органы Советской власти: ревкомы. 1918–1921 гг. М.: Наука, 1990. 320 с. [Bugay N. F. *Extraordinary organs of Soviet power: revolutionary committees. 1918–1921*. Moscow: Nauka, 1990, 320. (In Russ.)] EDN: RCGLCV
45. Грязнухин А. Г. Енисейский губревком (1920 г.): чрезвычайные меры и демократия. *Дуловские чтения 1992 года: сб. тез. конф.* (Иркутск, 16–17 октября 1992 г.) Иркутск: ИГПИ, 1992. Ч. 1. С. 108–111. [Gryaznukhin A. G. *Revolutionary committee of Yenisei province (1920): extraordinary measures and democracy. Dulovaly Readings of 1992: Proc. Conf.*, Irkutsk, 16–17 Oct 1992. Irkutsk: ISPI, 1992, pt. 1, 108–111. (In Russ.)] EDN: YTLQBA
46. Грязнухин А. Г. Переход от ревкомов к Советам в Восточной Сибири (1920–1921 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1994. 28 с. [Gryaznukhin A. G. *Transition from revolutionary committees to Soviets in Eastern Siberia (1920–1921)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Irkutsk, 1994, 28. (In Russ.)] EDN: ZKPXDX
47. Куренков А. В. Органы власти и управления в Томской губернии (конец 1919–1925 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 268 с. [Kurenkov A. V. *Organs of power and administration in the Tomsk province (late 1919–1925)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Tomsk, 2013, 268. (In Russ.)] EDN: TPMHQZ
48. Куренков А. В. Томский губревком – чрезвычайный орган государственной власти (декабрь 1919 г. – октябрь 1920 г.). *Вестник Томского государственного университета*. 2013. № 366. С. 61–64. [Kurenkov A. V. *Tomsk provincial revolutionary committee – extraordinary organ of state power (December 1919 – October 1920)*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (366): 61–64. (In Russ.)] EDN: OGMPGT
49. Куренков А. В. Образование уездных, волостных и сельских ревкомов на территории Томской губернии (конец 1919 – начало 1920 г.). *Вестник Томского государственного университета. История*. 2019. № 62. С. 54–60. [Kurenkov A. V. *Formation of county, volost and rural revolutionary committees on the territory of Tomsk province (late 1919 – early 1920)*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2019, (62): 54–60. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19988613/62/7>
50. Кокоулин В. Г. Новониколаевский ревком. *Материалы научно-практической конференции, посвященной 90-летию Сибархива*. (Новосибирск, 8–9 июля 2010 г.) Новосибирск: НГАВТ, 2010. С. 162–170. [Kokoulin V. G. *Novonikolaevsk revolutionary committee. Proceedings of the Scientific-Practical Conference, dedicated to the 90th anniversary of the Siberian Archive*, Novosibirsk, 8–9 July 2010. Novosibirsk: NSAWT, 2010, 162–170. (In Russ.)] EDN: QYFUSV
51. Кокоулин В. Г. Создание революционных комитетов в Томской губернии (декабрь 1919 – январь 1920 г.). *Гуманитарные проблемы военного дела*. 2016. № 3. С. 89–98. [Kokoulin V. G. *Creating of revolutionary committees in Tomsk region (December 1919 – January 1920)*. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*, 2016, 3 (8): 89–98. (In Russ.)] EDN: XBFHDP
52. Кокоулин В. Г. Создание революционных комитетов в Омской губернии (ноябрь–декабрь 1919 г.). *Гуманитарные проблемы военного дела*. 2016. № 2. С. 77–86. [Kokoulin V. G. *Creating of revolutionary committees in Omsk province (November – December 1919)*. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*, 2016, (2): 77–86. (In Russ.)] EDN: WFQICB
53. Шишкин В. И. Москва – Сибирь: история взаимоотношений (1917–1930 гг.). *История Сибири: человек, общество, государство*, отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: НГУ, 1995. С. 41–75. [Shishkin V. I. *Moscow – Siberia: the history of relations (1917–1930)*. *History of Siberia: man, society, and state*, ed. Shishkin V. I. Novosibirsk: NSU, 1995, 41–75. (In Russ.)] EDN: VUGLLZ
54. Шишкин В. И. Государственное управление Сибирью в конце XIX – первой трети XX в. *Власть и общество в Сибири в XX веке*, науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: НГУ, 2010. С. 3–36. [Shishkin V. I. *State administration of Siberia in the late XIX – first third of the XX century. Power and society in Siberia in the XX century*, ed. Shishkin V. I. Novosibirsk: NSU, 2010, 3–36. (In Russ.)] EDN: TMDCZX
55. Шишкин В. И. Сибирский революционный комитет в советской политической системе периода Гражданской войны. *Уральский исторический вестник*. 2019. № 2. С. 87–95. [Shishkin V. I. *Siberian revolutionary committee*

- in the Soviet political system of the Civil War period. *Ural'skij Istoriceskij Vestnik*, 2019, (2): 87–95. (In Russ.)] [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-2\(63\)-87-95](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-2(63)-87-95)
56. Бакшеев А. И. Проблемы советской государственности в Сибири периода НЭПа. Красноярск: СФУ, 2013. 346 с. [Baksheev A. I. *Problems of the Soviet statehood in Siberia during the NEP period*. Krasnoyarsk: SFU, 2013, 346. (In Russ.)] EDN: RWKGWR
57. Бакшеев А. И. Деятельность Сибирского революционного комитета как высшего органа власти в Сибири. *Вестник КрасГАУ*. 2015. № 3. С. 211–215. [Baksheev A. I. The activity of the Siberian Revolutionary Committee as the supreme body of the authority in Siberia. *Bulliten KrasSAU*, 2015, (3): 211–215. (In Russ.)] EDN: TMVDHR
58. Воронин Д. В. К истории создания и деятельности Сибирского революционного комитета. *Гуманитарные проблемы военного дела*. 2019. № 3. С. 187–193. [Voronin D. V. On the history of the creation and activities of the Siberian Revolutionary Committee. *Gumanitarnye problemy voennogo del*, 2019, (3): 187–193. (In Russ.)] EDN: OXPVCA
59. Воронин Д. В. О работе Сибревкома по социально-экономическому развитию Западной Сибири в 1920-е гг. *Сибирский архив*. 2019. Т. 2. № 2. С. 1–9. [Voronin D. V. On the activity of Sibrevkom for socio-economic development of Western Siberia in the 1920s. *Sibirskii arhhiv*, 2019, 2(2): 1–9. (In Russ.)] EDN: ZIMTGW
60. Суверов Е. В. Ревкомы в Сибири (1919–1920 гг.). *Неверовские чтения: мат-лы Первой регион. конф., посвящ. памяти проф. В. И. Неверова*. (Барнаул, 29 марта 2005 г.) Барнаул: Алт. ун-т, 2005. С. 34–36. [Suverov E. V. Revolutionary committees in Siberia (1919–1920). *Neverov Readings: Proc. first Regional Conf., dedicated to memory of Professor V. I. Neverov*, Barnaul, 29 Mar 2005. Barnaul: ASU, 2005, 34–36. (In Russ.)] EDN: LTGJWQ
61. Шуранова Е. Н. От хаоса к порядку: низовая администрация Сибири в 1920–1921 годах. *Сибирь. XX век*, ред. С. В. Макаrchук. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. Вып. 3. С. 63–72. [Shuranova E. N. From chaos to order: lower administration of Siberia in 1920–1921. *Siberia. XX century*, ed. Makarchuk S. V. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2001, iss. 3, 63–72. (In Russ.)]
62. Шишкин В. И. Революционные комитеты. *Историческая энциклопедия Сибири*. Т. 2. К–Р, гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. С. 756–757. [Shishkin V. I. Revolutionary committees. *Historical Encyclopedia of Siberia*. Vol. 2. K–R, ed. Lamin V. A. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri, 2009, 756–757. (In Russ.)] EDN: ZBUCUB
63. Шишкин В. И. Сибревком. *Историческая энциклопедия Сибири*. Т. 3. С–Я, гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. С. 105–107. [Shishkin V. I. Sibrevkom. *Historical Encyclopedia of Siberia*. Vol. 3. S–Ya, ed. Lamin V. A. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri, 2009, 105–107. (In Russ.)] EDN: ZBUDDR
64. Макаrchук С. В. Экстремизм в политической культуре большевизма: установление советской власти на Востоке России (1919–1922 годы). *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2015. № 31. С. 112–118. [Makarchuk S. V. Extremism in political culture of Bolshevism: the establishment of Soviet power in Eastern Russia (1919–1922). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2015, (31): 112–118. (In Russ.)] EDN: UJKFJV

оригинальная статья

Восстановление и деятельность земельных комитетов Пермской губернии в условиях режима А. В. Колчака (ноябрь 1918 – июль 1919 г.)

Тетерин Вадим Игоревич

Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д. Н. Прянишникова, Россия, Пермь

<https://orcid.org/0000-0001-6873-3946>

teterinvi@gmail.com

Поступила в редакцию 20.02.2022. Принята после рецензирования 06.05.2022. Принята в печать 30.05.2022.

Аннотация: В существующем сегодня обширном комплексе исследований как по Гражданской войне, так и по развитию земельных отношений практически не уделено внимание короткому, но очень яркому периоду реализации аграрной политики А. В. Колчаком на территории Пермской губернии в первой половине 1919 г. Существующая источниковая база выявляет большие перспективы в изучении земельных органов в переломный для России период. Цель – изучить деятельность земельных органов Пермской губернии в условиях установления режима А. В. Колчака. Научная новизна заключается в комплексном системном изучении восстановления деятельности земельных комитетов на территории Пермской губернии и их дальнейшей трансформации. На основе архивных данных сделаны выводы о месте земельных органов в системе государственных и общественных структур в условиях правления А. В. Колчака. Одним из ключевых вопросов для населения территорий, оказавшихся под властью А. В. Колчака, был земельный, но в официальной риторике правительства ответа на него не звучало. В первую очередь новая власть восстанавливала земельные комитеты по законодательству Временного правительства. При этом была сделана попытка распространить здесь сибирский опыт. В результате комитеты были переведены полностью в систему местного самоуправления в качестве отделов при губернском и уездных земствах. Однако быстро выяснилось, что земство, не обладая необходимыми полномочиями, не могло решить земельную проблему в сжатые сроки. Этот опыт совпал с волной неудач на фронте в мае 1919 г., и правительство А. В. Колчака приняло решение создать отдельный орган – земельный Совет. Однако и он решить поставленные задачи не смог – уже в июне-июле 1919 г. Пермская губерния вновь была занята большевиками, а все органы были ликвидированы и заменены советскими.

Ключевые слова: Земельные комитеты, Земельный Совет, Пермская губерния, Гражданская война, А. В. Колчак, Правительство А. В. Колчака, местное самоуправление

Цитирование: Тетерин В. И. Восстановление и деятельность земельных комитетов Пермской губернии в условиях режима А. В. Колчака (ноябрь 1918 – июль 1919 г.). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 5. С. 617–625. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-617-625>

full article

Restoration and Activity of the Land Committees in the Perm Province under the Government of A. V. Kolchak: November 1918 – July 1919

Vadim I. Teterin

Perm State Agro-Technological University, Russia, Perm

<https://orcid.org/0000-0001-6873-3946>

teterinvi@gmail.com

Received 20 Feb 2022. Accepted after peer review 6 May 2022. Accepted for publication 30 May 2022.

Abstract: During the Civil war, A. V. Kolchak's government had no time to resolve numerous practical issues. That is why his government restored the former public authority and self-government institutions. The local population was concerned about the land issue, but the government provided no answer. Instead, they restored land committees as per the legislation of the Provisional government. Their main task was to elaborate on the land reform. However, the status of the institutions was uncertain, and they were not easily restored in the region after the Soviet rule. Following the necessity to regulate land relations on the spot, the authorities had to reform the restored committees. The Decree of the Provisional government dated April 21, 1917, attributed these structures with both elements of public authority and local self-government. Kolchak's government

tried to apply the experience of the Perm province in Siberia, so the local committees were transferred completely to the local self-government system as departments of the regional "zemstvos", or municipalities. Lacking respective powers, the local self-government failed to solve the land issue within the short period of Kolchak's rule. In the wake of military losses, Kolchak's government set up the Land Council in May 1919. However, the Perm region was re-occupied by the bolsheviks in June-July 1919, and all the institutions were replaced by the Soviet ones. Unfortunately, A. V. Kolchak's agrarian policy received almost no scientific attention. This article features the activities of the land authorities in the Perm province during the regime of Kolchak's government. Its scientific novelty lies in a comprehensive systematic study of the restoration of land committees in the Perm province and their further transformation. Archival data made it possible to define the place of land authorities in the system of state and public structures under the brief rule of A. V. Kolchak.

Keywords: Land committees, Land Council, Perm province, Civil war, A. V. Kolchak, Government of A. V. Kolchak, local self-government

Citation: Teterin V. I. Restoration and Activity of the Land Committees in the Perm Province under the Government of A. V. Kolchak: November 1918 – July 1919. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(5): 617–625. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-617-625>

Введение

Аграрный вопрос всегда был одним из самых важных для любого государства и общества, поскольку земля является одной из основ благосостояния страны и ее населения. Именно поэтому реформаторы прошлого и настоящего так много уделяли, уделяют и, наверняка, будут еще долго уделять внимание этой проблеме, обращаясь к историческому опыту в поисках оптимальной модели выстраивания земельных отношений.

Малоземелье крестьян, ставшее проблемой уже на стадии отмены крепостного права, было в центре внимания всего общества с конца XIX в., а в начале XX в. достигло своего апогея. В условиях Великой российской революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны земельный вопрос был выдвинут народными массами на первый план. Именно перемены на переходных этапах, когда трансформации подвергалась вся власть и общество в целом, имеют важнейшее значение для понимания путей развития земельных отношений и земельного права. Таким переломным моментом и была Гражданская война в России, а один из вариантов развития был предложен правительством А. В. Колчака. Восстановление земельных комитетов в новых условиях и их последующее реформирование стало отражением противоречий в аграрном секторе на всех уровнях отношений. Большую роль в попытке решения этого вопроса сыграли органы местного самоуправления. Пермская губерния как европейская территория оказалась уникальным опытом в политике антибольшевистских правительств. Всё это в совокупности делает исследование земельных комитетов в условиях восстановления деятельности при А. В. Колчаке актуальным в настоящее время. Кроме того, дополнительно необходимо отметить, что столетний юбилей этих событий повысил интерес к анализируемым событиям не только со стороны ученых, но и со стороны общества.

Безусловно, большое внимание к аграрной проблеме привело к появлению обширного комплекса исследований, посвященных этой теме. Однако и в советских исследованиях, и в современной историографии основное внимание

было уделено развитию земельных отношений прежде всего в дореволюционный период и непосредственно в 1917 г.

На современном этапе появилось большое количество исследований, которые предложили новый взгляд на деятельность земельных комитетов. Был привлечен широкий круг источников. Большое внимание этим проблемам было уделено в работах об органах местного самоуправления. Среди наиболее крупных работ стоит отметить монографии В. Ф. Абрамова [1], Г. А. Герасименко [2], А. Е. Лаптевой [3]. Несколько работ по истории местного самоуправления как в России, так и непосредственно в Прикамье было написано местными авторами. Среди них стоит отметить монографию Е. Г. Анимиды и А. Т. Тertyшного [4]. Интересно исследование О. Н. Богатыревой, посвященное системе местного самоуправления в Вятской и Пермской губерниях [5]. В этих исследованиях земельный вопрос рассматривался лишь косвенно через призму исследования земства, городских дум и их взаимодействия с земельными комитетами и органами государственной власти.

Авторы, пишущие непосредственно о земельных комитетах, сосредоточили свое внимание на проблеме разгона комитетов и транзите полномочий новым советским органам. Так, С. Н. Артемов указывает об этом как об одном из важных направлений своего исследования, он рассмотрел разные аспекты формирования и функционирования земельных комитетов, их социальный состав, роль в разработке земельной реформы [6–8]. Однако в сферу научных интересов С. Н. Артемова входит только южный регион, обладавший спецификой, не позволяющей распространить результаты исследования на все губернии России. Особенности правового статуса земельных комитетов в этом же регионе отражены в работе Д. В. Трофимова [9]. Кроме этих трудов отдельно стоит отметить работы о земельных комитетах непосредственно в 1917–1918 гг., но преимущественно на территории Поволжья [10–16]. Земельные комитеты на Алтае рассматривал А. А. Калашников [17]. Большое внимание аграрной политике Временного Сибирского

правительства в целом уделено в работах М. Т. Когут [18; 19] и В. М. Рыноква [20, с. 35, 37; 21; 22; 23, с. 92–131]. Оба автора указывают на необходимость выбора Временным Сибирским правительством между интересами крупных землевладельцев и мелкими собственниками. Однако, если В. М. Рынков считает, что окончательный выбор так и не был сделан, то М. Т. Когут указывает, что Временное Сибирское правительство встало на сторону именно крупных землевладельцев [19, с. 21]. Эти работы могут служить в качестве материала для выявления общих тенденций работы комитетов, но не могут отразить специфику, связанную с восстановлением работы комитетов Пермской губернии в условиях прихода к власти А. В. Колчака.

Исследование земельных отношений непосредственно в Пермской губернии нашло отражение в работах Г. П. Волгириевой [24, с. 118] и Ю. А. Кашаевой [25, с. 214]. В их статьях затрагивается и деятельность земельных комитетов в регионе, однако сфера их научных интересов ограничена 1917 г. Короткий, но очень яркий период реализации аграрной политики А. В. Колчаком на территории Пермской губернии в первой половине 1919 г. до сих пор не попадал в фокус внимания историков.

Источниковая база исследования включает в себя большое количество разнообразных материалов документального и нарративного характера. Нормативные акты и материалы Временного Сибирского правительства и Правительства А. В. Колчака позволяют проявить официальный подход к решению земельного вопроса, определить место земельных органов в новой властной структуре. Особый интерес представляют собой документы, раскрывающие противоречия, неизбежно возникавшие при попытке механического переноса на Урал практик, утвержденных в Сибири. Интересная информация о сложностях работы земельных органов в прифронтовой зоне содержится в фондах Государственного архива Пермского края. Среди прочих по содержательности выделяется фонд р-469 «Пермский губернский земельный комитет Главного земельного комитета Министерства земледелия /г. Пермь/». Существующая источниковая база выявляет большие перспективы в изучении земельных органов в переломный для России период.

Цель данной статьи – изучить деятельность земельных органов Пермской губернии в условиях установления режима А. В. Колчака. Задачи: 1) рассмотреть процесс восстановления земельных органов при установлении власти А. В. Колчака в Пермской губернии в первой половине 1919 г.; 2) выявить ключевые проблемы деятельности земельных комитетов в Пермской губернии в 1919 г.; 3) проанализировать влияние военной администрации А. В. Колчака на решение земельного вопроса в Пермской губернии.

Методологической основой исследования стала теория модернизации, т.к. именно она наиболее полно позволяет раскрыть проблемы развития земельных отношений,

влияние на них трансформации общества в переломный момент (точка бифуркации) в рамках Гражданской войны. Земельные комитеты рассматриваются при этом как важный элемент общей системы, ставший связующим звеном между государственной властью, местным самоуправлением и жителями губернии.

Научная новизна исследования заключается в комплексном системном изучении восстановления деятельности земельных комитетов на территории Пермской губернии и их дальнейшей трансформации. При проведении исследования был использован значительный массив архивных источников. На основе этих данных делаются выводы о месте земельных органов в системе государственных и общественных структур в условиях правления А. В. Колчака.

Восстановление работы земельных комитетов Пермской губернии (июль 1918 – февраль 1919 г.)

В декабре 1917 г. большевики провозгласили установление советской власти в Перми. Уже в начале 1918 г. началась кампания по ликвидации органов самоуправления либо по их слиянию с Советами [2]. Однако власть Советов на этом этапе оказалась недолгой. Уже в июле 1918 г. зауральская часть Пермской губернии с центром в Екатеринбурге попала под управление антибольшевистского правительства. После переворота в Омске и прихода к власти А. В. Колчака в ноябре 1918 г. Белая армия начала готовить Пермскую операцию, результатом которой должны были стать полный захват Пермской губернии и развитие наступления на Запад. 24 декабря 1918 г. частями генерал-лейтенанта А. Н. Пепеляева была взята Пермь. С этого момента большая часть обширной территории Пермской губернии попала под контроль новой власти в лице правительства А. В. Колчака. В первую очередь военная администрация на местах восстанавливала деятельность старых органов самоуправления. Уже в январе 1919 г. в органы городского самоуправления начали принимать служащих, работавших как до прихода к власти большевиков, так и при них.

На вновь сформированные земство и городские думы были возложены традиционные хозяйственные функции. Однако быстро наладить работу не удавалось. Материальная база была вывезена или уничтожена Красной армией при отступлении, не хватало кадров и т.д. Одной из самых существенных проблем стало налаживание деятельности земельных комитетов. Согласно постановлению Временного правительства от 21 апреля 1917 г., подтвержденного правительством А. В. Колчака, земельные комитеты учреждались как органы общественного самоуправления, совмещающие задачи государственной власти в области земельных и сельскохозяйственных отношений¹. Выборы членов комитета соответствовали земской и городской

¹ Государственный архив Пермского края (ГАПК) Ф. р-469. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.

избирательной системе. Оперативное решение текущих проблем осуществляла земельная управа, формируемая из членов комитета. Эти органы работали в тесном сотрудничестве с земством и городскими думами. Большевики ликвидировали эту систему, т.к. комитеты не стремились воплощать в жизнь Декрет о земле. Советская власть вынуждена была заменить их своими органами, но с приходом к власти их противников старая система снова восстанавливалась. Большим подспорьем стали сохранившиеся картографические и архивные документы, которые не стали уничтожать большевики. Две трети от дореволюционного архива было сохранено².

В Пермской губернии воссоздание работы началось в июле 1918 г., когда были снова открыты в прежнем составе земельные управы Шадринского, Камышловского и Ирбитского уездов. Управы в этих уездах через некоторое время были реорганизованы в земельные отделы при земствах по закону Временного Сибирского правительства от 25 июля 1918 г. как сибирские уезды³. Ирбитский уезд отнесли к Тобольской губернии, Камышловский – к Тюменской, Шадринский – к Челябинской (при этом отмечалось, что двух последних губерний не образовалось). Пермская губернская управа начала восстанавливаться с Екатеринбургской уездной земельной управы, которая была вновь сформирована 2 августа 1918 г. приказом начальника гарнизона г. Екатеринбург⁴. К тому времени часть уезда еще оставалась под властью большевиков. Сначала в состав управы входил лишь один председатель Н. Ф. Кудрявцев, позже к нему добавились товарищ председателя Н. В. Бетковский (бывший до октября 1917 г. секретарем управы) и член-секретарь А. Ц. Войткевич (до октября 1917 г. – председатель Пермской уездной земельной управы). Именно они первыми среди уездов Пермской губернии столкнулись с ключевой проблемой в этой сфере. В одном из докладов уездной управы отмечалось, что вся деятельность советских руководителей была направлена на отрицание понятия частной собственности. За короткий промежуток времени, когда губерния находилась под властью большевиков, на этой почве «было создано слишком много всевозможных недоразумений и самого наглого произвола»⁵. Такая ситуация подталкивала самих жителей Пермской губернии к установлению четких правил, регулирующих пользование землей.

Однако эта тенденция не была поддержана новой властью: во второй половине 1918 г. происходит несколько внутренних переворотов. Сначала в августе формируется

Временное Уральское правительство с отделом Главного управления земледелия и государственных имуществ, затем появляется отдельное Министерство земледелия Урала, наконец, при Временном Сибирском правительстве было создано Министерство земледелия и колонизации. Все это время вновь созданная Екатеринбургская уездная управа была вынуждена самостоятельно решать на местах вопросы аренды, возмещения тех или иных затрат и т. д. В результате управа самостоятельно разработала разъяснения к министерским циркулярам, не противоречащие им и «вполне в соответствии с общим пониманием и стремлением масс на местах»⁶. Такие разъяснения были благожелательно приняты на местах, но встретили сопротивление в Министерстве земледелия Урала. Этот орган дополнительно выпустил циркуляр о выплате фактическими владельцами земских повинностей, что внесло еще большую сумятицу. Таким образом, Екатеринбургская уездная управа, а вслед за ней и последующие восстанавливаемые управы сводили свою деятельность к разрешению конкретных земельных вопросов в тесном сотрудничестве с органами местного самоуправления.

Новое правительство А. В. Колчака очень ясно осознавало проблему такой неразберихи на освобождаемых территориях. Поэтому уже в конце ноября в Пермский губернский земельный комитет был направлен срочный запрос о текущей организации, деятельности комитета как административно-хозяйственной, так и по подготовке земельной реформы⁷. Пермь в тот момент еще находилась под властью большевиков, поэтому запрос ушел только в Екатеринбургскую управу, и сведения не были собраны.

На следующий день после взятия Перми, 25 декабря 1918 г., приказом командира 1-го Среднесибирского корпуса в должности были восстановлены все начальники и служащие правительственных учреждений и местного самоуправления. Но уже 28 декабря 1918 г. вышло дополнительное постановление, связанное с отсутствием в Перми бывших членов земельного комитета и управы⁸. Пришлось собирать тех, кто остался в Перми или эвакуировался в другие города губернии. В результате Пермский губернский комитет смог начать свою работу только 12 января 1919 г.⁹ Первой задачей было наладить работу уездных комитетов, собрать необходимую информацию и отправить ее по запросу в министерство в Омск. По всем уездам, кроме Оханского и Осинского, которые еще находились в руках Красной армии, 6 февраля была разослана телеграмма с запросом предоставить всю информацию

² ГАПК. Ф. р-469. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.

³ Там же. Л. 25.

⁴ ГАПК. Ф. р-469. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 1 об.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 7.

⁸ ГАПК. Ф. р-469. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.

⁹ ГАПК. Ф. р-469. Оп. 1. Д. 2. Л. 26.

о текущей работе¹⁰. Параллельно губернский комитет в составе председателя Ф. И. Подтынникова, и. о. секретаря М. А. Пермякова и членов комитета И. В. Воробьева и Ф. Т. Наборщикова проводили заседания по решению накопившихся вопросов¹¹. Спектр решаемых проблем был крайне широким – от утверждения сметы на текущий год и командировки в Омск в профильное министерство до разрешения продажи участка земли в 202 кв. сажени.

Прежде чем вся информация о положении в губернии была собрана, Губернская земельная управа уже собрала совещание 14 февраля, на котором присутствовали только пермские чиновники и общественники. Формально они представляли всю губернию¹². На повестке стояло обсуждение восстановления работы земельных органов, текущая политика в этой сфере, взаимоотношения между различными органами. Значительное место в протоколах совещания занимало описание деятельности земельного комитета до 19 января 1918 г., т.е. до разгона большевиками. Особо подчеркивалось возмущение крестьян на проходившем в это время съезде против политики большевиков. Из этого делался вывод о необходимости продолжать работу земельных органов в том же направлении. Исходя из этих соображений, собранием была подготовлена записка по земельному вопросу¹³. Основное содержание сводилось к мысли о крайней важности земельного вопроса. Практически же управа предлагала в текущий момент закрепить земли за фактическими пользователями, но в ближайшее время разработать новый закон о земле, который мог бы урегулировать отношения после окончания Гражданской войны. Подготовленную записку торжественно вручили А. В. Колчаку в ходе его официального визита в Пермь¹⁴. Эту акцию поддерживали губернская и уездные земские управы. Вместе с тем реального представления о текущей ситуации в губернии на тот момент еще не было.

В ходе работы по сбору информации с мест выяснилось, что волостные комитеты вообще не восстанавливались. Не везде даже была возобновлена работа уездных комитетов. Самостоятельные земельные комитеты к началу 1919 г. были сформированы только в Пермском, Кунгурском и Екатеринбургском уездах¹⁵. В Красноуфимском

уезде ведение земельных дел было передано напрямую земской уездной управе. Управляющий Красноуфимским уездом отмечал, что и земская управа по этому направлению фактически ничего не делала¹⁶.

В Верхотурье уездный земельный комитет был восстановлен как самостоятельная единица, но 20 ноября 1918 г. с уездным земством было заключено соглашение о передаче его функций земству с созданием при нем специального отдела. Соглашение было утверждено на очередном 49 уездном земском собрании, в смету была внесена соответствующая статья на содержание отдела, выделено 56100 руб., председателем отдела был назначен член земской управы¹⁷. В Соликамском уезде земельные вопросы приняла на себя уездная управа, но Губернская земельная управа рекомендовала им восстановить добольшевистскую земельную управу¹⁸. Такая же ситуация была и в Шадринском, Ирбитском, Камышловском уездах, где были созданы отделы при земстве¹⁹.

Деятельность земельных комитетов в Пермской губернии (март–май 1919 г.)

К началу марта 1919 г. губернская земельная управа смогла определить основное направление работы²⁰. Было поставлено две задачи: 1) составление карты Пермской губернии в одностороннем масштабе по землеуладениям; 2) собирание необходимого статистического материала по подготовке земельной реформы. По итогам работы был сделан доклад для Министерства земледелия и колонизации, направленный 17 марта в Омск²¹. При этом сообщение было подготовлено в основном на материалах 1917 г., которые после деятельности советского правительства были не всегда актуальны.

Вместе с тем собранные сведения позволили Пермскому земельному комитету сделать вывод о несоответствии разработанного сибирского закона о земле условиям Европейской России и Пермской губернии в частности. Указание об этом было направлено в Омск, однако не было сделано необходимых уточнений. Выяснение деталей затянулось до апреля. Только 11 апреля 1919 г. Пермская губернская земельная управа подготовила исчерпывающий список недостатков закона 25 июля 1918 г., на который опирался земельный департамент Министерства земледелия и колонизации²².

¹⁰ ГАПК. Ф. р-469. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

¹¹ ГАПК. Ф. р-469. Оп. 1. Д. 5. Л. 7–13 об.

¹² ГАПК. Ф. р-469. Оп. 1. Д. 6. Л. 3–7 об.

¹³ ГАПК. Ф. р-469. Оп. 1. Д. 2. Л. 41–41 об.

¹⁴ Там же. Л. 29.

¹⁵ ГАПК. Ф. р-469. Оп. 1. Д. 1. Л. 259, 268–272 об.

¹⁶ Там же. Л. 14.

¹⁷ Там же. Л. 257 об.–258.

¹⁸ Там же. Л. 15–16.

¹⁹ Там же. Л. 261–267.

²⁰ Там же. Л. 12.

²¹ Там же. Л. 21–21 об.

²² Там же. Л. 280.

Во-первых, было предложено усилить земельные органы «демократическим элементом», т.е. ввести в кадровый состав представителей научных и отраслевых организаций. Во-вторых, было необходимо дать на места право созыва губернских и уездных периодических сессий с участием представителей земского самоуправления. Это было необходимо для получения практических рекомендаций по условиям землепользования в конкретных регионах, которые могли существенно различаться в таких больших губерниях, как Пермская. Следующим пунктом предлагалось расширить взаимодействие с земским самоуправлением вплоть до возможности издания обязательных постановлений в рамках действующего законодательства, а также включить в состав земельных органов специалистов смежных областей – лесоводства, полеводства, добывающей промышленности, статистики. Необходимость изменений подчеркивалась непосредственным опытом тех уездов Пермской губернии, где уже были созданы земельные отделы на базе уездного земства.

К весне 1919 г. текущая деятельность земельных комитетов и управ была окончательно налажена. В марте, апреле и мае регулярно собирались заседания, которые решали вопросы местного значения по запросам граждан²³. Решения принимались оперативно, на основании принятого законодательства. Но вопросы о возвращении земли во владение и другие серьезные проблемы управа вынуждена была откладывать до образования губернского совета по земельным делам.

Острые споры возникли на совещании 19 марта 1919 г., когда встал вопрос о взаимодействии различных учреждений с земельным комитетом. В ходе прений представитель крестьянского поземельного банка В. А. Лоцилов высказал претензии к работе комитета. Он указывал, что еще в 1917 г. комитет вовсе не пользовался авторитетом среди населения и не мог оказать действенную помощь Банку. Председатель управы Ф. И. Подтынников выступил резко против. По его мнению, частные владельцы сами не принимали никаких усилий по погашению конфликтов, когда в 1917 г. начались захваты земель и лесов. Прервав прения, совещание признало необходимым согласовывать действия учреждений губернии в форме совещаний²⁴. Конкретных механизмов работы по урегулированию конфликтов предложено не было, обе стороны оказались не удовлетворены решением.

Старые земельные органы так и не смогли встроиться в новую систему, не став посредниками между властью и населением. Один из самых важных вопросов о посевах на землях, не принадлежащих посевщикам, так и не был решен. Доклад о правилах разграничения земли под посевы был особенно

актуален: в губернии царил неразбериха после правления большевиков. Самовольные захваты и переделы крестьянских наделов в 1918 г. привели к тому, что многие земли весной 1919 г. остались незасеянными. Доклад о порядке производства посевов был призван решить эту проблему, но в апреле земельный комитет так и не смог его принять и реализовать. Утвердили его только в июне на совещании заведующих земельными отделами земских управ, когда было уже поздно²⁵. Тем не менее в ходе весеннего наступления Белой армии на основе существовавшего опыта военная администрация на новых территориях продолжала создавать земельные уездные комитеты. Так, в начале апреля был восстановлен комитет в Оханском уезде²⁶.

В мае 1919 г. земельные комитеты Пермской губернии были заменены новыми органами. Ликвидация проходила на основании распространения на Европейскую Россию действия закона от 25 июля 1918 г. На практике это коснулось только Пермской губернии.

Земельные комитеты и управы при них были заменены отделами при земствах, их представители вошли в объединенные земельные советы, которые исключали принцип выборности и самоуправления. Первое заседание Пермского губернского по земельным делам Совета состоялось 6 мая 1919 г.²⁷ Основным вопросом в повестке стояла передача дел новому органу Губернским земельным комитетом.

Новые органы продолжали решать общие вопросы регулирования земельных и связанных с ними вопросов, опираясь на опыт земельных комитетов. Еще до окончательного установления власти большевиков в губернии земельная управа успела дать рекомендации по пользованию недрами, провести собрание по готовящейся реформе, а губернский комитет даже принял постановление о пользовании лесами на сессии 5–9 декабря 1917 г.²⁸ Однако приступить к реализации тогда управы не успели. Вновь вопрос был поднят уже летом 1919 г. на заседании Пермского губернского по земельным делам совета, где был заслушан доклад начальника Пермского управления земледелия и государственных имуществ Д. М. Венгерова 13 июня 1919 г. Совещание заведующих земельными отделами земских управ Пермской губернии приняло новое постановление²⁹. Ключевым положением стало принятие всех частновладельческих лесов в ведение государства до окончательного решения вопроса Учредительным собранием. В тот момент все отношения в этой сфере должны были регулироваться Управлением земледелия и государственных имуществ, а передача лесов Горному ведомству была признана недопустимой.

²³ ГАПК. Ф. р-469. Оп. 1. Д. 5. Л. 31–64.

²⁴ ГАПК. Ф. р-469. Оп. 1. Д. 6. Л. 13 об.–15 об.

²⁵ ГАПК. Ф. Р-469. Оп. 1. Д. 9. Л. 24.

²⁶ ГАПК. Ф. р-469. Оп. 1. Д. 1. Л. 283.

²⁷ ГАПК. Ф. р-469. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

²⁸ ГАПК. Ф. р-469. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.

²⁹ Там же. Л. 21.

Заключение

Новый Совет просуществовал в губернии до июля 1919 г. С мая по июль было проведено 8 заседаний³⁰. В составе Совета были представлены отделы при земских управах всех уездов, кроме Осинского (от него была только одна Рябковская волостная управа)³¹. Несмотря на такую активность, фактически решить они ничего не успели. Более того, представители земства на совещании заведующих земельных отделов 10–13 июня 1919 г. выступили с рядом критических замечаний на 14 страницах по поводу реализации Временных положений закона от 25 июля 1918 г.³² Одной из главных претензий значилась «некоторая нерешительность, неуверенность Правительства», что выливалось в отсутствие последовательной политики в формировании состава земельных советов. Ограниченным было представительство общественных организаций и науки, отсутствовал принцип выборности. В результате к реальной работе они приступить не успели. К последнему заседанию была только утверждена смета расходов и штат нового органа.

Глубокие политические и социальные изменения в России в начале XX в. оказали огромное влияние в том числе и на подход к решению земельного вопроса, давно стоявшего на повестке дня. В годы Гражданской войны происходили серьезные изменения в статусе земельных органов, менялось их место в структуре государственного управления в России. Анализ широкого круга источников показывает, что при Правительстве А. В. Колчака наметилась тенденция по сближению земельных органов, традиционно относившихся к компетенции центральной власти и местного самоуправления, прежде всего земства. Это был сложный, тернистый путь, не лишенный противоречий, но прослеживается он достаточно четко.

Создававшиеся по образцу земства земельные комитеты переняли от них систему выборности, что в условиях Гражданской войны создавало условия, при которых эти органы становились проводником модернизационных процессов в стране. Это не могло не отразиться и на решении земельного вопроса. Сразу было предложено привлечь

представителей научного и отраслевого сообществ. Земельные комитеты Пермской губернии работали в тесном сотрудничестве с губернским земством, особенностью которого всегда было незначительное присутствие дворянства, а после Революции 1917 г. состав гласных был значительно расширен, в том числе за счет представителей социалистических партий. В совокупности это определяло вектор работы земельных комитетов Пермской губернии, которые пытались проводить политику в интересах мелких собственников, что шло в разрез с политикой Правительства А. В. Колчака. В условиях провалившегося весеннего наступления 1919 г. военная администрация не могла позволить себе такой либерализации в ближнем тылу, что закономерно привело к трансформации пермских земельных органов.

Прежде всего было ликвидировано самоуправление, а новые земельные органы были поставлены под фактический контроль центральной власти. Результат не заставил себя ждать. Уже на июньских заседаниях были утверждены новые правила пользования землей на основании доклада от 8 апреля 1919 г.³³ Первым же пунктом отменялись все переделы, совершенные при советской власти. За собственниками сохранялись только фактически распаханые земли. Такое положение явно противоречило настроениям крестьян и в условиях наступления красной армии не добавляло популярности правительству. В том числе поэтому в Пермской губернии очень быстро произошла смена власти: 1 июля 1919 г. пала Пермь, а уже 14 июля Екатеринбург вновь был захвачен большевиками, а органы, функционировавшие при А. В. Колчаке, были ликвидированы. Земельный вопрос к этому моменту не был решен.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Абрамов В. Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура. М.: Ника, 1996. 166 с. [Abramov V. F. *Russian Zemstvo: economy, finance, and culture*. Moscow: Nika, 1996, 166. (In Russ.)] EDN: ZIUDMA
2. Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М.: Наука, 1990. 262 с. [Gerasimenko G. A. *Provincial government in Russia*. Moscow: Nauka, 1990, 262. (In Russ.)]
3. Лаптева Л. Е. Земские учреждения в России. М.: ИГПАН, 1993. 133 с. [Lapteva L. E. *Zemstvo institutions in Russia*. Moscow: ISLAS, 1993, 133. (In Russ.)]
4. Анимитса Е. Г., Тертышный А. Т. Местное самоуправление: история и современность. Екатеринбург: УрГЭУ, 1998. 295 с. [Animitsa E. G., Tertyshny A. T. *Local government: past and present*. Ekaterinburg: USUE, 1998, 295. (In Russ.)]

³⁰ ГАПК. Ф. р-469. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–23.

³¹ ГАПК. Ф. р-469. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

³² ГАПК. Ф. р-469. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–14.

³³ Там же. Л. 55.

5. Богатырева О. Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 – февраль 1917). Екатеринбург: Урал. ун-т, 2004. 458 с. [Bogatyreva O. N. *The evolution of the local government system in the Vyatka and Perm provinces (1861 – February 1917)*. Ekaterinburg: USU, 2004, 458. (In Russ.)] EDN: QOUNHT
6. Артемов С. Н. Земельные комитеты при подготовке проекта аграрной реформы в 1917 году. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2007. Т. 9. № 47. С. 106–114. [Artemov S. N. Land committees and their role in preparation of the agrarian reform project in 1917. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2007, 9(47): 106–114. (In Russ.)] EDN: JWXZLJ
7. Артемов С. Н. Земельные комитеты Юга России в решении аграрного вопроса после октябрьских событий 1917 года. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2008. № 62. С. 114–122. [Artemov S. N. Land committees of the Russian South in decision of the agrarian question after the October revolution of 1917. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2008, (62): 114–122. (In Russ.)] EDN: JVXXDP
8. Артемов С. Н. Социальный состав земельных комитетов на юге России в 1917 г. *Социология власти*. 2007. № 1. С. 121–131. [Artemov S. N. Social composition of land committees in the South of Russia in 1917. *Sociology of Power*, 2007, (1): 121–131. (In Russ.)] EDN: HZNEZF
9. Трофимов Д. В. Институт местных земельных комитетов и аграрный вопрос в 1917 году: правовой анализ. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. 2019. № 2. С. 132–141. [Trofimov D. V. The institute of local land committees and the agrarian problem in 1917: a legal analysis. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2019, (2): 132–141. (In Russ.)] EDN: HWXXWR
10. Батыршин Р. Р. Организация и деятельность земельных комитетов казанской губернии весной-летом 1917 г. *Частные миры Великой русской революции: сб. науч. тр. конф. (Казань, 28–29 сентября 2017 г.)* Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. С. 92–98. [Batyrsin R. R. Organization and activities of the land committees of the Kazan province in the spring and summer of 1917. *The numerous worlds of the Great Russian revolution: Proc. Conf., Kazan, 28–29 Sep 2017*. Kazan: Marjani Institute of History, 2017, 92–98. (In Russ.)] EDN: YOAOOJ
11. Измайлова А. Н. Деятельность Самарского комитета членов Учредительного собрания в решении земельного вопроса на территории Среднего Поволжья. *European scientific conference, XVIII Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 8 января 2020 г.)* Пенза: Наука и Просвещение, 2020. Ч. 1. С. 180–182. [Izmajlova A. N. Activity of the Samara committee of members of the constituent assembly in solving the land issue in the middle Volga region. *European scientific conference: Proc. XVIII Intern. Sci. Conf., Penza, 8 Jan 2020*. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2020, pt. 1, 180–182. (In Russ.)] EDN: UYMIAB
12. Кабытов П. С., Курсков Н. А. Самарское земство и земельные комитеты в 1917 году. *Вестник Самарского государственного университета*. 2002. № 1. С. 27–50. [Kabytov P. S., Kurskov N. A. Samara zemstvo and land committees in 1917. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2002, (1): 27–50. (In Russ.)] EDN: XTCQDU
13. Погорелый Д. Н. Организация Тамбовского губернского земельного комитета в 1917 г.: компетенция и задачи. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2001. № 3-3. С. 14. [Pogorelyi D. N. Organization of the Tambov provincial land committee in 1917: competence and tasks. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2001, (3-3): 14. (In Russ.)] EDN: OCAOIV
14. Подлесных С. Н. Правовой статус земельных комитетов в Советской России (1917–1918 гг.). *Вестник Совета молодых ученых Рязанского государственного агротехнологического университета имени П. А. Костычева*. 2016. № 1. С. 135–139. [Podlesnykh S. N. The legal status of the land committees in Soviet Russia (1917–1918). *Vestnik Soveta molodykh uchenykh Riazanskogo gosudarstvennogo agrotekhnologicheskogo universiteta imeni P. A. Kostycheva*, 2016, (1): 135–139. (In Russ.)] EDN: YFPCJJ
15. Саблин В. А. Земельные органы в северной деревне в период аграрной революции 1917–1918 гг. *Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки*. 2016. № 1. С. 18–24. [Sablin V. A. Land authorities in a northern village during the agrarian revolution of 1917–1918. *Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology*, 2016, (1): 18–24. (In Russ.)] EDN: VPEIVF
16. Филатов С. В. Главный земельный комитет в 1917 году. *Великая Российская революция 1917 г.: методология, источники, историография: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Стерлитамак, 29 сентября 2017 г.)* Стерлитамак: БашГУ, Стерлитамакский филиал, 2017. С. 145–150. [Filatov S. V. The main Land Committee in 1917. *The Great Russian Revolution of 1917: methodology, sources, and historiography*. Proc. All-Russian Sci. Conf., Sterlitamak, 29 Sep 2017. Sterlitamak: BSU, Sterlitamak branch, 2017. pp. 145–150. (In Russ.)] EDN: ZRFXZH
17. Калашников А. А. Протоколы заседаний сессий Алтайского губернского земельного комитета как исторический источник. *Гуляевские чтения: мат-лы девятой и десятой историко-архивных конф. Барнаул: АлтГПУ, 2018. С. 268–272.* [Kalashnikov A. A. Protocols of sessions of the Altai provincial land committee as a historical source. *Gulyaev Readings: Proc. ninth and tenth historical and archival conferences*. Barnaul: ASPU, 2018, 268–272. (In Russ.)] EDN: VHWHYR

18. Когут М. Т. Аграрная политика Временного Сибирского правительства (июнь–ноябрь 1918 г.). *Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие*: мат-лы II Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Омск, 25–26 октября 2017 г.) Омск: ОмГТУ, 2017. С. 175–180. [Kogut M. T. Agrarian policy of the provisional Siberian government (June–November 1918). *Civil War in Eastern Russia: a documentary heritage perspective*: Proc. II All-Russian Sci.-Prac. Conf., Omsk, 25–26 Oct 2017. Omsk: OmSTU, 2017, 175–180. (In Russ.)] EDN: XTTRFI
19. Когут М. Т. Аграрная программа Временного Сибирского правительства. *Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность*. 2017. № 3. С. 18–21. [Kogut M. T. The agrarian program of Provisional Siberian Government. *Omsk Scientific Bulletin. Series "Society. History. Modernity"*, 2017, (3): 18–21. (In Russ.)] EDN: ZMOBCF
20. Рынков В. М. «В лютую зиму не подобает дереву иметь листву»: представительный орган в условиях военной диктатуры адмирала А. В. Колчака (23 ноября 1918 – 18 декабря 1919 года). *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2011. Т. 10. № 10. С. 33–39. [Rynkov V. M. "It is unbecoming of a tree to have foliage during severe winter": a representative body under the conditions of Admiral A. V. Kolchak' military dictatorship. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2011, 10(10): 33–39. (In Russ.)] EDN: OJWOYL
21. Рынков В. М. Аграрный вопрос и межнациональные отношения в Забайкалье в 1918–1919 гг. *Гуманитарные науки в Сибири*. 2011. № 4. С. 41–45. [Rynkov V. M. Agrarian issue and interethnic relations in Transbaikalia in 1918–1919. *Humanitarian Sciences in Siberia*, 2011, (4): 41–45. (In Russ.)] EDN: OOWZJZ
22. Рынков В. М. Восстановление землеладельческих прав в Сибири во второй половине 1918 – первой половине 1919 г.: законодательство и практика. *Гуманитарные науки в Сибири*. 2009. № 2. С. 56–59. [Rynkov V. M. The restoration of the landowners' rights in Siberia in the second half of 1918 – the first half of 1919: legislation and practice. *Humanitarian Sciences in Siberia*, 2009, (2): 56–59. (In Russ.)] EDN: KXIUWL
23. Рынков В. М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 г.). Новосибирск: Сибпринт, 2008. 440 с. [Rynkov V. M. *Social policy of the anti-Bolshevik regimes in the East of Russia in 1918–1919*. Novosibirsk: Sibprint, 2008, 440. (In Russ.)] EDN: QPJXV
24. Волгирева Г. П. Понятие «Землеустройство» в оценках современников (1906–1917 гг.). *Вестник Пермского университета. История*. 2018. № 2. С. 109–118. [Volgireva G. P. Concept of "Land management" in the evaluation of contemporaries (1906–1917). *Perm University Herald. History*, 2018, (2): 109–118. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2018-2-109-118>
25. Кашаева Ю. А. Влияние революции 1917 года на службу, повседневную жизнь и общественные настроения землемеров России. *Ноябрьские историко-архивные чтения в Пермском партархиве*: мат-лы науч. конф. (Пермь, 14–16 ноября 2017 г.) Пермь, 2018. С. 210–214. [Kashaeva Y. A. The influence of the revolution of 1917 on the service, everyday life and the public mood of Russia surveyors. *November historical and archival readings in the Perm Party Archive*: Proc. Sci. Conf., Perm, 14–16 Nov 2017. Perm, 2018, 210–214. (In Russ.)] EDN: YGYUH

оригинальная статья

Драма абсурда: этапы литературоведческого осмысления в отечественной и зарубежной науке

Жиличев Павел Евгеньевич
Институт филологии Сибирского отделения РАН, Россия, Новосибирск
<https://orcid.org/0000-0002-5577-6813>
zhilichevp@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.01.2022. Принята после рецензирования 01.03.2022. Принята в печать 25.04.2022.

Аннотация: Выявляются и систематизируются основные тенденции изучения театра абсурда и драматургии абсурда в зарубежной и отечественной науке. Понятие *театр абсурда* было введено в науку М. Эсслином и стало общим знаменателем, объединившим драматургическое творчество таких известных авторов, как С. Беккет, Э. Ионеско, Г. Пинтер, А. Адамов, Ж. Жене. Последователи М. Эсслина в зарубежной науке открыли несколько важных черт драматургии такого рода: алогизм, нарушения коммуникации, языковая игра (П. Пави), предложили включить театр абсурда в более широкие типологические образования: параболическую драму (М. Беннетт), символистскую драму (Дж. Стайн), метадраму (Л. Абель). В отечественной науке разработана концепция абсурда как нарушения языковых норм (О. Г. Ревзина, И. И. Ревзин), проанализированы принципы серийной событийности в пьесах обэриутов (М. Б. Ямпольский, Д. В. Токарев), выявлена метаописательная функция абсурда (Е. Ключев), создана концепция абсурда как картины мира (О. Д. Буренина-Петрова). В результате исследования сделаны следующие выводы. Постигание театра абсурда развивается как в зарубежной, так и в отечественной науке как соотношение двух полюсов: абсурд мыслится как лингвистический феномен (языковая деконструкция) или как определенный способ существования человека в мире. Большую роль в осмыслении абсурда в 1980–2000-е гг. сыграли работы философов-постструктуралистов, а также взаимодействие философского и литературоведческого подходов, определяющее принципы исторической эстетики. В современной науке дискурс театра абсурда характеризуется следующими параметрами: деконструкцией культурных кодов, актуализацией архаической сущности театра, пародированием литературных и театральных конвенций, проблематизацией связи между знаком и референтом; объектом изображения являются расщепленное сознание, нестабильность миропорядка.

Ключевые слова: театр абсурда, поэтика абсурда, драматургическая коммуникация, М. Эсслин, пародия, деконструкция, метатеатр

Цитирование: Жиличев П. Е. Драма абсурда: этапы литературоведческого осмысления в отечественной и зарубежной науке. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 5. С. 626–634. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-626-634>

full article

Absurdist Drama and Its Academic Reception in Russian and Western Literary Criticism

Pavel E. Zhilichev
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Russia, Novosibirsk
<https://orcid.org/0000-0002-5577-6813>
zhilichevp@yandex.ru

Received 19 Jan 2022. Accepted after peer review 1 Mar 2022. Accepted for publication 24 Apr 2022.

Abstract: This paper attempts to identify and systematize the main approaches to the theater of absurd and absurdist drama in Western and Russian literary studies. The term *theater of the absurd* was originally introduced by Martin Esslin. This concept has become a common denominator and refers to the dramatic work of such famous authors as Samuel Beckett, Eugène Ionesco, Harold Pinter, Arthur Adamov, and Jean Genet. Martin Esslin and his followers brought in several important features into the absurdist drama, i.e., alogism, disjointed communication, wordplay (Patrice Pavis), etc. They attempted to conceptualize the theater of the absurd as a part of a broader typological unit, e.g., Michael Bennett's theater of parabola. Russian scholars and critics have developed a range of important concepts as well. They see absurd as a violation of basic rules of communication (Olga Revzina,

Isaac Revzin). The Union of Real Art (Mikhail Yampolskiy, Dmitry Tokarev) focuses on the principle of serialized eventfulness. Others concentrate on the meta-descriptive nature of absurd (Evgenyi Kluev) and develop the concept of absurdity as a picture of the world (Olga Burenina-Petrova). Both in Western and Russian studies, the conceptualization of the theater of the absurd follows two opposite poles: absurd can be interpreted as either a linguistic phenomenon (deconstruction of communication), or as a certain way of human existence. During the 1980–2000s, post-structuralist philosophy played a major role in the re-thinking of the absurd, while the interaction of philosophical and literary approaches determined the principles of historical aesthetics. As suggested by contemporary researchers, the discourse of the absurdist drama has the following features: deconstruction of cultural codes; actualization of the archaic basis of theater; parodying literal and theatrical conventions; problematization of the semiotic linkage (sign and its referent); depiction of mosaic consciousness and unstable cosmos.

Keywords: theater of the absurd, poetics of the absurd, Martin Esslin, theatrical discourse, parody, deconstruction, metatheater

Citation: Zhilichev P. E. Absurdist Drama and Its Academical Reception in Russian and Western Literary Criticism. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(5): 626–634. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-626-634>

Введение

Изучение драматургии абсурда имеет давнюю традицию, однако до сих пор в литературоведении нет единого мнения по поводу базовых теоретических категорий, описывающих абсурдистское произведение, не выработан алгоритм анализа принципов художественной коммуникации такого рода. Поэтому актуальность данной работы состоит в систематизации основных тенденций изучения проблемы.

Понятие *театр абсурда* было введено в науку М. Эсслином – литературоведом, критиком и театральным деятелем – в одноименном труде, опубликованном в 1961 г. (русский перевод Г. Коваленко вышел в свет в 2010 г.) [1]. Данное понятие стало общим знаменателем, объединившим драматургическое творчество таких известных авторов, как С. Беккет, Э. Ионеско, Г. Пинтер, А. Адамов, Ж. Жене. При этом ученый неоднократно подчеркивает, что абсурд никогда не был литературным направлением или школой: это «свободное, ничем не стесненное исследование художника, обладающего собственным личностным видением мира» [1, с. 273]. Согласно концепции М. Эсслина, театр абсурда не герметичен: исследователь может обнаружить характерные черты абсурдистского произведения и в произведениях прошлого, и в современных ему текстах. В перечень «прозелитов» попали, в частности, Г. Грасс и Б. Виан. В дальнейшем категория абсурда по-разному трактовалась в эстетике, театроведении, филологии.

В данной статье с помощью сопоставительного анализа отечественных и зарубежных исследований выявлены базовые характеристики феномена, описаны признаки драмы абсурда как особой коммуникативной структуры.

Формирование понятия *драма абсурда* в зарубежных исследованиях

В начале своей монографии М. Эсслин описывает спектакль по пьесе С. Беккета «В ожидании Годо», сыгранный перед заключенными тюрьмы Сен-Квентин, и глубокое впечатление, которое он произвел на зрителей, не отягощенных представлениями о нормах драматургии. Поэтика абсурдистских пьес противопоставляется поэтике «хорошо сделанных»

(иными словами, реалистических) пьес. «Хорошая пьеса обладает искусно сконструированным сюжетом, в пьесах абсурда сюжет и фабула отсутствуют; хорошая пьеса ценится за характеры и мотивации, в пьесах абсурда характеры не распознать, персонажи воспринимаются почти как марионетки; в хорошей пьесе оправдана интрига, которая виртуозно ведется и в итоге разрешается, в пьесах абсурда часто нет ни начала, ни конца; хорошая пьеса – зеркало природы и представляет свою эпоху в тонких зарисовках, пьесы абсурда отражают сны и кошмары; хорошие пьесы отличаются точными диалогами и остроумными репликами, пьесы абсурда зачастую представляют бессвязный лепет» [1, с. 23].

М. Эсслин основывает свое понимание абсурда на философии французского экзистенциализма (прежде всего «Миф о Сизифе» А. Камю). Характерно, что ученый не предлагает собственного определения абсурда, используя вместо него цитату из эссе Э. Ионеско о Ф. Кафке. Э. Ионеско, характеризуя *человека абсурда*, указывал, что он существует в реальности, лишенной смысла (религиозного, метафизического, трансцендентного), его действия алогичны и беспричинны. Экзистенциалистский абсурд воплощается в метафизическом отчаянии, бессмысленности жизни, обесценивании «идеалов, чистоты, целеустремленности» [1, с. 25]. Но драматурги театра абсурда, разделяя идеалы экзистенциалистов, идут дальше в отношении художественного творчества. Так, драматические произведения Ж.-П. Сартра и А. Камю М. Эсслин называет «не вполне адекватными» их философии, т.к. эти авторы «вкладывают новое содержание в старые формы» [1, с. 25].

Кроме того, М. Эсслин соотносит абсурд и авангард. Абсурдисты разделяют общие для литературы эпохи интересы: сновидения, пограничные состояния, психоанализ. Особенно важна связь авангарда с архаичными формами зрелищ, комической традицией, включая древнегреческий театр Аристофана, театром У. Шекспира, европейскими традициями балаганов представлений (в том числе *commedia dell'arte*), опытом немой и звукового кинематографа. Авангардные произведения могут быть

«подчинены языку» (иметь «лирическое» настроение; сложный, эстетически привлекательный язык) [1, с. 23] или подчеркнуто «подчинять язык», возвращаясь к балаганной традиции. В этой связи М. Эсслин рассматривает абсурдистские пьесы как «антидрамы», в которых произошло окончательное разделение языка и действия и, соответственно, достижение «чистой театральности», возврат к первоначальному синкретизму античного мима. «Девальвация» языка носит тотальный характер, «дискурсивная» логика сменяется «поэтической логикой» «ассоциации или ассонанса» [1, с. 417–418].

Аналитическая часть книги М. Эсслина посвящена изучению данных языков с различных позиций: психоаналитической (Ж. Жене и Ж. Лакан), философской, литературоведческой.

Выход в свет книги М. Эсслина задал направление для множества будущих исследований. Так, М. Л. Гроссман, следуя за М. Эссином, сопоставляет театр абсурда и театр А. Жарри, фокусируясь на природе комического [2]. Е. Брейтер исследует, как «абсурдный человек» А. Камю воплощается в «абсурдном актере» театра абсурда (например, играя Рот или Эхо в пьесах С. Беккета) [3].

В работе профессора американского Мюленбергского колледжа А. Вегенера сравнивается творчество Э. Ионеско и немецкого драматурга В. Хильденхаймера. А. Вегенер выделяет следующие отличительные черты поэтики абсурда: ограничивающий характер привычной обстановки (окружения); смешивание бессвязных обрывков сюжета и драматических ситуаций; статичный и циклический характер этих ситуаций, отмена пространства и времени; смешивание фарса, макабра, трагикомизма; намеренное исключение каких-либо мотивировок или решений проблем; речевые штампы, повторы, неувязки, сумбур, ирония в диалогах и монологах героев [4].

Исследовательница из Иллинойского университета А. Либерман развивает эссиновское сравнение «хорошо сделанных» и «абсурдистских» пьес. Зрительское восприятие интриг «хорошо сделанных» (классических, реалистических) пьес, по ее мнению, может быть представлено в виде баланса двух ценностных полюсов – позитивного и негативного (и оформлено в виде схемы). Так, начальная ситуация «хорошо сделанной» пьесы XIX в. («Стакан воды» Э. Скриба) – героиня влюблена в бедного юношу – ситуация дисбаланса, когда покровительница помогает юноше получить звание капитана, баланс возвращается, когда покровительница после этого мешает юноше жениться на героине, баланс снова нарушается и т. п. Значение театра абсурда, согласно А. Либерман, именно в том, что он окончательно «отучил» зрителя от привычных типов интриг: в абсурдистских пьесах подобного рода балансировка отменяется, ценности девальвируются, а зрительские ожидания нарушаются (лысая певица или Годо никогда не появятся на сцене) [5].

Не все ученые и критики согласились с концепцией, предложенной М. Эссином. Многие, признавая удачным само наименование *театр абсурда*, критиковали методы исследования. Например, с точки зрения режиссера и театроведа У. И. Оливера, М. Эсслин больше смотрит на стиль, чем на философию. Театр абсурда – это прежде всего состояние человека XX столетия [6]. Абсурдисты не в состоянии создать такие вечные образы, как Гамлет или Дон Кихот. В отличие от М. Эсслина, У. И. Оливер воспринимает поэтику абсурда в духе молодых русских формалистов – как «сделанность текста», совокупность приемов. «Правильный», по мнению У. И. Оливера, абсурдист – не просто писатель: он должен быть «мыслителем», обладать «общественной властью» и хорошо владеть «писательской техникой». Как «мыслитель» автор должен осознать, что сам абсурден не меньше, чем окружающий мир, и обязан предложить аудитории позитивный выход. «Власть» над зрителями должна помочь им справиться с ощущением беспомощности существования, а владение техникой – уметь применять приемы иронии, аллегории, гротеска. Символы, уточняет У. И. Оливер, ни в коем случае не должны затмить социальный пафос, но обязаны вызвать шок у аудитории [6, р. 235].

Для некоторых современных исследователей само словосочетание *театр абсурда* превращается из термина в штамп. Британский театровед Д. Пэтти скептически относится к идее рассматривать драматургов театра абсурда как единое целое. «Сказать, что Абсурдистский театр был оформившимся движением с ясно поставленными целями и задачами – значит упрощать то, что на практике было довольно разношерстной группой пьес и писателей, которых объединяло только отрицание мира, управляемого рациональными принципами»¹ [7, р. 114].

Израильский исследователь Я. Зархи-Лево производит критический анализ теоретической стратегии, примененной М. Эссином во время «конструкции нового театрального тренда» [8]. Абсурд понимается, прежде всего, как удачный ярлык, слово, бывшее на слуху благодаря популярности текстов А. Камю. По мнению исследовательницы, М. Эсслин занимает позицию медиатора-просветителя, с одной стороны, укрепляя представления о единстве отобранной им группы авторов, с другой – «защищает» и легитимизирует ее в читательских глазах. Модель абсурдистской драмы постепенно становится общепринятой [8].

Последовательная критика работы М. Эсслина представлена в книге современного исследователя М. Беннета «Переосмысляя Театр абсурда: Камю, Беккет, Ионеско, Жене и Пинтер», который утверждает, что М. Эсслин изначально основывал свои построения на ряде ошибочных посылок [9].

Известно, что М. Эсслин не дает собственного определения абсурда, вместо этого цитируя Э. Ионеско: «Абсурд –

¹ Здесь и далее перевод англоязычных цитат выполнен автором статьи, кроме особо оговоренных случаев.

это то, что лишено причины... Человек, отрезанный от своих религиозных, метафизических и трансцендентных корней, теряет все его действия становятся бессмысленными, абсурдными, бесполезными» [10, с. 59]. По мнению М. Беннета, М. Эсслин неверно переводит данную цитату с французского на английский: верным переводом было бы «абсурд – это то, что лишено "цели" ("goal")», а не «причины, смысла» (purpose)². Фраза о цели относилась к рассказу Ф. Кафки «Городской герб» о недостроенной Вавилонской башне: *уже второе или третье поколение поняло бессмысленность строительства такой башни, но все были уже слишком крепко связаны друг с другом, чтобы покинуть город. Все возникшие в этом городе предания и песни полны тоски о том предсказанном дне, когда город, пятью следующими через короткие промежутки ударами, разрушит исполинский кулак. Поэтому-то кулак и изображен на гербе города*³.

Как отмечает М. Беннет, для Э. Ионеско абсурд – не данность человеческого существования, а ситуация: «если человек окажется отрезанным от своих религиозных, метафизических и трансцендентных корней, тогда он теряется» [9]. Более того, М. Эсслин в своей работе в целом транслирует неверное представление об экзистенциализме в философии А. Камю. М. Беннет, опираясь на работы историков философии, утверждает, что идеи А. Камю – не «унылая философия, пропагандирующая бессмысленность жизни» [9, р. 13], и сам А. Камю – не экзистенциалист. В «Мифе о Сизифе» Сизиф действительно счастлив в конце, в «Бунтующем человеке» А. Камю становится «интуитивным моралистом». Абсурдность у А. Камю – это понимание парадоксальной природы «несоответствия наших желаний тому, что может предложить мир» [9, р. 13].

Отказываясь от теоретической модели М. Эсслина, М. Беннет предлагает собственную концепцию – считать драму абсурда *параболической драмой*. Как считает М. Беннет, все (бывшие) драмы абсурда в своей основе содержат некую основную метафору. Активно используются парадоксы на уровне речи и жеста. Цель параболической пьесы – сначала запутать реципиента, а затем послужить для него толчком к переосмыслению какой-либо проблемы [9, р. 22]. В частности, параболические пьесы «В ожидании Годо», с точки зрения автора книги, – метафора того, что человек должен стать спасителем для самого себя, не полагаться на абстрактное понятие надежды. Чтобы жизнь Владимира и Эстрагона обрела смысл, им необходимо бережно возвращать свою дружбу [9, р. 38–39].

В фундаментальном труде Дж. Стайна «Современная драма в теории и театральной практике» театральные направления XX в. распределяются по трем доминантам: реалистической, символистской, экспрессионистской.

Театр абсурда оказывается включенным в рамки символистской традиции [11]. По мнению ученого, абсурдистские пьесы характеризуются принципиальной внесценичностью, монотонностью, цикличностью интриги; проблемы в них «демонстрируются» как «картины ситуации», не имея логической мотивации. Диалоги в подобных пьесах не обладают когерентностью, произносящие их герои – не более чем «машины по производству речи», а все происходящее – «чистое действие», где актеры репрезентируют «природу экзистенции, но не людей» [11, с. 162].

Несовместимость мировоззрения драматургов-абсурдистов «с самой категорией сценичности» приводит к проблеме: полностью абсурдистское произведение не может коммуницировать с реципиентом. Выход обнаруживается в фарсовой, комической природе абсурда. В отличие от М. Эсслина, который считал комическое лишь частью генезиса абсурда, Дж. Стайн называет фарсовость важнейшим элементом абсурдистской практики: «смех стал успешным средством освобождения закомплексованной аудитории». Поэтичность и ритм «комической формы и фарсового стиля» становится своеобразным «барьером», который ограничивает и «фильтрует» зрительское восприятие [11, с. 161–162].

Важно, что театр абсурда, по мысли Дж. Стайна, не анти-текстуален, а напротив, является текстоцентричным. Так, пьесы С. Беккета «напоминают музыкальную партитуру», диктующую «ритмическую структуру каждого слова и фразы» [11, с. 168], текст «сам диктует сценорафию» [11, с. 165].

Поэтика драм абсурда, согласно Дж. Стайну, связана с «символистской трактовкой действительности». Так, в пьесе Г. Пинтера «Сторож» символическую нагрузку может нести реквизит (ведро, чайник, электроприборы, статуя Будды) и герой (плотник, сторож и др.). Однако каждый «сценический знак становится репрезентацией иррациональности» [11, с. 161]. Символическая роль вещей не реализуется в тексте, герои погружаются в бесконечной болтовне, бессмысленных действиях. «Инсценируя эту тривиальность с дотошной точностью», драматург профанирует «любой символический подтекст», вызывая комическую реакцию реципиентов [11, с. 172].

Таким образом, для Дж. Стайна театр абсурда является в первую очередь этапом развития символистского начала драмы XX в.

Многие интерпретации театра абсурда основываются на постмодернистских концепциях, таких как метатекстуальность или деконструкция. Драматург и исследователь драмы Л. Абель включает интерпретацию творчества С. Беккета в свой труд о метадраме. Согласно Л. Абелю, в постгамлетовском мире постепенно стало невозмож-

² Характерно, что в другом русском переводе (Г. Коваленко) употребляется именно слово *цель*: «Абсурд – это нечто, лишённое цели... Оторванный от своих религиозных, метафизических и трансцендентных корней человек погиб; все его действия бессмысленны, абсурдны, бесполезны» [1, с. 25].

³ Кафка Ф. Городской герб. URL: https://www.kafka.ru/rasskazy/read/gorod_gerb (дата обращения: 06.03.2021).

ным ни создание, ни зрительское восприятие подлинно трагического произведения. На смену трагедии приходит метатеатр, объединяющий комическое и трагическое начала, сопереживание герою и смех над ним [12]. В метатеатральных произведениях С. С. Беккета герои осознают, что они – персонажи на сцене, могут разыгрываться ситуации театра-в-театре, театральные условности обнажаются, провоцируя зрителей.

Профессор университета Огайо К. Беркман фокусируется на мифопоэтике абсурдистской пьесы и показывает, как в драмах Г. Пинтера деконструируются как повседневные ритуалы, так и архаический субстрат (библейские, античные мифологемы), в том числе имеющий метатеатральный аспект (например, сюжет о строительстве) [13].

Специфике семиотического строения абсурдистских текстов С. Беккета посвящена отдельная небольшая работа Ж. Делеза, автора знаменитой «Логике смысла» [14]. Философ утверждает, что проблемы коммуникации в этих текстах знаменуют собой авторское стремление к «полному истощению» смыслов. Язык означает возможное, только готовящееся к возвращению. Ж. Делез описывает три языка С. Беккета, которые могут осуществить «истощение»: «язык имен», «язык голосов» и особый «язык 3». «Язык имен» философ характеризует как «дизъюнктивный, резкий, дерганный, где перечисление заменяет пропозиции, а комбинаторные отношения заменяют синтагматические»⁴ [14]. Абсурдистский «язык голосов» «оперирует не комбинируемыми атомами, а смешивающимися потоками. Голоса – это волны или потоки, которые направляют и распространяют лингвистические корпускулы. Когда истошаешь возможное словами, то измельчаешь и подравниваешь атомы, а когда истошаешь сами слова, то иссушаешь поток» [14]. «Язык 3» оперирует «образами и пространствами», которые рождаются из окончательно «ослабленных и рассеянных» языковых знаков.

П. Пави в «Словаре театра» кратко формулирует основные элементы поэтики абсурда: алогизм диалога и сценического воплощения, аисторичная и недиалектическая драматургическая структура. По мнению П. Пави, в подобных произведениях деятельность человека «утрачивает внутренний смысл», фабула «кольцеобразна», ее «направляет не драматическое действие, а поиск и игра со словами», она «строится вокруг проблемы коммуникации». П. Пави делит абсурд на три ветви: сатирический (проявляется в интриге и в отдельных репликах), нигилистический (затрудняющий попытки что-либо узнать о тексте) и «структурный принцип отражения вселенского хаоса», где «распадается язык и отсутствует гармоничный образ человечества» [15, с. 2].

Таким образом, созданная М. Эсслином концепция театра абсурда вписалась в существующий обширный контекст понятия *абсурд*. Последователи М. Эсслина понимают абсурд и как распад всех возможных связей, и, напротив, как новый способ коммуникации зрителя, читателя, текста, автора.

Интерпретация феномена драматургии абсурда в отечественной филологии

Словосочетание *театр абсурда* вошло в лексикон советской критики еще в 1960-х гг. Начало литературоведческим исследованиям абсурдистской драмы стала книга А. Н. Михеевой об Э. Ионеско, в которой пересказывается ряд произведений драматурга, отмечаются некоторые вопросы, связанные с поэтикой, такие как распад языка («не довольствуясь деформацией фраз, драматург начинает "крошить" сами слова» [16, с. 50]), связь с балаганными традициями («характер скорее занимательного зрелища из гиньоля, чем <...> какой-то драматический смысл» [16, с. 154]). Особенности научно-критического дискурса советской эпохи приводят к тому, что внимание автора преимущественно уделяется полемике со взглядами Э. Ионеско, социально-политическим трактовкам подтекста его пьес. Тем не менее рефлексировалась невозможность однозначного прочтения абсурдного текста: «Возможно, эту сцену следует истолковать как освобождение человека от пошлого мещанского существования. А может быть, следует дать иную интерпретацию. Смысл метафор Ионеско весьма часто непонятен и необъясним» [16, с. 64].

В вышедшей через год работе Т. В. Проскурниковой, посвященной пьесам Э. Ионеско и А. Адамова, также описываются элементы эстетики и поэтики абсурда: отсутствие мотивировок действия, нарушение причинно-следственных связей; победа инстинкта над разумом; алогичный характер мироустройства; одиночество и разобщенность людей. Т. В. Проскурникова рассматривает корни театра абсурда: творчество А. Жарри и Г. Аполлинера, театр жестокости А. Арто [17].

Интерпретация феномена театра абсурда посвящены и работы Ю. Г. Фридштейна (переводчика ряда пьес Гарольда Пинтера). В «Указателе современной английской драматургии» Ю. Фридштейн характеризует абсурдистские драмы следующим образом: «Создавая в своих пьесах нелепые, алогичные ситуации <...> абсурдисты выдвигают всегда один и тот же тезис: так есть, так будет всегда, чья-то злая воля нависла над нами и определяет нашу жизнь. Страх смерти – вот наиболее характерное ощущение, возникающее от пьес С. Беккета, Э. Ионеско, Ж. Жене»⁵.

⁴ Здесь и далее перевод с французского А. Тарасова: Делез Ж. Истоженный. URL: https://www.academia.edu/9492239/Жиль_Делёз_Истоженный_2_4 (дата обращения: 11.05.2021).

⁵ Современная английская драматургия 1956–1975: указатель литературы, сост. Ю. Г. Фридштейн; отв. ред. В. А. Скороденко. М.: ВГБИЛ, 1976. С. 14.

В 1971 г. печатается статья О. Г. Ревзиной и И. И. Ревзина, посвященная анализу коммуникации в пьесах Э. Ионеско «Лысая певичка» и «Урок». Авторы отказываются от рефлексии философских, социальных и культурных явлений, предлагая считать данные произведения «чистыми экспериментами» по использованию языка. Выявляется ряд «постулатов нормальной речи», которые нарушаются в абсурдистском тексте: о детерминизме; об общей памяти участников коммуникации; постулат тождества (участники коммуникации должны «иметь в виду одну и ту же действительность»); об одинаковом прогнозировании будущего; об информативности (отправитель должен сообщать получателю некоторую новую информацию); постулат истинности высказывания, адекватности между текстом и контекстом; о неполноте описания, редукции высказывания (в то время как в театре абсурда информация в высказываниях явно избыточна); о семантической связности высказываний в тексте [18].

Впоследствии данная классификация будет модифицирована швейцарским исследователем творчества Д. Хармса Ж.-Ф. Жаккардом [19]. В современном литературоведении существуют разнообразные подходы к теоретизированию абсурдистского дискурса.

Сравнение поэтики абсурда и русского авангарда, творчества ОБЭРИУтов неоднократно проводилось русскими (и русскоязычными) исследователями драмы [20–22].

М. Б. Ямпольский, развивая идею Ж. Делеза о серийности событий [23], характеризует картину мира Даниила Хармса следующим образом: «Мир Хармса подчинен всепронизывающему серийному принципу, выражающемуся, например, в избытии перечислений, повторов, разного ряда рядов. Но мир таких серий – это "дурной" мир. Важная функция литературы – нарушение этой внешней для подлинной жизни серийности. Хармсовский "абсурд" может быть понят именно в этом контексте» [24, с. 344]. Сложность анализа абсурдного текста заключается в том, что абсурд является не только объектом, но и методом познания мира. «Поскольку достижение смысла виртуального истинного "мира" достигается через сознательный разрыв возможных ассоциативных связей, абсурд становится <...> способом трансцендентного познания» [24, с. 177].

А. А. Кобринский, напротив, противопоставляет алогизм Д. Хармса абсурду, в том числе европейскому театру абсурда (антибытие). Хармс создает «деформированную логику», но не ее отсутствие [25].

Д. В. Токарев, сопоставляя творчество Д. Хармса и С. Беккета, приходит к выводу, что лежащий в основе литературы абсурда алогизм представляет собой определенную картину мира. «Быть абсурдным писателем – значит быть в абсурде, жить им, ощущать его не как конфликт мира и человека, а как некую внутреннюю реальность, не зависящую от исторических эпох и условий человеческого существования» [26, с. 98]. Для литературы абсурда, согласно

Д. В. Токареву, наиболее важной является проблема языка и письма. Исследователь формулирует: «идеальный алогический текст – это текст ненаписанный, несуществующий, текст, непосредственно соприкасающийся с тишиной <...> абсурдный текст – это текст о невозможности создать текст алогический» [26, с. 328].

Собственную теоретическую концепцию выстраивает О. Л. Черноричская. Она считает, что абсурд присущ культуре с древнейших времен: к нему приводит любая попытка логически осмыслить миф. Художественное мышление работает не напрямую, а посредством образов. Абсурдный образ неразложим на мифологемы, т.к. сам является мифологемой. Поэтика абсурда – тоже образ, в котором соединяются внешняя (художественная) и внутренняя (эпистемологическая) метафоры, отношения сходства и оппозиции. Интенция писателя-абсурдиста – обнажить логическое противоречие. При этом О. Л. Черноричская относит пик развития абсурда (прежде всего для русской литературы) на XIX в.. В случае же театра абсурда поэтика абсурда становится поэтикой «открытого эйдоса, открытой внутренней формы, более того – театрализованной внутренней формы, которая может быть чем-то вроде знака, обозначающего "суть"» [27].

Е. В. Ключев приходит к выводу, что абсурдный текст является квинтэссенцией художественного творчества: «В истории литературоведческой науки постепенно сложилось мнение, что чем глубже текст, то есть чем больше в нем "слоев", или уровней, и, стало быть, чем большему количеству интерпретаций он поддается, тем он "художественнее", – и с этой бесспорной мыслью мы совсем не склонны полемизировать. Приняв же ее, приходится действительно отдать пальму первенства литературе абсурда, допускающей практически бесконечное количество толкований. Условно говоря, литература абсурда есть наиболее "художественная" литература в составе художественной литературы в целом. По той же причине она не зависит от "времени и места" восприятия, то есть не приурочена ни к текущему моменту, ни к прошлому, ни к будущему – или опять же приурочена ко всему сразу» [28, с. 98].

Исследователь отмечает метаописательную функцию литературы абсурда: «Абсурд (подобно фольклору)... связан с наиболее глубинными структурами человеческой личности, с наиболее фундаментальным в ней, апеллируя к сущности, к природе личности, а не к ее социальным и проч. связям. Упорядоченность абсурда суть проявление его литературности. В этом смысле литература абсурда есть еще и наиболее "литературная" в составе литературы в целом. Она демонстративно литературна ("сделана", "выстроена", "структурирована"), так что "литературность" ее определенно показного свойства – и при этом часто издевательского: литература абсурда апеллирует прежде всего к самой литературе (воспроизводя ее в своем кривом зеркале) и только потом – к реальности» [28, с. 98].

В 2004 г. был издан сборник статей «Абсурд и вокруг». Будучи итогом работы международной конференции «Абсурд и славянская культура XX в.», он содержал работы как отечественных, так и зарубежных ученых и затрагивал различные проблемы: от изучения «грамматики» текста и вопросов эстетики до живописи и даже истории советской генетики. Вступительная статья О. Д. Бурениной-Петровой долгое время была основным источником сведений о западных концепциях абсурда в русскоязычном пространстве. Она обращает внимание на особое устройство абсурдного текста: «драматурги театра абсурда переосмысливают аристотелевскую логику, неприспособленную для "истинного" понимания мира. <...> Они создают средствами искусства мир абсурда, в котором воображаемое существует параллельно с реалистическим... <...> Метод антиномии, ограничивая сферу логического мышления, <...> подвергает разрушению в театре абсурда... "единство" места, времени и действия. Возникает абсурдная бесконечность, не поддающаяся рационально-логической реконструкции» [10, с. 59].

В собственной монографии О. Д. Буренина-Петрова, подобно Дж. Стайну, рассматривает абсурд как часть символистской модели мира. Возникновение абсурда связывается с символистским литературоцентризмом: невыполнимое полностью намерение создать свертхтекст закономерно влечет за собой практику создания «нулевых текстов». Другими источниками абсурда становятся фантастика, парадоксы, идеи символистов о слиянии музыки и поэзии. Театральный абсурд – итог интереса символистов (например, А. Блока) к балагану, площадному искусству. Демонтаж субъекта воплощается в сюжетах о куклах. Другое проявление абсурдизма, развившееся в эпоху символизма, – аномалии репрезентации телесности в литературных произведениях (например, описание необычных рук героя, рук автора / кукловода) [29, с. 30].

На сегодняшний день театр абсурда остается актуальной темой для осмысления [30–31], в том числе междисциплинарного характера [32–34]. Так, Е. Г. Доценко изучает место абсурда в памяти жанра комедии, выявляет метаописательный характер обыгрывания абсурдистами театральной условности [35]. М. С. Гревцев [36] и М. А. Голованева [37] исследуют пьесы театра абсурда с позиций когнитивной лингвистики, Е. В. Соколова описывает их как разновидность метадрамы [38]. О. Н. Зырянова рассматривает русские пьесы второй половины XX в. сквозь призму различных концепций театра абсурда [39]. С. Ф. Меркушов анализирует театральный абсурд в контексте русской литературы рубежа XX–XXI вв. [40].

Таким образом, в российском литературоведении сформировался определенный круг исследований театра абсурда. Также абсурдом занимаются и русскоязычные авторы из других стран. Ожидаемо, что ученые стремятся осмыслить место отечественной литературы в истории абсурдизма. Исследования, как правило, направлены на изучение

поэтики, эстетики, искусствоведческое рассмотрение текстов, в меньшей степени – на рефлексирование социального и психологического характера воздействия абсурдистского дискурса. Изучение театра абсурда всегда находится в тесной связи с философским, культурологическим, социологическим подходами. Отечественные исследования рассматривают абсурд преимущественно как литературное явление. Интересен охват текстов, определяемых как абсурдистские: в англоязычном литературоведении абсурдистские тексты описываются как феномен модернизма и постмодернизма, в то время как в русскоязычных исследованиях абсурд изучается в связи с поэтикой авангарда.

Заключение

Первый этап истории изучения феномена связан с трудами М. Эсслина, предложившего термин *театр абсурда*. Совершенное М. Эсслином открытие нового объекта теоретизирования привело в 1960–1980-е гг. к появлению большого круга работ, основывающихся на тезисах его книги или полемизирующих с ними. В данных работах был очерчен круг авторов и произведений, относимых к театру абсурда, выявлены границы явления. Однако вопрос об определении категории абсурда, признаках абсурдистского дискурса оставался открытым. Постижение театра абсурда развивается как в зарубежной, так и в отечественной науке как соотношение двух полюсов: абсурд мыслится как лингвистический феномен (языковая деконструкция) или как определенный способ существования человека в мире.

Большую роль в осмыслении абсурда в 1980–2000-е гг. сыграли работы философов-постструктуралистов, а также взаимодействие философского и литературоведческого подходов, определяющее принципы исторической эстетики.

В современной науке дискурс театра абсурда характеризуется следующими параметрами: деконструкцией культурных кодов, актуализацией архаической сущности театра, пародированием литературных и театральных конвенций, проблематизацией связи между знаком и референтом; объектом изображения являются расщепленное сознание, нестабильность миропорядка. Важнейшими категориями анализа абсурдистской драмы являются язык, речь, коммуникация.

В абсурдистском произведении коммуникация проблематизируется на разных уровнях: автор – герой, актер – зритель, текст – метатекст, текст – другой текст и др. Поэтому представляется перспективным дальнейшее изучение дискурсивного строения драмы абсурда, выявление общих моделей и закономерностей.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Эсслин М. Театр абсурда. СПб.: Балтийские сезоны, 2010. 528 с. [Esslin M. *The theatre of the absurd*. St. Petersburg: Baltiiskie sezony, 2010, 528. (In Russ.)]
2. Grossman M. L. Alfred Jarry and the theatre of the absurd. *Educational Theatre Journal*, 1967, 19(4): 473–477.
3. Brater E. The 'absurd' actor in the theatre of Samuel Beckett. *Educational Theatre Journal*, 1975, 27(2): 197–207.
4. Wegener A. H. The absurd in modern literature. *Books Abroad*, 1967, 41(2): 150–156.
5. Lieberman A. B. The well-made play and the theatre of the absurd: a study in attitude change. *Sociological Inquiry*, 1969, 39(1): 85–91. <https://doi.org/10.1111/j.1475-682X.1969.tb00943.x>
6. Oliver W. I. Between absurdity and the playwright. *Educational Theatre Journal*, 1963, 15(3): 224–235. <https://doi.org/10.2307/3204780>
7. Pattie D. *Samuel Beckett*. NY: Routledge, 2000, 223.
8. Zarhy-Levo Y. Dramatists under a label: Martin Esslin's *The Theatre of the Absurd* and Aleks Sierz' *In-Yer-Face Theatre*. *Studies in Theatre and Performance*, 2011, 31(3): 315–326.
9. Bennett M. Y. *Reassessing the theatre of the absurd: Camus, Beckett, Ionesco, Genet, and Pinter*. NY: Palgrave Macmillan, 2011, 179.
10. Буренина О. Д. Что такое абсурд, или По следам Мартина Эсслина. *Абсурд и вокруг*, отв. ред. О. Д. Буренина. М.: Яз. слав. культуры, 2004. С. 7–75. [Burenina O. D. What is absurd, or Following Martin Esslin's steps. *Absurd and beyond*, ed. Burenina O. D. Moscow: Iaz. slav. kultury, 2004, 7–75. (In Russ.)] EDN: QWHNIN
11. Стайн Дж. Сучасна драматургія в теорії та театральній практиці. Т. 2. Символізм, сюрреалізм і абсурд. Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка, 2003. 272 с. [Stayan J. *Modern drama in theory and practice*. Vol. 2. *Symbolism, surrealism and the absurd*. Lviv: Ivan Franko National University of Lviv, 2003, 272. (In Ukr.)]
12. Abel L. *Metatheatre: a new view of dramatic form*. NY: Holmes & Meier Pub, 2003, 208.
13. Burkman K. *The dramatic world of harold pinter: its basis in ritual*. Columbus, Ohio: Ohio State UP, 1971, 171.
14. Deleuze G. *L'éprouvé*. In: *Beckett S. Quad et autres pieces pour la television*. Paris: Éditions de Minuit, 1992, 55–106.
15. Пави П. Словарь театра. М.: Прогресс, 1991. 504 с. [Pavis P. *Dictionary of the theater: terms, concepts, and analysis*. Moscow: Progress, 1991, 504. (In Russ.)]
16. Михеева А. Н. Когда по сцене ходят носороги... Театр абсурда Эжена Ионеско. М.: Искусство, 1967. 174 с. [Mikheeva A. N. *When rhinos walk the stage... Eugene Ionesco's theater of the absurd*. Moscow: Iskuststvo, 1967, 174. (In Russ.)]
17. Проскурникова Т. В. Французская антидрама (50–60-е годы). М.: Высш. шк., 1968. 104 с. [Proskurnikova T. V. *French antidrama (50–60s)*. Moscow: Vyssh. shk., 1968, 104. (In Russ.)]
18. Ревзина О. Г., Ревзин И. И. Семиотический эксперимент на сцене (Нарушение постулата нормального общения как драматургический прием). *Труды по знаковым системам*. Т. 5. № 284. С. 232–254. [Revzina O. G., Revzin I. I. Semiotic experiment on stage (Violation of the postulate of normal communication as a dramatic device). *Sign Systems Studies*, 1971, 5(284): 232–254. (In Russ.)]
19. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб.: Акад. проект, 1995. 471 с. [Jaccard J.-P. *Daniil Harms and the end of the Russian avant-garde*. St. Petersburg: Akad. projekt, 1995, 471. (In Russ.)]
20. Красильникова Е. Г. Русская авангардистская драма: человек отчужденный. *Русская литература*, 1998. № 3. С. 57–68. [Krasilnikova E. G. Russian avant-garde drama: a man estranged. *Russkaia Literatura*, 1998, (3): 57–68. (In Russ.)]
21. Васильев И. Е. Русский поэтический авангард XX века. Екатеринбург: Урал. ун-т, 1999. 320 с. [Vasil'ev I. E. *Russian political avant-garde of the XX century*. Ekaterinburg: USU, 1999, 320. (In Russ.)]
22. Марков В. Ф. История русского футуризма. СПб.: Алетейя, 2000. 432 с. [Markov V. F. *History of Russian futurism*. St. Petersburg: Aleteiia, 2000, 432. (In Russ.)]
23. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академия, 1995. 298 с. [Deleuze G. *The logic of sense*. Moscow: Academia, 1995, 298. (In Russ.)]
24. Ямпольский М. Б. Беспамятство как исток (читая Хармса). М.: НЛО, 1998. 384 с. [Jampol'skij M. B. *Unconsciousness as the source (reading Harms)*. Moscow: NLO, 1998, 384. (In Russ.)]
25. Кобринский А. А. Поэтика «ОБЭРИУ» в контексте русского литературного авангарда XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1999. 39 с. [Kobrinsky A. A. *The poetics of the Union of Real Art in the context of Russian literary avant-garde*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. St. Petersburg, 1999, 39. (In Russ.)]
26. Токарев Д. В. Курс на худшее: абсурд как категория текста у Даниила Хармса и Сэмюэля Беккета. М.: НЛО, 2002. 336 с. [Tokarev D. *Course for the worst: absurd as a text category in Harms and Beckett's works*. Moscow: NLO, 2002, 336. (In Russ.)]
27. Черноризкая О. Л. Поэтика абсурда. Т. 1. Классика. Вологда, 2001. 87 с. [Chernoritskaia O. L. *Poetics of the absurd*. Vol. 1. *Classics*. Vologda, 2001, 87. (In Russ.)] URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/001/090/index.htm> (accessed 12 Mar 2019).

28. Ключев Е. В. Теория литературы абсурда. М.: УРАО, 2000. 104 с. [Klyuev E. V. *Theory of literature of the absurd*. Moscow: UREA, 2000, 104. (In Russ.)]
29. Буренина-Петрова О. Д. Символистский абсурд и его традиции в русской литературе и культуре первой половины XX века. СПб.: Алетейя, 2014. 332 с. [Burenina-Petrova O. *Symbolist absurd and its traditions in Russian literature and culture of the first half of the XX century*. St. Petersburg, Aleteia, 2014, 332. (In Russ.)]
30. Абсурд в коммуникациях, или Общение без понимания, ред. Е. С. Никитина. М.: ЛЕНАНД, 2018. 160 с. [Absurd in communication, or Conversation without understanding, ed. E. S. Nikitina. Moscow: LENAND, 2018, 160. (In Russ.)]
31. Абсурд в языке и коммуникации, отв. ред. Л. Л. Федорова. М.: РГГУ, 2020. 283 с. [Absurd in language and communication: collected articles, ed. Fedorova L. L. Moscow: RSUH, 2020, 283. (In Russ.)] EDN: GZAJKV
32. Бушев А. Б. Риторический прием «сведение к абсурду» и модели абсурда в литературе. *Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты*. 2021. № 26-1. С. 109–111. [Bushev A. B. Reductio ad absurdum rhetorical device and absurdity models in fiction. *Lingvoritoricheskaia paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty*, 2021, (26–1): 109–111. (In Russ.)] EDN: FCOVAZ
33. Петрачкова И. М. Своеобразие онимических средств в драматургических текстах театра абсурда Дмитрия Липскерова. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2021. № 1. С. 64–76. [Petrachkova I. M. The originality of onymic means in the dramatic texts of the theater of the absurd by Dmitry Lipskerov. *Journal of the Belarusian State University. Philology*, 2021, (1): 64–76. (In Russ.)] EDN: QBKQXH
34. Михальков Г. М. Коммуникативный абсурд как реальная абсурдная ситуация. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2017. № 2-1. С. 74–77. [Mikhal'kov G. M. Communicative absurd as a real absurd situation. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2017, (2-1): 74–77. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.56.110>
35. Доценко Е. Г. Абсурд как проявление театральной условности. *Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2004. № 33. С. 97–112. [Dotsenko E. G. Absurd as a manifestation of theatrical conventions. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, 2004, (33): 97–112. (In Russ.)]
36. Гревцев М. С. Феномен абсурда в драматургических текстах разноязычных культур: когнитивно-лингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. 25 с. [Grevtsev M. S. *Phenomenon of the absurd in dramatic texts of different cultures: cognitive-linguistic aspect*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Stavropol, 2007, 25. (In Russ.)] EDN: ZNNMQP
37. Голованева М. А. Деструктуризация как механизм создания абсурда в русской драме абсурда конца XX века (коммуникативно-когнитивный аспект). *Гуманитарные исследования*. 2021. № 2. С. 26–30. [Golovaneva M. A. Destructurization as the mechanism of creation of absurdity in Russian drama of absurdity of the end of the XX-th century (communicatively-cognitive aspect). *Gumanitarnyye issledovaniya*, 2021, (2): 26–30. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21672/1818-4936-2021-78-2-026-030>
38. Соколова Е. В. Игровые концепции в драматургии эпохи модернизма. Метадрама: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2009. 23 с. [Sokolova E. V. *Game concepts in Modernist drama. Metadrama*. Cand. Culturology Sci. Diss. Abstr. St. Petersburg, 2009, 23. (In Russ.)] EDN: NLBOOV
39. Зырянова О. Н. Поэтика абсурда в русской драме второй половины XX – начала XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2010. 22 с. [Zyryanova O. N. *Poetics of absurd in Russian drama of the 2nd half of the XX – early XXI century*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Krasnoyarsk, 2010, 22. (In Russ.)] EDN: QGYLSJ
40. Меркушов С. Ф. Репрезентация абсурда в русской литературе конца XX – начала XXI в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2020. 45 с. [Merkushov S. F. *Representation of the absurd in Russian literature of the late XX – early XXI century*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Tver, 2020, 45. (In Russ.)]

оригинальная статья

О феномене поста в раннехристианской англосаксонской традиции

Проскурина Анна Вячеславовна

Новосибирский государственный технический университет, Россия, Новосибирск

<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57204811594>

<https://orcid.org/0000-0001-9026-2511>

a.vyacheslavovna@gmail.com

Поступила в редакцию 29.06.2022. Принята после рецензирования 05.08.2022. Принята в печать 08.08.2022.

Аннотация: Рассматривается древнеанглийская поэма X в. *Seasons for Fasting*, состоящая из 230 строк, сквозь призму экспликации темы соблюдения постов в древнеанглийской традиции. Поэма наравне с другими древнеанглийскими христианскими проповедями и поэмами также являет собой внушение нравственных правил относительно праведной раннехристианской жизни, представляя собой первый свод правил соблюдения сезонных постов. В настоящей статье приводится авторский перевод поэмы *Seasons for Fasting*. Ставится проблема междисциплинарного изучения феномена поста и репрезентации непрекращаемого положения веры в древней культуре англосаксов. Привлекаемые для анализа древнеанглийской поэмы тексты Ветхого и Нового Заветов, мифы индоевропейцев показали глубинную культурную взаимосвязь архаических традиций. Развернутое представление о богооткровенной истине находит отражение уже в ранней письменной традиции: христианским текстам свойственны упоминания заповедей из Ветхого Завета, переплетенных с нравственными установками Нового Завета. Общая цель и задачи исследования определяют комплексный характер используемых традиционных методов филологического анализа текстов и семиотического подхода к текстам. Анализ древнеанглийского текста показал, что взгляд на пищу как сакральную и профанную проявляется уже на ранних этапах становления религиозного сознания. Традиционно вопросы, связанные с постом, рассматриваются в рамках молитвенных обращений. Освещаются вопросы, связанные с символизмом огня, горы, космического начала, жертвоприношений, погружения в воду, погребения, Царства Небесного в контексте анализируемого материала. Древнеанглийская поэма акцентирует внимание читателей на новозаветную идею о невозможности вхождения в Царство Божье грешникам без покаяния и осознания своей несправедливой жизни. В работе приводится список вариативных обращений к Богу, используемых в поэме, что свидетельствует о развитой христианской традиции в древнеанглийский период, тогда как прямое наименование дьявола отсутствует.

Ключевые слова: пост, сакральное, профанное, древнеанглийская поэма *Seasons for Fasting*, Библия

Цитирование: Проскурина А. В. О феномене поста в раннехристианской англосаксонской традиции. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 5. С. 635–653. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-635-653>

full article

Phenomenon of Fasting in the Early Christian Anglo-Saxon Tradition

Anna V. Proskurina

Novosibirsk State Technical University, Russia, Novosibirsk

<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57204811594>

<https://orcid.org/0000-0001-9026-2511>

a.vyacheslavovna@gmail.com

Received 29 Jun 2022. Accepted after peer review 5 Aug 2022. Accepted for publication 8 Aug 2022.

Abstract: The Old English poem *Seasons for Fasting* was written in the X century and consists of 230 lines. This article describes it through the prism of fasting in the Old English tradition. Like any other Old English Christian sermon, *Seasons for Fasting* focused on the moral rules of Christian life. It represented the first procedures for seasonal fasts. The author translated the poem and performed an interdisciplinary study of the phenomenon of fasting against the background of the indisputable position of faith in the Anglo-Saxon culture. The Old and New Testaments, as well as the Indo-European myths, showed the deep cultural interconnection of archaic traditions. A detailed idea of divinely revealed truth was reflected already in the earliest Christian texts where references to commandments from the Old Testament intertwined with the moral principles of the New Testament. The goal of the study was to determine the complex nature of the traditional methods used for philological analysis

of texts and the semiotic approach to texts. The view of food as sacred and profane was manifested already at the early stages of the religious consciousness development. Traditionally, fasting issues were considered as part of prayer appeals. *Seasons for Fasting* stressed the New Testament idea that sinners could not enter the Kingdom of God without repentance and awareness of their unrighteous life. The paper highlights the symbolism of fire, mountains, cosmos, sacrifice, submersion, burial, and the Kingdom of Heaven. The article also provides a list of variant addresses to God used in the poem: the Old English period saw a well-developed Christian tradition, which had no direct naming for the devil.

Key words: fasting, sacral, profane, Old English poem *Seasons for Fasting*, Bible

Citation: Proskurina A. V. Phenomenon of Fasting in the Early Christian Anglo-Saxon Tradition. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(5): 635–653. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-635-653>

Введение

Одним из важных элементов в молитвенном общении человека с высшим существом является последовательное соблюдение поста, а иногда даже и полный отказ от еды и питья. Разграничение пищи на сакральную и профанную обнаруживается на ранних этапах религиозного становления. Так, Ю. С. Степанов обобщает парные оппозиции терминов *святое* и *скверна* следующим образом: «в поле "Святое, священное" противопоставляются, с одной стороны, "обладающие этим качеством по самой своей природе, по сущности, следовательно – от богов" и, с другой стороны, "наделенное этим качеством в силу действия человека, но действия, произведенного "как положено", "по правилам", по ритуалу» [1, с. 868]; главный признак такого действия – отделение священного от профанного, отделение неприкасаемого мира богов от мира людей. Э. Бенвенист, изучая обозначения «священного» в общиндо-европейском языке, обнаруживает отсутствие особого термина и одновременно двойное обозначение во многих отдельных языках (иранских, латыни, греческом). Изучение всех засвидетельствованных пар – авест. *spanta: yaozdāta* (ср. также гот. *hails: weihs*), лат. *sacer: sanctus*; гр. *hierós: hágios* – заставляет предполагать в предыстории языка одно понятие в двух видах: положительном – 'освященное присутствием божества' – и отрицательном – 'то, соприкосновение с чем для человека запретно'. Гр. *hósios* не входит в обозначение «священного»: его значение определяется двойным противопоставлением *hierós* и *dikaíos* (*ierós* и *oikaíos*) 'то, что богами дозволено людям'.

Согласно Э. Дюркгейму, тотемические верования австралийских аборигенов зиждутся на употреблении в пищу профанных животных и растений, тогда как тотемы, имеющие сакральный характер, запрещены, однако могут употребляться в мистической трапезе. Запрет на употребление сакральной пищи не относится к старикам и к людям, достигшим высокого религиозного статуса, поскольку в обществе они считаются священными. Такое правило характерно не только для тотемизма [2, с. 247, 250]. В Пятикнижии Моисея приведена особая форма существования с Яхвой – правила питания. К. Армстронг

указывает, что если израильтяне будут подражать деянием Бога, отделяя молоко от мяса, чистое от нечистого, день отдохновения от будней, соблюдая мицвот, то лишь в этом случае человеческое естество станет святым [3, с. 78]. Обратимся к Второзаконию: ³Не ешь никакой мерзости. ⁴Вот скот, который вам можно есть: вола, овцы, козы, ⁵олень и серна, и буйвол, и лань, и зубр, и орикс, и камелопард. ⁶Всякий скот, у которого раздвоены копыта и на обоих копытах глубокий разрез, и который скот жует жвачку, тот ешьте; ⁷только сих не ешьте из жующих жвачку и имеющих раздвоенные копыта с глубоким разрезом: верблюда, зайца и тушканчика, потому что, хотя они жуют жвачку, но копыта у них раздвоены: нечисты они для вас; ⁸и свиньи, потому что копыта у нее раздвоены, но не жует жвачки: нечиста она для вас; не ешьте мяса их, и к трупам их не прикасайтесь. ⁹Из всех животных, которые в воде, ешьте всех, у которых есть перья и чешуя; ¹⁰а всех тех, у которых нет перьев и чешуи, не ешьте: нечисто это для вас. ¹¹Всякую птицу чистую ешьте; ¹²но сих не должно вам есть из них: орла, грифа и морского орла, ¹³и коршуна, и сокола, и кречета с породой их, ¹⁴и всякого ворона с породой его, ¹⁵и страуса, и совы, и чайки, и ястреба с породой его, ¹⁶и филина, и ибиса, и лебедя, ¹⁷и пеликана, и сипа, и рыболова, ¹⁸и цапли, и зуя с породой его, и удода, и нетопыря. ¹⁹Все крылатые пресмыкающиеся нечисты для вас, не ешьте [их]. ²⁰Всякую птицу чистую ешьте. ²¹Не ешьте никакой мертвечины; иноземцу, который случится в жилищах твоих, отдай ее, он пусть ест ее, или продай ему, ибо ты народ святой у Господа, Бога твоего. Не вари козленка в молоке матери его².

Дж. Дж. Фрэзер указывает на общий предрассудок евреев, африканских племен и некоторых народов Европы о вреде кипячения молока, основанный на симпатической магии. Имеется поверье, что молоко, непосредственно отделенное от животного, не теряет своей жизненной связи с ним, поэтому всякий вред, нанесенный молоку, имеет свое непосредственное влияние и на животное. Следовательно, кипячение молока в посудине равносильно кипячению в вымени, что будет являться причиной дальнейшего отсутствию молока у животного, его болезни

¹ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.

² Второзаконие. Гл. 14. Стих: 3–21.

и даже смерти. Примечателен запрет на пролитие молока на огонь, т. к. это равносильно сожжению самого парнокопытного. В представлении этих народов существует тесная симпатическая связь между коровой, ее теленком и молоком. Таким образом, древняя еврейская заповедь «не вари козленка в молоке матери его» предостерегает о вреде основному источнику пищи. Дж. Дж. Фрэнгер выдвигает предположение о том, что подобный запрет адресовался против обжорства, осуждаемого общественным мнением, которое угрожает существованию целого племени, подрывая основной источник питания. Как скоро пастушеская жизнь предполагала боязнь уменьшения стада, тогда возникает запрет на смешение в желудке мяса и молока, а не только в посудине, предполагающий соблюдение значительного промежутка времени между приемами этих продуктов. Деление животных на чистых и нечистых, съедобных и несъедобных, употребление молочных и мясных продуктов предполагает предсказуемые мистические опасения [4, с. 428–441].

Ритуалы, по мнению В. Тэрнера (занимающегося африканскими ритуалами), лежащие в основе мистического представления, являются стереотипной последовательностью действий, включающих в себя жесты, слова и объекты, исполняющиеся на специально подготовленном месте и предназначенные для воздействия на сверхъестественные силы в целях исполнителей. Обратимся к мысли ученого: «Ритуалы могут быть сезонными, посвященными культурно отмеченному моменту перемен климатического цикла или началу такого рода деятельности, как посев, жатва или передвижение с зимних пастбищ на летние; ритуалы могут быть также зависящими от обстоятельств, вызванных критическими периодами в жизни отдельного человека или коллектива. Ритуалы по случаю могут быть, в свою очередь, разделены на церемонии жизненных переломов, исполняемые при рождении, совершеннолети, браке, смерти и т. п. для обозначения перехода от одной фазы индивидуального жизненного цикла к другой, и ритуалы бедствия, которые исполняются для умиротворения либо изгнания сверхъестественных существ или сил, навлекающих, по поверьям, на жителей деревни болезни, неудачи, гинекологические недомогания, серьезные повреждения и т. п. Другие виды ритуалов включают ритуал гадания; церемонии, исполняемые политическими властями для обеспечения здоровья и плодородия людей, животных и злаков на их территории; посвящение в жреческую службу определенным божествам, в религиозные ассоциации или тайные общества, а также ритуалы, сопровождающие ежедневные приношения еды и питья божествам или духам предков либо тем и другим» [5, с. 32]. Это общий набор ритуальных практик, который мы так или иначе встречаем и в авраамических религиях. Так, Э. Б. Тайлор описывает смысл религиозного

обряда, следствие которого заключается в болезненной экзальтации: «Связь между постом и общением с духами считается у зулусов столь тесной, что у них есть поговорка: "Постоянно сытый не может видеть тайных вещей". В жирного пророка они никогда не уверуют. Вера в эти ожидаемые или достигаемые результаты поста сохраняется и у сравнительно культурных народов. Поэтому неудивительно, что в индусской сказке царь Васавадатта со своей царицей после торжественного покаяния и трехдневного поста увидели во сне Шиву, милостиво беседовавшего с ними. Неудивительно также, что индусские йоги по сие время доводят себя постом до состояния, в котором они будто бы способны видеть богов телесными глазами. У греков жрецы-оракулы признавали пост средством вызывать пророческие сны и ведения. Сама дельфийская пифия постилась для вдохновения. Гален замечает, что у постящихся сны бывают всего яснее. Спустя века обычай этот перешел и в христианство. Так, архангел Михаил является с мечом в правой руке и с весами в левой некоему священнику в Спонтте, который пропостился и промолился целый год. Священник спрашивал его, не угодно ли будет ему, чтобы в его честь был выстроен храм» [6, с. 486–487].

Следовательно, соблюдение духовно-аскетических практик способствуют (двустороннему) общению верующих с верховными силами. Постящимся пророкам авраамических религий являлся один и тот же Бог. Так, на сороковой день поста Моисей узрел Яхве: *И пробыл там [Моисей] у Господа сорок дней и сорок ночей, хлеба не ел и воды не пил*³, а Мухаммад на горе Хира в семнадцатую ночь месяца рамадан.

Обратимся к священному писанию арабов: *О вы, которые уверовали! Предписан вам пост, подобно тому, как он был предписан тем, кто жил до вас, – быть может, вы станете богобоязненными – 184. На некоторое число дней, [Богом] установленное. А если болен кто-либо из вас или находится в пути, то поститься следует в другое время [сколько пропущено]. А тем, кому трудно поститься [из-за неизлечимой болезни или старости], надлежит кормить бедняка во искупление [постов пропущенных]. И кто бы по доброй воле [т.е. без принуждения] ни сделал больше, то ему же это и во благо. А в посте для вас польза добрая – знали бы вы только это. 185. И когда вступит кто-либо из вас в месяц рамадан, в котором был ниспослан Коран – руководство [истинное] для людей, разъяснение прямого пути и различие [истины и лжи], – пусть проводит постясь [эти дни]. А если будет кто болен или в пути, то пусть постится столько же дней в другой месяц. Желает вам Аллах облегчения, а не затруднения, желает, что бы постились вы все дни [отведенные для этого], чтобы вы возвеличивали Аллаха за то, что наставил Он вас на путь истинный. Быть может, возблагодарите вы Его*⁴. В Книге Нового Завета также уделяется особое внимание соблюдению постов: *Тогда Иисус*

³ Исход. Гл. 34. Стих: 28.

⁴ Сура 2. Ал-Бакара (Корова): 183–185.

возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола,⁵ и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал⁶; Рукоположив же им пресвитеров к каждой церкви, они помолились с постом и предали их Господу, в Которого уверовали⁶.

Практическая значимость настоящего исследования заключается в реконструкции древних практик поста. Новизна исследования определяется введением в современный научный оборот перевода поэмы X в. *Seasons for Fasting*, актуальность – общим интересом современной семиотики и языкознания к негенетическим формам передачи информации. Следовательно, исследовательский фокус статьи сужается до проблемы междисциплинарного изучения феномена поста и репрезентации догмата в древней культуре англосаксов, привлекая для сравнения тексты иудео-христианской культуры и архаические мифы индоевропейцев.

Материал и методы

Материалом исследования послужили древнеанглийская поэма *Seasons for Fasting* (230 строк) и «Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета» (по благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексея II), (1 296, XXXII стр.), контексты которой позволяют проделать лингвистический

и филологический анализ текста поэмы, перевод на русский язык которой представлен впервые. В связи с тем, что христианство является предпоследней монотеистической религией осевой эпохи, а ислам – последней, в которой почитается пророк Мухаммед как приемник ветхозаветных пророков и Христа, в настоящей статье также будут приводиться отрывки из Корана.

Общая цель и задачи исследования определяют комплексный характер используемых традиционных методов филологического анализа текстов и семиотического подхода к текстам, но в новом качестве – во внимание принимаются совокупность коммуникативно-релевантных факторов, обуславливающих высказывание, а также ситуативная и контекстная отнесенность лексического значения.

Результаты

Христианские поучения о важности соблюдения постов легли в основу повествования древнеанглийской поэмы X в. *Seasons for Fasting*, сохранившейся в виде копии XVI в. (*Cotton Otho B. ix*), в рукописи Британского музея *Additional 43703* (табл. 1). Оригинал текста представлен по изданию *Old English Shorter Poems*⁷; перевод на русский язык наш. – А. П.

Табл. 1. Время поста: оригинал (*Old English Shorter Poems*) и перевод (А. В. Проскурина)

Tab. 1. *Seasons for Fasting*: original (*Old English Shorter Poems*) and translation (A. V. Proskurina)

Seasons for Fasting		Время поста	
	Wæs on eald-dagum Israheala folc þurh Moysen, mærne lareow, anlyht and gelared. Swa hine lifes frea, heofna heah-cyning, her on life		Давным-давно народ Израиля Моисеем, прославленным учителем, был просвещен и вразумлен.
5	þurh his sylfes word sette for leodum, rincum to ræde, and him runa gescead sylfum asæde, hu he þone soþan weg leofun leodscipe læran sceolde. Ða se leoda fruma larum fyligde	5	Так, по его словам, Владыка жизни, высший Царь небесный, определил его, Моисея, ради народа, наставником для людей при жизни здесь, и раскрыл ему смысл таинств, как ему следует наставить на путь истинный этот любимый народ.
10	heofena heah-cyninges, and þa hæleþ samod, swa hie on leodscipe lærede wæron. Gyf hie wancule weorc ongunnon, heom þæs of heofonum hearm to leane asende sigora God, and hie sona to him	10	А посему этот служитель народа покорился учению небесного верховного Царя, ровно, как и люди, будучи наставленными быть частью племени. Если же они проявят нерешительность, Бог побед ниспослет
15	fryþa wilnodan and þær fundon raþe, gif hie leohtras heora letan gewyrpan. Feala is mægena þe sio mære þeod on þam herescype heold and worhte, þendan hie lifes frean lufian woldon.	15	наказание с небес как плату за это, и тотчас они взмолятся о мире, и торопко решится, смогут ли они исправить свой порочный путь. Многие из них были силами, которыми обладало и наглядно показало это прославленное племя в своей битве, пока они желали любить Повелителя жизни.

⁵ Евангелие от Матфея. Гл. 4. Стих: 1–2.

⁶ Деяние святых Апостолов. Гл. 14. Стих: 23.

⁷ *Old English shorter poems*, edited and translated by Christopher A. Jones. Harvard University Press, 2012, 456.

Seasons for Fasting		Время поста	
20	Ac him se ende wearð earm and þrealic, þa hie besyredon sylfne dryhten, on beam setton and to byrgenne ...gedemdon. He þær bedigled wæs, and þy þryddan dæge þeodum ætywed.	20	Но их конец был несчастным и губительным, когда они предали самого Господа, прибили Его к дереву и уготовили Ему... могилу. Там он был захоронен, и на третий день он предстал перед язычниками.
25	We þæt gehyrdon hæleþa mænige on boc-stafum breman and writan, þæt hie fæstenu feower heoldon and þonne offredan unmæne neat – þæt is lamb oþþe styrс – leofum to tacne	25	Мы слышали о многих мужей, прославляющих и записывающих, что они соблюдали четыре поста, и что впоследствии они будут приносить в жертву, в знак своего возлюбленного, Господа, невинное животное – ягнjenка,
30	þe for worulde wæs womma bedæled... Ac arisan ongan rices ealdor of byrgenne, blæda gefyllen, and mid heofen-warum ham gesohte, eard mid englum, and us eallum	30	или молодого быка, свободного от греха, согласно взгляду всего мира... Однако Владыка Царства Небесного решил восстать из могилы, преисполненный величия, и Он отыскал кров среди небесных жителей, жилище с ангелами; Он вселил в нас ту же надежду,
35	þone hynt gehateð, gyf we his willaþ þurh rihtne sefan rædum fyligan. Na þær in cumeð atele gefyllen, womme gewesed, ac scal on wyrd sceacan. Nu we herian sceolan her for life	35	если только мы покоримся Его воли Божьей благочестивым состоянием духа. Никто, кто переполнен грехом, пропитан осквернением, не войдет туда; то есть он должен отказаться от своей участи. А теперь всю нашу жизнь здесь нам
40	deorne dæd-fruman, and him dogera gerim ælmes-dædum ure gefyllan, and on fæstenum, swa se froda iu Moyses mælde. And we þa mearce sceolan heoldan higefæste her mid Anglum,	40	следует благодарить горячо любимого Создателя и ради Него наполнять наши уготованные дни делами милосердия и постами, о том же говорил мудрец Моисей в давние времена. И с непоколебимым духом нам нужно здесь блюсти дни поста среди англичан,
45	swa hie gebrefde us beorn on Rome, Gregorius, gumena papa. We þæt forme sceolan fæsten heowan on þære ærestan wucan lengtenes, on þam monþe þe man Martius	45	так как они были написаны для нас в Риме благородным Григорием, папой всех людей. Первоначальный пост, который мы должны соблюдать на первой неделе Великого поста, в месяц, который во
50	geond Rom-wara rice nemneð. And þær twelfe sceolan torhtum dihte runa gerædan in þæs rican hofe, heofona heah-cyninges, herian mid sange, wlanсne weorþian wuldres bryttan.	50	всем государстве римлян называется мартом. И в этом случае мы должны прочесть двенадцать таинств в великолепной последовательности на суде могущественного, верховного Царя небес, и мы должны почитать великолепного Дарователя славы, прославить его песней.
55	Ofer þa Easter-tid oper fæsten ys to bremenne Brytena leodum mid gelicum lofe þe gelesu hafað, on þære wucan þe æfter cumeð þam sunnan-dæge þe geond sidne wang	55	Следом за Пасхальным временем народы Британии должны держать второй пост, сопровождаемый схожими церковными обрядами, поскольку включает чтения, в течение недели, следующей за воскресеньем, которое священники на этой широкой равнине
60	Pentecostenes dæg preostas nemnað, on þam monþe, þæs þe me þinceð, þe man Iunius gearum nemde. Ðonne is þæt þrydde þinga gehwelces fæsten on foldan fyra bearnum	60	называют днем Пятидесятницы, год за годом, в том месяце, который, я полагаю, получил имя июнь. Затем третий пост, имеющий схожие приготовления, должен праздноваться
65	dihte gelicum on þam deoran hofe to brymenne beorhtum sange on þære wucan þe ælda byð em-nihtes dæge ælda beornum, on þam monþe, mine gefræge,	65	на земле среди детей человеческих с чудесной песней в честном храме, и это на неделе, которая приходится для детей смертных, перед днем равноденствия, в месяце, который,

Seasons for Fasting		Время поста	
70	þe man September side genemneð. We þæt feorþe sceolen fæsten gelæstan on þære wucan þe bið ærur full dryhtnes gebyrde, and we mid deornum scylan, wordum and weorcum, wuldres cyninge	70	как я слышал, в различных местах называют сентябрем. Четвертый пост мы должны соблюдать целую неделю, предшествующую рождению Господа, и посредством наших таинств, словами и делами, мы должны в тот же самый срок, как и в предыдущие, упорно воздать Господу,
75	in þa ylcan tid eallum gemynde þeodne deman þinga gehwylces, efne swa swa ærran, and þone arwesan leofne leoda frean lifes biddan. On þissum fæstenum is se feorþa dæg	75	Царю славы, его должное за всё, и молиться о жизни почитаемому, горячо любимому Господу народов. В течение этих постов четвертый
80	and sixta samod seofþa getinge to gelæstanne lifes ealdre and to bremenne boca gerynum emb þa nigofan tyd. Nan is on eorþan, butan hine unhæl an geþreatige,	80	и шестой день вместе с седьмым, непосредственно следующим за ними, должны соблюдаться во имя Господа жизни и праздноваться в девятый час с таинствами, записанными в книгах. Нет никого на земле, кому было бы
85	þe mot æt oþþe wæt ærur picgan, þæs þe us boca dom demed þeodlic. Gif þe þonne secgan suþan cymene Bryttan oððe Franca, þæt þu gebban sceole her on eorþan ænig healdan,	85	дозволено отведать пищу и питье до этого часа, только в случае, если поразила хворь, в соответствии с тем, что чинопоследования в книгах предписывают нам повсеместно. Если бретонцы или франки, прибывающие с юга, будут уверять вас, что вы должны соблюдать любую заповедь здесь, на земле, основанную на
90	þæs þe Moyses iu mælde to leodum, na þu þæs andfeng æfre gewyrþe; ac þu þæt sylfe heald þæt þe suþan com from Romana rices hyrde, Gregoria, gumena papa.	90	том, что Моисей сказал народам в давние времена, не будьте восприимчивы к этому измышлению; скорее придерживайтесь подобной заповеди, которая дошла до вас с юга, от хранителя римских владений, Григория, папы всех людей.
95	þus he gesette sylf ond dyhte þa þenunga, þeod-lareow, fæstend-tida; we þam forþ nu gyt geond Engla land estum filiað, swa he æt þæm setle sylfa gedemde	95	Учитель народов сам определил и установил службы во время поста; даже сейчас мы охотно совершаем их по всей Англии так, как он сам постановил
100	sancte Petres. Preostas syþþan lange lifes tyd leordun þæt sylfe, þæt þu oprum ne scealt æfre filian. Eac we feowertig daga fæsten healden ær þæm æriste ures dryhtnes,	100	с престола святого Петра. С тех пор священники на протяжении всей своей жизни учили одному и тому же таинству, что вы никогда не должны следовать никаким другим. Мы также соблюдаем пост в течение сорока дней до воскресения нашего Господа, который люди теперь
105	þæt nu lengten-tid leoda nemnað, and hit ærest ongan eorl se goda, mære Moyses, ær he on munt styge. He þæt fæsten heold feowertig daga and nyhta samod, swa he nahtes anbat	105	называют периодом Великого Поста, и именно этот добрый человек, прославленный Моисей, первым установил его, прежде чем возшел на гору. Он соблюдал этот пост сорок дней и сорок ночей, так что он ничего не вкусил,
110	ær he þa deoran æ dryhtnes anfenge. Him þær gesealde sylfe dryhten brenne boca cræft, bæle behlæned, of his haligan handa gescrifene, het hine leodum þone leoran and tæcan	110	прежде чем принял закон Господень. Там сам Господь, объятый пламенем, даровал ему (Моисею) прославленное знание книг, писаний, собственными святыми руками, повелел ему учить и объяснять это людям посредством человеческой изобретательности; это
115	elda orþancum, eallum to tacne þæt we mind fæstene magon freode gewinnan and þa deopan dryhtnes gerynu, þa þe leoran sceolan leoda gehwylce, gif us þære duguþe hwæt dryhten sylleð.	115	Бог совершил это в знак для всех нас, что мы, обязанные учить каждый народ, сможем постом достичь дружбы и глубоких тайн Господа, если Господь наделит нас некоторой долей добродетели.

Seasons for Fasting		Время поста	
120	Eft Helias, eorl se mæra, him on westene wiste geþigede, þær him symbel-bread somod mid wætere dryhtnes engla sun dihte togeanes; and se gestrangud wearð styþum gyfle	120	Илия, этот знаменитый человек, тоже получил пищу в пустыне, где один из ангелов Господа поставил перед ним пиршественный хлеб и воду; и благодаря этой строгой диете он
125	to gefæstenne feowertig-daga and nihta samod, swa he nahtes anbat ær he on Horeb dun hali ferde. Uton þæt gerine rihte gehicgan, þæt se mæra þegen mihta ne hæfde	125	получил силу поститься сорок дней и ночей, так что он ничего не вкусил перед тем, как отправиться, святой, на гору Синай. Давайте должным образом поразмышляем над этим таинством: у прославленного слуги не было сил
130	to astigenne stæppon on ypplen ær him þæt symbel wearþ seald fram engle. We sint on westene wuldres blisse on þæm ænete earla gefeana; nu is helpes tid, halig dryhten,	130	подняться по ступеням на вершину, прежде чем тот пир был устроен ему ангелом. Мы, со своей стороны, существуем в месте, покинутым счастьем славы, в уединении, лишенном всех радостей; теперь время, о святой Господь, для твоей помощи, благодаря
135	hu we munt þinne mærne gestygan! Sint for englas geteald eorþ-bugendum þa þe dryhtnes word dædum lærað. We þa andlifene ofstum þycgen and þone deoran wist, dryhtnes lare;	135	которой мы сможем подняться на твою великолепную гору! Те, кто своими делами проповедают слова Господа, считаются ангелами для жителей земли. Давайте охотно принимать пищу и драгоценную помощь, которые есть в учении Господа;
140	uton fæstan swa fyrene dædum on forhæfenesse her for life, þæt we þæs munes mægen mærpæ gestigan swa se ealda dyde Elias iu. Is to hicganne hu se halga gewat	140	через самоотречение давайте своими действиями в этой жизни так быстро избавимся от греховных поступков, дабы мы смогли вознестись на величие этой горы, как это сделал старец Илия давным-давно. Следует задуматься, как святой человек покинул этот мир ради встречи с
145	of þissum wang-stede wuldres neosian: hine fyren scryd feower mærum, wlangum wigum, on weg ferede on neorxna-wong. Þær us nergend Crist gehaten hafað ham mid blisse,	145	неземным блаженством: огненная колесница, запряженная четырьмя сверкающими конями, увезла его в рай. Именно там Христос Спаситель обещал нам пристанище с радостью, если в настоящее время мы будем соблюдать
150	gif we þæt fæsten her fyrena gelæstað and þone uplican æpel secað. Nu wæs æt nehstan þæt us nergend Crist, halig heofenes weord, heolp and lærde. He hine dyppan let deorum þweale,	150	пост от грехов и потом отыщем эту небесную родину. Затем наступил период, когда Христос Спаситель, святой Хранитель неба, помогал и учил нас. Он, который был не подверженный грехам, позволил себя погрузить в драгоценное очищение, в
155	fulwihtes bæðe, fyrena bedæled; and he feowertig daga firsude mettas, eac nihta swa feala nanuht gyltig, leodum to lare, þæt hie on lengten sceolan efen feowertig daga fæsten hewan.	155	купель крещения; и в течение сорока дней и столько же ночей Он, который не испытывал мучения за то, что воздерживался от пищи, стал уроком для людей, что во время Великого поста они должны поститься ровно сорок дней.
160	Hine costude þær Cristes gewinna on þæm ænete, eald and fræte, geseah mærne frean mannum gelicne and þa wenan ongann, wommes gemyndig, þæt he stræla his stellan mihte	160	Противник Христа, древний и извращенный, искушал Его там, в этой пустыне, увидел славного Господа в обличье человеческом надеялся, что сможет вонзить свои стрелы в тело
165	on þam lic-homan; næs þæs leahtra nan, ac on hinder gewat hearms brytta, and þær englas hyra ealdor sohtan. Hige, synnig man, gyf þe susla weard costian durre, þonne he Crist dyde,	165	Христа; Из этого не вышло никакого греха, даритель зла отступил позади Него, и ангелы искали своего Господа в том месте. Задумайся, грешник, осмелится ли хранитель мучений искушать тебя, ведь, он это сделал с Христом, славным Господом Саваофом,

Seasons for Fasting		Время поста	
170	wereda wulder-frean, womma leasne! Ne mæg he þæs inne ahwæt scotian gif he myrcels næfþ manes æt egum, ac he on hinder scriþ, and þe halig þreat, englas ærfæste, æghwær helpað,	170	Который был безгрешен! Он ничего не сможет вонзить в вас, если в его прицеле нет мишени порока; вместо этого он ускользнет назад, и небес- ная дружина, верные ангелы, будут помогать вам со всех сторон,
175	gif þu dryhtnes her dædum fylgest. Hæbbe we nu gemearcod hu þa mæran iu feowertig daga fæsten hewdon; and we bebeodað þurh beorn Godes þæt manna gehwilec þe ofer moldan wunað	175	если вы будете повторять деяния Господа. Теперь мы описали, как эти прославленные личности дав- ным-давно соблюдали сорокадневный пост; и мы завещаем вам на примере Сына Божьего, что каждый человек, живущий на земле, в течение ровно сорока дней
180	ær þam æreste ures dryhtnes efen feowertig daga fæsten hewe oþ þa nigopan tid, and he na bruce flæscas oþþe fyrna, þæ læs þe he fah wese. Sceolan sacerdas singan mæssan,	180	до воскресения Господа должен держать пост до девятого часа и не наслаждаться ни пищей, ни грехом, чтобы не быть осужденным. Священник должен исполнять литургии,
185	dæg-hwamlice dryhten biddan on þam fæstenne þæt he freod wese folce gynd foldan. And þa fyrna sceolan þam sacerdan secgan gehwilce and þa dymnissa dædum betan	185	молить Господа ежедневно во время поста, чтобы Он был миро- сердечным к людям по всей земле. И все люди должны исповедо- ваться в своих грехах этим священникам, искупить проступки словом и делом, и,
190	wordes and weorces, wuldres ealdor þurh ælmes-dæde eall gegladian. Ðonne is þearf micel þeoda mænium þæt þa sacerdos sylfe ne gyltan, ne on leathrum hiora ligegen to fæste.	190	подавая милостыню, они должны всецело радовать Господа славы. Поэтому многие люди очень нуждаются в том, чтобы священ- ники, со своей стороны, не оскорбляли и не оставляли их с их пороками.
195	Hwa mæg þyngian þreale hwilcum wiþ his arwesan, gyf he him ærur hæfð bitere onbolgen, and þæs bote ne deð, ac þa æbyligþe ealdere wrohte, dæg-hwamlice dædum niwiað?	195	Кто сможет предстательствовать от имени любого раба перед его господином, если сам проситель уже весьма разгневал этого господина и не заслужит прощение за это, а вместо этого своими действиями ежедневно вызывает вновь гнев господина на эту минувшую обиду?
200	Gyf se sacerd hine sylfne ne cunne þurh dryhtnes ege duguþum healdan, na þu, folces mann, fyrna ne gyme þe gehalgod mann her gefremme. Ac þu lare scealt lustum fremman	200	Если священник не может вести себя добродетельно из-за страха перед Господом, то не обращай внимания, прихожанин, на грехи, которые рукоположенный человек может здесь совершить. Напро- тив, вы должны
205	ryht-hicgennde þe he to ræde tæchð. Drince he him þæt drofe; dugu hlutter þe wæter of wege – þæt is wuldres lar. Ac ic secgan mæg, sorgum hremig, hu þa sacerdas sace niwiað,	205	охотно и с праведными намерениями выполнять учение, которое он проповедует по воле Божьей. Пусть он выпьет мутную лужу; пусть чистая вода из потока – это учение о прославлении – действует на вас во благо.
210	dæg-hwamlice dryhten gremiað and mid æleste ælcne forlædað þe him fyltan wyle folces manna. Sona hie on mergan mæssan syngað and forþegide, þurste gebæded,	210	Впрочем, я могу сказать громко в своих сетованиях, как священ- ники возобновляют раздор, каждодневный гнев Господа и безбо- жием сбивают с пути каждого мирянина, желающего следовать за Ним. Утром они поют свои мессы и, охваченные жаждой, бродят по
215	æfter tæppere teoþ geond stræta. Hwæt, hi leaslice leogan ongynnað and þone tæppere tyhtaþ gelome, secgaþ þæt he synleas syllan mote ostran to æte and æpele wyn	215	улицам в поисках трактирщика. Узрите, они притворно прибегают ко лжи и часто вынуждают трактирщика, твердя ему, что он может без прегрешения нако- пить их устрицами и отличным вином в этот утренний час;

Seasons for Fasting		Время поста	
220	emb morgen-tyd, þæs þe me þinged þæt hund and wulf healdad þa ilcan wisan on worulde and ne wicliad hwænne hie to mose fon, mæða bedæled. Hi þonne sittende sadian aginnað,	220	в связи с этим мне кажется, что собака и волк ведут себя точно также в этом мире и, не имея умеренности, не колеблясь, хватают еду. Усаживаясь, они наедаются досыта,
225	win seniað, syllað gelome, cwedað þæt Godd life gumena gehwilcum þæt wines dreng welhwa mote, siþþan he mæssan hafað, meþig þicgan, etan ostran eac, and oþerre	225	благословляют вино, снова и снова его себе подливают, пригова- ривая, что Бог допускает каждому человеку, что любому, измучен- ному после мессы, разрешается выпить вина, а также
230	fisc of flode ...	230	съесть устриц, а другим разрешена морская рыба...

Древнеанглийская поэма *Seasons for Fasting* представляет собой религиозное нравоучение о соблюдении постов и освещает вопросы о последствиях деяний людских. Христианское поучение, зиждущееся на идее праведной жизни, ведется, как это принято в древнеанглийской традиции, от лица посвященного верующего. В поэме переплетены сюжеты Ветхого и Нового Заветов. Такое смешение сюжетов в древнеанглийской поэме предстает символом грядущих событий, установленных в Священном Писании. П. М. Бицилли, описывая понимание новозаветных книг в средние века, отмечает следующее: «Исходным пунктом послужило представление о Христе как искупителе и спасителе, выполнившем определенную историческую задачу, поскольку миссия Христа была приурочена к определенному историческому моменту. Тем самым проблема спасения, волновавшая умы в период происхождения христианства, приобрела особую постановку, переносилась из плоскости индивидуального и вневременного в плоскость социального и исторического. Перенесение на Христа иудейских представлений о мессии, связанных с хилиастическими чаяниями с ярко выраженной политической окраской, привело к тому, что посланничество Христа начало рассматриваться как наступление эры господства Нового Завета в смысле нового общественного состояния, нового исторического периода, периода выполнения обещаний, данных в эпоху Ветхого Завета. Отсюда развилось очень рано представление, что новозаветная история "реальнее" ветхозаветной. Все, что было в эпоху ветхозаветную, может пониматься как прообраз соответствующих фактов истории новозаветной, но не наоборот. Если Ветхий Завет можно и должно понимать аллегорически, ибо "в те времена все происходило образно" (*omnia figuratiter gerebantur*), – читаем в одном трактате V-го века, – то новозаветные повествования надобно понимать просто и буквально» [7, с. 152–153].

Поэма отражает основную идею христианских текстов древнеанглийского и среднеанглийского периода – изложение роли человека во взаимодействии с вселенской космической законченностью, предопределенной Богом,

в контексте ветхозаветных и новозаветных сюжетов. Так, в тексте подчеркивается роль Моисея в нравоучении народа Израиля (строки 1–19, 40–45, 90, 105–119), Вознесение пророка Илии (строки 120–150), праведный гнев Яхве (строки 10–24), пост и жертвоприношения (строки 25–31, 40–109, 115–119, 150, 159, 175–183) наравне с упоминанием крещения Господа (строки 154–155), Его искушения дьяволом (строки 160–174), распятия (строки 20–24), Воскресения из мертвых (строки 32–34), а также язычников (строка 1), государства Римлян, престола Святого Петра (строки 45, 50, 94, 100), греховной жизни духовенства и мирян (строки 35–40, 184–230). Ветхозаветный Бог Яхве Саваоф представляет собой ревностного и кровожадного бога войны, который во Второзаконии приобретает важную для единобожия черту – поддержка страждущих и угнетенных. Поэма *Seasons for Fasting* пронизана ветхозаветными сюжетами о явлении Бога, объятых огненным пламенем, пророкам Израиля, а также Библейскими отсылками к каре небесной за отступничество и несоблюдение заповедей, данных Моисею самим Богом.

Карен Армстронг, разбирая проблематику мифов, акцентирует внимание читателей на том, что иудаизм при всей своей враждебности к мифам других народов иногда использовал их для выражения собственных идей и сам создавал новые, как, например, христианство. Событие приобретает религиозное значение только в том случае, если оно освобождается от ограничения конкретного исторического периода и в полной мере входит в жизнь верующих других эпох, поскольку миф является событием, которое случилось однажды, но при этом продолжает повторяться. Ввиду того что миф предполагает действие, миф об Исходе призывает иудеев развивать идеал свободы как священной ценности, которая противостоит порабощению и не порабощает другие народы. Таким образом, получив этический отклик в сердцах верующих, Исход перестал пониматься как событие далекого прошлого и тем самым стал живой реальностью. Подобное произошло с апостолом Павлом, превратившим Иисуса во вневременного мифического персонажа, умершего

и возродившегося к новой жизни [8, с. 116–118]. Миф, как отмечает К. Леви-Строс, «всегда относится к событиям прошлого: "до сотворения мира" или "в начале времен" – во всяком случае, "давным-давно". Но значение мифа состоит в том, что эти события, имевшие место в определенный момент времени, существуют вне времени» [9, с. 242]. Следовательно, любой миф, согласно К. Леви-Стросу, объясняет в равной степени прошлое, настоящее и будущее. Вернемся к пониманию мифов К. Армстронг: «После распятия Иисус обрел неповторимый статус: он был "вознесен" Господом на иной, высший уровень бытия. При этом прошедшие обряд крещения (традиционную инициацию путем погружения в воду) приобщаются к смерти Иисуса и вместе с ним вступали в новую жизнь. Христиане больше не знали его "по плоти", но встречали его в других людях, в Священном Писании и ритуале причастия. Они знали, что в мифе заключена истина, и знали это не благодаря историческим свидетельствам, но потому, что сами испытали преображение. Вот почему смерть и "вознесение" Иисуса суть миф: однажды случившись с Иисусом, они повторяются вновь и вновь с каждым, кто обращается в христианскую веру» [8, с. 116–118].

Миф, изложенный в Исходе, находит свое отражение во всех трех монотеистических религиях. Яхве предстает в Исходе суровым и безжалостным богом, однако со временем израильтяне наделили образ Бога символическим смыслом сострадания. Патриархи поклонялись Эль-Илу, ханаанскому верховному богу, который мало похож на израильского Яхве из Священного Писания. В языческие времена образы богов заимствовались и сливались друг с другом, поэтому, возможно, Ветхозаветный Бог ранее являлся божеством другого народа, т. к. во время одного из обращений к Моисею Он указывает, что является Богом Авраама, хотя первоначально Его называли Эль-Шададай. Текст Исхода показывает, что Моисею удалось убедить израильтян в том, что Яхве – Эль, бог Авраама, Исаака и Иакова. Согласно Ветхому Завету, в первый раз Моисею явился Яхве в образе пылающего, но не сгорающего огнем куста, позвавшего его по имени, далее история о встрече на горе Синай повествует о передаче скрижалей Завета Богом, сошедшим в огне, Моисею. В политеистической среде Ханаана Яхве являлся богом войны, тогда как богом плодородия оставался Ваал. Ветхий Завет повествует о несоблюдении обета народом Моисеевым, который вскоре снова обратился к ханаанскому язычеству, воздвигнув золотого тельца [4, с. 32, 35, 36]. В Книге Иисуса Навина перечисляются условия договора между народом Израилева и Яхве, Иисус Навин требует от народа официальной клятвы: *«Итак, бойтесь Господа и служите Ему в чистоте и искренности; отвергните богов, которым служили отцы ваши за рекою и в Египте,*

*а служите Господу. ¹⁵Если же не угодно вам служить Господу, то изберите себе ныне, кому служить, богам ли, которым служили отцы ваши, бывшие за рекою, или богам Аморреев, в земле которых живете; а я и дом мой будем служить Господу, [ибо Он свят]*⁸.

Однако и далее текст Библии показывает, что верность одному Яхве, выражающему свою мощь в грозе и громе, народ хранил не всегда, вспоминая Его во время войн, тогда как в мирные времена по-прежнему поклонялись Ваалу, Анат и Асират. В Третьей книге Царств указано, что когда к концу правления владыки Северного Царства на страну обрушилась сильная засуха, объявился пророк Илия (Яхве – Бог мой), грозивший карой небесной за предательство Яхве. Пророк позвал на гору Кармил царя Ахава и народ Северного Царства, чтобы сопоставить силы Яхве и Ваала. Как только Илия призвал Яхве, так сразу же с небес низшел огонь. В Четвертой книге Царств описано очередное огненное богоявление: *Когда они шли и дорогу разговаривали, вдруг явилась колесница огненная и кони огненные, и разлучили их обоих, и понесся Илия в вихре на небо*⁹.

Кольцо огня в христианском учении, наряду с ангелами с огненными мечами, предстает преградой для вхождения в рай. М. Элиаде, ссылаясь на работу Д. А. Штольца, отмечает: «лишь тот, кто очищен огнем, может войти в рай, потому что очищение предшествует мистическому единению, и мистики, не колеблясь, ставят очищение души на ту же плоскость, что и очищающий огонь на пути в рай» [10, с. 66]. Мирча Элиаде проводит аналогию между примитивными мистическими переживаниями и иудейско-христианским мистицизмом. Прохождение сквозь огонь – выход за рамки человеческого состояния. Подобный символизм овладения огнем встречается и в шаманизме. Идея вознесения, владения огнем, магического исчезновения и т. п. обнаруживается и в мистицизме ислама. Нечувствительность к огню достигается при помощи молитвы и поста, однако прохождение по углям возможно и в экстазе. В христианстве и в архаических учениях состояние человека – следствие «падения», и даже временный выход из этого состояния является первоначальной позицией первобытного человека, т. е. происходит аннуляция времени и возвращение в райский *illud tempus*. Во время транса не шаман возносится на Небеса, а его душа, равно как и в христианском мистицизме лишь очищенная огнем душа имеет возможность войти в рай. Таким образом, у примитивных народов и у христианских теологов мистический экстаз представляет собой возвращение в рай, объясняющийся аннулированием времени, падением и возвращением к истокам [10, с. 67, 92–93]. Примечателен обряд обновления года у индейцев племени крик, который включает в себя принесение в дар первых плодов, возжигание нового огня и восьмидневный пост,

⁸ Книга Иисуса Навина. Гл. 24. Стих: 14–15.

⁹ Четвертая книга Царств. Гл.2. Стих: 11.

лишь после этого возможно употребление в пищу зерна нового урожая. Такое ритуальное очищение способствует изгнанию всех грехов и болезней [11, с. 298].

Интересна христианская отсылка в поэме не только к символизму огня, но и к горе, особо фигурирующей в Новом и Ветхом заветах:

134 nu is helpes tid, halig dryhten,
теперь время, о святой Господь, для твоей
помощи, благодаря

135 hu we munt þinne mærne gestygan!
которой мы сможем подняться на твою велико-
лепную гору!

Мотив *подъема* широко распространен на всех континентах в тех религиях, в которых место загробному миру отведено на небе или в высших сферах. Следовательно, душам усопших приходится подниматься по тропинкам горы или взбираться вверх по стволу дерева или веревки [11, с. 108].

Мифический образ оси мира – *axis mundi* – горы и дерева, соединяющей Небо и Землю, обнаруживается даже у австралийских, арктических племен и у пигмеев. Первобытный человек, взобравшись по ним, символически попадал на Небо. Этот образ был разработан оседлыми культурами и далее передан городским культурам Восточной античности. Крест, на котором был распят Иисус, также рассматривается как Космическое Дерево, располагающееся в Центре Мира и соединяющее Небо и Землю, тогда как сам Христос является деревом жизни или фонтаном рая. Основа христианского переживания заключается в вознесении на Небо. Тема вознесения на Небо встречается на всех уровнях архаических культур. Христианский мистицизм наполнен идеей страстного желания рая, осуществляемой тремя последовательными стадиями: крещение (ворота в рай), мистическая жизнь (более широкие ворота в рай) и смерть (которая приводит мучеников в рай) [10, с. 56, 61–64, 103]. «Для иудаизма и христианства главное – драма потерянного рая, лежащая в основе современного человеческого бытия» [12, с. 94]. Так, верующие перед началом Великого поста вспоминают изгнание из Рая как плач Адамов.

С. Г. Проскурин, анализируя центральное понятие древнегерманской модели мира, обнаружил закономерную связь между древнегерманскими словами со значением *срединный мир* и с символикой центральной точки мира. Исследователь отмечает следующее: «Учитывая партитивную природу композита *midja-gardaz, мы реконструируем его изначально не как "срединное огороженное место", а как "середина (центр) огороженного пространства". Обнаруживается, что в основе наименования древнегерманского мира прежде всего лежала идея сакральной значимости центра, обычно получавшего символическое воплощение в виде "мирового дерева", "столпа", "горы" (др.-исл. Yggdrasil, др.-сакс. Irminsul, др.-исл. Asgarth)» [13, с. 16].

В. Н. Топоров описывает мировое дерево в виде идеальной модели динамических процессов (по вертикали) и одновременно устойчивой структуры (по горизонтали) [14]. Исследователь пишет: «Для мифопоэтического взгляда характерны признание неомогенности пространства и времени, большая важность их качественного аспекта, нежели количественного. Качественность этих параметров предполагает и, в свою очередь, определяет иерархию ценностей. Высшей ценностью (максимум сакральности) обладает та точка в пространстве и времени, где и когда совершился акт творения, т. е. центр мира, отмечаемый разными символами центра – мировой осью (*axis mundi*), многочисленными вариантами мирового дерева (дерево жизни, небесное дерево, дерево предела, шаманское дерево и т. п.), другими сакральными объектами (мировая гора, башня, врата /арка/, столп, колонна, шест, трон, камень, алтарь, очаг и т. п.), – все то, что кратчайшим и надежнейшим образом связывает землю и человека с небом и Творцом, что произошло "в начале", во время творения, и было отмечено высшим подъемом творческой теургической энергии. Эти сакральные точки (пространственная и временная) вписаны в серию все увеличивающихся и друг в друга входящих пространств, которые по мере удаления от центра становятся все менее и менее сакральными (жертва на алтаре – храм – поселение – своя страна и т. д.). Таким образом, центр мира совпадает с центром ряда вписанных друг в друга сакральных объектов, которые в этом смысле оказываются изоморфными друг другу и изофункциональными» [15, с. 491].

Е. М. Мелетинский [16] указывает на совмещение антропоморфного божества с мировым деревом. Исследователь отмечает, что египтяне изображали богиню Нут в виде дерева, Зевс же тесно связан со священным деревом, а в мифологии майя космическое дерево предстает местом обитания бога дождя, вооруженного топором.

В славянской и скандинавской мифологии с мировым деревом связывается также громовник. В скандинавской мифологии с космическим деревом связан верховный бог Один, который сам себя пригвозждает и вешает на этом древе (можно сравнить шаманские деревья и крестное дерево). Испытания Одина на мировом древе – ясене Игдрасиль – имеют характер шаманской инициации. Например, в сибирском шаманизме шаман с помощью мирового древа поддерживает связь между людьми и богами, небом и землей, исполняя функцию медиатора.

Такой же комплекс в зародышевой форме имеется и в других архаических ареалах, в том числе, например, у австралийцев. С мировым деревом связаны различные зооморфные существа, маркирующие уровни космоса по вертикали: на вершине находятся птицы, под корнями древа – змеи, на среднем уровне – травоядные, иногда белка, выполняющая роль медиатора между верхним и нижним уровнями [16, с. 190].

В поэме приводится библейский сюжет крещения Иисуса (строки 154, 155), а также Его искушение сатаной во время сорокадневного поста в пустыне, куда Он удалился после своего крещения (строки 160–174):

- 154 He hine dyppan let deorum þweale,
Он, который был не подверженный грехам,
позволил себя погрузить в драгоценное
очищение,
155 fulwihtes bæðe, fyrena bedæled;
в купель крещения

Символика погружения в воду в религиозных обрядах равна смерти, ибо все, погруженное в воду, символически умирает, а выйдя из воды, наделяется безгрешным состоянием, что позволяет обрести новое откровение и начать вторую жизнь. Обряды окунания и погружения в воду находят свое отражение во многих культурах. Так, в истории известен обряд окунания статуй богов в древнем Риме, а также ритуал священного купания в рамках культа Великих Богинь плодородия и земледелия [11, с. 174–175].

Иоанн Креститель, облаченный в грубое одеяние, которое напоминало одежду пророка Илии, призывал толпы людей совершить обряд крещения в знак покаяния, тем самым ускорив наступление Царства Небесного. В Израиле ритуальное погружение в воду издавна означало и нравственное очищение, и выбор в пользу социальной справедливости. Известно, что среди тех, кого крестил Иоанн, был и Иисус, проделавший долгий путь из Назарета в Иудею. Согласно приданию, когда Иисус выходил из воды, на Него сошел Святой Дух. Это способствовало идеи среди приверженцев новой веры в то, что и они в обряде крещения становятся детьми Божиими и членами общины, где все равны [14, р. 12–14].

Христианство усвоило древнейшую символику погружения в воду ради обновления, обогатив ее новым религиозным смыслом, заключающимся в искуплении души и избавлении от грехов. В раннехристианском обряде крещения огнем обнаруживается пара *огонь – вода* (холодная), который в дальнейшем ляжет в основу предистории чистилища. Данный обряд, как отмечает Жак Ле Гофф, явился христианам в Евангелиях от Матфея и Луки в связи с Иоанном Крестителем [17, с. 19]. И он приходил по всей окрестной стране Иорданской, проповедуя крещение покаяния для прощения грехов¹⁰. Заметим, что символика огня фигурирует в обряде крещения: *Иоанн всем отвечал: я крещу вас водою, но идет Сильнейший меня, у Которого я недостойн развязать ремень обуви; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем*¹¹. У Матфея (3:11) Иоанн Креститель повторяет эту же речь. Концепция крещения огнем восходит к древним индоевропейским мифологиям огня, которая затем

конкретизировалась в апокалипсической иудеохристианской литературе. Ж. Ле Гофф пишет: «Ориген заявляет: "Сначала надо крестить водой и духом, чтобы, когда крещаемый окажется в огненной реке, он показал, что сохранил водные и духовные вместилища, а посему заслуживает восприятия еще и огненного крещения в Иисусе Христе" (In Lucam, проповедь XXIV). В жемчужине, упоминаемой Матфеем (13:45–46: "Подобно Царствие Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее"), Эдсман усматривал символ Христа, объединившего воду и огонь. В православном христианстве крещение огнем осталось метафорическим» [17, с. 19–20].

Древний ритуал крещения в христианстве становится главным средством духовного возрождения, поскольку погружение в крестильную воду тождественно погребению Иисуса. Погружаясь в воду, человек символически умирает, чтобы затем родиться чистым, словно Иисус, воскресший из могилы [11, с. 176].

Крещение, имеющее ценность инициационного обряда, отпускает первородный грех, но не исключает грехи в дальнейшем. В начале каролингских времен происходит постепенный отказ от крещения взрослых в пользу крещения детей, тем самым низводя роль таинства до простого вступления в христианскую жизнь. Таким образом, грех оказывается сознательным актом отступления от заветов Бога и препятствием к спасению души. Такое понимание греховных деяний и помыслов побудило первых христиан к публичным исповедям перед всеми крещенными: подобало громко признаваться в своих грехах, обязуясь более не впадать в них. Такая публичная исповедь вскоре была заменена аурикулярной (т. е. на ухо священнику). Обязанность исповедоваться священнику, наделенному правом отпускать грехи, минимум раз в год начала распространяться после X в., став обязательной в XIII в. [18, с. 329].

Примечательна отсылка в тексте поэмы к язычникам (*þeod*), без называния людей христианами. Язычество, к которому прибегают иудеи, – древняя религия, корни которой простираются в протоисторию Востока. Основа этой религии зиждилась на священности жизни, на единстве Космоса и Человека, Человека и Бога. Кровавые жертвоприношения в языческих обрядах обеспечивали циркуляцию священной энергии в Космосе, благодаря которой существовала жизнь. Так, жертвоприношения детей представляли собой возвращение божеству того, что заведомо является его собственностью, поскольку первый ребенок считался ребенком Бога. Кровь ребенка, согласно языческим верованиям, восполняла затраченную энергию Бога. С принятием веры в Яхве постепенно отвергались кровопролитные обряды, смещая акцент на религиозные переживания, подразумевающие переход почитания внутрь себя [10, с. 143–145].

¹⁰ Евангелие от Луки. Гл. 3. Стих: 3.

¹¹ Евангелие от Луки. Гл. 3. Стих: 16.

Примечательно, что в 22 главе Книги Бытия повествуется об Аврааме, который должен был доказать свою любовь Яхве, принеся в жертву своего сына Исаака. Этот библейский сюжет о проверке веры Авраама в Бога указан и в Коране (Сура 37. Ас-Саффат 99–111). М. Элиаде пишет о человеческих жертвоприношениях и каннибализме следующее: «Перед тем как осуждать каннибализм, мы всегда должны помнить, что он был заложен божествами. Они положили ему начало, чтобы человек смог на себя взять ответственность за космос, чтобы поставить его в положение зрителя за продолжением растительной жизни. Следовательно, каннибализм имел отношение к ответственности религиозного характера» [10, с. 44–45].

Древнеанглийская поэма повествует о соблюдении иудеями постов и приношении в жертву Богу ягнят или молодых быков:

- 25 We þæt gehyrdon hæleþa mænige
on boc-stafum breman and writan,
þæt hie fæstenu feower heoldon
and þonne offredan unmaene neat
– þæt is lamb oþþe stycr – leofum to tacne
Мы слышали о многих мужей, прославляющих
и записывающих, что они соблюдали четыре
поста, и что впоследствии они будут приносить
в жертву, в знак своего возлюбленного, Господа,
невинное животное – ягненка,
- 30 þe for worulde wæs womma bedæled...
или молодого быка, свободного от греха,
согласно взгляду всего мира...

Дж. Дж. Фрэзер наблюдает в Ветхом Завете встречу Яхве и Авраама так: «ужас и мрак», объяввшие Авраама при наступлении заката, предвещают появление бога, который во тьме ночной проходит между частями убитых животных в образе дыма и огня. Этим действием божество только выполняет требуемую древнееврейским законом формальность, соблюдавшуюся при скреплении договора. Из книги пророка Иеремии мы знаем, что согласно существовавшему обычаю, стороны, заключавшие договор, разрезали пополам телят и проходили между обеими половинами. Что такова именно была обычная форма сделки в подобных случаях, подтверждается как нельзя лучше еврейским выражением "заключить договор", которое в буквальном переводе значит "резать договор". Другим подтверждением такого толкования служат аналогичные явления в языке и обычаях древних греков, ибо и у них мы находим подобные выражения и обряды. Так, у греков существовали такие обороты речи, как "резать клятвы", "резать договоры" в смысле "произносить клятвы", "заключать договоры". Подобные словоупотребления, как и соответствующие

им еврейские и латинские выражения, несомненно, произошли от обычая жертвоприношения и разделения жертвы на части в качестве способа придать клятве или договору формальную силу» [4, с. 186]. Ученый приводит примеры сходного скрепления отношений и из истории греков, особо отмечая, что такие обряды, сопровождающиеся произнесением клятвы и заключением мира, существовали также у нецивилизованных народов древнего мира. Так, Тиндарей, опасаясь мести со стороны отвергнутых Еленой соперников на руку и сердце, заставил их поклясться, что они будут защищать ее и ее избранника, а дабы придать клятве формальную силу, Тиндарей принес в жертву лошадь и разрезал ее на части, на которой поклонники Елены становились и произносили клятвы¹². Дж. Дж. Фрэзер, рассматривая очистительную, или охранительную, теорию происхождения жертвоприношений, пишет, что разрезание жертвы пополам символизирует участь клятвопреступника. Обе стороны верят в то, что благодаря симпатической магии сторона, нарушившая договорную клятву, неминуемо подвергнется участи этой самой жертвы. Собственно магическая связь, связывающая обе стороны договора и жертву, предстает гарантией его исполнения. Ученый отмечает, описывая договор, заключенный между Богом и Авраамом: «обряд состоял из двух различных, но взаимно связанных между собой элементов, а именно разрезание жертвы на две части и прохождения между ними договаривающихся лиц. Первый из этих элементов должен быть объяснен с точки зрения теории возмездия, а второй – с точки зрения сакраментальной теории. Обе эти теории дополняют друг друга и вместе дают полное объяснение обряда» [4, с. 206].

Э. Дюркгейм, ссылаясь на исследование У. Робертсона-Смита о теории жертвоприношения, отмечает, что жертвоприношение – трапеза, которую разделяют верующие с богом, его суть заключается в причащении пищей, поскольку пища, принимаемая во время ритуальной трапезы, наделена сакральным характером. Жертва делится на части, предназначенные для божества и тех, кто принес эту жертву, поэтому в Ветхом завете жертвоприношение – пища, приготовленная перед Яхве. Считается, что совместное принятие пищи способствует искусственному созданию уз родства между участниками трапезы [2, с. 567–568]. М. Элиаде, рассуждая о сотворении и жертвоприношении в культурах, указывает на тот факт, что ничто не может быть создано без жертвы. Жизнь может произойти только от другой жизни, приносимой в жертву. Смыслом жертвоприношений является выход жизни, сконцентрированной в одной личности, за ее пределы и проявление ее на космическом или совокупном уровне [10, с. 187–188]. Алтарь как первоначальное сооружение для ритуальных жертвоприношений сохраняется в христианской культуре, тогда как в мечетях он отсутствует. М. Элиаде описывает это так: «В мечетях отсутствует алтарь, ибо они не являются храмами в память

¹² Более подробно о жертвоприношениях в древней Греции см. [19–21].

о жертвоприношении, подобно некоторым христианским церквям, и не служат, как еврейская синагога, местом хранения священных свитков с текстом записанного откровения. Тем не менее, мечеть (*масджид*) представляет собой место сакральное, и в ней может находиться могила святого или реликвии пророка» [11, с. 167–168]. Жертвоприношение и пост занимают центральное место в исламе: *Совершайте хаджж и 'умру* во имя Аллаха. Если [отправиться в хаджж] помешает вам что-либо, то надлежит сделать жертвоприношение, какое можете. Брейте головы ваши только после того, как достигнет жертвенное животное места предназначенного. Если болен кто-либо из вас или на голове у него болячка [и потому пришлось побрить голову], то во искупление следует поститься [по выздоровлении] или же раздать милостыню и принести жертву. Если нечто не мешает вам совершить хаджж или 'умру, то тот, кто хочет совершить 'умру и дожидаться хаджжа, должен принести жертву, а тот, кто не может этого, должен поститься три дня в Мекке и семь, когда вернется домой, – всего десять дней. Правило это для тех, кто не живет в Мекке. Так бойтесь же Аллаха, и да будет известно вам, что суров Он в наказании¹³.

До середины II в. последователей Иисуса считали одним из направлений иудаизма. Христиане начали называться христианами лишь в конце I в. В тексте Нового Завета слово христианство встречается лишь трижды: в Деяниях святых Апостолов: *Целый год собирались они в церкви и учили немалое число людей, и ученики в Антиохии в первый раз стали называться Христианами*¹⁴; Агриппа сказал Павлу: *ты немного не убеждаешь меня сделаться Христианином*¹⁵; в Первом послании Петра: *а если как Христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь*¹⁶. В дальнейшем, как отмечает К. Армстронг, иудаизм претерпит значительные изменения. «Из храмовой религии раввины сделали религию книги, постепенно создав новые писания – Мишну, Иерусалимский и Вавилонский Талмуды, – которые займут место Храма и станут средоточием божественного. В процессе этой великой трансформации Иисусово движение в иудаизме постепенно пойдет на убыль: ведь Иисус не явился снова, а то, что мы сейчас называем христианством, стало верой преимущественно язычников» [22, с. 204].

В тексте древнеанглийской поэмы имеется отсылка к римскому правлению. Примечательно, что в Новозаветной вере политика неотделима от религии, поэтому в Иисусовых чудесах исцеления правящий класс узрел политический акт. После изгнания бесов из одержимого бесы объявили, что имя им – *легион*, отождествив себя с символом римской оккупации. Таким образом, Иисус послал римские войска в нечистых животных, которые затем бросились

в море [23, с. 160–161]. Одним из средств устрашения римской оккупации являлась казнь через распятие, которой подвергали рабов, опасных преступников и бунтовщиков. Тело жертвы оставляли на растерзание стервятников и диких зверей без последующего погребения, что по еврейскому закону означало бесчестье. Примечательно, что последователи Иисуса с самого начала были убеждены, что Его похоронили подобающим образом [22, с. 10], о чем мы и читаем в поэме:

- 20 Ac him se ende wearð earm and þrealic,
þa hie besyredon sylfne dryhten,
on beam setton and to byrgenne
...gedemdon. He þær bedigled wæs,
and þy þryddan dæge þeodum ætywed
Но их конец был несчастным и губительным,
когда они предали самого Господа,
прибили Его к дереву и уготовили Ему... могилу.
Там он был захоронен, и на третий день он пред-
стал перед язычниками.

В 31–40 строках древнеанглийской поэмы отражены базовые идеи Нового завета – воскресение Иисуса из мертвых и запрет нераскаявшимся грешникам входить в Царство Божье.

- 31 Ac arisan ongan rices ealdor
of byrgenne, blæda gefylled,
and mid heofen-warum ham gesohte,
eard mid englum, and us eallum
Однако Владыка Царства Небесного решил
восстать из могилы, преисполненный величия,
и Он отыскал кров среди небесных жителей,
жилище с ангелами; Он вселил в нас ту же надежду,
- 35 þone hynt gehateð, gyf we his willaþ
þurh rihtne sefan rædum fyligan.
Na þær in cumeð atele gefylled,
womme gewesed, ac scal on wyrd sceacan.
Nu we herian sceolan her for life
если только мы покоримся Его воли Божьей благо-
честивым состоянием духа. Никто, кто переполнен
грехом, пропитан осквернением, не войдет туда;
то есть он должен отказаться от своей участи.
А теперь всю нашу жизнь здесь нам
- 40 deorne dæd-fruman <... >
следует благодарить горячо любимо-
го Создателя <... >

¹³ Сура 2. Ал-Бакара (Корова): 196.

¹⁴ Деяния святых Апостолов. Гл. 11. Стих: 26.

¹⁵ Деяния святых Апостолов. Гл. 26. Стих: 28.

¹⁶ Первое послание Петра. Гл. 4. Стих: 16.

Царство Небесное, являющееся основой учения Иисуса, со справедливостью и равенством, где первые будут последними, а последние станут первыми, отчетливо контрастировало с государственным террором римского мира: ²⁰И Он, возведя очи Свои на учеников Своих, говорил: блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царствие Божие. ²¹Блаженны плачущие ныне, ибо насытитесь. Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеетесь. ²²Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого. ²³Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах. Так поступали с пророками отцы их. ²⁴Напротив, горе вам, богатые! Ибо вы уже получили свое утешение!¹⁷ «Никакие богатства не станут пропуском в Царство Небесное» [24, с. 302].

Царство Божье предстает не огненным апокалипсисом, ниспосылаемым Богом на землю, а надеждой на создание нового общества, которое будет следовать божественным установлениям иудейского Закона, тем самым приблизив вмешательство Бога в историю народа. В Царстве спасения, где единственным владыкой является Бог, не будет римского правления. Согласно учению Иисуса, люди должны жить так, словно Царство уже наступило, испытывая взаимозависимость и взаимопомощь. Новозаветная молитва «Отче наш» и есть молитва о Царстве Небесном, иллюстрирующая надежды людей на пропитание на сегодняшний день [22, с. 17–21].

Известно, что доктрина об Иисусе как о Боге сформировалась только к IV в., поскольку процесс Вочеловечения христианской веры являлся медленным и сложным. К. Армстронг отмечает, что Иисус не претендовал на Божественность, так, при крещении Он назван гласом небесным «Сыном Божьим», что является подтверждением того, что Он возлюбленный Мессия. После смерти Иисуса ученики не могли разувериться в то, что Он был богоподобным. Однако Святой Павел никогда не называл Иисуса «богом», поскольку для апостола Иисус не был воплощением самого Господа. Павел называл его в иудейском смысле «Сыном Человеческим», поскольку для него Иисус обладал Божьими «силами» и «Духом», которые он не приравнивал к недоступной Божественной Сущности. Для учеников Иисус представлялся тем, кто вскоре после смерти вернется, возьмет власть над миром и одержит победу над мучителями Израиля. Достаточно быстро Иисус Мессия (Христос) был назван «Господом» (греч. *kúrios*), «сыном человеческим» и «сыном Божьим» [3, с. 95–96; 22, с. 38]. Образ Иисуса в Евангелиях предстает как посланец силы, цель которой – обратить грешников к Богу и заявить о Царстве Небесном.

М. Элиаде, рассуждая о личности Иисуса Христа, приводит следующее: «Нет сомнений, что Иисус называл Бога по-домашнему Авва ("батюшка"). Но позволительно сомневаться, что Он понимал свое сыновство именно

в том смысле, какой приписали этому слову последующие поколения под влиянием платонизма, не ужасавшегося мысли, что мир архетипов воплотился в человеческом существе. Синоптические Евангелия часто дают Иисусу имя Сына Человеческого (встречающегося у пророка Даниила), но, к сожалению, невозможно установить смысла этого выражения в контексте (по-арамейски оно означает просто "человек"). Ученики называли Его мессия (*машиах*) – "помазанный" в смысле "посвященный", по-гречески *Христос*. Поскольку на Его кресте было написано "Иисус из Назарета, Царь Иудейский", Ему, вероятно, приписывали мысль о собственном происхождении из царского рода Давида. Но Он сам, кажется, никогда открыто не объявлял себя мессией. После смерти этого загадочного Человека ученики Его утверждали, что Он воскрес на третий день и пребывал с ними сорок дней (Деяния 1:3; апокрифические гностические предания говорят о значительно большем сроке). Но пока христианство оставалось всего лишь ответвлением иудейства, некоторые секты, а именно эвиониты, считали Иисуса обычным пророком и не верили в Его воскресение. В центр христианской проповеди идею воскресения поставил Павел» [11, с. 271–272].

Авторы Евангелий именуют Иисуса *сыном Божьим* и *сыном человеческим*, эти же новозаветные имена встречаются и в древнеанглийской поэме *Seasons for Fasting*. Текст поэмы пронизан вариативными обращениями к Богу, что свидетельствует о развитой христианской традиции в древнеанглийский период (табл. 2).

Табл. 2. Имена Бога в поэме *Время поста*

Tab. 2. Names of God in *Seasons for Fasting*

Древнеанглийская лексема	Перевод
Beorn Godes	Сын Божий
Crist	Христос
Deore dæd-fruma	Горячо любимый Создатель
Dryhten	Бог, Христос
Halg heofenes weord	Святой Хранитель неба
Heofna heah-cyning	Царь небесный / Верховный Бог / Высший Царь Небесный
Leof leoda frea	Любимый Господь народов
Life ealdor	Господь жизни
Life frea	Владыка жизни
Rices ealdor	Владыка Царства Небесного
Sigora God	Бог побед
Wereda wulder-frean	Славный Господь Саваоф
Wuldor bryttan	Дарователь славы
Wuldor cyning	Царь славы
Wuldor ealdor	Господь славы

¹⁷ Евангелие от Луки. Гл. 6. Стих: 20–24.

Примечательно, что в тексте поэмы заключены лексемы, отражающие уклад древнегерманского общества. Так, Бог представляется предводителем, вождем племени (*dryhten, ealdor, cyning*), тогда как верующие именуются племенем (*leodscipe*), а ангелы – небесной дружиной (*halig þreat*). Э. Бенвенист отмечает, что германская форма **druxti-naz* или **druktnos* – пример особого типа словообразования. Данные формы – вторичные производные, как и латинское *dominus*, которые служат для номинации человека, стоящего во главе некоторой социальной группы. В германских языках такой тип словообразования представлен в нескольких важных производных: готском *þiudans* (от **teuta-nos*) ‘царь, глава сообщества’, *kindins* (от **genti-nos*) ‘глава gens’ – они параллельны лат. *tribūnus* от *tribus*. В древнеанглийском *dryhten* ‘господин’ (в христианских текстах ‘Господь’) отражена форма **drukti-nos* ‘предводитель *drukti*’¹⁸.

Упомянув Бога, автор древнеанглийской поэмы *Seasons for Fasting* использует несколько раз лексему *слава* (*wuldor*). Обратимся снова к Словарю индоевропейских социальных терминов: *kūdos* (кѹдос), слово почти исключительно эпическое, которое традиционно с античных времен до наших дней считают синонимом *kléos* (κλέος) ‘слава’, имеет собственное и очень специфическое значение: кѹдос обозначает неотразимую магическую власть, удел богов, которые иногда уступают ее какому-либо герою по своему выбору и тем делают бесспорным триумф. Кѹдос ἀρέσθαι применительно к воину, по существу, означает ‘взять (от) богов кѹдос’, а затем с помощью этого талисмана покрыть себя славой. Тогда не удивляет и совпадение по форме между гр. кѹдос и ст.-слав. чѹдо ‘чудо’: это понятно, исходя из общего для двух слов значения ‘сверхъестественная сила’¹⁹.

Стоит отметить, что при всей вариативности именовании Бога²⁰ в поэме отсутствует прямое наименование дьявола. Возможно, это связано с общехристианской традицией не упоминать прямо нечистую силу во избежание беды. Так, автор, используя следующие эвфемизмы, не называет его напрямую сатаной: *Cristes gewinna* (противник Христа), *hearm brytta* (даритель зла), *usla weard* (хранитель мучений).

Вернемся к основной идее поэмы, которая заключается в описании четырех основных постов, установленных святым Григорием Великим (строки 40–109, 115–119, 150, 159, 175–183). Поэма повествует о важности проведения религиозных ритуалов во время соблюдения постов, установленных в начале каждого времени года. Первый месяц поста, упомянутый в тексте, – март, затем следует пост в июне и в сентябре. Примечательно, что четвертый пост

не обозначен в поэме конкретным месяцем, указывается лишь следующее:

- 71 We þæt feorþe sceolen fæsten gelæstan
on þære wucan þe bið ærur full
dryhtnes gebyrde, and we mid deornum scylan,
wordum and weorcum, wuldres cyninge
Четвертый пост мы должны соблюдать целую
неделю, предшествующую рождению Господа,
и посредством наших таинств, словами и делами,
мы должны в тот же самый срок, как и в предыду-
щие, упорно воздать Господу,

В период этих постов надлежит вычитать молитвы, а также словами и делами прославлять Бога. В поэме приводится строгий наказ, согласно которому послабления позволительны только больным верующим:

- 79 On þissum fæstenum is se feorþa dæg
В течение этих постов четвертый
80 and sixta samod seofopa getinge
to gelæstanne lifes ealdre
and to brenne boca gerynum
emb þa nigopan tyd. Nan is on eorþan,
и шестой день вместе с седьмым, непосред-
ственно следующим за ними, должны соблю-
даться во имя Господа жизни и праздноваться
в девятый час с таинствами,
85 þe mot æt oþþe wæt ærur þicgan,
þæs þe us boca dom demeð þeodlic.
Дозволено отведа́ть пищу и пи́тьё до этого часа,
только в случае, если порази́ла хворь, в соот-
ветствии с тем, что чинопослeдования в книгах
предписывают нам повсеместно.

Особое место в поэме автор отводит Великому посту, отмечая, что именно Моисей был первым человеком, кото-
рый постился 40 дней, прежде чем получить закон Яхве:

- 107 mære Moyses, ær he on munt styge.
He þæt fæsten heold feowertig daga
and nyhta samod, swa he nahtes anbat
Моисей, первым установил его, прежде чем взо-
шел на гору. Он соблюдал этот пост сорок дней
и сорок ночей, так что он ничего не вкусил,
110 ær he þa deoran æ dryhtnes anfenge.
прежде чем принял закон Господень.

¹⁸ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов...

¹⁹ Там же

²⁰ Более подробно об этом см. [25].

Автор древнеанглийской поэмы также приводит библейский сюжет о соблюдении сорокадневного поста пророком Илией, отмечая важность духовного подвига:

- 125 to gefæstenne feowertig-daga
and nihta samod, swa he nahtes anbat
ær he on Horeb dun hali ferde.
получил силу поститься сорок дней и ночей,
так что он ничего не вкусил перед тем, как отпра-
виться, святой, на гору Синай.

Великий пост в христианской традиции представляет собой подражание Иисусу, ушедшему на сорок дней в пустыню после принятия крещения от Иоанна. Цель Великого поста – забыть себя ради Иисуса и приблизиться к Царству Небесному. В тексте древнеанглийской поэмы читаем следующее:

- 152 Nu wæs æt nehstan þæt us nergend Crist,
halig heofenes weord, heolp and lærde.
He hine dyppan let deorum þweale,
Затем наступил период, когда Христос Спаситель,
святой Хранитель неба, помогал и учил нас.
Он, который был не подверженный грехам, позво-
лил себя погрузить в драгоценное очищение,
155 fulwihtes bæde, fyrena bedæled;
and he feowertig daga firsude mettas,
eac nihta swa feala nanuht gyltig,
leodum to lare, þæt hie on lengten sceolan
efen feowertig daga fæsten hewan.
в купель крещения; и в течение сорока дней
и столько же ночей Он, который не испытывал
мучения за то, что воздерживался от пищи, стал
уроком для людей, что во время Великого поста
они должны поститься ровно сорок дней.

Текст поэмы пронизан новозаветной идеей о невозможности вхождения в Царство Небесное переполненной грехами души, тем самым акцентируя внимание на важности покаяния и праведной жизни:

- 37 Na þær in cumeð atele gefylled,
womme gewesed, ac scal on wyrd sceacan.
Никто, кто переполнен грехом, пропитан
осквернением, не войдет туда; то есть он должен
отказаться от своей участи.
Nu we herian sceolan her for life
А теперь всю нашу жизнь здесь нам

- 40 deorne dæd-fruman, and him dogera gerim
ælmes-dædum ure gefyllan <...>.
следует благодарить горячо любимого Создателя
и ради Него наполнять наши уготованные дни
делами милосердия и постами <...>.
140 uton fæstan swa fyrene dædum
on forhæfenesse her for life,
þæt we þæs muntres mægen mærla gestigan
swa se ealda dyde Elias iu.
через самоотречение давайте своими действиями
в этой жизни так быстро избавимся от грехов-
ных поступков, дабы мы смогли вознестись
на величие этой горы, как это сделал старец Илия
давным-давно.

Пост является надежным орудием борьбы с дьяволом, ведь нечистая сила, по Евангелию, изгоняется только постом и молитвой: *сей же род изгоняется только молитвою и постом*²¹; *И сказал им: сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста*²². Идея изгнания бесов силой священной книги отражена и в исламе. Пророк Мухаммад говорил: «Не превращайте свои дома в могилы [во что-то мертвое, бездыханное, опустевшее]. Воистину, Сатана (Дьявол) убегаёт из дома, в котором читается сура "аль-Бакара"»²³.

Соблюдение постов предстает непрекращающейся борьбой с греховными помыслами и делами, т. к. восхождение в Царство Божье предполагает полный отказ от греха в пользу добродетели, перерождение низменной души в истинно христианскую. Поэма выражает основную концепцию учения Иисуса о жизни верующего, заключающуюся в бесконечном пути к Богу в неустанном покаянии и раскаянии. Характерная для христианства драма потеряннного рая имеет прямое отражение в Великом посте, коорый является для верующих периодом преодоления страстей и уподобления Иисусу. Апостол Павел в послании к Римлянам дает следующее наставление: *Облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и пощения о плоти не превращайте в похоти*²⁴. Этим и объясняется осуждение автора древнеанглийской поэмы безбожия священников, не соблюдающих пост и вынуждающих трактирщиков подносить им вино и устрицы (строки 183–231).

Заключение

Анализ древнеанглийской поэмы X в. *Seasons for Fasting* определил основные положения раннехристианской англосаксонской традиции. Так, поэма заключает в себе нравственные поучения о соблюдении постов, напоминающая о важных событиях Ветхого и Нового Заветов. Текст изобилует общими архаическими опорными точками

²¹ Евангелие от Матфея. Гл. 17. Стих: 21.

²² Евангелие от Марка. Гл. 9. Стих: 29.

²³ Сура 2 «аль-Бакара» (Корова). URL: <https://umma.ru/sura-2-al-bakara-korova/> (дата обращения: 10.06.2022).

²⁴ Послание к Римлянам. Гл. 13. Стих. 14.

религиозного понимания космоса, находящими отклик как и в индоевропейском развитии общества, так и на территории африканских племен. Мистические образы огня, воды, подъема, оси мира, искушение дьявольскими силами, жертвоприношение, разделение вещей на сакральные и профанные подтверждают идею антропологов и культурологов об общей модели представления мира. Примечательно, что в древнеанглийской поэме важность соблюдения постов предстает сквозь призму этих общих мистических образов.

Разграничение предметов на сакральные и профанные, соблюдение обрядов, а также намеренное воздержание от пищи и питья обнаруживаются на ранних этапах религиозного становления. Э. Дюркгейм пишет об общем правиле, характерном даже для народов, достигших высокого развития цивилизации, заключающемся в том, что для ритуальной еды используются первые плоды урожая, приводя известный пример – пасхальное угощение [2, с. 571]. Пасхальная трапеза, наступающая после многодневного поста и сопутствующая вареными яйцами, предстает особым знаком бессмертия. Так, яйцо в заупокойном культе всех народов сохраняет жизнь, содержит и воссоздает ее [26, с. 29]. Причащение сакральной пищей встречается во всех религиях. Мистическая форма жертвоприношения была создана для поддержания и восстановления естественного родства между человеком и богами. Жертвоприношения, достигшие полного развития, состоят из двух элементов: причащения и подношения. Поедая сакральную пищу, человек причащается своему богу, осуществляя некое ему подношение [2, с. 573, 576]. Так, смысл христианских Таинств (исповеди, причащения, крещения, миропомазания) заключается не только в усиленной молитве, но и в том, что Церковь приходит к верующему.

Регулярное чередование сакрального и профанного времени объясняется потребностью общества к воссоединению, поэтому праздники и ритуалы зависят от смены

сезонов. Сезонные изменения, как отмечает Э. Дюркгейм, представляют собой критические периоды времени, следовательно, являются естественным поводом для всеобщего сбора и проведения религиозных церемоний. Существует закономерность между обществом и сезонностью: чем больше развито общество, тем меньше ему свойственны долгие перерывы [2, с. 587–588].

Феномен поста в архаических традициях зиждется на идее отделения священного от профанного, т. е. на идее отделения неприкасаемого мира богов от мира людей, и такое соблюдение духовно-аскетических практик способствует (двустороннему) общению верующих с верховными силами. Таким образом, (древне)английская традиция в аспекте поста и догмата является интереснейшим полигоном для дальнейших исследований, а настоящее исследование предполагает продолжение анализа данного феномена.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-01712, «Неоязычество в художественных практиках современной России: этнокультурные рецепции, коммуникативные технологии, ценностные основания».

Funding: The research was supported by Russian Science Foundation, project "Neopaganism in the artistic practices of modern Russia: ethnocultural receptions, communicative technologies, and value foundations", No. 22-28-01712.

Литература / References

1. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2004. 992 с. [Stepanov Yu. S. *Constants: dictionary of Russian culture*, 3rd ed. Moscow: Akad. proekt, 2004, 992. (In Russ.)]
2. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Элементарные формы, 2018. 808 с. [Durkheim E. *Elementary forms of religious life: the totemic system in Australia*, ed. D. Yu Kurakin. Moscow: Elementarnye formy, 2018, 808. (In Russ.)]
3. Армстронг К. История Бога: 4000 лет исканий в иудаизме, христианстве и исламе. 6-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 500 с. [Armstrong K. *A history of Good. The 4,000-year quest of Judaism, Christianity and Islam*, 6th ed. Moscow: Alpina non-fikshn, 2015, 500. (In Russ.)]
4. Фрэзер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом завете. 2-е изд. М.: Политиздат, 1989. 542 с. [Frazer J. G. *Folklore in the Old Testament*, 2nd ed. Moscow: Politizdat, 1989, 542. (In Russ.)]
5. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с. [Turner V. *Symbol and ritual*. Moscow: Nauka, 1983, 277. (In Russ.)]
6. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 573 с. [Tylor E. B. *Primitive culture*. Moscow: Politizdat, 1989, 573. (In Russ.)]
7. Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. XXVII+244 с. [Bitsilli P. M. *Elements of medieval culture*. St. Petersburg: Mifril, 1995, XXVII+244. (In Russ.)]
8. Армстронг К. Краткая история мифа. М.: Открытый Мир, 2005. 160 с. [Armstrong K. *A short history of myth*. Moscow: Otkrytyi Mir, 2005, 160. (In Russ.)]

9. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Акад. проект, 2008. 555 с. [Lèvi-Strauss C. *Structural anthropology*. Moscow: Akad. proekt, 2008, 555. (In Russ.)]
10. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М.: Акад. проект, 2021. 254 с. [Eliade M. *Myths, dreams and mysteries: the encounter between contemporary faiths and archaic realities*. Moscow: Akad. proekt, 2021, 254. (In Russ.)]
11. Элиаде М. Трактат по истории религии. М.: Акад. проект, 2021. 394 с. [Eliade M. *Treatise on the history of religion*. Moscow: Akad. proekt, 2021, 394. (In Russ.)]
12. Элиаде М. Аспекты мифа. 7-е изд. М.: Акад. проект, 2020. 235 с. [Eliade M. *Aspects of a myth*, 7th ed. Moscow: Akad. proekt, 2020, 235. (In Russ.)]
13. Проскурин С. Г. Древнеанглийская пространственная лексика концептуализированных областей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 24 с. [Proskurin S. G. *Old English spatial lexis of conceptualized domain*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1990. 24. (In Russ.)] EDN: ZJCMEN
14. Toporov V. N. L'albero universal. *Ricerche semiotiche*. Torino, 1973, 148–209.
15. Топоров В. Н. Исследование по этимологии и семантике. Т. 1. Теория и некоторые частные ее приложения. М.: Яз. слав. культуры, 2004. 816 с. [Toporov V. N. *A study in etymology and semantics*. Vol. 1. *Theory and some of its particular applications*. Moscow: Iaz. slavian. kul'tury, 2004, 816. (In Russ.)] EDN: RBBZIR
16. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Акад. проект; Мир, 2012. 331 с. [Meletinsky E. M. *Poetics of myth*. Moscow: Akad. proekt; Mir, 2012, 331 (In Russ.)]
17. Ле Гофф Ж. Рождение чистилища. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ Москва, 2009. 544 с. [Le Goff J. *The birth of the purgatory*. Ekaterinburg: U-Faktoriia; Moscow: AST Moskva, 2009, 544. (In Russ.)]
18. Фоссье Р. Люди Средневековья. СПб.: Евразия, 2010. 352 с. [Fossier R. *Medieval people*. St. Petersburg: Evraziia, 2010, 352. (In Russ.)]
19. Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб.: Гуманитарная Академия, 2002. 544 с. [Tumans H. *Birth of Athena. The Athenian path to democracy: from Homer to Pericles (VIII–V BC)*. St. Petersburg: Gumanitarnaia Akademiia, 2002, 544. (In Russ.)]
20. Зайцев А. И. Греческая религия и мифология. М.: Academia, 2005. 208 с. [Zaitsev A. I. *Greek religion and mythology: a course of lectures*. Moscow: Akademia, 2005, 208. (In Russ.)] EDN: QTNTOX
21. Грейвс Р. Мифы Древней Греции. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 1008 с. [Graves R. *The Greek myths*. Ekaterinburg: U-Faktoriia, 2007, 1008. (In Russ.)]
22. Армстронг К. Святой Павел. Апостол, которого мы любим ненавидеть. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 250 с. [Armstrong K. *St. Paul: The Apostule we love to hate*. Moscow: Alpina non-fikshn, 2016, 250. (In Russ.)]
23. Армстронг К. Поля крови: Религия и история насилия. М.: Альпина нон-фикшн, 2021, 598 с. [Armstrong K. *Fields of blood religion and the history of violence*. Moscow: Alpina non-fikshn, 2021, 598. (In Russ.)]
24. Льюис К. С. Христианство. М.: АСТ, 2020. 384 с. [Lewis C. S. *Christianity*. Moscow: AST, 2020, 384. (In Russ.)]
25. Проскурин С. Г., Проскурина А. В. Культурные трансферы и тексты. Новосибирск: НГТУ, 2017. 176 с. [Proskurin S. G., Proskurina A. V. *Cultural transfers and texts*. Novosibirsk: NSGU, 2017, 176. (In Russ.)] EDN: ZSGHJT
26. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. СПб.: Азбука-Аттикус, 2021. 256 с. [Propp V. Ya. *Russian agricultural holidays*. St. Petersburg: Azbuka-Attikus, 2021, 256. (In Russ.)]

оригинальная статья

Иносказательные изображения в романе Мариам Петросян «Дом, в котором...»

Синегубова Капиталина Валерьевна
Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0000-0002-3917-1304>
sinegubova@nextmail.ru

Поступила в редакцию 20.01.2022. Принята после рецензирования 28.02.2022. Принята в печать 25.04.2022.

Аннотация: Рассмотрены стратегии визуального изображения и статус визуальных образов, которые присутствуют в романе М. Петросян «Дом, в котором...», написанном с использованием метода магического реализма. Рассредоточенные по тексту, они тем не менее играют важную роль для понимания художественного мира романа. Герои произведения в разных ситуациях создают сходные рисунки – изображения животных или фантастических существ, каждое из которых становится знаком человека, как правило, самого художника. Характер создания этих рисунков позволяет сопоставить сам процесс с магическим ритуалом. Рисунки, особенно настенные, становятся особым способом коммуникации между героями и Домом, имеющим мистическую природу. Присутствие рисунков, которые, с одной стороны, изображают кого-то или что-то, а с другой – сами являются предметом изображения, усложняет структуру романа и требует осмысления. Иносказательная природа рисунков констатирует единство смыслового целого в изображении Дома, связывая разных героев единым способом высказывания через создание визуальных образов. Особо выделены изображения, реализованные и задуманные Курильщиком – героем, который лишь частично принадлежит Дому. Рисунки Курильщика наглядно демонстрируют его чужеродность в мире Дома, но именно его картины, метафорически изображающие Дом и предлагающие его художественное осмысление, становятся еще одним ключом к прочтению мистической природы этого пространства и помогают сформулировать концепцию времени, особым образом протекающего в Доме.

Ключевые слова: магический реализм, экфрасис, визуальный образ, визуальное в литературе, иносказание, иносказательное изображение, рисунок, зооморфные образы

Цитирование: Синегубова К. В. Иносказательные изображения в романе Мариам Петросян «Дом, в котором...». Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 5. С. 654–661. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-654-661>

full article

Allegorical Images in *The Gray House* by Mariam Petrosyan

Kapitalina V. Sinegubova
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
<https://orcid.org/0000-0002-3917-1304>
sinegubova@nextmail.ru

Received 20 Jan 2022. Accepted after peer review 28 Feb 2022. Accepted for publication 25 Apr 2022.

Abstract: This article discusses the strategies of visual representation and the status of visual images in Mariam Petrosyan's novel *The Gray House*, originally published in Russian as *The House in Which...* The novel is an excellent example of magical realism in contemporary literature. Dispersed throughout the text, visual images have an important role in understanding the fictional world. The characters of the novel sketch animals or fantastic creatures, which become their signatures. The pattern is similar to that of a magical ritual. These drawings and graffiti help the characters to communicate with the mystical House, where they all live. The drawings represent someone or something, while being themselves the subject of representation, which complicates the structure of the novel and requires readers' reflection. The allegorical nature of the drawings creates the semantic continuity of the House because the characters share the same way of self-expression. The images created by Smoker are special because this character belongs to the House only partially. Smoker's drawings clearly demonstrate his alienness in the world of the House, but they provide a metaphorical understanding of the House and offer its artistic interpretation. They serve as an alternative key to deciphering the mystical nature of the space. Smoker's drawings reveal the concept of time distorted by the House.

Keywords: magical realism, ekphrasis, visual image, visual in literature, allegory, allegorical image, drawing, zoomorphic images

Citation: Sinegubova K. V. Allegorical Images in *The Gray House* by Mariam Petrosyan. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(5): 654–661. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-654-661>

Введение

Роман М. Петросян «Дом, в котором ...» занимает значимое место в современном литературном процессе [1]. Роман исследовался в различных аспектах, в том числе некоторые авторы отмечали разного рода табу и запреты, которые действуют в художественном мире романа и которые в научном осмыслении обычно связываются с обрядом инициации [2; 3] и, шире, с методом магического реализма [4].

Феномен магического реализма был описан в монографии А. А. Гугнина [5], в настоящее время существуют исследования магического реализма как художественного метода в произведениях зарубежной [6; 7] и отечественной литературы [8–10]. В романе М. Петросян «магический реализм игнорирует все бинарные оппозиции, в которые должны были бы заключаться магическое и реальное, и взамен образует странную симбиотическую связь магического и реального» [11, с. 70]. Это приводит к усложнению структуры романа и заставляет обращаться к отдельным составляющим изображенного в романе мира для понимания целого. В этом ключе представляется важным один из запретов, который еще не был рассмотрен в научной традиции, – запрет на изображение людей. Хотя А. В. Биякаева называет расписывание и разрисовывание стен в ряду культовых действий обитателей Дома [12, с. 64], в качестве примеров приводятся только буква «Р» (знак героя по имени Ральф) и те изображения, которые, на наш взгляд, культовыми не являются.

Как часть художественного мира романа упомянутые в нем рисунки отсылают нас к теме визуального в литературе, которая активно исследуется в современном литературоведении. Понятие визуального применительно к литературе закреплено в словаре «Поэтика» как «одно из наиболее значимых свойств художественной образности, определяемое авторской установкой как на отдельные зрительные ассоциации читателя, так и на конкретизацию "предметно-видовых" уровней (Р. Ингарден) "внутреннего мира" произведения в целом» [13, с. 37]. Смысл этих образов, которые созданы героями, а прежде этого – автором романа, мы рассматриваем в соотношении с феноменом магического реализма.

Рисунки героев усложняют структуру романа, поскольку создают эффект произведения (героя) внутри произведения (автора). Это отсылает к богатой литературной традиции изображения героев-художников (в широком смысле этого слова). Традиционно разграничиваются произведения, в которых герои являются творцами осознанно, т. е. осознают себя таковыми (Н. В. Гоголь «Портрет», Оскар Уайльд «Портрет Дориана Грея», Уильям Сомерсет Моэм «Время страстей человеческих», Эмиль Золя «Творчество»), или те, о которых просто упоминается, что они рисуют на полях тетради во время телефонного разговора, рисуют

какой-то символ на морозном стекле, рисуют план местности, рисуют случайно, по чьей-то просьбе (Сент-Экзюпери «Маленький принц»).

В статье мы намерены прояснить, почему рисуют герои романа М. Петросян: при каких обстоятельствах, специально или непреднамеренно и т. д. Как отмечает А. А. Аксенова, отсылая к словам М. М. Бахтина о литературе как искусстве «непрямого говорения» [14, с. 289], литература – это «искусство непрямого видения. Смысл показывается в том числе в том, как тот или иной субъект видит мир, и в том, как он размещен в мысленно зримом пространстве» [15, с. 117]. Рисунки героев в этом романе – свидетельство точки зрения их на мир, отношения к миру. Прояснение, сопоставление и обоснование взаимосвязи этих рисунков в контексте романа позволит уточнить позиции героев и их авторскую оценку, исходя из того, что визуальное в литературе понимается как «тип ценностного отношения, который является самостоятельной и притом неотделимой частью хронотопа, проявляет себя как предмет и способ изображения» [16, с. 26]. Помещенные автором романа в общую ткань произведения, эти рисунки, с одной стороны, изображаются, т. е. описываются словесно в тексте романа, а с другой – они сами описывают, изображают настроение, состояние, а иногда и предстоящую судьбу героев.

Результаты

Рассредоточенные по тексту романа рисунки героев не привлекают внимания, среди всех героев романа художников только двое: один из главных героев Курильщик и покойный Леопард, представленный в романе исключительно своими рисунками, которые для обитателей Дома представляют большую ценность. Тем не менее многие герои в определенные моменты жизни создают изображения на стенах, и эти изображения возникнут на стене разрушенного Дома в эпилоге, став частью магии этого пространства.

При сопоставлении рисунков, созданных в разное время разными героями, прослеживается четкая закономерность: все, кроме Курильщика, рисуют животных или фантастических существ. Однако анималистические изображения никак не связаны с названиями групп: Фазаны, Крысы, Птицы, Псы. Во-первых, в центре авторского внимания находится четвертая группа, не связанная напрямую ни с одним животным и не имеющая никакого названия. Во-вторых, применительно к художественному миру романа невозможно говорить о тотемизме: представители каждой конкретной группы не изображают животное, к которому отсылает название группы, и не почитают его никаким иным способом.

Хотя Курильщик наблюдает, как директор Дома начинает соответствовать своему имени – Акула, в других случаях прямая связь между именем и героем может быть не выражена (Лось, Крыса), либо имя связано не с характером и личностными качествами, а с внешними признаками (Слон, Кролик, Стервятник, Кузнечик). Целый ряд имен не связан с животным (Македонский, Курильщик, Рыжая, Ральф, Слепой, Крестная), следовательно, несмотря на частотность анималистических кличек, они не являются обязательными.

Изображения не связаны напрямую с тотемизмом, но играют важную роль в структуре романа-мифа [17]. В эпоху мифологического сознания «изобразительное искусство широко использовали в ритуалах» [18, с. 54], изображения имели сакральный смысл [19]. Все герои романа, за исключением художников Леопарда и Курильщика, рисуют редко и неумело, но эти изображения имеют символическое значение, которое не осознается самими героями.

Создание изображений происходит в двух временных пластах: детство героев, когда они рисуют животных на стене своей комнаты; настоящее время романа, когда Табаки изображает дракона, и этот рисунок символизирует возвращение Лорда. Второй случай представляется более простым для осмысления. Табаки изображает то, что видит во сне, и весь акт рисования описывает как магический ритуал:

Я исполнил свой сон. Вот оно – драконье привидение в лилиях и с Лордовским глазом. Бежит, когтями вперед, в сторону нашей спальни. Это к возвращению. Или еще к чему-то, о чем я сам пока не имею понятия. Мое дело было посадить его сюда (с. 389)¹.

Функция изображения определяется однозначно и подерживается дальнейшим развитием сюжета: Лорд действительно вернется. Обратимся к описанию изображения:

*Я рисую дракона, стоящего на задних лапах. Дракон **получается странный**: немного похожий на лошадь, немного на собаку. **В более удобном месте вышло бы лучше, но здесь и так сойдет**. Рисую клыки и острые когти на передних лапах. Когти – важная деталь. Когда **уже можно догадаться**, что передо мной дракон, вскрываю банку с краской и **замазываю** его белым. <...> Дрожащей рукой вывожу по его хребту белые зубчики. <...> Не дожидаясь, пока дракон подсохнет, достаю из кармана перочинный нож и начинаю выковыривать дырку глаза. **Адова работа**. <...> Остались лилии. На полусыром своем драконе я процарапываю их кончиком ножа – **кривые** геральдические лилии – где только можно, а когда заканчиваю, дракон – уже не просто дракон, а Лорд, потому что лилия – это Лорд, если хочешь нарисовать его быстро и понятно всем. Ставлю свою подпись (с. 388–389).*

Жирным шрифтом в процитированном фрагменте отмечены слова и фразы, которые показывают, что процесс рисования вызывает у Табаки затруднения и что изображение дракона у него получается недостаточно хорошо. Автор ставит свою подпись, хотя и не претендует на то, чтобы его произведение имело художественную ценность, кроме того, рисунок расположен почти под потолком, чтобы не быть заметным. Очевидно, что в изображении доминирует не эстетика, но важность некоторых деталей, которые должны стать знаками конкретного человека.

Такую же тесную связь между человеком и рисунком животного можно наблюдать в интермедиях, когда главные герои в возрасте около 9 лет рисуют животных на стене своей комнаты. Каждый из ее обитателей, в том числе ново-прибывшие, рисует по одному животному. В тексте не проговаривается смысл этого действия, но оно крайне важно, в нем принимают участие даже те, для кого рисование почти недоступно: незрячий от рождения Слепой и Кузнечик, у которого нет рук, так что ему приходится рисовать пальцем протеза, обмакнутого в краску. Рисунки не имеют художественной ценности, у мальчиков получаются *удивительные уродцы... топорные, острозубые, с ногами разной длины, с торчащими, как палки, хвостами...* (с. 936).

Обитатели Чумной комнаты не столько украшают ее, сколько закрепляют свое присутствие в ней и фактически рисуют себя, даже если вид животного никак не соотносится с тем, что известно о герое. Утверждение своего присутствия в мире носит парадоксальный характер, т. к. рисунки не содержат указания на авторство. Иногда связь между художником и изображением возникает не на смысловом уровне, а благодаря тому, что краска, которой выполнено изображение, оставляет следы на рисующем:

Он вернулся к своему зверю и начал покрывать его полосками. На его голове, как продолжение настенных, блестели оранжевые брызги. <...> Пустое место занял зеленый динозавр с фигурой кенгуру, а костюм Лося украсился изумрудными пятнами (с. 229–230).

Тот факт, что в рисовании принимает участие воспитатель по имени Лось, играет важную роль для обожающих его воспитанников: так он подчеркивает свою связь с ними.

Символично, что каждый новичок в Чумной комнате рисует на стене свое животное, не проговаривая, что это он сам, и автор не позволяет провести однозначные связи. Мальчик по имени Волк рисует волка, но Слепой рисует жирафа, а Кузнечик – дикобраза, причем выбор животного с иглами обусловлен тем, что Кузнечик не может держать кисть. Сиамцы (разделенные сиамские близнецы), один из которых одноногий, рисуют крокодила и аиста, стоящего на одной ноге, но кто из них нарисовал аиста – не говорится. Вонючка, нарисовавший гоблина, обижается,

¹ Петросян М. Дом, в котором ... М.: Livebook, 2017. 968 с. Здесь и далее по тексту в скобках приведены страницы, на которых расположены цитаты.

когда его пугающий рисунок загораживают мебелью, и объясняет, что *вложил в него душу*. Соседи по комнате с ним охотно соглашались, однако общий иронический тон беседы заставляет усомниться в том, что Вонючка действительно видит в гоблине какую-то часть себя, автор сохраняет возможность фигурального понимания фразы *вложил душу*. Как отмечает Д. А. Мельник, «на протяжении всего процесса чтения романа читатель сомневается в том, как именно нужно понимать события» [20, с. 64]. Ощущение неопределенности, которое «проистекает из создания равноправной дуальности равно убедительных и равно агрессивных по отношению друг к другу миров», в принципе характерно для магического реализма [5, с. 73].

Неоднозначно мотивировано появление на стене Чумной комнаты чайки, которую рисует Рыжая. Об этом событии рассказывают одновременно несколько персонажей: сама Рыжая и обитатели комнаты, которые не знали о ней и лишь видели появившийся на стене рисунок. Невозможно однозначно утверждать, задумывала ли героиня изобразить героя романа Ричарда Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» или рисунок был спонтанным. Сама Рыжая говорит, что *нарисовала птицу*, слово *чайка* употребляет Сфинкс, а подпись *Джонатан* появилась на несколько дней позже рисунка. Но когда в настоящем времени романа герои получают объяснение произошедшей несколько лет назад мистификации, они озвучивают свои догадки так, будто рисунок чайки на стене – изображение самой Рыжей:

– Господи! – стонет Горбач. – Так ты и была Джонатаном? (с. 468).

Рисунок чайки был сделан тайком, но через несколько лет Рыжая переселилась в комнату, где когда-то его нарисовала.

Важность настенных рисунков подчеркивается мистическими событиями в эпилоге романа, когда в разрушенном доме сохраняется, оказавшись в совершенно другом месте, стена с этими рисунками, хотя они исчезли еще до разрушения дома. Более того, к этим изображениям добавятся новые:

присмотревшись, он увидит, что среди хорошо знакомых изображений затесались другие, так же хорошо знакомые, но никогда не находившиеся рядом – белый бык на тонких ногах, дракон с голубоватым камешком вместо глаза... и знакомые, но не изображавшиеся никогда и нигде – еще один дракон, огненно-красный, и рыбка с привязанным к хвосту колокольчиком (с. 936).

Дом является живым существом и определенным образом относится к своим воспитанникам, поэтому рядом оказываются не многочисленные граффити, которые покрывают стены коридоров, и не наскоро нанесенные после ремонта росписи, а именно те иносказательные изображения, которые можно расценивать как своеобразный знак принадлежности каждого ребенка миру Дома.

Образ животного в «Доме, в котором...» может выступать не только как своеобразный автопортрет, но и как портрет. Не только Табаки рисует Лорда в образе дракона, но и вполне профессионально рисующий Леопард изображает Сфинкса, Табаки и заведующего лазаретом Януса как кошку, ворона и паука соответственно. После смерти Леопарда герои хранят эти картины: у Януса его портрет висит в кабинете, несмотря на отталкивающее впечатление; Сфинкс и Табаки прячут свои портреты, чтобы они не примелькались, но время от времени созерцают их. В отличие от остальных героев романа, Леопард рисовал не только на стенах, но и на бумаге, поэтому каждый изображенный персонаж связан не с пространством комнаты или коридора, но находится в особом, соответствующем именно ему художественном пространстве.

Обратимся к описанию этих портретов, представляющих, согласно классификации Е. В. Яценко, свернутые экфрасисы [21]. Портрет Януса, принадлежащего к медперсоналу (Паукам), изображает паука:

Здесь – сплошные паутины и деревья, на самом большом листе – белый, длинноногий паук с легко узнаваемым янусовским лицом. Понуро висающий в центре надорванной паутины. Не всякий повесил бы у себя такой портрет. Ян повесил. И этот, и остальные, хотя от них так и пахнет ненавистью Леопарда к Могильнику (с. 203).

Надорванная паутина, дополняющая образ Януса, показывает, что этот персонаж отличается от остальных Пауков, которые в романе представлены как сильные и опасные хищники. Янус более человечен, и хотя он не понимает, по каким законам живет Дом, он готов к получению новой информации от воспитанников, не ограничиваясь профессиональным интересом к их физическому здоровью. Это видно по единственному эпизоду в романе, в котором присутствует Янус, по его разговору со Сфинксом и позволению нарушить правила лазарета.

Два других рисунка Леопарда спрятаны в четвертой комнате под картой Новой Зеландии:

На одном – черной тушью – дерево, раскидистое и корявое, почти без листьев. На голой ветке сидит очень одинокий и лохматый ворон, а внизу, у корней, свалка всякого мусора. И хотя мусор самый обычный, человеческий, почему-то сразу понятно, что накидал его ворон – и бутылки, и кости, и значки рок-фестивалей, и календари – и вообще, может, именно оттого он такой грустный, что слишком много в своей жизни израсходовал. В общем, это картина про всех и про каждого – смешная на первый взгляд и печальная на все последующие, как все, что рисовал Леопард. Второй рисунок в цвете. Тощая песочного цвета кошка, посреди растрескавшейся пустыни. Глаза ярко-зеленые, а мордой немного смахивает на Сфинкса. Вокруг только трещинки и призрачные

кусты, усеянные бело-желтыми улитками. На земле, у самых ее лап, осколки улиточных домиков, покрытые, как царапинами, заметками и латинскими изречениями. И чьи-то непонятные следы. То ли птичьи, то ли звериные. Тянутся мимо кошки, закручиваются петлями вокруг кустов, и исчезают где-то вдали (с. 543–544).

Лохматый ворон – Табаки, в третьей части романа он собирает «ничьи» вещи и составляет коллекцию, которую непосвященные называют мусором, и вообще придает большое значение вещам. Табаки тоже лохматый, кудлатый, как воспринимает его Курильщик при первой встрече, так что портретное сходство присутствует, хотя и не обозначено в тексте, как сходство паука с Яном, а кошки – со Сфинксом. Кошка-Сфинкс находится в пустыне, где на песке отпечатались чьи-то следы, и сам Сфинкс в течение нескольких лет после выпуска будет находиться в полном одиночестве, безуспешно пытаясь отыскать следы своей подруги.

Каждая из трех картин содержит семантику упадка и разрушения: надорванная паутина, куча мусора, осколки улиточных раковин. Зооморфные образы, созданные Леопардом, отражают сущность каждого героя, они семантически и эмоционально насыщены, поэтому так велика их ценность. Более того, в случае с Табаки и Сфинксом Леопард отразил будущее: те ситуации в жизни героев, которые произойдут уже после создания картин. Таким образом, и рисунки Леопарда имеют важный смысл, хотя формально отличаются от настенных, и в них также отражено негласное правило Дома – рисовать людей только в зооморфных образах.

Это правило, как и многие правила Дома, нигде не зафиксировано и не озвучено, поэтому Курильщик, который с трудом отслеживает существующие в Доме табу, пытается нарисовать других обитателей Дома, не прибегая к иносказательным зооморфным образам:

я достал из-под подушки блокнот и начал рисовать все подряд. Ряд рюкзаков и сумок на спинке... Голову Табаки, торчащую из кокона пледа, в который он завернулся. Зевавшего Лорда... (с. 148). Эти попытки не увенчиваются успехом: Табаки было почти не видно, а Лорд отвернулся, как только заметил, что я его рисую (с. 148).

Нарисованный на стене портрет Стервятника вызывает гнев Табаки и отповедь Сфинкса:

Никогда больше не рисуй ничьих портретов на стенах, Курильщик. Этого делать нельзя. Хочешь, чтобы пошли слухи, что ты наводишь порчу на Стервятника? (с. 859).

Курильщик – художник, и изображения для него – это привычный способ познания и отражения действительности, он чувствует себя дезориентированным без «реальных зрительных стимулов» [22, с. 82]. Курильщик

не понимает товарищей по комнате, что коррелирует с его неспособностью изобразить кого-либо из них в приемлемом для Дома виде.

Следует также заметить, что Курильщик в общем не портретист. В отличие от Леопарда, который рисовал преимущественно животных, Курильщик предпочитает пейзажи или абстрактные идеи. В романе присутствует словесное описание одной его будущей картины:

Я посидел у Перекресточного окна. Дождь давно перестал. После него даже выглянуло солнце, но ненадолго. Сейчас оно уже заходило, только дворные лужи красиво отливали желтым. Я решил, что обязательно нарисую такую картину. Когда-нибудь потом. Синий-пресиний вечер, только лужи желтые, и в небе тонкая желтая полоса. У меня под рукой не было блокнота, чтобы сделать набросок, и я набросал все это ручкой в дневнике, чтобы не забыть, хотя знал, что и так не забуду (с. 887).

Будущая картина Курильщика, описанная вербально в дневнике героя, усиливает визуальную многослойность произведения, несмотря на то, что она не имеет не только живописной реализации, но и в словесном описании лишена полноты подробностей: неизвестны формы луж, их количество, расположение, размер. Тем не менее, по словам А. А. Аксеновой, такое отсутствие визуальных подробностей является художественной закономерностью, создающей необходимый смысловой фон: «некоторые случаи редукции визуального в литературе являются необходимым условием осуществления смысла. Это красноречивая и необходимая характеристика художественного мира, как тишина для восприятия звука, темнота для восприятия света» [23, с. 84].

Обратим внимание на цвета, которые вдохновляют героя и должны стать основным содержанием будущей картины, преобладание желтого и синего отсылает к живописи экспрессионистов, в частности Ван Гога («Ночная терраса кафе», «Звёздная ночь»). Однако во взрослом возрасте Курильщик значительно эволюционирует как художник, производящее сильное эстетическое впечатление яркие краски сменяются черно-белой геометрией, выражающей идею Времени. Профессиональная живопись Курильщика – это концептуализм, «способ визуального философствования» [24, с. 107], который позволит герою через много лет осознать то, чего он не понимал подростком.

Попытки отразить в рисунке абстрактную концепцию Курильщик делает и раньше. Так, в самом начале романа представлен экфрасис картины на заданную тему «Моя любовь к миру»:

Результат своего трехдневного труда я окрестил «Древом жизни». Только отойдя от рисунка на пару шагов, можно было разглядеть, что «дерево» усеяно черепами и полчищами червей. На близком расстоянии они казались чем-то вроде груш среди изогнутых веток. Как я и думал,

в Доме ничего не заметили. Оценили мой мрачный юмор, должно быть, уже только на выставке, но как к этому отнеслись, я не узнал. Вообще, это даже не было шуткой. Все, что я мог сказать о своей любви к миру, примерно так и выглядело, как я там изобразил (с. 13).

Невозможно не провести параллель между деревом, которое рисует Курильщик, и деревом Леопарда (портрет Януса). В обоих случаях композиционным центром рисунка является дерево, причем дерево нездоровое: на нем паутина или черепа и черви. В обоих случаях картина выражает эмоции художника: *все, что я мог сказать о своей любви к миру; ненависть Леопарда к Могильнику.*

И тем не менее Курильщик рисует только свое мироощущение, будучи сосредоточенным на собственных переживаниях, в то время как Леопард изображает другого человека. Погруженный в свой собственный внутренний мир Курильщик не изображает людей, даже самого себя не изображает, и эта ограниченность его художественных способностей парадоксальным образом приведет к интуитивному прозрению в конце романа.

В эпилоге романа описание картин Курильщика играет наиболее важную роль, в данном случае экфрасис выполняет не только композиционную, но и аллегорическую функцию [25, с. 81]. Став профессиональным художником-концептуалистом, Курильщик изображает нелинейное течение времени в Доме, которое расходится кругами:

Заклученные друг в друга круги, наползающие на них треугольники и прочая геометрия. Все черно-белое... (с. 945).

Круги пересекают друг друга, что позволяет перемещаться во времени. Воткнувшаяся стрелка обозначает момент перемещения, которое совершают в эпилоге некоторые герои. Как отмечает М. Ю. Сидорова, «то, что именно Курильщик, не желавший выслушать и понять суть Дома и идею Времени, оказывается их невольным выразителем, доказывает в художественном мире романа их истинность» [22, с. 87].

Видно, что Курильщик рисует не так, как остальные герои романа: он выбирает иные темы и, в отличие от своих товарищей, становится профессиональным художником, чьи выставки посещает пресса. Однако сам Курильщик признает определенную иррациональность своих ранних картин, сближая их тем самым с интуитивным творчеством юных воспитанников Дома:

Я не стыжусь своих ранних работ, но в двадцать два года слишком откровенно раскрываешь душу и делаешь это подчас неумело. Позже испытываешь неловкость. И за себя, и за то, что именно неумелое исполнение встречается с восторгом (с. 945).

Неумелое исполнение молодого художника, конечно, принципиально отличается от неумелых детских рисунков, но в данном случае важна не степень технического совершенства или несовершенства, а то, что изображение не в полной мере подконтрольно художнику и содержит в себе то, что Курильщик изначально не планировал выражать.

Заключение

Рассредоточенные в тексте романа М. Петросян рисунки складываются в целостную концепцию, которая охватывает как правила создания рисунков (не изображать людей), так и их основную задачу – выражать смыслы, которые не могут быть выражены вербально. Крайне низкая художественная ценность большинства рисунков компенсируется их символической значимостью: влиянием, которое они оказывают на судьбы героев, и тем фактом, что уничтоженные изображения вновь, как по волшебству, возникают на стенах разрушенного Дома, обретая таким образом бессмертие.

Изображения и связанные с ними ограничения и табу становятся еще одним уровнем проявления метода магического реализма в тексте. Рисунки являются средством связи между героями и пространством Дома, предсказывают будущее и объясняют необъяснимое. Наряду с иными формами иносказания, изображения и роль, которую они играют в сюжете, становятся частью авторской стратегии отказа от прямого высказывания.

Нелинейное течение времени в Доме, которое объясняет реверсивные повороты сюжета в эпилоге, выражено именно визуально. Примечательно, что автором этих концептуальных картин становится герой-художник, чья стратегия создания изображений в основной части романа значительно отличается от общепринятой в Доме. Курильщик является наиболее рациональным героем в романе, и именно художественное творчество, имеющее иррациональную природу, позволяет ему понять и выразить наиболее сложные смыслы. Остальные герои романа, кроме Курильщика и Леопарда, рисуют очень неумело, а некоторые из героев остаются не причастны такому процессу. Таким образом, разделение героев на рисующих профессионально, рисующих в силу своих возможностей и не рисующих совсем приобретает особое значение в свете магического кода, которым является рисунок в этом произведении.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Лебедушкина О. П. «Дом, в котором...» Мариам Петросян как «итоговый текст» десятилетия. *Филологический класс*. 2011. № 25. С. 20–21. [Lebyodushkina O. P. The Home where... (Dom, v kotorom...) by Mariam Petrosyan as a concluding text of the decade. *Philological Class*, 2011, (25): 20–21. (In Russ.)] EDN: OIGMOZ
2. Булгакова А. А. Топос «Дом» как гетеротопия в романе М. Петросян «Дом, в котором...». *Филологический класс*. 2021. Т. 26. № 2. С. 167–181. [Bulgakova A. A. The topos Home as heterotopy in the novel by M. Petrosyan "The House in which...". *Philological Class*, 2021, 26(2): 167–181. (In Russ.)] <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-02-14>
3. Воронкова П. Е. Архетипический образ героя в произведении М. Петросян «Дом, в котором...». *Научные достижения и открытия современной молодежи: III Междунар. науч.-практ. конф.* (Пенза, 17 февраля 2018 г.) Пенза: Наука и Просвещение, 2018. С. 285–294. [Voronkova P. E. The archetypal image of the hero The Gray House by M. Petrosyan. *Scientific achievements and discoveries of young scientists: III Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Penza, 17 Feb 2018. Penza: Nauka i Prosveshcheniye, 2018, 285–294. (In Russ.)] EDN: YRWZNZ
4. Мескин В. А., Гайдаш Л. В. Роман М. Петросян «Дом, в котором...» в контексте литературной традиции магического реализма. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2019. Т. 24. № 3. С. 404–413. [Meskin V. A., Gaidash L. V. "The Gray House" by Mariam Petrosyan in the context of the literary tradition of magical realism. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2019, 24(3): 404–413. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-3-404-413>
5. Гугнин А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления. М.: ИСЛ РАН, 1998. 120 с. [Gugnin A. A. *Magical realism in the context of literature and art of the XX century: a phenomenon and some ways of its understanding*. Moscow: InSlav RAS, 1998, 120. (In Russ.)] EDN: YHOVOX
6. Цыренова Д. С. Магический реализм в творчестве Мо Ян. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2010. № 8. С. 133–136. [Tsyrenova D. S. Magical realism in the works of Mo Yan. *Bulletin of Buryat State University*, 2010, (8): 133–136. (In Russ.)] EDN: MTWMBD
7. Казакова Ю. К. Традиции магического реализма в романе Даниэля Кельмана «Измеряя мир». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013. № 12-1. С. 98–102. [Kazakova Yu. K. Traditions of magical realism in Daniel Kehlmann's novel "Measuring the World". *Philology. Theory & Practice*, 2013, (12-1): 98–102. (In Russ.)] EDN: RKQJLV
8. Гавриков В. А. «Чудесный реализм» в прозе Зайцева, Шмелева, Бунина (в контексте магического реализма, фантастического реализма, мистического реализма, духовного реализма и т. д.). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2019. Т. 24. № 1. С. 35–42. [Gavrikov V. A. "Miraculous realism" in Zaitsev's, Shmelev's, Bunin's prose (in context of magical realism, fantastic realism, mystical realism, spiritual realism, etc.). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2019, 24(1): 35–42. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-1-35-42>
9. Сорокина Н. В., Абраменкова Л. Е. Традиции магического реализма в романе Дины Рубиной «Почерк Леонардо». *Неофилология*. 2019. Т. 5. № 20. С. 518–525. [Sorokina N. V., Abramenkova L. E. Magical realism traditions in the Dina Rubina's novel "Style of Leonardo". *Neofilologiya*, 2019, 5(20): 518–525. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2019-5-20-518-525>
10. Осипова О. И. Особенности «магического реализма» в романе Е. Некрасовой «Калечина-малечина». *Филология: научные исследования*. 2020. № 12. С. 1–10. [Osipova O. I. The peculiarities of "magic realism" in E. Nekrasova's novel "Kalechina-malechina". *Philology: scientific research*, 2020, (12): 1–10. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2020.12.33372>
11. Биякаева А. В. Взаимосвязь уровней художественной реальности в текстах современного магического реализма. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2017. № 2. С. 70–73. [Biyakaeva A. V. Interrelation of art reality levels texts of modern magic realism. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, 2017, (2): 70–73. (In Russ.)] EDN: ZDDCID
12. Биякаева А. В. Бытовые и культовые действия персонажей как поведенческий кодекс в тексте магического реализма (на материале романа М. Петросян «Дом, в котором...»). *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*. 2017. Т. 3. № 1. С. 59–67. [Biyakaeva A. V. Ordinary and occult actions of the characters as a behavioral codex in a magical realism text (based on the The Gray House by M. Petrosyan). *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauk*, 2017, 3 (1): 59–67. (In Russ.)] EDN: XOJWHZ
13. Лавлинский С. П., Гурович Н. М. Визуальное в литературе. *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий*, гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 37–39. [Lavlinsky S. P., Gurovich N. M. The visual in literature. *Poetics: a dictionary of current terms and concepts*, ed. Tamarchenko N. D. Moscow: Izd-vo Kulaginoi; Intrada, 2008, 37–39. (In Russ.)]

14. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с. [Bakhtin M. M. *Aesthetics of the written words*. Moscow: Iskusstvo, 1979, 423. (In Russ.)] EDN: VQMUFP
15. Аксенова А. А. Положение изображённого наблюдателя как рецептивный аспект визуального в литературе. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. Т. 12. № 9. С. 116–119. [Aksenova A. A. Position of a represented observer as a receptive aspect of the visual in literature. *Philology. Theory & Practice*, 2019, 12(9): 116–119. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.24>
16. Аксенова А. А. Визуальный аспект лирического произведения в технике медленного чтения (на материале одной строки А. А. Ахматовой «Приходи на меня посмотреть...»). *Новый филологический вестник*. 2017. № 4. С. 25–35. [Aksenova A. A. The visual aspect of lyrical works in the technique of close reading (on the material of one line of A. A. Akhmatova's "Come look at me"). *Novyy filologicheskyy vestnik*, 2017, (4): 25–35. (In Russ.)] EDN: YNTKHR
17. Ремизова М. Времени нет. *Октябрь*. 2012. № 4. С. 148–168. [Remizova M. There is no time. *Oktiabr*, 2012, (4): 148–168. (In Russ.)]
18. Мелетинский Е. М. Первобытные истоки словесного искусства. In: *Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания*. М.: РГГУ, 1998. С. 52–110. [Meletinsky E. M. The primitive origins of verbal art. In: Meletinsky E. M. *Selected articles. Memoirs*. Moscow: RSUH, 1998: 52–110. (In Russ.)]
19. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Инвест-ППП, 1996. 240 с. [Eliade M. *Aspects of the myth*. Moscow: Invest-PPP, 1996, 240. (In Russ.)]
20. Мельник Д. А. Рассказывание историй в романе «Дом, в котором...» Мариам Петросян: смысловые уровни. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2013. № 3. С. 63–67. [Melnik D. A. Storytelling in the novel "The House that" by Mariam Petrosyan: layers of meaning. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism*, 2013, (3): 63–67. (In Russ.)] EDN: RLYITZ
21. Яценко Е. В. «Любите живопись, поэты...». Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель. *Вопросы философии*. 2011. № 11. С. 47–57. [Iatsenko E. V. "Poets, love painting": Ekphrasis as an artistic and ideological model. *Voprosy Filosofii*, 2011, (11): 47–57. (In Russ.)] EDN: OPKXPR
22. Сидорова М. Ю. «Дом, в котором...» живет зрительный модус: от точки зрения персонажа к построению замысла автора. *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология*. 2014. № 3. С. 75–93. [Sidorova M. Yu. "The house in which..." the visual modus lives: from a character's point of view to constructing the author's purport. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 2014, (3): 75–93. (In Russ.)] EDN: TEDHMJ
23. Аксенова А. А. Рецептивные аспекты визуального в литературе. *Новый филологический вестник*. 2020. № 3. С. 76–86. [Aksenova A. A. Receptive aspects of the visual in literature. *Novyy filologicheskyy vestnik*, 2020, (3): 76–86. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2020-00067>
24. Дядык Н. Г. Концептуальное искусство как способ философствования: живопись вместо философии. *Социум и власть*. 2020. № 1. С. 104–115. [Dyadyk N. G. Conceptual art as a way of philosophizing: painting instead of philosophy. *Socium i vlast'*, 2020, (1): 104–115. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2020-1-104-115>
25. Бочкарева Н. С. Функции живописного экфрасиса в романе Грегори Норминтона «Корабль дураков». *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2009. № 6. С. 81–92. [Bochkareva N. S. Functions of pictorial ecphrasis in the novel "The Ship of Fools" by Gregory Norminton. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2009, (6): 81–92. (In Russ.)] EDN: JVKSIX

оригинальная статья

Сравнительный анализ двух версий труда барона де лос Вальес «Глава из истории Карлоса V»

Терещук Андрей Андреевич

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург

<https://orcid.org/0000-0001-8838-9302>san_petersburgo@inbox.ru

Поступила в редакцию 27.03.2022. Принята после рецензирования 26.04.2022. Принята в печать 30.05.2022.

Аннотация: Статья посвящена анализу книги Луи-Ксавье-Оге де Сен-Сильвена, барона де лос Вальес «Глава из истории Карлоса V». Данный труд был опубликован в 1835 г. на французском языке; в 1837 г. был выпущен перевод на испанский язык. Текст барона де лос Вальес представляет собой повествование о предпосылках и начальном этапе Первой Карлистской войны в Испании. Автор книги, являясь доверенным лицом дон Карлоса, создал произведение, отражавшее точку зрения карлистов на конфликт. В статье сравниваются французский оригинал 1835 г. и испанский перевод 1837 г. Показано, что при переводе в текст были внесены отдельные смысловые модификации, обусловленные изменившейся политической ситуацией. В некоторых случаях замене подвергались отдельные эпитеты или предложения. В статье показано, как путем незаметных на первый взгляд модификаций была изменена оценка некоторых военных и политических деятелей эпохи (бывшего министра юстиции Ф. Т. Каломарде, карлистского генерала В. Гонсалеса Морено, генерала кристинос и будущего регента Б. Эспартеро). Анализируются дополнения, внесенные в испанский текст. Показывается, как автор интерпретирует события, связанные со взятием карлистами Вильяфранки в 1834 г. Данный эпизод, впоследствии получивший отражение в мемуаристике и художественной литературе, фигурирует только в испанском переводе; его описание в книге барона де лос Вальес отличается от версий других мемуаристов и от опубликованного в прессе сообщения. Сделан вывод, что труд барона де лос Вальес, обладая невысокой ценностью как исторический источник, представляет интерес как образец карлистской пропаганды времен войны 1833–1840 гг.

Ключевые слова: Испания, карлизм, Первая Карлистская война, пропаганда, Сумалакарреги, военная мемуаристика

Цитирование: Терещук А. А. Сравнительный анализ двух версий труда барона де лос Вальес «Глава из истории Карлоса V». *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 5. С. 662–668. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-662-668>

full article

Comparative Analysis of Two Versions of *A Chapter from the History of Charles V* by Baron de los Valles

Andrei A. Tereshchuk

The Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia, Saint-Petersburg

<https://orcid.org/0000-0001-8838-9302>san_petersburgo@inbox.ru

Received 27 Mar 2022. Accepted after peer review 26 Apr 2022. Accepted for publication 30 May 2022.

Abstract: This article features two versions of *A Chapter from the History of Charles V* written by Louis Xavier Auguet de Saint-Sylvain, Baron de los Valles. The original French version was published in 1835, while the Spanish translation appeared 1837. The text describes the background and the start of the First Carlist War in Spain in 1833–1835. The author was a confidant of Don Carlos, and so his book reflected the Carlist perspective. The author believes that the Spanish translation included certain semantic modifications and additions made due to fit the changing political situation. These almost imperceptible modifications were able to change the perception of some military and political figures of the era, e.g., former Minister F. T. Calomarde, Carlist general V. Gonzalez Moreno, Christino general and future Regent B. Espartero, etc. The research objective was to show how Baron de los Valles interpreted the events related to the capture of Villafranca by the Carlists in 1834. This historical episode, later popularized by numerous memoirs and fiction, appeared only in the Spanish version of the book. The account made

by the Baron de los Valles differed from the versions of other memoirists, as well as from the official press reports. *A Chapter from the History of Charles V* by Baron de los Valles has a low value as a historical source, but presents a considerable interest as an example of Carlist propaganda during the war of 1833–1840.

Keywords: Spain, Carlism, First Carlist War, propaganda, Zumalacarregui, war memoirs

Citation: Tereshchuk A. A. Comparative Analysis of Two Versions of *A Chapter from the History of Charles V* by Baron de los Valles. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(5): 662–668. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-662-668>

Введение

В 1835 г. французский авантюрист¹ Луи-Ксавье-Оге де Сен-Сильвен, барон де лос Вальес (Louis Xavier Auguet de Saint-Sylvain) опубликовал в Париже книгу «Глава из истории Карлоса V, написанная бароном де лос Вальес, адъютантом Короля Испании, бригадиром его армии, кавалером ордена Карлоса III, кавалером военного ордена Святого Фердинанда третьего класса» (*Un chapitre de l'histoire de Charles V, par le baron de los Valles, aide-de-camp du Roi d'Espagne, brigadier dans ses armées, chevalier pensionné de l'ordre de Charles III, et chevalier de l'ordre militaire de Saint-Ferdinand de seconde classe*) [2]. Труд был посвящен предпосылкам и начальной фазе Первой Карлистской войны в Испании (1833–1840). Поводом к данному конфликту послужил династический спор между сторонниками Карлоса Марии Исидро де Бурбона (дона Карлоса), брата скончавшегося в 1833 г. короля Фердинанда VII, и приверженцами вдовствующей королевы Марии-Кристины и ее малолетней дочери Изабеллы. Война стала отражением раскола в испанском обществе между либералами², поддержавшими Марию-Кристину и получившими наименование *кристинос*, и наиболее консервативной частью социума, выступившей на стороне дона Карлоса и именуемой *карлистами*. На начальном, рассмотренном в труде барона этапе конфликта (1833–1835) основным театром боевых действий был север Испании (Наварра, Гипускоа, Бискайя). Вооруженное противостояние продлилось до 1840 г. и завершилось победой кристинос³.

Барон де лос Вальес был приближенным претендента на испанский престол дона Карлоса и выполнял особые поручения по личному распоряжению лидера карлистов. Так, в марте 1834 г. барон контролировал доставку в Испанию из Англии груза с оружием для карлистской армии на корабле *Express Packet*; судно было перехвачено властями кристинос, и агенту дона Карлоса чудом удалось бежать [9]. Несколько месяцев спустя барон организовал побег претендента на престол из Великобритании через Францию к своим сторонникам на севере Испании. Жена российского посла в Лондоне княгиня Д. Х. фон Ливен

в письме своему брату А. Х. фон Бенкендорфу, начальнику III Отделения, отмечала, что «бегство дона Карлоса – это прекрасный образец смелости, поразительное событие, и будем надеяться, что подобные бесстрашие и удача будут сопутствовать ему в дальнейшем. Английские министры ошеломлены – они не могли бы быть одурачены в большей степени»⁴ [10, р. 378–379]. Позднее, в 1838 г., барон находился с особой миссией в Санкт-Петербурге, где вел переговоры с Николаем I о финансовой поддержке карлистского движения со стороны России. По итогам переговоров российское правительство выплатило дону Карлосу 2,6 млн франков [11, р. 620].

Методы и материалы

Барон де лос Вальес занимался как дипломатическими поручениями и секретными операциями, так и пропагандой, понимаемой нами как способ манипуляции общественным сознанием, «воздействие на сознание (подсознание), политические и ценностные ориентации объектов (групп объектов) посредством распространения воззрений, идей, учений с целью формирования мировоззрения, соответствующего интересам воздействующей стороны» [12, с. 75].

Хорошей иллюстрацией текстов, использовавшихся в карлистской пропаганде, является перечень изъятых в 1834 г. на судне *Express Packet* печатных материалов. Список включает в себя ряд брошюр (в описи они названы *книгами* (*libros*), но точнее их было бы именовать брошюрами), посвященных преимущественно политическому кризису 1832 г. (этот вопрос будет разобран ниже) и рассуждениям о порядке престолонаследия в Испании [9, р. 756–757].

Опубликованная бароном книга стала не просто изложением событий в Испании в начале 1830-х гг. Целью данного текста было представление для внешней аудитории точки зрения сторонников дона Карлоса на происходящее на Пиренейском полуострове. Важнейшей задачей карлистов в течение войны было добиться официального признания со стороны других государств, в первую очередь со стороны России, Австрии и Пруссии [13, р. 421–440].

¹ Именно так – *aventurier* – его именует в своем дневнике австрийский дипломат граф Р. Аллони [1, р. 444].

² Термин либералы (*liberales*) применительно к сторонникам Марии-Кристины устоялся в историографии, однако он употребляется с некоторой долей условности. Испанские либералы начала 1830-х гг. не представляли собой группы единомышленников или политической партии.

³ Из последних опубликованных исследований на тему Первой Карлистской войны можно отметить [3–7]; обзор историографии конфликта см. в [8].

⁴ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

Один экземпляр данного труда был отправлен Николаю I, хотя российский император, как можно заключить из отчета барона об аудиенции у царя, так и не прочитал его⁵.

В 1837 г. «Глава из истории Карлоса V» была переведена на испанский язык и опубликована в Перпиньяне, на юге Франции [14]. Переводная версия книги была ориентирована на внутреннюю, испанскую аудиторию. Выпущенный в Перпиньяне текст содержит небольшое дополнение с кратким описанием основных событий 1835–1837 гг. Кроме того, испанская версия имеет ряд смысловых модификаций по сравнению с французским оригиналом. Изменено описание некоторых событий; в соответствии с политической конъюнктурой 1837 г. предложены новые оценки ряда политических деятелей.

Сравнительный анализ испанской и французской версий книги барона де лос Вальес имеет значение для изучения моделей саморепрезентации карлизма внутри Испании и за ее пределами, а также для понимания изменений внутри движения в 1835–1837 гг. За последние несколько лет был опубликован ряд статей, посвященных созданию образа карлизма и карлистской пропаганде в прессе, изобразительном искусстве и литературе [15–20]. В то же время труд барона де лос Вальес ранее не подвергался анализу ни как исторический источник, ни как составной элемент пропагандистского дискурса карлистов.

Цель настоящего исследования – сравнительный анализ опубликованного в Париже французского текста 1835 г. и напечатанного в Перпиньяне испанского текста 1837 г. книги «Глава из истории Карлоса V» и рассмотрение обеих версий данного произведения в качестве инструмента карлистской пропаганды.

Результаты

Закономерно, что автор текста пытался создать положительный образ своих политических единомышленников, изображая сторонников дон Карлоса как «рыцарей без страха и упрека». Так, генерал Т. де Сумалакарреги, погибший в 1835 г. и сразу после смерти превратившийся в культовую фигуру для карлистского движения⁶, рисуется исключительно в положительных тонах во французском оригинале, например [2, р. 203]; испанский перевод точно следует за исходным текстом [14, р. 194]. Однако оценки некоторых других знаковых персонажей испанской истории 1830-х гг. различаются в двух версиях книги.

Показательным является изменение отношения к Ф. Т. Каломарде. Ф. Т. Каломарде был министром юстиции и фаворитом короля Фердинанда VII в 1824–1832 гг.;

с его именем связывают репрессии против либералов. Ф. Т. Каломарде оказался в центре политического кризиса в Испании в сентябре 1832 г. (события в Ла-Гранхе), когда группа придворных во главе с министром убедили находившегося при смерти короля отменить Прагматическую санкцию 1830 г. (документ, изменивший порядок престолонаследия и лишивший дон Карлоса королевской короны после смерти брата). Однако вслед за неожиданным выздоровлением Фердинанда VII победу в придворных интригах одержала «партия» королевцы. Ф. Т. Каломарде был отправлен в отставку, а в армии началась «чистка», во время которой ряд офицеров, сочувствовавших дону Карлосу, был уволен в запас⁷. Во время Первой Карлистской войны бывший министр находился в эмиграции во Франции; его деятельность после 1833 г. остается практически не изученной в исторической науке. Впоследствии Ф. Т. Каломарде подвергался критике и в традиционалистской, и в либеральной (классической), и в неокарлистской историографии⁸. В массовом сознании фигура министра стала неразрывно ассоциироваться со знаменитой фразой драматурга XX в. Х. Бенаvente, который употребил выражение «худшее правительство со времен Каломарде», характеризуя состав кабинета С. Касареса Кироги. Объективная оценка деятельности и личности Ф. Т. Каломарде по-прежнему остается актуальной проблемой в рамках изучения истории Испании XIX в.

Во французской версии книги указано, что в 1830 г. Ф. Т. Каломарде выступил против публикации Прагматической санкции и попытался отговорить Фердинанда VII от изменения законодательства о престолонаследии [2, р. 8], следовательно действовал как сторонник дон Карлоса. Король не прислушался к мнению своего министра юстиции, который был вынужден подчиниться и ввести в действие Прагматическую санкцию, испытывая при этом «глубокое сожаление» (*vif regret*) [2, р. 8].

Однако в испанском переводе два абзаца, посвященные действиям Ф. Т. Каломарде в 1830 г., опущены. Более того, текст 1837 г. указывает, что «большое количество роялистов» обвиняет Министров Фердинанда, в особенности Каломарде, за то, что они проявили слабость в данных обстоятельствах и за то, что этот последний не высказал опасений в связи с публикацией декрета, имевшего столь тяжелые последствия для страны» [14, р. 6–7]. Итак, из «верного карлиста» во французском оригинале Ф. Т. Каломарде превращается в испанском переводе в «пособника либералов» и одного из главных виновников того, что дон Карлос не стал монархом.

⁵ Relato del Barón de los Valles de su Audiencia con el Zar Nicolás I de Rusia. In: Ferrer M., Tejera D., Acedo J. F. *Historia del tradicionalismo español*. Sevilla: Ediciones Trajano, 1943, T. XIV. 181–186.

⁶ См. на эту тему [21].

⁷ См. подробный разбор событий в Ла-Гранхе в [22].

⁸ Об основных направлениях историографии Первой Карлистской войны см. [4, р. 6–9].

⁹ Realistas – термин, часто употребляемый применительно к испанским крайним правым 1820–1830-х гг.

Аналогичным образом кардинально меняется оценка действий министра в другой критический момент – во время кризиса 1832 г. Французская версия книги оценивает судьбоносное решение Ф. Т. Каломарде передать вырванный у короля декрет об отмене Прагматической санкции декану (*doyen*) Совета Кастилии как правильное в сложившихся обстоятельствах [2, р. 23–24]. Испанский текст «меняет знак» с плюса на минус и отмечает, что «сеньор Каломарде хотел (таким образом) снять с себя ответственность» [14, р. 21].

Внеся в текст незначительные, «косметические» модификации, барон де лос Вальес полностью изменил оценку деятельности Ф. Т. Каломарде. Это может быть обусловлено тем, что, по всей видимости, на начальном этапе конфликта Ф. Т. Каломарде пытался завязать контакты с доном Карлосом, рассчитывая занять видное положение в карлистском движении. О подобном намерении можно судить на основании других источников.

Так, 17 июля 1834 г. секретарь австрийского посольства во Франции граф Р. Аппони записал в своем дневнике (журнале), что Ф. Т. Каломарде создал в Париже некий комитет среди легитимистов, который ставит целью содействовать воцарению дона Карлоса в Испании [1, р. 443]. В 1835 г. барон де лос Вальес воспринимал бывшего министра как фигуру, представляющую интерес для движения. Однако два года спустя отношение карлистской верхушки к бывшему министру изменилось, что отразилось и в тексте 1837 г.

Другой пример изменения отношения к персонажу в испанском переводе – это оценка генерала В. Гонсалеса Морено. В июле 1835 г. он был назначен начальником Генерального штаба карлистской армии на севере Испании (фактически он выполнял функции главнокомандующего). В. Гонсалес Морено был выдвинут доном Карлосом как компромиссная фигура, которая должна была устраивать различные группировки в карлистском движении. Однако генерал потерпел чувствительное поражение в сражении при Мендигоррии (16 июля 1835 г.), настроил против себя большую часть армии и в октябре того же года был смещен. Он остался в составе движения, но вплоть до конца войны ключевых постов не занимал. Существенным недостатком В. Гонсалеса Морено в глазах многих карлистов было его происхождение: выходец с юга, он окружил себя офицерами из южной и центральной Испании, которые воспринимались наваррцами и басками как чужаки [6, р. 228–239].

Изменение отношения к В. Гонсалесу Морено заметно в испанском переводе книги барона де лос Вальес. Во французском оригинале начальнику Генерального штаба

давалась следующая характеристика: «Умелый и храбрый генерал, он оправдывает доверие, возложенное на него доном Карлосом за его опыт и преданность» [2, р. 208]. Испанский перевод сообщает о В. Гонсалесе Морено, что генерал находится «рядом со своим королем», но процитированная выше фраза выпущена из текста [14, р. 200].

В примерах с Ф. Т. Каломарде и В. Гонсалесом Морено испанский текст оказывается сокращенным по сравнению с французским. Однако в некоторых местах испанская версия содержит дополнения, которых нет в оригинале. В частности, в текст 1837 г. добавлены краткие биографии маршала (*mariscal de campo*; примерно соответствует генерал-майору; барон де лос Вальес неверно указывает его чин, называя данного персонажа полковником) Ф. Б. Эрасо [14, р. 194–195] и графа Л. П. де Вильмура [14, р. 195–197]. Летом 1835 г. Ф. Б. Эрасо короткое время выполнял обязанности начальника Генерального штаба (между гибелью Т. де Сумалакарреги 24 июня и назначением В. Гонсалеса Морено 4 июля). В сентябре 1835 г. Ф. Б. Эрасо скончался вследствие падения с лошади; в августе следующего года не стало уже престарелого Л. П. де Вильмура. Давая в сносках внизу страницы биографии данных персонажей, барон де лос Вальес пытался включить их в «пантеон» героев карлистского движения. Впрочем, впоследствии Ф. Б. Эрасо и Л. П. де Вильмур остались на периферии исторической памяти карлизма.

Стоит заметить, что в испанской версии содержатся смысловые изменения, касающиеся не только карлистов, но и их противников. Так, французский текст содержит описание разрушения баскского города Герника в августе 1834 г. войсками кристинос под командованием Ф. де Ириарте. В соответствии с рассказом барона де лос Вальес, город¹⁰ был сожжен правительственной армией, а на его месте была установлена табличка «Здесь была Герника» (*Ici fut Guernica*)¹¹ [2, р. 244]. Испанский перевод книги также содержит описание разрушения Герники, однако в качестве офицера, отдавшего приказ об уничтожении города, в тексте фигурирует не Ф. де Ириарте, а Б. Эспартеро [14, р. 238]. В 1835 г. Б. Эспартеро был малозаметной фигурой, но к 1837 г. он стал наиболее знакомым военачальником на стороне кристинос. 24–25 декабря 1836 г. этот генерал одержал крупную победу над карлистами в сражении при Лучане [24, р. 81–84]. После окончания Первой Карлистской войны Б. Эспартеро станет регентом королевства и будет фактически управлять Испанией (в 1840–1843 гг.). Заменяв одну фамилию в переводе, барон де лос Вальес попытался очертить одного из главных противников карлизма.

¹⁰ Впоследствии, в 1937 г., получивший известность как жертва бомбардировки германского легиона «Кондор».

¹¹ Очевидная отсылка к событиям Французской революции; в данном случае испанские либералы представляются автором книги как последователи якобинцев. Любопытно, что впоследствии данный образ использовался и в дискурсе кристинос: историк XIX в. А. Пирала, рассказывая о штурме Риполя карлистскими войсками в мае 1839 г., указывает, что город был разрушен, а на его месте был помещен знак «Здесь был Риполь» [23, р. 249]. Вопрос о том, действительно ли данные знаки устанавливались на месте разрушенных во время Первой Карлистской войны городов, представляется дискуссионным.

Испанская версия содержит изложение некоторых событий, не упоминающихся в оригинале. Заслуживает внимания предложенное бароном описание эпизода со взятием карлистами небольшого городка Вильяфранка в Наварре 28 ноября 1834 г. Данное событие, незначительное с военной точки зрения, в конце XIX в. вошло в испанскую литературу и стало одним из самых известных моментов конфликта. Взятие Вильяфранки подробно описано в романе Б. Переса Гальдоса «Сумалакарреги» [17, с. 124].

Вильяфранка, которую оборонял небольшой гарнизон кристинос, была легко захвачена карлистами. Солдаты правительственных войск укрылись на колокольне, и карлистам пришлось развести у подножия здания огромный костер, чтобы заставить противника сдаться. Пленные солдаты, в соответствии с распространенной на раннем этапе войны практикой, были расстреляны. Вместе с ними на колокольне находилось несколько женщин – их жен и подруг – которые избежали расправы, но, по свидетельству барона Г. дю Касса [25, р. 43], получили по удару плеткой лично от карлистского генерала Т. де Сумалакарреги. Взятие Вильяфранки нашло отражение в мемуарах ряда участников конфликта [25, р. 40–45; 26, р. 269–280; 27, р. 69–83; 28, р. 370–379].

Французская версия книги барона де лос Вальес не упоминает о событиях в Вильяфранке. Объективное описание действий карлистов (расстрел пленных, избиение их жен, едва не сожженная церковь) имело бы только негативный эффект с точки зрения пропаганды¹². Однако через год после публикации французской версии книги вышли воспоминания иностранных добровольцев в карлистской армии Ч. Ф. Хеннингсена [26] и А. Сабатье [27] с подробным рассказом о событиях в Вильяфранке. Данный эпизод получил широкую известность, и барон де лос Вальес решил добавить его в испанскую версию своего труда. Кроме того, барон не только переосмыслил действия карлистов, но и по-новому представил собственную роль в движении. В испанском тексте указано, что солдаты кристинос *терроризировали* население Вильяфранки, которое обратилось к Т. де Сумалакарреги с просьбой *освободить* их селение. По словам барона, карлисты не знали, как взять штурмом колокольню, но когда прибыл автор книги, он сначала распорядился развести костер рядом со зданием, а затем непосредственно руководил осадой. Текст 1837 г. утверждает, что спустившимся с колокольни женщинам была оказана медицинская помощь непосредственно главным врачом (*cirujano mayor*) карлистской армии; ни о каких ударах плеткой речи, естественно, не идет [14, р. 218–222].

Версия событий, изложенная в испанском варианте книги, может быть поставлена под сомнение, потому что из четырех процитированных выше мемуаристов об участии барона де лос Вальес в осаде колокольни в Вильяфранке упоминает только Ч. Ф. Хеннингсен, который указывает, что «барону де лос Вальес, только что прибывшему вместе с Королем (доном Карлосом), было поручено зажечь огонь (у колокольни)» [26, р. 274]. О руководстве осадой бароном или о том, что идея с костром принадлежала именно ему, британец ничего не пишет. Несмотря на попытку барона де лос Вальес преувеличить свою роль в событиях в Вильяфранке, Б. Перес Гальдос, включивший в свой роман многих реальных исторических персонажей, ни словом не упомянул об авторе книги «Глава из истории Карлоса V».

Отдельного рассмотрения заслуживают языковые особенности перевода на испанский язык по сравнению с французским оригиналом. Там, где это возможно, испанский текст старается максимально точно передавать экспрессивность французского; переводчик предпочитает использовать испанские лексемы, однокоренные использованным в оригинале французским. Так, договор о Четверном союзе 1834 г. (альянс Англии, Франции, Испании и Португалии, направленный против мигелистов и карлистов, например, см. [29, с. 396–397]) характеризуется во французском тексте как *monstrueux* [2, р. 159], в испанском – как *monstruoso* (чудовищный) [14, р. 151]; казнь карлистского генерала С. Ладрона, поднявшего восстание против мадридского правительства в октябре 1833 г. [4, р. 49], оценивается бароном де лос Вальес как *assassinat* [2, р. 68], а в испанской версии – *asesinato* (убийство) [14, р. 61].

В отдельных случаях лексические единицы, использованные в испанском тексте, приобретают значения, которых нет во французском. Оригинал 1835 г. называет иррегулярное подразделение Г. Хауреги, воевавшее против карлистов, *corps de partisans* (отряд партизан) [2, р. 70], но на испанском речь идет про *cuerpo de aventureros* [14, р. 65], т. е. отряд искателей приключений. Точным переводом было бы использование лексемы *guerrillero* или менее употребительной *partisano*. Хотя термин *aventurero* может иметь в испанском и положительные, и отрицательные коннотации, в данном контексте оценка барона имеет ярко выраженную негативную окраску. По всей видимости, употребленное в оригинале выражение показалось переводчику слишком нейтральным, и он решил усилить экспрессивность перевода.

¹² Само взятие Вильяфранки не было секретом, но в конце 1834 г. оно не привлекло к себе внимания в Европе. 21 декабря 1834 г. (2 января 1835 г.) в газете «Санкт-Петербургские ведомости» было опубликовано короткое сообщение о событиях в Вильяфранке. Российская газета перепечатала текст из французской *Mémoires Bordelais*, в соответствии с которым жертвами карлистов стали не солдаты, а мирные «граждане», заживо сожженные в церкви (sic!). При этом в газете сообщалось, что выбежавших из пожара женщин жестоко избили сами жители Вильяфранки (Санкт-Петербургские ведомости. 21.12.1834. № 297. С. 1154). Данная новость не выделялась на фоне многочисленных аналогичных сообщений о зверствах обеих сторон во время войны в Испании.

Закключение

Труд барона де лос Вальес «Глава из истории Карлоса V» имеет невысокую ценность как исторический источник. Рассмотренный пример с описанием взятия Вильяфранки карлистами показывает, что автор предлагает читателю значительно модифицированную версию реальных событий; по крайней мере, его описание данного эпизода сильно расходится с рассказом у других мемуаристов. В данном случае можно наблюдать распространение дезинформации, т. е. манипулирования «сознанием реципиента с целью ввести его в заблуждение путем передачи искаженной или неполной информации, посредством использования определенных коммуникативных стратегий и тактик» [30, с. 66]. Постоянные попытки воздействовать на читателя и применение приемов дезинформации позволяют рассматривать и французскую, и испанскую версии книги барона де лос Вальес как образец пропагандистского дискурса времен Первой Карлистской войны.

В то же время сравнительный анализ французской версии книги 1835 г. и испанской версии 1837 г. дает возможность сделать выводы относительно отношения руководства карлистским движением к некоторым историческим деятелям эпохи. Так, изменения, внесенные в испанский перевод, свидетельствуют о разрыве между карлистами

и бывшим министром Фердинанда VII Ф. Т. Каломарде. Кроме того, на примере эпизода с разрушением города Герника можно сделать вывод, что к 1837 г. карлисты воспринимали генерала Б. Эспартеро как одну из наиболее опасных фигур в противоположном лагере. В 1839–1840 гг. именно этот полководец добьется решающих успехов в войне с карлистами.

Книга барона де лос Вальес «Глава из истории Карлоса V» предлагает субъективный взгляд на Первую Карлистскую войну, однако анализ данного текста важен для понимания того, как карлисты видели самих себя и как они пытались представить свое «дело» иностранной аудитории. Анализ двух версий данного труда показывает, что даже текст, представляющий крайне субъективную точку зрения и вступающий в противоречие с другими источниками, представляет интерес для исторического исследования.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Apponyi R. *Journal du Comte Rodolphe Apponyi, attaché de l'ambassade d'Autriche à Paris. 1831–1834*. Paris: Plon-Nourrit et C, 1913, 527.
2. Saint-Sylvain L. X. A. *Un chapitre de l'histoire de Charles V, par le baron de los Valles, aide-de-camp du Roi d'Espagne, brigadier dans ses armées, chevalier pensionné de l'ordre de Charles III, et chevalier de l'ordre militaire de Saint-Ferdinand de seconde classe, etc.*, etc. Paris: Chez Dentu, 1835, 390.
3. Caridad Salvador A. *El ejército y las partidas carlistas en Valencia y Aragón, 1833–1840*. Valencia: Publicacions de la Universitat de València, 2013, 364.
4. Lawrence M. *Spain's First Carlist War, 1833–40*. Palgrave: Basingstoke, 2014, 283.
5. Василенко Ю. В. Генезис карлизма и проблемы типологии испанского консерватизма. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2016. Т. 16. № 1. С. 92–111. [Vasilenko Yu. V. Genesis of Carlism and problems of typology of Spanish conservatism. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*, 2016, 16(1): 92–111. (In Russ.)] EDN: WAEWVP
6. Albi de la Cuesta J. *El ejército carlista del norte (1833–1839)*. Madrid: Desperta Ferro Ediciones, 2017, 496.
7. Lawrence M. The First Carlist War (1833–40), insurgency, Ramón Cabrera, and expeditionary warfare. *Small Wars & Insurgencies*, 2019, 30(4–5): 797–817. <https://doi.org/10.1080/09592318.2019.1638539>
8. Caridad Salvador A. La historiografía reciente sobre el primer carlismo (2006–2018). *Studia historica. Historia contemporánea*, 2020, (38): 203–243. <https://doi.org/10.14201/shhcont382020201241>
9. Comesaña A. Armas inglesas para Don Carlos: el incidente de la "Express Packet". *Hispania: Revista española de historia*, 2018, LXXVIII(260): 731–758. <http://dx.doi.org/10.3989/hispania.2018.017>
10. *Letters of Dorothea, Princess Lieven, During Her Residence in London, 1812–1834*, ed. Robinson L. G. London-NY-Bombay: Longmans, Green, and Co, 1902, 414.
11. Urquijo Goitia J. R. El carlismo y Rusia. *Hispania: Revista española de historia*, 1988, 48(169): 599–624.
12. Вагизова В. В. Политическая карикатура как жанр поликодового текста в структуре в структуре пропагандистского дискурса. *Современные исследования социальных проблем*. 2021. Т. 13. № 2. С. 71–91. [Vagizova V. V. Political cartoon as a genre of polycode text within the propaganda discourse. *Modern Studies of Social Issues*, 2021, 13(2): 71–91. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2021-13-2-71-91>
13. Ochoa Brun M. A. *Historia de la diplomacia española*. Madrid: Ministerio de Asuntos Exteriores y de Cooperación, 2017, vol. XI, 698.

14. Saint-Sylvain L. X. A. *Un capítulo de la historia de Carlos V, por el Barón de los Valles, Edecán del Rey N.S., Brigadier de Sus Reales Ejércitos, Caballero pensionado de la Orden Español de Carlos III, y de la militar de segunda clase de S. Fernando, Oficial de la Secretaría de Estado, Secretario de S.M. con ejercicio de Decretos, etc., etc.* Perpiñán: Imprenta de Juan-Bautista Alzine, 1837, 354.
15. Pauquet A. Le Phare de Bayonne, un Journal frontalier face à la Première guerre carliste (novembre 1834 – mai 1836). *Aportes: Revista de historia contemporánea*, 2019, 34(100): 39–70.
16. Viscarri D. Augusto Ferrer-Dalmau: nostalgia, cultural angst, and the recovery of aesthetic Carlism. *Revista Canadiense de Estudios Hispánicos*, 2019, 43(3): 719–743.
17. Терещук А. А. Роман Бенито Переса Гальдоса «Сумалакарреги» и трансформации исторических мифов в литературе. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2020. Т. 12. № 2. С. 120–129. [Tereshchuk A. A. The Novel 'Zumalacárregui' by Benito Pérez Galdós and transformations of historical myths in literature. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2020, 12(2): 120–129. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2020-2-120-129>
18. Blanchard L. La defensa de la especificidad española frente al advenimiento de la cultura liberal (1833–1839). *Cahiers de civilisation espagnole contemporaine*. Angers: Hors série des CCEC, 2020. <https://doi.org/10.4000/ccec.9736>
19. Delano C. The gothic child and the signs of hate in Wenceslao Ayguals de Izco's *El tigre del Maestrazgo* (1846–1848). *Romance Notes*, 2021, 61(2): 331–340.
20. Hibbs-Lissorgues S. "Sueños nocturnos" y retropías en el tradicionalismo español. *Pasado y Memoria*, 2021, (23): 139–159. <https://doi.org/10.14198/PASADO2021.23.06>
21. Urquijo Goitia J. R. Tomás Zumalacárregui, literatura y mito. *Revista de historia Jerónimo Zurita*, 2011, (86): 249–280.
22. Suárez F. El golpe de estado de la Granja. *Revista de estudios políticos*, 1947, (35-36): 63–126.
23. Pirala A. *Historia de la guerra civil, y de los partidos liberal y carlista, segunda edicion, refundida, y aumentada con la historia de la Regencia de Espartero, por Don Antonio Pirala*. Madrid: Mellado, 1868, Tomo V, 680.
24. Oyazún R. *Historia del carlismo*. Valladolid: Maxtor, 2008, 509.
25. Du-Casse H. *Ecos de Navarra o Don Carlos y Zumalacárregui. Hechos históricos, detalles curiosos y recuerdos de un oficial carlista*. Madrid, 1840, 158.
26. Henningsen C. F. *The most striking events of a twelvemonth's campaign with Zumalacarregui in Navarre and the Basque Provinces*. By C. F. Henningsen, captain of lancers in the service of Don Carlos. London: John Murray, Albemarle-street, 1836, vol. I, 302.
27. Sabatier A. Tio Tomas. *Souvenirs d'un soldat de Charles V, par Alexis Sabatier, lieutenant-colonel d'infanterie au service d'Espagne, deux fois chevalier de première classe de l'ordre royal et militaire de Saint-Ferdinand*. Bordeaux: Chez Granet, 1836, 211.
28. Zaratiegui J. A. *Vida y hechos de don Tomás Zumalacárregui, Duque de la Victoria, Conde de Zumalacárregui y Capitán General del Ejército de S. M. don Carlos V / por el general del mismo ejército, J. A. Zaratiegui*. Paris: Imprenta de Lacour y Comp., 1845, 611.
29. Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая Первого. СПб: Тип. И. Н. Скороходова, 1887. 642 с. [Tatishchev S. S. *The international policy of the Emperor Nicholas I*. St. Petersburg: Tip. I. N. Skorokhodova, 1887, 642. (In Russ.)]
30. Макурова Д. А. К вопросу о типах и приемах дезинформации. *Актуальные проблемы филологии и лингводидактики: мат-лы Второй Всерос. конф. с Междунар. уч. (Нижний Новгород, 21–22 мая 2021 г.)* Н. Новгород: НГЛУ, 2021. С. 65–70. [Makurova D. A. On the issue of types and methods of disinformation. *Relevant issues of philology and linguadidactics: Proc. 2nd All-Russian Conf. with Intern. participation, Nizhny Novgorod, 21–22 May 2021*. Nizhny Novgorod: NSLU, 2021, 65–70. (In Russ.)] EDN: EBXCGN

Подписано к печати 01.11.2022.

Дата выхода в свет 08.11.2022.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А4. Усл. печ. л. – 15,57. Уч.-изд. л. – 16.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.